

91171

C-302

92

159722

91
C. 292

43

ОТЕЧЕСТВОВЪДЪБНІЕ.

РОССІЯ
по
РАЗСКАЗАМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ
и
УЧЕНЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНИЯМЪ.

УЧЕБНОЕ ПОСОВІЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

СОСТАВИЛЪ
Д. Семеновъ.

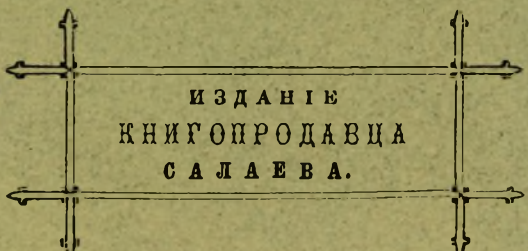

ТОМЪ II.

ЮЖНЫЙ КРАЙ.

Малороссія, Новороссія, Крымъ и Земли Донскаго и
Черноморскаго войска.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія,
какъ весьма полезное пособіе.

ИЗДАНИЕ
КНИГОПРОДАВЦА
САЛАЕВА.

МОСКВА.

Типографія С. Орлова, у Бородинскаго моста, д. Сорохтиной.

1879.

2/5
18035-01

ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЕ.

91(47)
с 301

РОССІЯ

ПО

РАЗСКАЗАМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ

И

УЧЕНЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНИЯМЪ.

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

СОСТАВИЛЪ

Д. Семеновъ.

ТОМЪ II.

ЮЖНЫЙ КРАЙ.

Малороссія, Новороссія, Крымъ и Земли Донскаго и
Черноморскаго войска.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ИЗДАНИЕ
КНИГОПРОДАВЦА
САЛАЕВА.

МОСКВА.

Типографія С. Орлова, у Бородинскаго моста, д. Сорохтиной.

1879.

Мил. 2848

3032

91/471

1974

№ 782

842

III. Ю Ж Н Ы Й   К Р А Й .

1. ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ МАЛОРОССІИ.

(Ст. К. Ушинскаго.)

Мѣстность Европейской Россіи, при сравненіи ея съ мѣстностью западной Европы, представляется крайне однообразною. На западѣ, Альпы, помѣстившись въ центрѣ и разбросивъ свои отрасли во всѣ стороны, раздѣлили и оразнообразили этотъ небольшой полуостровъ стараго свѣта, расчленили его на множество странъ и придали, въ совокупности съ врѣзавшимися въ материкъ морями, отличительный и рѣзкій характеръ каждой странѣ, который въ продолженіе тысячелѣтій отражался и продолжаетъ до сихъ поръ отражаться въ характерѣ и исторіи многочисленныхъ населеній, или смѣнявшихъ другъ друга, или наседавшихъ одно на другое. Не смотря на всю обобщающую силу европейской цивилизаціи, природныя формы все еще продолжаютъ дѣйствовать на характеръ и исторію народа, хотя уже не съ прежнею неодолимостію. Не то совершенно видимъ мы въ восточной половинѣ Европы, занимаемой почти исключительно Европейскою Россіею. Здѣсь горныя группы и кряжи разбросаны только кое-гдѣ по окраинамъ, середина же едва-едва взволнована, и море, нигдѣ не врываясь въ середину материка, едва вдается въ окраины. Вслѣдствіе чего вся эта громадная мѣстность представляется намъ сплошною равниною, которая походила бы на пустыню, гдѣ сѣверъ и югъ, востокъ и западъ не знаютъ другъ о другѣ, если бы не была проникнута богатѣйшею въ мірѣ рѣчною системою, почти связанною

въ центрѣ и расходящагося въ четыре моря по тремъ странамъ свѣта.

Однакоже, это разнообразіе русской равнины исчезаетъ при внимательномъ ея разсматриваніи, и теперь еще, когда одно господствующее племя одного языка или одной вѣры, общая тысячелѣтняя исторія и общее государственное устройство распространились отъ центра этой равнины до самыхъ крайнихъ ея предѣловъ, и теперь еще путешественникъ, побывавшій и въ средней Россіи, и въ Малороссіи, и въ новороссійскихъ степяхъ, и въ вологодскихъ лѣсахъ, сравнивая свои впечатлѣнія, находитъ, что эта почти повсюду одинаково ровная мѣстность не лишена однакожъ замѣчательнаго разнообразія.

Все это разнообразіе легко подводится подъ три основныя типа: равнину обработанную, земледѣльческую, степь полуобработанную, полупастушескую и болотистую лѣсную низменность, богатую пушнымъ звѣремъ и укрывающую еще и теперь коегдѣ полубродячее звѣроловное населеніе. Каждый изъ этихъ типовъ имѣетъ еще свои подраздѣленія, такъ напр., южныя степи очевидно распадаются на три отдѣла: богатая, луговая, полуобработанныя степи Новороссіи необыкновенно ровны, песчаная или хрящеватая степи прикаспійскія и взволнованныя отрогами Урала, степи оренбургскія.

Еще рѣзче должно было быть это впечатлѣніе, если бы путешественникъ могъ перенестись за тысячу лѣтъ назадъ и бросить взглядъ на русскую землю при началѣ ея государственной исторіи, когда лѣса ея простирались гораздо дальше и были непроходимы, когда славянское племя, съ топоромъ въ рукахъ, съ сохою и косою, проникало по разнымъ системамъ въ этотъ лѣсной океанъ и истребляло лѣса съ тѣмъ ожесточеніемъ, слѣды котораго и теперь остались въ характерѣ великоруса, когда степь была несравненно безлюднѣе и, давая пріютъ кочевникамъ, нигдѣ не представляла постоянныхъ жилищъ, когда земледѣльская равнина была очерчена рѣзко и сгущивалась до предѣла нынѣшней коренной Малороссіи, побережьями Днѣпра и низовьями его среднихъ притоковъ. Каждая изъ этихъ типическихъ мѣстностей вызвала въ своемъ населеніи особый образъ

жизни, а потому и имѣла каждая своимъ представителемъ особое племя.

Болотистая, лѣсистая равнина предлагала богатый звѣриный промыселъ и отчасти торговлю по тѣмъ безчисленнымъ рѣкамъ, которыя питались въ ея непроглядныхъ дебряхъ. Представителемъ этой мѣстности было загадочное, темное финское племя, населявшее когда-то весь сѣверъ стараго свѣта отъ береговъ Эйдера и, можетъ быть, западнѣе до береговъ Камчатки, племя звѣроловное, чаще бродячее, чѣмъ осѣдлое, изрѣдка кое-гдѣ создавшее стародавніе торговые центры, племя страдательное, исчезающее съ вырубкою лѣсовъ, улечучивающееся съ высушкою болотъ и едва оставляющее свой слѣдъ въ названіи мѣстностей и въ нѣсколькихъ десяткахъ словъ, оставшихся въ языкѣ племени, которое смѣняло и поглощало финновъ. Трудно было бы опредѣлить роль, которую играло это страдательное племя въ русской цивилизаціи. Мы видимъ его во многихъ мѣстахъ еще сильнымъ и упорнымъ въ XIV и XV столѣтіяхъ; мы видимъ его довольно еще многочисленнымъ даже въ концѣ прошедшаго столѣтія, когда Палласъ и Лепехинъ находили чисто мордовскія и чувашскія села тамъ, гдѣ нынѣ даже женщины не говорятъ на другомъ языкѣ, кромѣ русскаго. Но кто же скажетъ, какой вкладъ въ цивилизацію Россіи внесло это племя, продолжающее исчезать или, лучше, превращаться въ русскихъ? Едва ли дало оно что-нибудь другое, кромѣ матеріальной силы? Оно ускорило занятіе Россіи славянскимъ племенемъ, какъ потому, что давало вначалѣ матеріальное богатство этому племени, умѣвшему пользоваться слабостію туземцевъ, какъ въ настоящее время зыряне пользуются слабостію самоѣдовъ, такъ и потому, что, легко превращаясь въ русскихъ, оно увеличивало собою численность русскаго населенія, которое, предоставленное самому себѣ, не могло бы умножаться и распространяться такъ быстро.

Совсѣмъ другаго рода представителя имѣла степь. Она, по самой природѣ своей, не разбрасывала своихъ населеній, но собирала ихъ въ громадныя кочующія массы, раздѣленные между собою большими пустынными пространствами. Степь наша есть

только небольшой уголокъ средне-азіятскихъ степей, ворвавшихся въ Европу. Открываясь широкими воротами въ среднюю Азію на берегахъ Урала и Волги, степной уголокъ этотъ все суживается по направленію къ западу и наконецъ замираетъ за Дунаемъ въ Татарскомъ Буджакѣ и за Карпатами въ венгерскихъ *пуцахъ*. Поэтому естественно, что и населеніе этой степи постоянно приливало изъ средней Азіи, состоя то въ чисто монгольскихъ ордахъ, то въ турецкихъ, преимущественно названныхъ у насъ татарами, то въ безобразномъ смѣшеніи татаро-монгольскихъ племенъ съ финнами, которыхъ средне-азіатское теченіе народовъ захватывало на южныхъ окраинахъ Сибири и на Уралѣ. Не будучи въ состояніи проникать въ лѣсистый сѣверъ, гдѣ мало было приволья многочисленнымъ стадамъ, кочевники эти были наиболѣе опасны для приднѣпровской земледѣльской равнины, и хотя не могли остановиться въ ней на долго, не находя безграничныхъ степныхъ луговъ для своихъ стадъ, но могли проникать далеко съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ; не могли они также перешагнуть Карпаты, но могли, не измѣняя образа жизни, перейти за Дунай и проникнуть даже, хотя съ трудомъ, въ ту котловину, гдѣ засѣло одно изъ такихъ же кочующихъ племенъ—венгерское.

Представителемъ земледѣльской равнины былъ единственно славянинъ и, главнымъ образомъ, то славянское племя, которое сѣло по среднему теченію Днѣпра и не перебралось на сѣверъ далѣе Дисны, не дошло и на востокъ до истоковъ Оки; племя, изъ котораго съ теченіемъ времени образовалось нынѣшнее населеніе Малороссіи.

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ изложенію особенностей малороссійской мѣстности и малороссійскаго племени, будетъ не лишнимъ еще бросить взглядъ на общее свойство всѣхъ этихъ трехъ различныхъ типовъ русской земли.

Не смотря на все свое типическое разнообразіе, равнина, степь и болотистые лѣса имѣютъ то общее между собою, что не представляютъ ничего постоянного, неодолимаго, въ родѣ западныхъ Альповъ и западныхъ заливовъ. Равнина, степь и лѣсистое болото, какъ ни разнообразны тѣ условія жизни, ко-

торыя ими предлагаются своимъ обитателямъ, легко переходятъ одно въ другое. Кочевникъ истреблялъ села, выжигалъ лѣса и расширялъ предѣлы степи, земледѣлецъ вырубалъ лѣса, осушалъ болота и расширялъ предѣлы равнины, подвигая земледѣліе и осѣдлую жизнь съ береговъ Оки до береговъ Амура. Не такъ-то легко поддавалась степь, равно какъ и ея населеніе, вліянію другихъ племенъ; она дольше, чѣмъ лѣсъ, сохранила свою дикую независимость и свой первобытный характеръ; но теперь и она покрывается селами и городами, луга замѣняются нивами, и если посадки лѣсовъ въ степяхъ до сихъ поръ оказываются неудачными, то, безъ сомнѣнія, только потому, что на этотъ предметъ не было обращено особеннаго вниманія, что это были покуда казенныя пробы, а не дѣло частной предпріимчивости, и что, наконецъ, старались не расширять лѣса отъ сѣвера къ югу, а заводить ихъ вновь въ самой глубинѣ степей, гдѣ молодые посадки ничѣмъ не были защищены отъ всевозможныхъ вѣтровъ. Итакъ, цивилизующее вліяніе имѣла равнина и ея славянское и земледѣльческое населеніе и изъ маленькой страны, ограничившейся, можетъ быть, побережьемъ Днѣпра, земледѣльческая равнина разошлась по лицу всей Европейской Россіи, уперлась въ Кавказъ и Бѣлое море, перешагнула за Уралъ и внесла осѣдлую жизнь, земледѣліе, христіанство и начатки европейской цивилизаціи даже до береговъ Амура.

Шлёцеръ довольно удачно сравниваетъ открытіе и населеніе русскими сѣвера Европы и Азіи съ открытіемъ Америки; но онъ могъ бы еще прибавить, что русскіе открыли христіанству, европейской цивилизаціи и славянскому племени почти весь сѣверъ земнаго шара съ гораздо бѣльшимъ трудомъ и гораздо мѣньшимъ пролитіемъ крови, чѣмъ западные европейцы Америку. Въ богатыхъ, разнообразныхъ, роскошныхъ странахъ Америки, уже воздѣланныхъ аборигенами, покрытыхъ селами и городами, было гораздо пріятнѣе и удобнѣе расхаживать, чѣмъ въ сѣверныхъ пустыняхъ.

Но въ этомъ движеніи на сѣверо-востокъ и въ этой великой заслугѣ передъ исторіею мало принимало матеріальнаго участія

славянское племя, осѣвшее на счастливыхъ прибрежьяхъ средняго Днѣпра, хотя много, можетъ быть, содѣйствовало ему духовно, поддерживая въ смѣлыхъ, предприимчивыхъ колонистахъ духъ христіанства, прирожденное начало европеизма, славянского братства и русскаго единства.

Колонизація сѣверо-востока шла двумя рѣчными путями. Съ одной стороны ее разносило новгородское племя по той великой рѣчной системѣ, которая, за исключеніемъ небольшихъ волоковъ, связывала Балтійское море съ Каспійскимъ и Бѣлымъ. Новгородское племя, столь близкое по языку племени полянъ, забравшись дальше къ сѣверу, проникнувъ какъ-то черезъ Бѣлорусскія тущобы, попало на такую мѣстность, на такую всемірную систему рѣкъ, озеръ и морей, что если бы это племя даже обладало вначалѣ земледѣльческимъ характеромъ, то должно было измѣнить ему и увлечься на путь торговли и далекихъ колонизацій. Трудно было бы устоять противъ такого неотразимаго географическаго типа. И вотъ колонизація новгородцевъ пошла на сѣверъ, на востокъ и, повинаясь теченію Волги, повернула къ югу. Здѣсь она должна была столкнуться съ другою славянскою колонизаціею, обладавшею совершенно другимъ характеромъ.

Мы не знаемъ ни того, когда славяне поселились по берегамъ Днѣпра и на Ильменѣ; не знаемъ и того, когда они въ первый разъ попали на истоки Оки, этой центральной великорусской рѣки, такой же центральной и такой же великорусской, какъ Днѣпръ—центральная рѣка Малороссіи. Но названія мѣстностей, рѣкъ, городовъ и различныхъ урочищъ въ центральной Россіи указываютъ ясно, что аборигенами этой мѣстности были тѣ же финскія племена, которыя когда-то составляли единственное населеніе почти всего сѣвера и исчезли почти также безъ слѣда около Москвы, какъ и на полуостровѣ Ютландіи.

Мы не знаемъ также, какъ совершалось это движеніе славянскаго племени къ центру Россіи по системѣ Оки и ея притоковъ, но можемъ предполагать, что граница между тѣмъ славянскимъ племенемъ, которое двинулось на сѣверо-востокъ и

тѣмъ, которое осталось на плодородныхъ равнинахъ Малороссіи, проходило тамъ же, гдѣ проходить и теперь между великорусскимъ и малороссійскимъ племенами, а именно по водораздѣлу между Десною и Окою, который давно было бы пора прорѣзать или каналами или желѣзными дорогами. Здѣсь же дольше, чѣмъ гдѣ-нибудь держалась часто передвигавшаяся граница между Московіею и Польшею. Это была полоса земли мало заселенная, потому что земледѣльну грозила здѣсь вѣчная опасность.

Мы можемъ также предполагать, что и движеніе срединныхъ славянскихъ племенъ совершалось также по рѣкамъ, какъ и движеніе племени новгородцевъ, съ тою только разницею, что новгородцы ѣздили по самой рѣкѣ и главнымъ образомъ основывали торговые центры, склады товаровъ, мало заботясь о земледѣліи; славянское же племя, спускавшееся по теченію рѣки и ея притокамъ, подвигалось по берегамъ, вырубая и выжигая лѣса, осушая болота, основывая деревни и села и забрасывая *починки* все дальше и дальше въ лѣсную глушь.

Это, конечно, также предположеніе, но довольно вѣроятное. Оно подтверждается тѣмъ, что рѣки въ глуши болотистыхъ лѣсовъ, какими, безъ сомнѣнія, была покрыта тогда средняя Россія, играли роль осушающихъ каналовъ, такъ что по берегамъ ихъ удобнѣе было селиться и разрабатывать землю. Такую именно роль играютъ въ настоящее время рѣки въ тѣхъ страшно болотистыхъ лѣсахъ, которыми покрытъ холмистый водораздѣлъ между притоками Балтійскаго и Каспійскаго морей. Тамъ если вы не захотите затонуть въ болотѣ, держитесь берега рѣки всегда болѣе сухаго и избѣгайте вершинъ, гдѣ непременно болото, такъ что два понятія — мѣсто низкое и мѣсто топкое — вовсе здѣсь не сходятся.

Присматриваясь теперь къ размѣщенію селъ и деревень центральныхъ великорусскихъ губерній, мы и теперь можемъ подмѣтить слѣды этого давняго расселенія по рѣкамъ и замѣтимъ, что старинныя села окружены своими поселками и деревнями, бывшими починками, какъ сѣдой великорусскій дѣдъ своими дѣтьми и внуками.

Ничего подобнаго не замѣтимъ мы на приднѣпровской равнинѣ. Здѣсь нѣтъ деревень, если только онѣ не созданы какою-нибудь прихотью, нарушающею исторію, а только большія старинныя села, размѣщенные въ безпорядкѣ, бѣльшею частію, по красивымъ мѣстностямъ, и хутора, разбросанные повсюду. Здѣсь вы не замѣчаете никакого слѣда колонизаціи, чуждаго краю. Здѣсь всѣ урочища понятны славянину и напоминаютъ не о чуждомъ, исчезнувшемъ племени, а о старинныхъ славянскихъ населеніяхъ, разбросанныхъ гдѣ-нибудь у подошвы Карпатовъ или за Дунаемъ.

Уже Несторъ описываетъ намъ племя полянъ тихимъ, кроткимъ, по преимуществу земледѣльческимъ, съ гуманными обычаями, свойственными стародавнему земледѣльцу, почти такимъ же, какимъ мы видимъ и въ настоящее время коренныхъ жителей этой мѣстности. Но этого мало. Какъ бы мы ни приурочивали сказанія Геродота о земледѣльческихъ будинахъ и скиѣхъ-земледѣльцахъ, столь противоположныхъ окружающимъ ихъ дикимъ звѣрскимъ племенамъ, мы легче всего укажемъ имъ мѣсто тамъ, гдѣ жили потомъ поляне.

Конечно, никто не можетъ, да и не станетъ доказывать, что поляне, будины и скиѣ-земледѣльцы одного и того же племени; но довольно съ насъ и того, если эти указанія наведутъ насъ на мысль, что приднѣпровская равнина была равниною, и притомъ земледѣльческою равниною, съ незапамятныхъ временъ. Однакоже, если никто не будетъ доказывать, что скиѣ-земледѣльцы и поляне не одно и то же племя, то нѣтъ никакой нужды въ доказательствахъ того, что поляне и нынѣшніе малороссіане одно и то же земледѣльческое племя, не измѣнившее ни своего мѣста, ни своего земледѣльческаго характера въ продолженіе по крайней мѣрѣ 12-ти вѣковъ. Этою стародавностію земледѣлія и осѣдлостью, этимъ вѣковѣчнымъ земледѣльческимъ бытомъ, проникшимъ насквозь всю природу человѣка, дышитъ Малороссія и ея населеніе. Въѣзжая на малороссійскую равнину съ какой бы то ни было стороны: съ великорусской ли, срединной, холмистой возвышенности, упирающейся въ Днѣпръ уступомъ, на которомъ стоитъ Смоленскъ, эта пограничная

крѣпость великой Россіи, этотъ южный Орѣшекъ; съ бѣлорусскихъ ли песчаноглинистыхъ пространствъ, ограниченныхъ съ юга теченіемъ Десны; изъ лѣсистой ли Литвы по берегамъ Припети; изъ южныхъ ли степей, недавно населенныхъ, — вы невольно замѣчаете, что вѣхали въ особенную страну, страну какой-то тишины, неподвижности, словомъ, въ страну вѣковѣчно земледѣльческую.

Этотъ характеръ вѣковѣчной равнины, съ незапамятныхъ временъ кормившей и продолжающей кормить безжизненные поколѣнія одного и того же племени, ярко отражается и въ характерѣ населенія, крѣпко связаннаго съ своею землею, тихаго, неподвижнаго, въ которомъ весь бытъ сложился по условіямъ земледѣлія, у котораго всѣ обычаи, всѣ преданія, всѣ пѣсни проникнуты земледѣльческимъ характеромъ. Правда, и въ великорусской равнинѣ, почти что на глазахъ исторіи расчищенной изъ-подъ лѣсовъ и болотъ, земледѣліе играетъ важную роль, но далеко не исключительно поглощаетъ дѣятельность жителей. Здѣсь, въ подспорье земледѣлію, идетъ и дѣятельная торговля, и множество различныхъ промысловъ. Въ великорусѣ вы не замѣтите той привязанности къ землѣ, онъ не задумается бросить свою деревню надолго и даже выселиться изъ нея навсегда; напротивъ, это переселеніе куда-то вдаль, на молочныя рѣчки съ кисельными берегами, составляетъ его любимую мечту. Если мы не видимъ уже теперь того неудержимаго, какъ судьба, историческаго стремленія, которое влекло когда-то славянскія племена по берегамъ Оки, Волги, Камы, Оби, Иртыша и до береговъ Амура, то тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы это стремленіе вовсе уже затихло. И теперь еще цѣлыя села, заслышавъ о какомъ-то далекомъ Амурѣ, не задумаются бросить свои жилища и богатые нивы и, забравъ своихъ женъ и дѣтей, отправятся въ двухъ годовое странствованіе по пустынямъ Сибири. (*)

(*) Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одно огромное село Оренбургской губерніи, въ которомъ приходилось десятины по восьми черноземной земли, собиралось все идти на Амуръ.

Слѣды глубокихъ историческихъ движеній остались и теперь въ характерѣ обоихъ племенъ. Малороссъ и теперь не безъ удивленія, смѣшаннаго съ ироніей, смотритъ на бойкаго владимірца, затесавшагося въ глубь Малороссіи, продавать дивчатамъ стежки и гаплички.

Но земледѣльческій характеръ—тихій, ясный, спокойный—не исчерпываетъ всѣхъ особенностей малороссійскаго племени. Мы видимъ, что тотъ же самый малороссіянинъ, который такъ неподвиженъ и спокоенъ у себя дома, являлся самымъ отважнымъ воиномъ, искателемъ приключеній, словомъ, казакомъ, для котораго самые далекіе походы, трудности и военныя опасности были любимую забавою, который на лодкѣ ѣздилъ по бурному Черному морю, нападая на громадныя, турецкіе корабли, и ходилъ съ товариществомъ погулять и пограбить по берегамъ Анатолиі, но, не забудемъ, никогда не силился нигдѣ и подь старость возвращался въ свой малороссійскій хуторъ, если не слагалъ буйной головы въ какой-нибудь стычкѣ. Это другая сторона малороссійскаго характера, примиряющая въ себѣ эти двѣ крайности. Можетъ быть, это противорѣчіе было прирожденнымъ качествомъ племени, а можетъ быть развилось подь вліяніемъ историческихъ условій. Земледѣльческое, трудолюбивое и потому всегда достаточное племя не могло сохранить своей независимости безъ военнаго мужества. Коренную Малороссію всегда, съ самыхъ давнихъ поръ, со всѣхъ сторонъ окружали опасныя враги, готовые всегда поживиться на ея тучныхъ поляхъ и обратить въ рабство ея трудолюбивое племя. Малорусскій поэтъ не даромъ сравниваетъ свою отчизну съ чайкою, которая вывела дѣтокъ при большой дорогѣ. Въ такомъ положеніи, безъ естественныхъ защищающихъ границъ, земледѣльческое племя Малороссіи должно было или превратиться въ рабовъ и играть такую роль, какую играютъ таджики въ Персіи, упитывающіе своимъ потомъ и своею кровью полукочевую, излѣнившуюся орду, или высылать лучшихъ своихъ сыновъ на постоянную борьбу съ врагами. Малороссіяне умѣли не только обрабатывать свою землю, но и защищать ее, и если подавались чуждому игу, то и сбрасывали его съ неудержимою си-

лою,—до тѣхъ поръ, пока первое выработавшееся славянское государство не приняло ихъ подъ крылья своего орла, и Малороссія не только умѣла защищаться, но и наводить страхъ на самыхъ отдаленныхъ враговъ. Вотъ изъ какихъ историческихъ условій выработалась та военная доблесть малороссіянъ, которая и теперь жива въ черноморскихъ казакахъ, которая еще недавно удивляла всю Европу въ знаменитыхъ пластунахъ. Англійскій историкъ послѣдней войны, удивляющійся мужеству этихъ сыновъ Черноморья, удивляется тому же самому малороссійскому характеру, который, лѣтъ 300 тому назадъ, поражалъ изумленіемъ иностранныхъ путешественниковъ, заглядывавшихъ изрѣдка въ Польшу и Россію.

2. ЧЕРНОЗЕМЬ.

Физическія и химическія свойства чернозема. — Мнѣнія различныхъ ученыхъ о происхожденіи чернозема. — Черноземныя губерніи. — Флора и Фауна черноземной области.

(По Рунрехту и Бскетову.)

Главный источникъ богатства южнаго края заключается въ его въ высшей степени плодородной черноземной почвѣ.

Черноземъ — черная или черноватая, очень тонко раздробленная почва. Будучи высушена, она обращается въ тонкую пыль, и, поднятая вѣтромъ, долго носится по воздуху. Если вы проѣзжаете по черноземной области въ сухое время, эта тонкая пыль обсыплетъ васъ всего и сдѣлаетъ похожимъ на кузнеца, она проникаетъ даже въ хорошо закупоренную поклажу. Разсматривая кусокъ чернозема, вы съ перваго же взгляда замѣтите въ немъ, во-первыхъ *перегной*, (*) такъ называются частицы растеній находящіяся въ тлѣніи; а во-вторыхъ очень много кремнезема (**) въ видѣ мелкаго песку. Грубаго же песку или камней въ черноземѣ вовсе нѣтъ. Иногда же чер-

(*) Перегной въ дѣйственной почвѣ сверху до 12%, глубже 8% и еще глубже 5³/₄%, въ неунавоженной пахатной почвѣ 8¹/₄%, въ унавоженной 18%.

(**) Изъ кремнезема образуются, какъ извѣстно, песчаники, горный хрусталь, кварцы и другіе.

ноземъ бываетъ болѣе глинистъ, чѣмъ песчанъ: въ такомъ случаѣ, онъ, въ сыромъ состояніи, дѣлается вязокъ и мягокъ, а при высушиваніи твердъ, какъ камень. Въ оврагахъ можно замѣтить, какъ на песчаноглинистой подпочвѣ лежитъ, по большей части, очень рѣзко обозначенный верхній слой чернозема. Этотъ слой обыкновенно имѣетъ глубины отъ 2-хъ до 5-ти футовъ, а иногда даже до 15 футовъ и болѣе. Черноземъ встрѣчается на гребняхъ горъ и холмовъ точно такъ же, какъ на ихъ отлогостяхъ и долинахъ. Напр. у Курска черноземъ встрѣчается на высотѣ 813 футовъ, на Донцѣ 600 футовъ и т. д.

Необыкновенное плодородіе чернозема зависитъ отъ многихъ причинъ. Во-первыхъ, перегной чернозема содержитъ въ себѣ много азота, а чѣмъ болѣе азота въ почвѣ, тѣмъ болѣе въ зернахъ образуется клейковины, вещества весьма необходимаго для питанія человѣческой крови. (*) Во-вторыхъ, чрезвычайная рыхлость и сыпучесть чернозема позволяетъ водѣ и воздуху проникать къ самымъ корнямъ и даетъ имъ возможность проростать глубоко. Кромѣ того, подобную почву, не имѣющую камней и грубаго песку, очень легко вспахивать даже безъ желѣзной оправы на сохѣ. Въ-третьихъ, черноземъ обладаетъ большою способностью нагрѣваться, по причинѣ песчанаго свойства и чернаго цвѣта; но вмѣстѣ съ тѣмъ вода, въ большомъ количествѣ всасываясь въ черноземъ, не можетъ сильно испаряться, такъ что черноземъ не скоро высыхаетъ. Вообще черноземъ — самая лучшая почва для пшеницы. Для картофеля же онъ не удобенъ, потому что содержитъ въ себѣ много влажности, отъ которой картофель подвергается гніенію; для него необходима исключительно песчаная, быстро высыхающая почва.

Первыя точныя микроскопическія наблюденія надъ черноземомъ были произведены Эренбергомъ и Вейссе. Распустивъ въ водѣ кусокъ чернозема и разсмотрѣвъ его подъ микроскопомъ, они увидѣли множество безформенныхъ частицъ песку, смѣ-

---

(*) Клейковиной называется питательное вещество, имѣющее сходство съ бѣлкомъ.

шанныхъ съ черными безформенными же хлопьями перегноя и такъ называемыми фитолитаріями. Нѣкоторые изъ этихъ фитолитарій суть инфузоріи, другіе—остатки растительнаго царства, по большей части, наружныя кожицы и волосы, снабженные кремнистымъ панциремъ.

Эренбергъ принимаетъ черноземъ за отложившуюся лѣсную почву, т. е. почву, которая произошла отъ разрушенія и гніенія лѣса, потому что тѣ же самыя микроскопическія формы, какія онъ замѣтилъ въ черноземѣ, были имъ наблюдаемы и въ обыкновенной лѣсной почвѣ. Но это мнѣніе не можетъ быть принято, потому что столь однородная почва, какъ черноземъ, могла образоваться только изъ однородныхъ растеній, между тѣмъ черноземъ занимаетъ огромное пространство, и нѣтъ никакой возможности предполагать, чтобы на такомъ огромномъ пространствѣ росли только однородныя растенія. Кромѣ того черноземъ встрѣчается только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ никогда не было лѣсовъ, а если бы они были во времена доисторическія, то и теперь можно было бы достать гдѣ-нибудь изъ-подъ земли остатки или отпечатки вѣтвей, стволовъ или корней, чего однако не бываетъ.

Основываясь на этихъ микроскопическихъ наблюденіяхъ, приведемъ мнѣнія нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ относительно происхожденія чернозема. Такъ напр. Эрманъ и Эли де Бомонъ сравниваютъ черноземъ съ лёсомъ (Löss) рейнской долины отъ Базеля до Андернаха. Лёсъ представляетъ плодородную, рыхлую почву, рѣзко отдѣляющуюся отъ близлежащей глины. Но между черноземомъ и лёсомъ существуетъ огромная разница: въ лёсѣ находится много превращенныхъ въ известь прѣсноводныхъ и сухопутныхъ раковинъ — видовъ, живущихъ до настоящаго времени; въ черноземѣ же нѣтъ никакихъ раковинъ.

Мурчисонъ нашелъ поразительное сходство между черноземомъ и хлопчатобумажной почвой Индостана (регуромъ,) который также занимаетъ большія пространства и имѣетъ черноватый цвѣтъ; онъ считаетъ и черноземъ и регуръ за морской иль и полагаетъ, что этотъ иль получилъ свой азотъ и свой черный цвѣтъ отъ сгнившихъ водорослей и микроскопическихъ

животныхъ. Мурчисонъ также думаетъ, что сѣверное водное теченіе принесло этотъ илъ и оставило его. (*) Но это мнѣніе опровергается тѣмъ, что въ черноземѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ морскихъ раковинъ, а онѣ непременно находились бы, если бы только черноземъ былъ морскимъ иломъ.

Эйхвальдъ и Людвигъ думаютъ, что южная Россія въ древности была покрыта огромными торфяными болотами, и что черноземъ образовался изъ высохшаго торфа. Но противники этого мнѣнія доказываютъ, что почти $\frac{3}{4}$ чернозема состоитъ изъ кремнезема; между тѣмъ, какъ торфъ содержитъ въ себѣ очень немного кремнезема (менѣе 6⁰/о.) Кромѣ того, самыя глубокіе торфяники имѣютъ не болѣе 40 ф. глубины и при полномъ истлѣваніи сжались бы до самаго ничтожнаго слоя.

Разсмотрѣвъ различныя объясненія происхожденія чернозема, мы нашли ихъ неудовлетворительными; изложимъ теперь мнѣніе, которое можетъ быть принято. Мы знаемъ, что сильное удобреніе придаетъ свѣтлой почвѣ черноватый цвѣтъ. Это лучше всего можно видѣть на садовой землѣ. Вангенгеймъ фонъ-Кваленъ рассказываетъ, что въ Лифляндіи болѣе чѣмъ столѣтнимъ удобреніемъ образовалась черная почва въ 1—2 ф. глубиною, которая сходна съ черноземомъ. Но и безъ содѣйствія человека, на довольно сухой почвѣ можетъ образоваться черная земля. И въ нашихъ странахъ не трудно отыскать почву, похожую на черноземъ. Это дерновая почва, покрытая густыми злаками и другими травами. Вырѣзавъ дернъ такъ, чтобы захватить и самыя верхніе слои подпочвы, мы увидѣли бы небольшой слой довольно темно-окрашенной земли, которая снизу бываетъ иногда очень рѣзко ограничена отъ песчано-глинистой подпочвы. Различіе между черноземомъ и дерновой почвой заключается только въ томъ, что черноземъ есть толстая черно-окрашенная земля, дерновая же почва менѣе толста и менѣе окрашена. Химическіе анализы дерновой почвы не показываютъ никакихъ особенныхъ отклоненій отъ чернозема: подъ микроскопомъ мы увидимъ въ ней тотъ же бурый перегной и свѣтлыя

(*) См. ст. Якова Пугачевского въ 1-мъ выпускѣ Отечественнѣдѣнія.

кремнистыя частицы; тѣ же фитолитаріи только въ меньшемъ количествѣ. Не нашли въ дерновой почвѣ однихъ угольно-черныхъ хлопьевъ. Образованіе же перегной въ дерновой почвѣ происходитъ вовсе не отъ превращеній торфа, но такъ называемымъ сухимъ путемъ, а именно: подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей и различныхъ атмосферныхъ осадковъ травянистыя части дерна частію истлѣваютъ на воздухѣ, а частію превращаются въ перегной, который вмѣстѣ съ фитолитаріями просачивается въ почву, придавая ей, смотря по количеству, болѣе или менѣе темную окраску. По всей вѣроятности, точно такъ же образовался и черноземъ. Его бразованіе продолжается и теперь. Угольно же черные хлопья, которыхъ нѣтъ въ дерновой почвѣ и которые находятся въ черноземѣ, по всей вѣроятности, произошли отъ степныхъ пожаровъ. Эти степные пожары хотя имѣютъ только мѣстное дѣйствіе, но въ теченіе многихъ вѣковъ пріобрѣтаютъ общее значеніе.

Вышеизложенное объясненіе о происхожденіи чернозема принадлежитъ Гюо. (Huot in Demidoff Voyage dans la Russie mérid. 1842 г.). Нашъ академикъ Рупрехтъ пришелъ совершенно самостоятельно къ подобному же взгляду.

Полагаютъ, что одна треть Европейской Россіи, въ 87 м. десят., занята черноземомъ въ болѣе или менѣе непрерывныхъ пространствахъ. Въ черноземной полосѣ расположено до 22 южныхъ и среднихъ губ. Сѣверная граница чернозема начинается на западѣ съ 51° с. ш., идетъ, различно вдаваясь и выдаваясь, отъ Каменецъ-Подольска къ Житомиру, Кіеву, Чернигову по Деснѣ, которую скоро оставляетъ, Курску, Орлу, къ сѣверу отъ Тулы, къ Окѣ (55°—с. ш.) до у. Мокши и по ней къ Сурѣ, и къ з. отъ нея по Волгѣ до у. Камы; затѣмъ по этой рѣкѣ, также по обоимъ берегамъ Вятки до Малмыша, по Бѣлой до Урала (56°—57° с. ш.).

Южная граница начинается на западѣ съ 47° с. ш. въ Бессарабіи, доходить почти до Одессы и Херсона, идетъ, минуя Крымъ, вдоль Азовскаго моря къ Дону и озеру Манычъ, по Саргѣ къ Волгѣ до Царицына, затѣмъ параллельно Волгѣ, не доходя до ея берега, вплоть до Саратова и по р. Иргизу къ

Оренбургу (52°—с. ш.), такъ что въ бѣльшей части Ставропольской и Астраханской губ., именно: въ низменныхъ степяхъ между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, въ нижней части Волги, на р. Уралѣ и къ ю. отъ Оренбурга и Илецкой-Защиты нѣтъ болѣе чернозема. Чернозема также нѣтъ на горномъ склонѣ гранитной степи между Днѣпромъ и Дономъ; его также нѣтъ полосами вдоль теченія многихъ рѣкъ внутри области чернозема и въ лѣсахъ.

Замѣчательно, что въ Сибири на в. сторонѣ Урала тотчасъ же показывается черноземъ, но граница его тамъ недостаточно изслѣдована.

Такимъ образомъ черноземъ почти исключительно принадлежитъ южной Россіи (*указать по картѣ весь 22 черноземная губ.*).

Обращая вниманіе на растительность черноземной области, замѣтимъ слѣдующій любопытный фактъ: въ области чернозема не растутъ ели, и южная граница ели совпадаетъ съ сѣверною границею чернозема. Сосна во многихъ мѣстахъ переходитъ сѣверную границу чернозема, но извѣстно достоверно, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растутъ сосна, часто вовсе нѣтъ чернозема. Бѣлая ольха имѣетъ тѣ же южныя границы, какъ и ель. Что же касается до лиственныхъ лѣсовъ, то они хотя и попадаютъ въ черноземной области, но ихъ очень мало. Вообще, всѣ статистическія данныя убѣждаютъ насъ, что черноземная область бѣдна лѣсами. По этой причинѣ область чернозема можно по справедливости назвать степью, ибо степь есть ровная, сухая поверхность безъ деревьевъ и кустарниковъ. Германъ и Гюю думаютъ, что лѣса въ черноземной полосѣ истреблены номадами, такъ какъ кочевые народы не любятъ лѣсовъ, предпочитая имъ луга. Другіе, напротивъ, полагаютъ, что безлѣсіе степи есть слѣдствіе чрезмѣрной сухости почвы, недостатка озеръ, рѣкъ, болотъ и росы. Число дождливыхъ дней въ году въ этой полосѣ едва доходитъ до 80. Съ исчезновеніемъ бѣлой ольхи и ели, въ черноземной области не встрѣчается болѣе голубицы, клюквы, вереска, ивы и т. д.; взамѣнъ ихъ, появляются степная клубника, полынь, которая на сѣверѣ растетъ весьма рѣдко;

но преобладающія растенія въ области чернозема — хлѣбные злаки, каковы: пшеница, рожь, овесъ, словомъ всѣ наши зерновые хлѣба и большая часть кормовыхъ травъ: тимоеева трава, ковыль, плевель, полевица и овсяница.

Ковыль и полевица придаютъ особенный видъ нашимъ южнымъ степямъ.

Различныя полевицы представляютъ густыя, раскидистыя метелки, состоящія изъ самыхъ нѣжныхъ вѣточекъ и блестящихъ чешуекъ крошечныхъ волосковъ своихъ; растутъ онѣ во множествѣ среди нашихъ хлѣбовъ и луговъ. Лѣтомъ, когда онѣ цвѣтутъ, мѣста, ими заросшія, кажутся издали покрытыми блестящимъ пухомъ.

Ковыль есть растеніе многолѣтнее, образующее большіе кусты. Ости его достигаютъ до полуаршина длины, чрезвычайно тонки, гибки и покрыты мягкимъ пухомъ. Степь, покрытая ковылемъ, еще издали серебрится, потому что малѣйшій вѣтеръ наклоняетъ перья его въ одну сторону, а солнце играетъ на ихъ блестящихъ пушинкахъ.

Оба эти растенія, равно какъ и плевель, тимоеева трава и овсяница, доставляютъ очень вкусный и питательный кормъ для скота.

Болѣе крупныя злаки, камышь и тростникъ, украшаютъ берега тихихъ рѣкъ степныхъ или зарощаютъ мелководныя озера и болота. Оба эти растенія поднимаются выше человѣческаго роста; у нихъ красивыя пушистыя метелки съ малиновымъ отливомъ, широкіе, острые листья, толстый, дубчатый стебель, издающій протяжный звукъ при вѣтрѣ. Въ хозяйствѣ они также приносятъ пользу: ими кроютъ крыши, а въ безлѣсныхъ мѣстахъ топятъ.

Такое огромное количество злаковъ не остается безъ вліянія на животныхъ описываемаго пояса: число видовъ травоядныхъ и зерноядныхъ животныхъ далеко превосходитъ хищныхъ. Наши нивы питаютъ и скрываютъ безчисленное множество грызуновъ: бѣлякъ и русакъ лежатъ въ густой озими; полевая мышь скрывается подъ кочками пашней и подъ снопами; хомяки роютъ длинныя норы, въ глубинѣ которыхъ прячутъ большіе запасы

хлѣбныхъ зеренъ. Суслики и байбаки бороздятъ степь, оглашая ее своимъ свистомъ при восходѣ солнца. Вся эта мелочь привлекаетъ множество хищныхъ птицъ, выующихся съ крикомъ надъ волнующеюся нивою. Путникъ, идущій длинною межою, срывая колосья и васильки, пораженъ трескомъ кузнечиковъ, щелканьемъ перепела, звонкою пѣснью жаворонка, а весною видитъ на поляхъ стаи драхвъ, щиплющихъ озимь. Мнѣ животныхъ, живущихъ злаками или въ злакахъ, слѣдовательно, обилень, нравы ихъ любопытны, и можно сказать, что характеръ этого подвижнаго населенія злаковъ, такъ же, какъ и самыхъ этихъ растений, есть скромность: въ тишинѣ накапливаютъ они свои запасы и выкармливаютъ многочисленныхъ дѣтенышей или птенцовъ, въ тишинѣ роются подъ землею неусыпно, какъ гномы, и вредъ, наносимый ими полямъ, не маловаженъ для человѣка.

3. КАМЕННЫЙ УГОЛЬ.

Значеніе каменнаго угля. — Его образованіе. — Виды каменнаго угля. — Каменноугольная промышленность. — Богатство южнаго края каменнымъ углемъ. — Грушевскій рудникъ. — Причины, стѣсняющія каменноугольную промышленность. — Необходимость заведенія заводовъ для выдѣлки чугуна и отысканіе жезъзной руды. — Заключеніе.

(Ст. Н. Краснова.)

Южный край Россіи, замѣчательный своею черноземною плодородною почвою, необыкновенно способною для развитія земледѣлія, и роскошными степями для заведенія конскихъ табуновъ, пастбищъ рогатаго скота и овецъ, а также рыболовствомъ, винодѣліемъ и соляными промыслами, сдѣлался въ послѣднее время особенно интереснымъ для изученія по нахожденію въ нѣдрахъ его земли каменнаго угля. Этотъ горючій матеріалъ, столь необходимый, какъ топливо, дѣлается особенно важнымъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, вслѣдствіе недостатка лѣса, приходится, вмѣсто дровъ, употреблять солому, камышъ и скотскій навозъ, — предметы, которые въ сельскомъ хозяйствѣ могли бы имѣть болѣе производительное примѣненіе. Съ другой стороны,

каменный уголь, рассматриваемый как горючій матеріалъ, имѣетъ то важное свойство, что, будучи гораздо плотнѣе дерева, можетъ употребляться въ меньшемъ количествѣ, слѣдовательно, и перевозиться удобнѣе, черезъ что содѣйствуетъ распространенію пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, столь необходимыхъ человѣку для скорѣйшаго перемѣщенія изъ одной мѣстности въ другую, а значитъ и скорѣйшаго обмѣна произведеній и мыслей. Кромѣ того, каменный уголь находитъ примѣненіе на всякаго рода фабрикахъ, дѣйствующихъ посредствомъ пара, напр. въ паровыхъ мельницахъ, въ бумагопрядильныхъ фабрикахъ и т. д. Каменный уголь при сгараніи даетъ много жара, а потому употребляется для плавленія тугоплавкихъ металловъ. Наши улицы освѣщаются газомъ, добываемымъ изъ каменнаго угля. Этотъ газъ добывается изъ каменнаго угля при нагрѣваніи, пропускается по трубамъ, закопаннымъ глубоко въ землю, и изъ нихъ поднимается въ фонари. Одинъ изъ газовъ, получаемыхъ изъ каменнаго угля при нагрѣваніи, употребляется для наполненія воздушныхъ шаровъ или аэростатовъ, онъ очень удобенъ для этой цѣли по своей легкости и дешевизнѣ обработки. Изъ всего этого мы видимъ, что каменный уголь приноситъ огромную пользу, а потому въ настоящее время господствуетъ повсемѣстное стремленіе къ отысканію каменнаго угля, и много рабочихъ дней, а также значительныя суммы денегъ потрачены на развѣдки этого драгоценнаго горючаго матеріала, позволяющаго сберечь остатки лѣсовъ, умѣривъ ими суровость климата. Иностранныя государства, въ особенности Англія, Франція, Соединенные американскіе Штаты и Бельгія далеко опередили въ этомъ отношеніи Россію; но найденныя въ послѣднія 30 лѣтъ копи подземнаго топлива въ южномъ краѣ даютъ надежду, что наше государство будетъ имѣть собственный каменный уголь, не нуждаясь въ привозномъ, какъ это было до сихъ поръ.

Происхожденіе каменнаго угля можно объяснить такъ. Тамъ, гдѣ теперь находится каменный уголь, въ отдаленныя времена древняго міра росли величественные папоротниковые лѣса, развившіеся до громадныхъ размѣровъ вслѣдствіе прежней вну-

тренней теплоты земнаго шара. Понятіе о подобныхъ лѣсахъ въ настоящее время можно составить, читая описаніе лѣсовъ Южной Америки, въ особенности Бразиліи. Отъ переворотовъ, бывшихъ въ доисторическое время, эти лѣса покрылись моремъ, изъ воды осадились на нихъ толстые тяжелые пласты песчаниковъ и глинъ; каменные пласты и вода отдѣлили отъ растеній свободный доступъ воздуха, и они истлѣли тамъ, оставивъ то, что мы называемъ каменнымъ углемъ. Въ эти пласты попадали остатки морскихъ животныхъ, жившихъ въ то время. Вслѣдствіе другихъ переворотовъ, дно морское, поднимаясь изъ воды, обнажало осадки, которые сперва высыхали, а потомъ, отъ долгаго времени, превращались въ окаменѣлое состояніе. На сушѣ размножались животныя, выростали новые величественные лѣса, которые въ свою очередь покрывались моремъ; гдѣ совершался новый процессъ ихъ гніенія и осажденія морскихъ животныхъ, но уже не прежнихъ, а новыхъ. Если положимъ, что было такимъ образомъ пять переворотовъ въ какой-нибудь части земнаго шара, то должно образоваться пять пластовъ остатковъ животныхъ; окаменѣлости растительныхъ остатковъ и составляютъ каменный уголь.

Процессъ образованія каменнаго угля можно прослѣдить даже въ настоящее время. Мѣста влажныя, покрытыя лѣсами и кустарниками, постоянно наполняются опавшими листьями, разрушенными деревьями, которыя отъ дождей и снѣговъ гнизуютъ и въ продолженіе по крайней мѣрѣ столѣтія образуютъ толстый слой земли. Если мы изъ подобной земли выжмемъ заключающуюся въ ней воду, высушимъ и дадимъ ей просохнуть, тогда куски подобной земли мы можемъ употреблять для топлива вмѣсто дровъ. Этотъ видъ не вполне образовавшагося каменнаго угля называется *торфомъ*. Вообще есть различные сорта каменнаго угля; все различіе въ ихъ свойствахъ зависитъ отъ древности ихъ образованія.

Такимъ образомъ, современный видъ каменнаго угля будетъ *торфъ*; болѣе древній *бурый уголь* или *лигнитъ*; за нимъ по древности слѣдуетъ *каменный уголь*, затѣмъ *антрацитъ* и наконецъ *графитъ*.

1) *Торфъ* образуется изъ болѣе или менѣе разложившихся частей растений, въ особенности изъ болотныхъ мховъ. Обширные лѣсистыя и тундровыя пространства, находящіяся въ сѣверной Россіи, даютъ постоянно матеріалъ для образованія торфа.

2) *Бурый уголь* или лигнитъ такъ названъ потому, что въ немъ часто видна еще растительная ткань деревь (отъ лат. lignum, дерево,) и между пластами ихъ попадаются часто цѣлыя древесные стволы, проникнутые горною смолою (асфальтъ.) При сгараніи онъ даетъ много золы.

3) *Каменный уголь* — цвѣта самаго чернаго бархата и самаго яркаго блеска. Онъ хрупокъ и ломокъ и тѣмъ легче загорается, чѣмъ больше въ немъ смолы и горитъ съ копотью; чтобы устранить это неудобство, изъ него въ особыхъ печахъ выжигаютъ смолу и получаютъ такъ называемый *коксъ*. Коксъ не горитъ уже пламенемъ, но ярко и съ сильнымъ жаромъ тлѣетъ.

Каменный уголь образуетъ обыкновенно правильныя пласты въ каменноугольной формаци. Въ каменномъ углѣ находятъ *сырный колчеданъ*, минераль, золотисто-желтаго цвѣта, изъ желѣза и сѣры и эти послѣднія на огнѣ соединяются съ кислородомъ воздуха, образуя пары сѣрнистой кислоты, непріятныя для запаха, вредныя для дыханія и разъѣдающіе желѣзные топки паровозовъ и пароходовъ. Чѣмъ менѣе въ угляхъ сѣрнаго колчедана, тѣмъ выше ихъ цѣнность.

4) *Антрацитъ* есть видоизмѣненіе каменнаго угля; онъ очень плотенъ, имѣетъ почти металлическій блескъ, при горѣніи не отдѣляетъ ни дыма, ни значительнаго запаха, а покрывается пепломъ, который употребляется въ Америкѣ для унаваживанія полей. Этимъ онъ и отличается отъ каменнаго угля. Онъ трудно загорается; но зато раскаленный даетъ гораздо больше жара, нежели каменный уголь.

5) *Графитъ* состоитъ почти изъ чистаго углерода, иногда только съ небольшою примѣсью землистыхъ веществъ, или окиси желѣза; онъ не горючъ, имѣетъ черный цвѣтъ, марокъ и жиренъ на ощупь.

Въ южномъ краѣ Россіи находятъ каменный уголь въ Екатеринославской губерніи; антрацитъ и графитъ въ землѣ донскихъ казаковъ.

Такимъ образомъ каменный уголь составляетъ часть каменноугольной формаціи и лежитъ преимущественно пластами такъ, что за наносною почвою мы находимъ различнаго рода глины, потомъ известняки; за ними пластъ каменнаго угля отъ 1 до 10 фут. толщиною; затѣмъ опять негорючія породы; въ разстояніи 10 сажень и болѣе находится второй пластъ угля; въ такомъ же разстояніи третій и т. д. Число слоевъ бываетъ различное; но главная выгода заключается въ толщинѣ слоевъ; въ южномъ краѣ толстѣйшій слой бываетъ въ 1¹/₂ сажени, тогда какъ во Франціи и Англіи они бываютъ въ десять разъ толще.

Кромѣ антрацита къ каменноугольной формаціи относятся: *свинцовый блескъ*, (*) находимый на р. Нагольной, въ Донской области; однакожъ, систематическія изслѣдованія горныхъ инженеровъ убѣждаютъ, что упомянутая руда здѣсь такъ бѣдна серебромъ, что не можетъ быть предметомъ выгодной разработки.

Напротивъ, *железная руда*, находямая въ Таврической, Херсонской, Екатеринославской губерніяхъ и Донской области, встрѣчается часто въ каменноугольной формаціи и въ такомъ количествѣ, что могла бы удовлетворить потребностямъ южнаго края. Существованіе желѣза въ южномъ краѣ особенно важно въ томъ отношеніи, что здѣсь находится горючій матеріалъ для его разработки. Въ западной Европѣ при каменноугольныхъ производствахъ непременно устраиваются и желѣзные или чугунолитейныя заведенія, хотя бы изъ привознаго матеріала, такъ что добываніе угля всегда уменьшаетъ цѣну на желѣзо, и обратно. Страна, имѣющая въ нѣдрахъ своихъ горючій матеріалъ, можетъ соотвѣтственно отпускать и желѣзные издѣлія.

Графитъ находятъ почти во всѣхъ горахъ западной части Донской области. Положеніе слоевъ его почти вездѣ одинаково:

(*) Свинцовый блескъ состоитъ изъ свинца съ сѣрою. Въ немъ находятъ всегда серебро.

они покрыты затвердѣлымъ глинистымъ шиферомъ, или аспидомъ, котораго слои, начинаясь по большей части непосредственно подъ землею, идутъ постепенно, смягчаясь до состоянія карандаша. Пласть графита или *карандашной земли* въ $\frac{3}{4}$ аршина содержится въ глубинѣ отъ земной поверхности почти на двѣ сажени. Добываніе и обработка въ Донской области графита могла бы принести значительную пользу, тѣмъ болѣе, что его такъ много, что станетъ на удовлетвореніе потребностей всей Россіи; однакожь, мы не знаемъ, чтобы онъ гдѣ-либо разрабатывался въ значительномъ количествѣ.

Затвердѣлый глинистый шиферъ или *аспидъ* находится повсемѣстно въ юго-западной части Донской области и въ такомъ же, если не въ большемъ количествѣ, какъ и графитъ. Въ селеніяхъ Міусскаго округа Донской области (с. Нагольное) мы встрѣчали незначительныя разработки аспида, изъ котораго, какъ извѣстно, дѣлаютъ аспидныя доски.

На каменный уголь южнаго края въ первый разъ обратилъ вниманіе императоръ Петръ I, который, увидѣвъ породы этого горючаго матеріала, тогда же сказалъ незабвенныя слова: «Сей минераль, если не намъ, то нашимъ потомкамъ будетъ весьма полезенъ,» и въ 1724 году отправилъ первую экспедицію въ южную Россію, какъ для отысканія каменнаго угля, такъ и для развѣдокъ о другихъ минералахъ; однакожь, послѣдовавшая за этимъ его смерть, была, вѣроятно, одною изъ главныхъ причинъ, что развѣдки въ южномъ краѣ были оставлены. Наше государство развивалось медленно въ промышленномъ и техническомъ отношеніяхъ, такъ что для фабрикъ и заводовъ преимущественно употребляли лѣсъ. Въ царствованіе императрицы Екатерины вновь проявилось стремленіе къ отысканію каменнаго угля, и даже небольшое добытое количество этого матеріала было представлено таганрогскому губернатору; но до 1823 г., или до назначенія графа Воронцова новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ, не было обращено должнаго вниманія на развѣдки и поощренія къ добыванію каменнаго угля. Въ это время каменный уголь уже сдѣлался извѣстенъ донскимъ казакамъ, которые употребляли его въ

кузницахъ и продавали въ количествѣ 2,000 пудовъ на топку въ сосѣдніе города: Новочеркасскъ, Таганрогъ и Ростовъ. По распоряженію Воронцова, посылались постоянно горные инженеры въ южный край Россіи; они открыли каменный уголь и желѣзную руду во многихъ мѣстахъ Екатеринославской губерніи и Донской области: честь же окончательнаго составленія геогностической карты южнаго края, съ подробнымъ описаніемъ различныхъ мѣстностей, богатыхъ каменнымъ углемъ, безспорно, принадлежитъ Анатолю Демидову, богатому русскому дворянину, который на собственныя деньги снарядилъ экспедицію изъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Французскій горный инженеръ Лепле, руководившій экспедиціею, съ подробностью положилъ на карту мѣстности: богатая каменнымъ углемъ и желѣзною рудою; въ то же почти время англичанинъ Мурчисонъ, отправленный съ тою же цѣлью правительствомъ, составилъ довольно полное геологическое описаніе европейской Россіи и своими изслѣдованіями проложилъ дорогу къ будущимъ открытіямъ каменнаго угля. (*)

Богатство горячаго матеріала въ южномъ краѣ Россіи можетъ считаться на долгое время неистощимымъ. Чтобы дать понятіе объ этомъ богатствѣ, замѣтимъ, что кубическій футъ антрацита вѣситъ 3 пуда, почему пласть его въ $2\frac{1}{2}$ фута толщиною на каждой квадратной верстѣ заключаетъ до 90 милліоновъ пудовъ. А сколько квадратныхъ верстъ (можно положить слишкомъ 30,000 кв. вер.;) сколько въ два, или въ три раза толстѣйшихъ слоевъ находятся тамъ! Сколько подобныхъ слоевъ находится одинъ за другимъ! При этомъ замѣтимъ, что достоинство угля тѣмъ выше, чѣмъ больше содержитъ онъ горючихъ веществъ и чѣмъ менѣе постороннихъ, чѣмъ глубже залегаетъ онъ въ толщахъ земли и чѣмъ, слѣдовательно, онъ

(*) Въ Европейской Россіи не только въ одномъ южномъ краѣ находится каменный уголь; онъ еще занимаетъ обширное пространство, въ центрѣ котораго лежатъ Москва, а на восточныхъ границахъ: Угличъ, Ростовъ, Владиміръ; на южныхъ: Рязань, Тула, Калуга; на западныхъ: Вязьма, Торопецъ, Осташковъ; къ сѣверу же это пространство съ каменнымъ углемъ продолжается узкой полосой до устья Мезени. Параллельно всему Уралу идетъ также узкая полоса съ каменнымъ углемъ.

болѣе претерпѣлъ давленія отъ лежащихъ на немъ горныхъ породъ. Въ этомъ отношеніи каменный уголь южнаго края имѣетъ преимущество передъ всякимъ другимъ, извѣстнымъ въ Россіи, а донской антрацитъ не уступаетъ даже лучшему американскому (открытому въ 1840 году въ Соединенныхъ Штатахъ въ Пенсильваніи.) Химическое разложеніе показываетъ въ лучшемъ донскомъ антрацитѣ 96 частей углерода, того самаго тѣла, который при горѣніи даетъ наиболѣе жара; онъ вовсе не заключаетъ сѣры, и, значить, преимущественно передъ другими долженъ употребляться для плавки чугуна и желѣза. Для выраженія же нагрѣвательной силы хорошаго антрацита замѣтимъ, что сажень березовыхъ дровъ равняется 25 пудамъ антрацита, а какъ сажень березовыхъ дровъ на югѣ Россіи стоитъ среднимъ числомъ 12 рублей, а 25 пудовъ антрацита (полагая по 8 коп.) обойдется только 2 рубля, то изъ этого одного уже видно, сколь драгоцѣнно подобное топливо для тамошнихъ жителей.

Тепле въ своемъ сочиненіи представилъ 8 группъ измѣстностей богатыхъ каменнымъ углемъ; въ 1839 и 1861 годахъ производительность этихъ группъ выражалась слѣдующимъ образомъ:

Группы:	Добыто въ 1839 г.	въ 1861 г.	Примѣчанія.
1. Верхняго Донца	» 100,000 п.	»	
2. Лисичей балкп.	» 450,000	» 350,000 п.	
3. Р. Лугани	» 81,700	» 250,000	» Луганскій заводъ.
4. Рр. Лугани и Каменки . . .	»	»	
5. Р. Нижняго Донца	» 21,295	» 5.000,000	» Грушевскій рудникъ.
6. Р. Каменки	»	»	
7. Рр. Міуса и Крынки	» 24,550	» 30,000	
8. Р. Калліуса	» 200,000	» 1.000,000	» Чугунный заводъ.

Изъ этой небольшой таблицы видно, что главное развитіе каменноугольной промышленности южнаго края сосредоточилось въ группѣ Нижняго Донца, именно на р. Грушевкѣ, текущей къ сѣверозападу отъ главнаго города донскихъ казаковъ, Новочеркасска. На Грушевкѣ въ настоящее время устроилось довольно значительное поселеніе (посадъ) съ церковью, лавками, рынкомъ и приходскимъ училищемъ. Въ 1863 году открыта

Грушевская желѣзная дорога, устроенная съ цѣлью перевозки антрацита; она соединяетъ, на протяженіи 60 верстъ, Грушевскій посадъ, чрезъ г. Новочеркасскъ, съ Аксайскою станицею, лежащею на р. Донѣ. Въ Аксайской станицѣ устраивается обширная пристань для складки антрацита, съ цѣлью дальнѣйшаго отправленія его въ Азовское и Черное моря, а преимущественно черезъ Донъ на Волгу, такъ какъ эти двѣ рѣки съ 1861 года соединены между собою также желѣзною, волжско-донскою дорогою, которая, на протяженіи 62 верстъ, направляется отъ посада Калача (на Дону) къ г. Царицыну на Волгѣ. Эти двѣ желѣзныя дороги будутъ имѣть громадное вліяніе на промышленность южнаго края.

Кромѣ Грушевскаго посада, по всей мѣстности (въ 127 десят.,) отводимой подъ работы, разбросаны домики владѣтелей каменно-угольныхъ участковъ, строенія для рабочихъ, конюшни и амбары, подъ которыми находятся конныя машины для разработки шахты. Собственно шахтою называется колодезь въ 4¹/₂ аршина въ длину и ширину. Изъ колодезя большимъ ведромъ (бадьею) вынимаютъ сперва породы, покрывающія горючій матеріалъ, а за ними и самый антрацитъ. Для быстроты дѣйствія веревка бадьи привязывается къ вѣроту (большому деревянному цилиндру,) обхватываетъ его нѣсколько разъ кругомъ и переходитъ на другой вѣротъ. Къ вѣротамъ впрягаются лошади, такъ что когда двигаются лошади одного вѣрота, веревка опускаетъ бадью въ колодезь, а при движеніи другаго вѣрота веревка накручивается и поднимаетъ бадью. Мягкія породы ломаются молотами; крѣпкія же взрываютъ порохомъ, для чего рабочій, обыкновенно спускающійся въ колодезь посредствомъ бадьи, пробиваетъ въ твердой породѣ отверстіе, кладетъ туда около пуда пороху. Зарядъ пороха зажигается посредствомъ привода, т. е. длинной веревки, пропитанной горючимъ составомъ, одинъ конецъ которой рабочій прикрѣпляетъ къ заряду, другой же держитъ въ рукахъ и зажигаетъ, потомъ кричитъ: «готово!» Бадью въ такихъ случаяхъ нужно поднять быстро, для чего погоняетъ лошадей, чтобы онѣ шли рысью; тѣмъ не менѣе подобный способъ весьма опасенъ: во-первыхъ, случается,

что не успѣваютъ поднять бадью; во-вторыхъ, во время быстраго ея движенія бадья толкается о стѣны колодца и причиняетъ удары рабочимъ, и, въ-третьихъ, что всего хуже, можетъ оборваться веревка.

Вынутыя вокругъ шахты различныя породы даютъ лучший способъ познакомиться съ каменноугольною формаціею.

Грушевскій антрацитный рудникъ развился вполнѣ самостоятельно, внѣ всякихъ иностранныхъ примѣровъ и ученой литературы. Онъ, такъ сказать, шелъ до сихъ поръ впередъ, не обращая вниманія на совершающіяся кругомъ изобрѣтенія и, по всей справедливости, заслуживаетъ названія рудника исключительнаго, оригинальнаго, не похожаго ни на одинъ изъ существующихъ иностранныхъ рудниковъ уже и потому, что въ немъ добыча минеральнаго топлива есть промыселъ народный въ прямомъ значеніи этого слова.

Около 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія, простые казаки, замѣтивъ съ берега Грушевки выдающійся пласть угля, стали его выламывать безъ всякаго устройства шахтъ; но, по мѣрѣ увеличенія желанія воспользоваться даровымъ топливомъ, существовавшія обнаженія обваливались и съ каждымъ годомъ немолимая природа представляла новыя преграды неопытнымъ рудокопамъ. Правительство, не ранѣе 40-хъ годовъ, обратило вниманіе на добычу угля и боясь, чтобы казаки не засорили рудники, издало съ этою цѣлью нѣкоторыя постановленія, назначивъ для присмотра за работами горнаго инженера и обложивъ каждый пудъ угля въ пользу войска пошлиною въ 2 коп. ассигнаціями.

Въ 1837 году заложена первая шахта, по образцу которой устроились и другія. Грушевскія копи раздѣлили на участки отъ 1,500 до 4,500 кв. саж. на каждое лице, желавшее заниматься промышленностью. Собственно за участокъ въ войсковую казну платится 50 р. Въ 1839 году число шахтъ увеличилось до шести, и онѣ добывали 150,000 пудовъ антрацита въ годъ. Въ 1844 году назначенъ смотритель шахтъ. Правительство время отъ времени издавало различныя постановленія съ цѣлью правильнаго распространенія каменноугольной про-

мышленности, которая въ 1850 году достигла добыванія 2-хъ миллионѣвъ пудовъ, а въ 1862 году добыто уже болѣе 8 миллионѣвъ. Однакожь, мы увидимъ, при сравненіи съ добываніемъ угля въ иностранныхъ государствахъ, что грушевскій рудникъ и при настоящемъ своемъ развитіи далеко не достигаетъ цѣли, необходимой для поднятія каменноугольной промышленности въ уровень съ потребностями топлива, какъ въ южномъ краѣ, такъ и въ цѣлой Россіи.

Первые шахтохозяева нашли пласть угля въ 7-ми саженьяхъ глубины отъ поверхности земли; затѣмъ второй пласть въ 14 саженьяхъ; имъ не предстояло большого труда и значительнаго количества денегъ (капитала,) чтобы вынуть породы, заграждавшія горючій матеріалъ, а разъ дошедши до антрацита, они могли расплачиваться или самымъ углемъ, или давать имъ извѣстную копѣйку съ пуда. Такія шахты достались первымъ промышленникамъ, получившимъ свои участки близъ рѣки Грушевки; но, съ отдаленіемъ отъ послѣдней, каменноугольный пласть постепенно понижается въ глубь земли, такъ что нынѣшніе шахтохозяева рискуютъ дойти до перваго рабочаго пласта въ 30, 40 и даже 50 саженьяхъ. Если мы замѣтимъ, что за вынутіе кубической сажени мягкой земли платится рабочимъ отъ 40 до 60 рублей, а за твердыя породы отъ 150 до 200 рублей, или кругомъ по 120 рублей, то съ предварительнымъ устройствомъ помѣщенія, постановки машины (вѣртовъ,) конюшень и сараевъ придется употребить на шахту глубиною въ 50 саж. отъ 15,000 до 20,000 руб.; но это бы не составило важнаго неудобства, потому что съ участка въ 4,500 квадр. саж. шахтохозяинъ можетъ смѣло рассчитывать на выручку 1.000,000 пудовъ, который, продавая по 6 коп. за пудъ, можетъ получить 60,000 руб., и, значить, съ избыткомъ возвратить свой капиталъ; но явилось обстоятельство, подорвавшее каменноугольную промышленность въ 1859 году, имѣющее пагубное вліяніе на развитіе ея въ настоящее время и указавшее на невозможность продолжать работы безъ пособія всѣхъ изобрѣтеній горной науки. Дѣло въ томъ, что въ свитѣ горныхъ породъ есть песчаники, до такой степени насыщенные водою

(отъ подземныхъ ключей,) что когда ихъ достигаютъ, вода съ шумомъ и ручьями льется со всѣхъ сторонъ и быстро наполняетъ колодезь. Воду старались откачивать тѣмъ же способомъ, какъ и извлекали горныя породы, т. е. бадьею и воротомъ; но эта мѣра оказалась недѣйствительною. Откачиваніе воды потребуетъ дорогихъ паровыхъ машинъ, съ выпискою ихъ изъ-за границы, и затѣмъ устройства шахтъ по правиламъ науки, требующей, чтобы стѣнки колодца, для сопротивленія водѣ, заранѣе обкладывались твердымъ непроницаемымъ камнемъ, или даже чугуномъ, какъ въ англійскихъ шахтахъ.

Обращаясь опять къ грушевскому руднику, замѣтимъ, что его можно раздѣлить на старыя и новыя разработки. Старыя разработки, участки которыхъ отведены до 1846 (124 участка, въ количествѣ 194,000 кв. саж.), величиною каждый въ 1,500 кв. саж., расположены на правомъ берегу Грушевки и содержатъ въ настоящее время, по вычисленію завѣдывающаго горными работами, свыше 40 милліоновъ пудовъ антрацита, не вынутаго еще изъ мѣсторожденій; шахты же ихъ, т. е. колодцы, затоплены водою, а самыя работы, по недостатку капиталовъ для устройства сильныхъ водочерпательныхъ машинъ, совершенно прекратились. Новыя же разработки, площадь подъ которыя отведена въ 1858, 1859 и 1860 годахъ, заключаютъ 4 квадр. версты, раздѣленные на участки въ 2,500 до 4,500 квадр. саж. (участокъ отводится тѣмъ болѣе, чѣмъ глубже долженъ залегать уголь,) расположены по обоимъ берегамъ рѣки и содержатъ свыше 745 милліоновъ пудовъ; значить, въ нѣдрахъ земли лежитъ уже частью обработанный матеріалъ на цѣну въ 50 милліоновъ руб. (полагая по 6 коп. за пудъ антрацита.) Въ настоящее время на грушевскихъ разработкахъ отведено болѣе 400 участковъ. Если положить круглымъ числомъ, что каждый изъ участковъ можетъ дать въ годъ 150,000 пудовъ, то одинъ грушевскій рудникъ могъ бы поставить по крайней мѣрѣ 20 милліоновъ пудовъ угля—цифра, на первый разъ весьма достаточная, покрывающая настоящія потребности южнаго края, пароходства по Азовскому и Черному морямъ и по рр. Волгѣ и Дону.

Несовершенство въ путяхъ сообщенія и мелководіе р. Дона были долгое время главными причинами слабаго развитія каменноугольной промышленности. Превосходный грушевскій антрацитъ не могъ соперничать съ худшими горючими матеріалами, привозимыми въ черноморскіе порты изъ Англіи, гдѣ уголь продается по 3½ коп. за пудъ на мѣстѣ и доставляется въ наши южные порты по цѣнѣ отъ 15 до 20 коп. Случалось часто, что добытое количество грушевскаго антрацита долгое время лежало около шахтъ, по неимѣнію сбыта. Въ отвращеніе этихъ неудобствъ, въ 1860 году, было разрѣшено казакамъ на ихъ войсковыя деньги построить грушевскую желѣзную дорогу, которая въ настоящее время кончена, и есть надежда, что эта дорога будетъ центромъ соединенія посредствомъ желѣзныхъ дорогъ: Харькова, Екатеринославля и Воронежа съ Новочеркасскомъ, Таганрогомъ, а можетъ быть и съ Кавказомъ.

Грушевская желѣзная дорога, безъ всякаго сомнѣнія, составляла существенную потребность для усиленія каменноугольной промышленности. Грушевскія шахты, какъ мы видѣли, могутъ доставлять 20 милліоновъ пудовъ ежегодно; но, къ сожалѣнію, онѣ до послѣдняго времени не доставляли среднимъ числомъ и 5-ти милліоновъ и врядъ ли будутъ постоянно даствовать это количество пудовъ при тѣхъ несовершенствахъ грушевской каменноугольной промышленности, которыя слѣдовало бы предварительно уничтожить.

Для развитія каменноугольной промышленности южнаго края, сосредоточившейся въ Донской области, необходимы теперь особенныя средства, которыя главнѣйшимъ образомъ требуютъ уничтоженія нѣкоторыхъ стѣснительныхъ привилегій донскихъ казаковъ. Разсмотримъ главнѣйшія изъ причинъ, парализирующихъ каменноугольную промышленность на Дону.

1) *Недостатокъ въ денежныхъ средствахъ.* Обязательная, поголовная служба донскихъ казаковъ потребовала особенныхъ положеній, стѣсняющихъ на Дону уроженцевъ другихъ губерній не только въ производствѣ промысловъ и торговли, но даже въ приобрѣтеніи поземельной собственности. Кромѣ города Новочеркасска, иногородные (не казаки) не имѣютъ права имѣть даже

собственные дома. Съ другой стороны, та же поголовная служба не позволяет донцам собирать и сосредоточивать капиталы на известной промышленности. Известна русская пословица: «безъ хозяина товаръ плачетъ,» и только отставные, значить престарѣлые, казаки, или принадлежащіе къ торговому обществу (1,000 казаковъ) могутъ свободно бросать свои капиталы на каменноугольную промышленность. Притомъ, главное богатство донскихъ обитателей состоитъ въ 12 милліонахъ десятинъ удобной земли и значительно развитомъ скотоводствѣ: они требуютъ также немаловажныхъ денежныхъ средствъ. Мы видѣли, что основной капиталъ для разработки участка можетъ простирается до 20,000 руб., а если въ шахтахъ появляется вода, то этотъ капиталъ можетъ удвоиться, утроиться, а иногда онъ и вовсе затрачивается безъ пользы. Въ послѣднемъ случаѣ требуются сильныя паровыя водочерпательныя машины на манеръ заграничныхъ. Недостатокъ рукъ требуетъ также большихъ капиталовъ, вслѣдствіе чего правительство рѣшилось, въ 1857 году, позволить нѣкоторымъ иногороднымъ компаніямъ занимать каменноугольные участки; но на первый разъ издало стѣснительныя правила, какъ напримѣръ: а) компаніи обязаны до начала работъ внести въ войсковое казначейство капиталъ въ 30,000 руб. (въ огражденіе вноса пошлины за добытый уголь,) и б) компанія рискуетъ, въ случаѣ неуспѣха работъ, всѣми своими постройками и машинами. Правительство, какъ видно, желало сохранить интересы донскихъ казаковъ; но подъ этимъ наименованіемъ слѣдуетъ считать дѣйствительно всѣхъ казаковъ, которыхъ считается болѣе 300,000 мужескаго пола, а шахтохозяевъ считается не болѣе 300 человекъ; выходитъ, соблюдались интересы этихъ послѣднихъ въ ущербъ интересамъ всего войска. Теперь войсковое казначейство получаетъ пошлины отъ 18,000 — 25,000 рублей; полагая, что ежегодно дыбывается отъ 3 до 5 милліоновъ пудовъ угля и взимая въ пользу войска по $\frac{1}{2}$ коп. сер. съ пуда. Если же будетъ добываться 20 милліоновъ, то войсковое казначейство получить ежегодно 100,000 р. сер. одной пошлины, не говоря уже о томъ, что развитіе каменноугольной промышленности имѣетъ громадное вліяніе на успѣхи механическихъ и техническихъ заведеній.

2) *Недостатокъ въ рабочихъ*. Отъ цѣнности первоначальныхъ пластовъ и платы рабочимъ зависитъ цѣнность угля, которая отъ 6 коп. доходитъ на мѣстѣ до 8 и 10 коп. (зимою, весною и осенью) и отъ 10 до 12 коп. лѣтомъ. Рабочій добываетъ отъ 30 до 50 пуд. въ сутки, получая, при хорошемъ продовольствіи, отъ 10 — 15 руб. въ мѣсяцъ. Однакожъ, не смотря на выгодность промысла, при наступленіи лѣтнихъ полевыхъ работъ, съ іюня до сентября, рабочіе бросаютъ шахты, предпочитая покосъ и жатву хлѣба. Плохое устройство колодезь, подвергающее рабочихъ не только ушибамъ, но и смерти отъ обваловъ, дѣлаетъ ихъ отчаянными и пріучаетъ ихъ къ пьянству; вообще же работы на шахтахъ не составляютъ ихъ исключительнаго занятія, и они, при первомъ удобномъ случаѣ, узнавъ о другихъ выгодныхъ заработкахъ, бросаютъ рудникъ или требуютъ надбавки заработной платы, отчего естественно дорожаетъ и самый уголь.

Эти причины побудили нѣкоторыхъ шахтохозяевъ выписать постоянныхъ горнорабочихъ изъ-за границы; но первый опытъ былъ неудаченъ по разнымъ обстоятельствамъ, изъ которыхъ главныя были слѣдующія: а) грушевскія каменноугольныя разработки были описаны въ самомъ розовомъ цвѣтѣ, и если онѣ не выражали собою страны, гдѣ постоянно течетъ «медь и млеко,» тѣмъ не менѣ спекулятивная фантазія изобразила грушевскую мѣстность обсаженною бананами и померанцами; б) хлѣбъ, мясо и овощи были выставлены по самымъ дешевымъ цѣнамъ; в) были обѣщаны просторныя, каменные помѣщенія, отдѣльно для женатыхъ и холостыхъ; d) цѣна съ cadaго пуда угля назначалась по 3 коп.

Около тысячи горнорабочихъ изъ Пруссіи, на издержкахъ нѣкоторыхъ изъ шахтохозяевъ, въ іюнѣ 1860 года, явились въ г. Новочеркасскъ, сопровождаемые своими женами, подругами и музыкантами. Большая часть изъ нихъ, какъ видно по послѣдствіямъ, оказались вовсе не призванными къ этому дѣлу, и состояли изъ людей, готовыхъ законтрактоваться на какое угодно ремесло, лишь бы провести какъ-нибудь время. Уже въ Ново-

черкасскѣ рабочіе познакомились съ дороговизною жизни. Мясо стоило около 10 коп. за фунтъ (петровскій и успенскій посты;) огородныхъ овощей нельзя было достать и за дорогую цѣну; но когда они явились въ Грушевскій посадъ и увидѣли грязныя землянки непрехотливыхъ русскихъ рабочихъ, мѣстность, на простанствѣ десятковъ верстъ неимѣющую никакой растительности, влѣдствіе чего сухой и удушливый воздухъ Донской области для непривыкшихъ казался невыносимымъ, наконецъ, когда имъ пришлось начать работу своими инструментами, приспособленными къ мягкому каменному углю, а не къ твердому грушевскому антрациту, требующему для ломки особенной физической силы русскаго работника, тогда прусскіе искатели приключеній потребовали возвращенія на свою родину. Они видѣли, что, получая и по 5 коп. за пудъ угля, на готовомъ продовольствіи, состоящемъ, кромѣ обѣда, изъ кофея, они не могутъ выработать и половины того, что безъ особеннаго обремененія добываетъ русскій работникъ. Вслѣдствіе ихъ жалобъ, прусское посольство выхлопотало имъ возвращеніе; только небольшая часть, не болѣе тридцати человѣкъ, осталась на шахтахъ; однако же, это даетъ надежду со временемъ привлечь другихъ болѣе трудолюбивыхъ работниковъ.

Для ежегоднаго производства 20 милліоновъ пудовъ угля потребуется по крайней мѣрѣ 5,000 рабочихъ, а число ихъ на шахтахъ до этого времени едва превышало 1,000 человѣкъ, и тѣ расходились, какъ мы видѣли, съ начатіемъ полевыхъ работъ. Законтрактованіе хорошихъ горнорабочихъ потребуетъ устройства просторныхъ помѣщеній и машинъ, облегчающихъ ломку антрацита, а значитъ потребуетъ все тѣхъ же денежныхъ средствъ,

3) *Недостатокъ въ ассоціаціяхъ и недовѣріе къ товариществамъ и компаніямъ.* То, чего нельзя сдѣлать одному человѣку, часто бываетъ возможно при соединенныхъ силахъ и средствахъ нѣсколькихъ людей, которые составляютъ изъ себя общество (*société*), проникнутое одною цѣлью, однимъ и тѣмъ же стремленіемъ. Небольшія общества, соединяющіяся съ промышленною цѣлью, называются товариществами; большія же — компаніями.

Однакожь, товарищества и компаніи, такъ дурно ведущія свои дѣла въ Россіи, не преминули оказаться несостоятельными и въ Донской области. Нѣсколько донскихъ шахтохозяевъ, составившіе товарищество, едва получивъ участки, обязались поставитъ, въ 1858 году, полтора милліона пудовъ антрацита на волжско-донскую дорогу, по 6 копѣекъ; но по разнымъ причинамъ, не могли къ означенному сроку дойти своими шахтами до рабочаго пласта и, чтобы выполнить условіе, должны были сами покупать уголь по 8 и 9 коп. и тѣмъ естественно понесли убытки. Другой случай. Компанія «Пароходства и торговли по Азовскому и Черному моряты» на упомянутыхъ выше условіяхъ, рѣшилась взять каменноугольный участокъ (около Кадаатовской станціи, въ 35 верстахъ отъ Новочеркасска) и пригласила горнаго инженера, который, не изслѣдовавши хорошенько мѣстности, заложилъ до 15 шахтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ устроилъ помѣщенія для себя и рабочихъ, что обошлось компаніи около 200,000 рублей; между тѣмъ, уголь долженъ былъ оказаться не ближе, какъ на 200 саженьяхъ глубины, почему компанія рѣшилась просить другой участокъ; на первомъ же естественно потеряла расходы на 15 шахтъ, углубившихся каждая отъ 15 до 30 сажень. Въ товариществахъ и компаніяхъ приходится довѣряться одному или нѣсколькимъ лицамъ, которыя должны соединять въ себѣ благонамѣренность, честность и знаніе дѣла. Очень трудно найти людей, которые соединяли бы всѣ упомянутыя качества. Приобрѣтеніе капиталовъ у насъ дѣло совершенно случайное; по большей части, богатые люди не пользуются спеціальнымъ образованіемъ; это послѣднее дается въ удѣлъ людямъ неимущимъ, между тѣмъ главные распорядители компаній преимущественно богачи, вкладывающіе большіе капиталы. Отъ нихъ часто и зависитъ выборъ лицъ, управляющихъ работами, лицъ не отличающихся своею благонамѣренностію, умѣвшихъ привязать своихъ патроновъ любезностію и обходительностію. Но до какой степени необходимы товарищества и компаніи на Грушевскомъ рудникѣ, это видно изъ того, что почти каждый шахтохозяинъ имѣетъ на участкѣ свой собственный домъ или помѣщеніе для рабочихъ и конюшни; почти каждый устраиваетъ шахту, тогда

какъ на весь Грушевскій рудникъ достаточно 20 хорошо-устроенныхъ шахтъ. Теперешнее положеніе рудника, залитаго водою, какъ на старыхъ, такъ и на новыхъ разработкахъ, потребуетъ большихъ капиталовъ, которые можетъ предложить товарищество или компанія.

Эти и многія другія причины имѣютъ большое вліяніе на развитіе каменноугольной промышленности. Цѣна на уголь, какъ мы видѣли, возвышается отъ 6 до 12 коп. и даже болѣе и теряетъ не только Новочеркасскъ и сосѣдніе съ нимъ города,—потеря несется всѣмъ южнымъ краемъ, нашимъ пароходствомъ и всѣми потребителями этого горючаго матеріала. «Смрадный дымъ отъ англійскаго угля изъ трубъ пароходовъ разстилается по окрестнымъ долинамъ, а дымъ этотъ ѣстъ глаза и колетъ сердце не только прибрежнымъ жителямъ Дона, но и каждому русскому, вѣрящему слѣпо или по убѣжденію въ огромныя богатства и производительность своей родины.»

Отъ успѣховъ каменноугольной промышленности южнаго края разовьется пароходство по Дону и Волгѣ, облегчатся расходы желѣзныхъ дорогъ и заводовъ, и сохранятся послѣдніе остатки лѣсовъ, истребленіе которыхъ по бассейнамъ упомянутыхъ рѣкъ оказываетъ уже ощутительное вліяніе на перемѣну климата въ юго-восточной россіи.

Чтобы дать приблизительное понятіе о значеніи каменнаго угля, приведемъ цифры добыванія этого матеріала въ другихъ государствахъ за 1859 годъ.

Въ Россіи . . .	2,520,000	(2 ¹ / ₂ милліона пуд.)
— Франціи . . .	456,378,400	(456 милліоновъ >
— Великобританіи	4,502,605,040	(4,502 милліона >
— Соедин. Штат. .	923,028,650	(923 милліона >

Англія вывозитъ въ другія государства, и преимущественно въ Россію, 455,918,400 пудъ. Эти цифры убѣдительно всего говорятъ о необходимости добыванія каменнаго угля и уничтоженія причинъ, стѣсняющихъ каменноугольную промышленность.

Недавно мы получили извѣстіе, что донскіе казаки соглашались дать позволеніе разрабатывать каменный уголь иногороднымъ. Смѣемъ думать, что къ этому побудило ихъ отчасти

гласное обсужденіе вопроса о каменноугольной промышленности. Можно надѣяться, что затѣмъ составитъ компанія для разработки антрацита и будутъ приглашены хорошіе горнорабочіе изъ-за границы или образуются свои горнорабочіе, побуждаемые къ этому ремеслу хорошимъ содержаніемъ и выгоднымъ заработкомъ. Послѣдній же толчокъ каменноугольной промышленности долженъ быть данъ чугунно-литейными заводами, а потому обратимся теперь къ этому вопросу.

Желѣзная руда находится почти во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ южнаго края; но въ особенности богатыя мѣсторожденія ея находятся въ Крыму близъ Керчи, въ Екатеринославской губерніи близъ Александровска, недалеко отъ Калміуса и во многихъ мѣстахъ Донской области.

Въ 1795 году, съ цѣлью снабжать черноморскій флотъ снарядами и другими чугунными и литейными произведеніями, устроенъ въ Екатеринославской губерніи Луганскій литейный заводъ, на р. Лугани, впадающей въ Донецъ. Однакожъ, Луганскій литейный заводъ выдѣлываетъ желѣзо и чугуныя издѣлія изъ привознаго матеріала; чугунъ перевозится изъ сибирскихъ рудниковъ, значитъ долженъ спуститься до Волги, потомъ по Волгѣ къ городу Царицыну, оттуда по волжско-донской желѣзной дорогѣ въ посадъ Калачъ, дальше Дономъ до Аксайской станицы, или города Ростова-на-Дону и оттуда опять сухопутнымъ на Луганскій заводъ. Такимъ образомъ цѣнность чугуна возрастаетъ отъ его перевозки; въ настоящее время пудъ желѣза обходится до 2 р. 50 к. Эта цѣна для простаго народа, употребляющаго желѣзо на плуги, ободы колесъ и другія земледѣльческія орудія, такъ высока, что въ южномъ краѣ потребность желѣза доходитъ до крайности. Въ понятіи народномъ не считается за грѣхъ и воровство украсть кусокъ желѣза, вытащить гвоздь изъ моста, вырвать зацепку или петлю изъ строенія. Стоитъ только вспомнить, сколько нужно желѣза при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ. До сихъ поръ мы получаемъ рельсы изъ-за границы.

На отысканіе желѣзныхъ рудъ было обращено мало вниманія. За исключеніемъ различныхъ мелкихъ мѣсторожденій въ

Допской области и Екатеринославской губерніи, лучшая мѣстность, представляющая удобства для разработки желѣзныхъ рудъ, находится близъ Намышъ - Бурупа, на берегу Чернаго моря, въ 9-ти верстахъ на юго-западъ отъ Керчи. Руда (бурый желѣзнякъ) составляетъ здѣсь пластъ, толщиною по двѣ сажени слишкомъ, который обнаженъ на береговомъ обрывѣ болѣе чѣмъ на версту.

При разработкахъ керченскихъ рудъ опредѣлено, приблизительно, что пудъ желѣза обойдется въ 65 коп., пудъ рельсовъ въ 86 коп. Предположимъ, что пудъ рельсовъ обошелся бы хоть въ 1 руб. сер. за пудъ, и тогда представлятся неисчислимыя выгоды отъ основанія въ южной Россіи чугунно-плавильныхъ и рельсовыхъ заводовъ.

Чтобы показать связь между разработкою желѣзныхъ рудъ и каменнаго угля, замѣтимъ, что для производства 1 пуда чугуна изъ руды требуется два пуда антрацита; при передѣлкѣ же чугуна въ желѣзо и рельсы потребуется еще 2 пуда антрацита; такимъ образомъ, на пудъ желѣза потребуется 4 пуда антрацита, а на миллионъ пудовъ 4 миллиона. На этомъ основаніи за границу близъ каменноугольныхъ разработокъ постоянно устраиваются чугунно-литейныя заведенія.

За успѣхами въ каменноугольной промышленности въ одной мѣстности и разработками рудъ въ другой является тотчасъ необходимость соединить оба промысла желѣзными дорогами. Эти послѣднія, въ свою очередь, требуютъ различныхъ механическихъ и техническихъ заведеній. Такимъ образомъ страна мало-по-малу покрывается линіями желѣзныхъ дорогъ, заводовъ и фабрикъ. Развитіе промышленности привлекаетъ бездну рабочихъ, находящихъ на промыслахъ себѣ пропитаніе. Люди, за ними общество, а потомъ и цѣлое государство богатѣетъ, дѣлается сильнымъ и грознымъ для народовъ необразованныхъ, на которые, въ свою очередь, дѣйствуетъ и изводитъ ихъ изъ глуши невѣжества и лѣни. Задача Россіи состоитъ въ образовательномъ вліяніи на Азію; но, въ свою очередь, наше государство должно постоянно слѣдить за возрастающей цивилизаціей на западѣ Европы.

Итакъ, южный край Россіи обладаетъ огромнымъ минеральнымъ богатствомъ; остается воспользоваться имъ, чтобы берега Азовскаго и Чернаго морей покрылись заводами, фабриками и промышленными городами, которые удобно могутъ соединиться съ центральною и сѣверною Россіею.

Перестанемъ думать, что алмазы, золото и серебро составляютъ истинное минеральное богатство страны. Великобританія, за исключеніемъ колоній, почти не имѣетъ ни одного изъ этихъ минераловъ, между тѣмъ каменный уголь, способствуя въ этомъ государствѣ устройству литейныхъ заводовъ и машинныхъ заведеній, былъ одною изъ существенныхъ причинъ, что Англія сдѣлалась самымъ богатымъ и вліятельнымъ государствомъ во всемъ мірѣ. Если мы внимательно прослѣдимъ все то, что въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ совершилось въ Западной Европѣ на промышленномъ поприщѣ, то придемъ къ убѣжденію, что страны ея дошли до столь счастливыхъ результатовъ и въ такой короткій срокъ посредствомъ развитія внутри ихъ горнаго промысла и механическаго искусства, отъ него зависимаго. Поэтому и въ Россіи возможное знакомство съ минеральнымъ богатствомъ своего отечества и развитіемъ его горныхъ промысловъ въ сравненіи съ заграничнымъ становится одною изъ главныхъ задачъ учащагося юношества. Наше государство въ послѣднее время выразило энергическое стремленіе идти въ уровень съ Западомъ. Матеріальнымъ богатствомъ оно обезпечено; ему болѣе и болѣе становятся необходимы люди, которые спеціальнымъ изученіемъ различныхъ отраслей знанія и примѣненіемъ умственнаго капитала къ даровымъ продуктамъ страны, проложили бы новый путь къ силѣ, значенію и благоденствію своего отечества.

4. ДНѢПРОВСКІЕ ПОРОГИ

Географическое положеніе и названіе пороговъ.—Константинъ Багрянородный и Бопланъ о порогахъ.—Старый казачій ходъ и каналы.—Лецманъ —Плаваніе на порогахъ.

(Извлеч. изъ кн. *Потѣдка въ Южную Россію Аванасьева - Чужбинскаго.*)

Днѣпровскіе пороги растянулись на протяженіи 65 верстъ. Они начинаются у лецманской деревни *Каменки*, что въ 7 в. къ югу отъ Екатеринослава, и оканчиваются у нѣмецкой колоніи *Кичкасъ*.

Представьте себѣ гряды огромныхъ камней, брошенныхъ поперекъ всей рѣки отъ одного берега до другаго въ нѣсколько рядовъ, одинъ ниже другаго, и вы будете имѣть понятіе о порогѣ. Нѣкоторые пороги, какъ напр., *Ненасытецъ*, имѣютъ 12 уступовъ, или по-тамошнему, *лазъ*, такъ что длина всего порога превышаетъ версту (643 с.). Попавъ на порогъ, барка несется съ необычайною быстротою съ одной лавы на другую, гнется, скрипитъ, стонетъ, обливается водою. За шумомъ воды, падающей красивыми, пѣнисто-бѣлыми водопадами съ одного уступа на другой, не слышно команды лецмана; рабочіе слѣдятъ только за движеніемъ руки его. Такихъ пороговъ насчитывается теперь 9, а именно: *Кодацкій*, *Сурскій*, *Лоханскій*, *Звонецъ*, *Ненасытецъ* или *Днѣвъ*, самый опасный, имѣющій 12 лавъ, 634 с. ш. и 2 с. паденія, *Волниъ* или *Внукъ*, *Будиловскій*, *Лишній* и *Вильный* или *Гадючій* (змѣиный,) имѣющій 450 с. ш. и 1 с. паденія и 6 лавъ. Кромѣ пороговъ, на всемъ упомянутомъ пространствѣ безпрестанно попадаются заборы, гряды камней, идущихъ до половины рѣки и оставляющихъ свободное мѣсто для прохода судна, острова, утесы, мели, водовороты. Всѣ эти препятствія надо умѣть обойти, преодолѣть, пока выберешься изъ этого опаснаго лабиринта днѣпровскихъ пороговъ. Вообще, днѣпровскіе пороги представляютъ огромныя затрудненія въ судоходствѣ.

Днѣпровскіе пороги извѣстны были уже и древнимъ, что

видно изъ Геродотова описанія Скиѣи; но болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ находимъ у Константина Багрянороднаго, который такъ описываетъ прохожденіе руссовъ черезъ пороги: «Руссы, желавшіе отправиться для торговли въ Царьградъ, собирались обыкновенно отъ Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода въ Кіевъ. Здѣсь, купивъ новыя суда, или однодревки, доставлявшіяся въ Кіевъ кривичами и другими сосѣдними племенами, обитавшими на сѣверъ отъ этого города, руссы спускались внизъ по Днѣпру до Вятичева. Тутъ оставались они до трехъ дней, пока всѣ суда собирались къ этому мѣсту. Потомъ продолжали путь къ днѣпровскимъ порогамъ. У перваго порога руссы сходили съ судовъ: порогъ этотъ чрезмѣрно узокъ и весьма опасенъ по причинѣ сильнаго стремленія воды. Вода здѣсь ударяется о камни и низвергается съ ужаснымъ шумомъ. Въ этомъ мѣстѣ назначенные люди шли по рѣкѣ вбродъ и ощупывали босыми ногами тѣ части дна рѣчнаго, на которыхъ находилось менѣе камней. Нашедши такой болѣе удобный проходъ, они извѣщали другихъ руссовъ, которые должны были по указанному ими пути проводить суда, упираясь длинными шестами спереди, въ серединѣ и сзади, и такимъ образомъ почти перетаскивали, съ величайшимъ трудомъ, свои лодки чрезъ русло этого перваго порога. Потомъ всѣ сажались въ однодревки и плыли ко второму порогу, который былъ столь же опасенъ и затруднителенъ для прохода, какъ и первый; высаживали людей и поступали съ судами какъ и прежде. Такимъ же точно образомъ руссы переходили и третій порогъ. У четвертаго часть ихъ вооружалась и находилась насторожѣ, во все время перехода черезъ этотъ порогъ, потому что печенѣги обыкновенно здѣсь нападали на проѣзжавшихъ и грабили ихъ. Другая часть руссовъ выгружала товары, несла ихъ на себѣ на протяженіи 6,000 шаговъ и вела скованныхъ невольниковъ. Остальные руссы тащили свои суда или несли ихъ на плечахъ до того мѣста, гдѣ уже можно было безъ опасности спустить ихъ на воду. Тутъ они снова нагружали лодки, сажались въ нихъ и плыли къ пятому порогу, у котораго должны были прово-

доть суда точно такъ же, какъ и черезъ первый порогъ. Протѣхавъ это опасное мѣсто, они должны были переплывать потомъ чрезъ 2 остальные порога, изъ которыхъ у шестаго принуждены были поступать точно такъ же, какъ у пятаго, и наконецъ доплывали до *Крапійскаго* перевоза, гдѣ теперь *Кичкасъ*. Здѣсь руссы также должны были приготовляться къ бою, потому что и тутъ нападали на нихъ печенѣги. Затѣмъ всѣ челноки приставали къ острову св. Георгія (Хортица) и оставались нѣкоторое время для приношенія жертвъ, бросанія жребія, гаданія и проч.»

Путешественникъ XVI в., Бопланъ, лично обозрѣвшій и проплывшій днѣпровскіе пороги, сомнѣвается въ томъ, чтобы пѣшіе люди, среди камней и быстрого теченія, отыскивали русло. Но намъ кажется, что самый первоначальный способъ плаванія черезъ пороги и не могъ быть иной, тѣмъ болѣе, что въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ руссы перетаскивали суда. При Бопланѣ были уже опытные лоцманы, умѣвшіе переводить суда по порогамъ. Онъ насчитываетъ 13 пороговъ, причисливъ къ нимъ, вѣроятно, и нѣкоторые заборы.

Особенно интересна слѣдующая замѣтка Боплана о днѣпровскихъ порогахъ: «Я осмотрѣлъ и посѣтилъ всѣ 13 пороговъ, переплывъ всѣ водопады противъ теченія. Это съ перваго взгляда покажется невозможнымъ, ибо водопады имѣютъ отъ 7 до 8. ф. паденія. Судите же, какъ необходимо тамъ искусство хорошо править рулемъ. У казаковъ есть обычай принимать въ свой кругъ только того, кто проплыветъ всѣ пороги противъ теченія. Пороги, подобно цѣпи скаль, идутъ поперекъ Днѣпра, нѣкоторые лежатъ подъ водою, другіе вровень съ нею, а иные надъ поверхностью отъ 8 до 10 фут. громадами, величиною съ домъ и такъ близко другъ возлѣ друга, что составляютъ родъ плотины, которая запруждаетъ рѣку. Здѣсь Днѣпръ поднимается и падаетъ съ высоты 5 или 6 ф., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и болѣе. Весною, при таяніи снѣговъ, рѣка покрываетъ всѣ пороги, исключая Ненасытецкаго, который только и препятствуетъ судоходству въ это время. Лѣтомъ же

и осенью, когда вода стоит на самой низкой точкѣ, водопады имѣють нерѣдко отъ 10 до 15 фут. въ вышину.

Въ настоящее время суда проводятъ двумя способами: или старымъ, казачьимъ, ходомъ, или по недавно-устроеннымъ каналамъ. Притомъ, для прохода судовъ, со времени Екатерины, существуетъ хорошо организованное общество лоцмановъ, которые составляютъ населеніе цѣлой деревни лоцманской Каменки.

Между каменными грядами есть мѣста, гдѣ судно можетъ пройти свободно, и эти-то мѣста называются старымъ или казачьимъ ходомъ. Но по этому пути могутъ ходить суда только въ весеннюю и осеннюю полою воду; лѣтомъ же, когда вода мельчаетъ, пробираться по порогамъ весьма опасно и рисково. Для устраненія этого неудобства, еще Екатерина II, лично обозрѣвъ пороги, повелѣла расчистить каналы вдоль 4-хъ опаснѣйшихъ пороговъ. Слѣды двухъ изъ нихъ остались до сихъ поръ. Въ прошлое царствованіе сооружены новые каналы вдоль всѣхъ 9-ти пороговъ, стоящіе казнѣ болѣе 2 м. рублей. Эти каналы устроены въ самомъ руслѣ рѣки, у лѣваго ея берега, такимъ образомъ: вдоль cadaго порога расчищено мѣсто отъ камней на 15 с. ш. во всю длину порога; бока канала обставлены камнями, и у входа приданы откосы или крылья, съ цѣлію захватить какъ можно болѣе теченія. Не смотря на это, лоцманы болѣе предпочитаютъ старый казачій ходъ, потому что здѣсь они не уклоняются отъ фарватера, (*) между тѣмъ какъ, идя каналами, они должны безпрестанно удаляться отъ него: девять разъ сворачивать при входѣ въ каналы и девять разъ опять попадать на фарватеръ при выходѣ изъ нихъ. Поэтому по каналамъ ходятъ суда только въ самую низкую воду.

Суда, намѣревающіяся спуститься за пороги, обыкновенно приходятъ въ лоцманскую Каменку и предъявляютъ свои бумаги въ контору, съ требованіемъ лоцмана. Атаманъ тотчасъ ѣдетъ обмѣрять грузъ и, смотря по высотѣ воды, иногда ве-

---

(*) Фарватеръ, англійское слово — мѣсто между мелями подводными камнями и пр., удобное для прохода судовъ.

лпть отгружать судно до извѣстной степени, ибо по водомѣру видно, съ какимъ грузомъ можно безопасно перейти въ порогахъ. Послѣ этого онъ тщательно осматриваетъ якоря, канаты, весла и въ особенности стеренъ или стерно (руль,) которое по бѣльшей части тутъ же и придѣлывается на мѣсто прежняго. Стерно состоитъ изъ мачтоваго дерева, саж. 10 въ длину, съ придѣланною къ нему лопастью, или перомъ, саж. въ четыре. Въ порогахъ бесполезенъ обыкновенный руль, который, вращаясь у самой кормы, можетъ дать только извѣстное направление, но не можетъ удержать его при быстротѣ пороговаго теченія; кромѣ того, стерно и поворачиваетъ сильнѣе, имѣя упоръ въ нѣсколькихъ саженьяхъ. На плотахъ находятся по два особенныхъ руля (бабайки) на каждомъ концѣ.

На судно назначается первостатейный лоцманъ и его помощникъ; если рабочихъ мало, то хозяинъ обязанъ нанять нѣсколько прибавочныхъ. Въ случаѣ, если лоцманъ еще молодой, ему придается дядя изъ опытныхъ, старыхъ лоцмановъ, который, слѣдя за дѣйствіями молодаго товарища, помогаетъ ему совѣтами и учитъ нѣкоторымъ пріемамъ, усвоеннымъ во время многолѣтняго плаванія. Самый лихой кормчій, молодой лоцманъ, всегда съ уваженіемъ обращается къ дядѣ и называетъ его, по старому казацкому обычаю, *батъка*. Предъ отплытіемъ изъ Каменки, лоцманъ получаетъ приказаніе, черезъ какіе пороги идти каналами, черезъ какіе — старымъ ходомъ. Отваливаютъ въ самую тихую погоду, когда, что называется, не шелохнетъ. Но и въ самый благопріятный день *схватываются полосы* (вѣтеръ,) и если такая полоса застанетъ барки при входѣ въ порогъ, гдѣ уже нельзя ни повернуть, ни бросить якоря, тогда, съ крѣпкой надеждой на Бога, лоцманъ пускается въ опасный путь.

Принявъ барку на свою отвѣтственность, лоцманъ возвышаетъ голосъ, переходящій въ тонъ командирскій, и приказываетъ всѣмъ, по малорусскому обычаю, присѣсть на секунду, и потомъ начинаетъ молиться съ колѣнопреклоненіемъ. Суровое, умное лицо лоцмана въ это время выражаетъ такую набожность, такую искреннюю молитву, что всякій прочтетъ въ

этихъ чертахъ высокое благоговѣніе къ Провидѣнію. Всѣ, находящіеся на суднѣ, молятся нѣсколько минутъ. При этомъ на нѣкоторыхъ лицахъ видно безпокойство, по которому можно узнать новичковъ, или *перваковъ*, какъ называютъ ихъ лоцманы. Поднявъ якорь, барка тихо оборачивается, человѣкъ шесть управляютъ стерномъ по указаніямъ лоцмана, и, смотря по тому, идти ли старымъ путемъ или въ каналъ, судно принимаетъ то или другое направленіе. Поплыли внизъ по теченію; раздается мѣрный ударъ веселъ; берега начинаютъ уходить назадъ. Раздается команда лоцмана: *шабашъ!* Весла приподнимаются, и судно плавно несется теченіемъ Днѣпра. Здѣсь начинаются разговоры, разспросы, но лоцманъ не словоохотливъ. Онъ умными глазами смотритъ впередъ и, заложивъ руки за спину, дѣлаетъ своему помощнику различныя замѣчанія:

— *Увелику воду туди лучше* (въ большую воду туда лучше;) или: *треба держать чердакъ на оттой камінь* (надо держать носъ на тотъ камень.)

И вотъ опять раздается команда: *гребемъ!* Весла снова зашумѣли, а барка снова пошла быстрѣе, и передъ вами кодацкій порогъ, котораго вы еще не видите, но близость котораго слышите по шуму и замѣчаете по бѣлымъ всплескамъ, подпрыгивающимъ впереди, словно кролики. Если судно идетъ старымъ ходомъ, то направляется болѣе къ правому берегу, если же въ каналъ, то забираетъ далеко влѣво.

Въ то время, когда пороговое стремленіе подхватить судно, лоцманъ командуетъ:

— *Шабашъ! къ стерну!*

И гребцы, оставивъ *гребки* (весла,) спѣшатъ на подмостки и становятся по обѣимъ сторонамъ стерна, которое въ верхнемъ концѣ имѣетъ нѣсколько небольшихъ жердей, для того, чтобы можно было поворачивать лопасть плашмя при переносѣ стерна съ одной стороны на другую. Здѣсь чувствуется легкое замираніе сердца, что-то въ родѣ испуга, а вмѣстѣ съ этимъ пробѣгаетъ какое-то пріятное ощущеніе, когда чердакъ, спустившись въ первую пѣну, высоко брызжетъ съ оглушающимъ шумомъ. Лоцманъ устремилъ глаза впередъ:

— Придави еще! еще! Ставь!

Всплески мѣшаютъ слушать; лоцманъ рукою показываетъ движеніе и самъ бросается къ стерну.

— Держи!

И усилія всѣхъ напряжены, и барка несется по 4-мъ уступамъ, какъ по стрункѣ. Хотя уступы и не высоки, однако цѣлая масса Днѣпра съ шумомъ бросается внизъ и тамъ ужасными, пѣнистыми волнами несется межъ камней до другаго уступа и, ринувшись съ большою быстротою, продолжаетъ бушевать съ оглушающимъ шумомъ.

Въ каналѣ бываетъ то же самое, только меньше страха, да и веселѣе плыть, потому что вода несетъ необыкновенно быстро. По выходѣ изъ порога, когда проплыли большое волненіе, лоцманъ становится на колѣни; его примѣру слѣдуютъ всѣ и благодарятъ Бога за благополучную переправу. Потомъ кормчій поздравляетъ хозяина и прибавляетъ:

— Дай Богъ такъ и до мѣста!

Выйдя въ тихую погоду, всѣ отдыхаютъ, а гребцы принимаютъ за завтракъ,—до пороговъ еще далеко. Лоцману выносятъ стаканъ чаю, но онъ все стоитъ у стерна, потому что долженъ замѣчать мели, утесы и камни, скрывшіеся подъ водою, и водовороты, или *пекла*, по тамошнему. Нѣкоторыя пекла такъ опасны, что если судно или плотъ, по неосмотрительности лоцмана, попадетъ въ него, то разбивается въ куски. Объ одномъ пеклѣ за порогомъ Ненасытець сложила поговорка: *попивсь у пекло, буде йому холодно и тепло*.

За Кадакомъ слѣдуютъ менѣе опасные пороги: Сурскій, Лоханскій, Звонецъ. Но вотъ за островомъ Козловымъ, гдѣ судно бросаетъ якорь и отдыхаетъ, показывается самый опасный порогъ—Ненасытець, у лоцмановъ—Дѣдъ. Страшный шумъ, частую, слышится еще отъ Звонецкаго порога, здѣсь уже очень явственно даетъ знать о близости Дѣда и вскорѣ, вправо, показываются огромные всплески волнъ, бьющихся бѣлой пѣной между камнями. Оба берега скалисты.

— *Готовъ відра! конопатки! къ стерну!* вскрикиваетъ лоцманъ и становится у стерна, за которое ухватилось чело-

вѣкъ 20, готовыхъ исполнять его приказаніе по одному слову, по одному мановенію руки. Всплески виднѣе и слышнѣе. Барка проплываетъ *Раковъ* камень. Порогъ показался весь, покрытый *букомъ* (пѣной.) Управляемая искуснымъ лоцманомъ, барка бросается съ первой лавы, и въ этомъ омутѣ, въ этомъ страшномъ шумѣ *Днѣпра*, бьющагося между камнями, не всегда слышна команда лоцмана, который движеніемъ показываетъ направление и изъ всѣхъ силъ кричить: *Держи!* — если нужно держать стерно неподвижно. Съ уступа на уступъ несется барка естественнымъ фарватеромъ, повинаясь могучему стерну, и пробѣгаетъ всѣ 12 уступовъ порога на протяженіи болѣе версты почти въ три минуты. Барка гнется, скрипитъ, иногда словно стонетъ. Волненіе страшное, всплески, въ особенности въ послѣдней лавѣ, схватываются на чердахъ и обливаютъ..... Но вотъ она на вольной водѣ, и снова всѣ становятся на колѣни благодарить Бога.

Сверху и снизу порога, во время навигаціи, стоятъ спасительные дубы (большія лодки) съ очередными лоцманами. Они обязаны во время несчастія подавать поспѣшную помощь погибающимъ. И лоцманы исполняютъ свою обязанность съ изумительнымъ самоотверженіемъ. Пишу это не со словъ самовидцевъ, а рассказываю то, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Верхній дубъ не только спасаетъ потерпѣвшихъ крушеніе въ порогѣ, но если только очередные лоцманы замѣтятъ, что плотъ сбило вѣтромъ съ хода, что онъ плыветъ прямо на камни, тотчасъ же гребутъ къ плоту и снимаютъ людей и ихъ одежду. Случается, что плотъ зацѣпляется въ самомъ порогѣ за камни, и его бьетъ на лавѣ. Картина ужасная! Связки разрываются, толстыя бревна ломаются, какъ щепки, и тутъ-то людямъ предстоитъ гибель, какъ отъ воды, такъ и отъ бревенъ. Спасители спускаются внизъ и схватываютъ погибающихъ, то ловя ихъ въ пучинахъ, то снимая съ камней. Не дальше, какъ нѣсколько дней тому назадъ било огромную барку въ *Ненасытцѣ*. Страшно было смотрѣть..... Она задержалась на *мокрыхъ кладяхъ* (такъ называется 11 лава:) носъ вошелъ въ пучину, люди держались на кормѣ, а вокругъ такіе буруны и всплески, что трудно со-

ставить себѣ о нихъ понятіе. Всплески и буруны эти называются у лощмановъ, очень мѣтко, *грозою*. Верхнему дубу нельзя было *напуститься*, потому что онъ не могъ бы удержаться по быстротѣ водопада, а нижній, сколько ни употреблялъ усилій, не могъ выгрести, — его захлестывало волною. Сквозь пыль этой *грозы* я видѣлъ только благородныя головы лощмановъ, слѣшившихъ на помощь, и отчаянную фигуру рулевого въ черной бараньей шапкѣ, стоявшаго у своего мѣста..... Погибавшіе бросили, однако, бревно, привязавъ его къ веревкѣ, схватясь за эту послѣднюю, спасители подтянулись къ баркѣ и начали снимать людей.....

Остальные четыре порога не представляютъ большихъ опасностей. Каменскіе лощманы приводятъ обыкновенно барку или до колоніи *Кичкасъ*, или до острова *Хортицы*, который лежитъ за послѣднимъ порогомъ — *Вильнымъ*. Здѣсь лощманъ поворачиваетъ барку противъ теченія, бросаетъ якорь и передаетъ судно коренному лощману, который до этого времени молча стоялъ у руля и исполнялъ приказанія каменскаго лощмана; теперь онъ возвышаетъ голосъ и повелительно отдаетъ приказанія судорабочимъ, и вся фигура его принимаетъ гордую осанку.

Я описалъ плаваніе барки, но плоты, которыхъ спускается чрезъ пороги большое количество, не всегда слѣдуютъ тому же направленію. Для плота гибеленъ малѣйшій вѣтерокъ, въ особености если онъ плыветъ серединой рѣки, и поэтому плоты держатся преимущественно береговъ и, какъ выражаются лощманы, *любятъ цѣпляться за каждый роженъ* (мысль.) Любопытно и вмѣстѣ страшно смотрѣть, когда плотъ бросается въ первую гряду порога: хвостъ его еще далеко, а голова погрузилась въ омутъ, и люди, стоящіе у первыхъ *бабаекъ*, погружены по грудь въ кипящую пѣну; секунда — и весь плотъ извивается между камнями. Съ плотами и несчастья случаются чаще, чѣмъ съ барками. Плоты идутъ черезъ пороги иногда по нѣскольку недѣль. Малѣйшее дуновеніе вѣтра ему помѣха, и онъ долженъ, стоя на якорѣ, выжидать невозмутимой тишины.

Самымъ главнымъ предметомъ днѣпровской судоходной тор-

говли должно считать лёсъ, сплавляемый по этой рѣкѣ сверху ко всѣмъ среднимъ пристанямъ и преимущественно за пороги. Товаръ этотъ слѣдуетъ и на плотяхъ, и на различныхъ судахъ, особенно если онъ обдѣланъ. Чрезъ пороги идутъ: деготь, желѣзо, канаты, чугуны, стекло, конопли и сѣмя; въ меньшемъ количествѣ: водка, солодъ, льняное сѣмя, скипидаръ, хрусталь, бумага, стеариновыя свѣчи, медъ и цикорій; сплавляются и водоплавныя мельницы съ приборомъ, жернова, повозки, сани.

Всѣ эти предметы идутъ или на баркахъ, или на брянкахъ, или на берлинахъ. Барки поднимаютъ грузу до 30,000, брянки до 7,000, а берлины до 8,000 пудовъ. На баркѣ непременно встрѣчается нѣсколько представителей русскихъ народностей: великоруссъ—въ качествѣ хозяина или прикащика, малоруссъ—всегда лоцманъ, бѣлоруссы—судорабочіе; еврей тоже въ лицѣ хозяина или прикащика.

5. Жизнь въ степи.

(В. Пассекъ. Очерки Россіи.)

Человѣкъ не успѣлъ еще овладѣть степями. Обширныя пространства земли невоздѣланы, даже незаняты кочевыми стадами овецъ. Селенія тянутся болѣе по берегамъ большихъ рѣкъ, какъ по жизненнымъ жиламъ страны; въ глубинѣ степей они рѣдки и спустились въ удолья логовъ, къ ключамъ и колодцамъ.

Жилье человѣка сложено изъ камня, который былъ нѣкогда дномъ океана и слить изъ несмѣтнаго множества раковинъ, — этихъ опустѣлыхъ жилищъ нѣкогда живаго міра; теперь онъ скрытъ въ землѣ, или выступаетъ скалами по глубокимъ оврагамъ. Заборы около хатъ сплетены изъ тростника или сложены изъ неровныхъ кусковъ того жѣ сыраго камня. На нихъ лежатъ клочки налетѣвшей соломы и сушатся груды сѣровато-чернаго кизяка. Подлѣ выступаетъ спокойно, будто дома, дикій аистъ: гнѣздо его сплетено изъ прутьевъ и сухихъ травъ на кровлѣ хаты, и человѣкъ боится коснуться до него по какому-

то необъяснимому повѣрью. (*) Такія жилища, поразительныя для сѣвернаго обитателя своею дикостью и бѣдностью, почти нигдѣ не оживлены ни садомъ, ни даже однимъ кустомъ зелени. Бѣдные начатки садовъ у колонистовъ и рѣдкихъ изъ нашихъ помѣщиковъ грустно напоминаютъ пустыню. Зато приднѣпровье и побережье другихъ большихъ рѣкъ обильны фруктовыми садами, оживлены зеленью дикихъ деревъ, и взоръ, утомленный однообразіемъ и пустынными видами степи, отрадно отдыхаетъ на темной зелени острововъ и на прохладной синевѣ Днѣпра, Дона, Буга, Днѣстра и Дуная.

Болѣе милліона людей живетъ на степяхъ отъ береговъ Дона до Дуная и пользуется ихъ дарами. Тяжелый плугъ силою восьми воловъ браздитъ нетронутыя равнины. Тысячи плотовъ и барокъ несутся по теченію рѣкъ съ избытками сѣвера и самихъ степей. Болѣе пятнадцати милліоновъ пудовъ хлѣба передается на чужеземные корабли за наличный капиталъ или за произведенія ихъ земли. До двухъ милліоновъ тонкорунныхъ овецъ свободно бродятъ, почти круглый годъ, на равнинахъ, обильныхъ травами, и наводятъ мысль на огромные успѣхи и выгоды промышленности. Каждое мѣсто ожидаетъ человѣка, чтобы вознаградить его трудъ, и вызываетъ къ смѣлости предпріятій. Пароходство по морямъ и рѣкамъ; разработка каменнаго угля и замѣнъ имъ дровъ въ безлѣсныхъ пустыняхъ; разведеніе лѣсовъ и садовъ; неисчерпаемые запасы соли; винодѣліе; обширныя рыбныя ловли; овцеводство; удобство заведенія лучшихъ лошадей и рогатаго скота; удобство и быстрота сообщеній; артезіанскіе колодцы,—все это великія начала жизни степей, и все на первой ступени движенія, еще въ колыбели, еще далеко отъ прочнаго устройства и совершенствованія, еще далѣе отъ возможности правильной мануфактурной дѣятельности; но все преуспѣваетъ съ неимоверною быстротою, если только сообразить, что за сто лѣтъ среди этихъ пустынь, по-

---

(*) Его почитаютъ благотвѣльной для человѣка птицей; ибо апсть истребляетъ змѣй и гадовъ, употребляя ихъ въ пищу. Гнѣздо его на хатѣ предвѣщаетъ, по повѣрью, благополучіе.

росшихъ гигантскимъ бурьяномъ и застланныхъ ковылемъ, почти не было ни жилья, ни безопаснаго проѣзда, что даже въ царствованіе Анны Іоанновны онѣ назывались татарскою стороною и наша порубежная оборонительная линія шла къ Днѣпру черезъ губерніи Харьковскую и Полтавскую. А теперь, въ вѣнцѣ городовъ, вспоенныхъ благомъ степей и моря, растутъ и красуются: Одесса, Таганрогъ, Керчь, Севастополь, и изъ рыбацкихъ лачугъ и сараевъ въ три года возникъ Бердянскъ и выступилъ рядами каменныхъ зданій. И недаромъ древніе народы приплывали къ этимъ пустынямъ, водворялись въ нихъ, и основанные ими города однимъ прахомъ возбуждаютъ въ насъ удивленіе и приковываютъ вниманіе.

Много приволья и простора жизни среди степей.

Я видѣлъ ихъ въ мартѣ, предвозвѣстникѣ южной весны. Солнце горѣло высоко и жарко. Воздухъ дышалъ свѣжестью. Бѣлыя облака какъ-то беспокойно бѣжали по синевѣ неба. Птицы неслись то вереницами, то нестройными стадами, и ихъ крикъ и свистъ не умолкали ни днемъ, ни ночью. Жаворонокъ разсыпался пѣснію. Рѣки, въ разливѣ своемъ, обхватили дуга, до вершинъ деревъ, залили острова и перешагнули черезъ гранитъ пороговъ; ручьи съ шумомъ сновались по всѣмъ логамъ и оврагамъ. Новая, свѣжая зелень пробивалась сквозь отжившія травы; высокіе, почернѣвшіе остовы бурьяна безжизненно смотрѣли на призывъ новой весны. Человѣкъ весело выходилъ изъ жилья и радовался на Божій міръ, и радовался, смотря на зеленѣющія пажити, воздѣланныя его трудомъ и богатая будущею жатвою.

Я видѣлъ степи въ маѣ. Солнце одиноко и знойно горѣло въ лазури неба; воздухъ полонъ нѣги и благоуханія; ночи холодны и живительны. Травы, полныя жизни, цвѣтутъ и незримо вырабатываютъ зерно новой жизни, для новой весны. Птицы зажили семьями и заботливо укрываются въ густотѣ травы. Природа погружена въ тайны жизни, и все живое, будто затаивъ дыханіе, наслаждается въ самомъ себѣ; кругомъ тишина отрадная, невыразимая..... Вѣрно въ это время поэтъ

слышалъ, какъ мотылекъ колыхался надъ травою, и какъ змѣя, скользя, дотрогивалась до стебля травы.

Въ сентябрѣ уже кончена жатва; поля отягощены золотыми снопами хлѣба. Заговорили токи, и полное зерно обильно сыплется изъ-подъ цѣповъ и копытъ лошади. Увядающія травы желтѣютъ; однѣ бережно хранятъ сѣмя будущаго поколѣнія, другія открываютъ свои сокровищницы, и легкій вѣтеръ прилетаетъ за сѣменемъ, уноситъ его и заранѣе отводитъ ему мѣсто для колыбели и могилы, для смерти и воскресенія. Серебристый ковыль волнуется широкимъ озеромъ и, кажется, плещетъ на желтый берегъ увядающей зелени. Птицы вывели изъ травной глуши свою молодую семью, учатъ дѣтей хитростямъ жизни и слетаются въ стада. Солнце горитъ одиноко; полдень зноенъ; утро и вечеръ прохладны; воздухъ замѣтно сухъ; день коротокъ; зари почти нѣтъ: близка южная осень. По ноябрьскому небу тяжело несутся сѣрые облака. Земля смочена и дождь снова накрапываетъ; солнце не лелѣетъ земли своей любовью: едва проглянетъ и скроется на цѣлый день. Травы увяли; новая зелень хлѣбовъ, среди угасающей жизни, наводитъ уныніе, какъ предсмертный румянецъ лѣта. Въ вышинѣ слышны крики гусей и журавлей; дрозды ходятъ огромными стадами; аисты собираются на взморѣ тысячами: одно стадо поджидаетъ другое, чтобъ было не такъ грустно покинуть родныя степи и летѣть на чужбину.

Жилье человѣка обставлено скирдами хлѣба: собранъ разсѣянный трудъ цѣлаго лѣта; надъ хатою чаще и долѣе вьется сѣроватый дымъ; по токамъ слышенъ стукъ цѣповъ и топотъ конскій; тяжелый плугъ снова бороздитъ ниву.

Январь. Рѣки окованы уже льдомъ. Южныя степи заблѣлись, какъ сибирскія тундры. Съ запада налетаютъ снѣжныя тучи, засыпаютъ курганы и овраги; метель бьетъ въ окно поселенина и, завывая, будто просить пріюта. Съ востока набѣгаетъ ураганъ: съ свистомъ взметааетъ волны снѣга, своеправно сбиваетъ ихъ въ сугробы, заметааетъ рвы и холмы. Вольный сынъ степей—онъ привыкъ здѣсь жить съ вольными кочевыми народами, еще недавно гулялъ съ ватагами татаръ и казаковъ;

онъ хочетъ простора, а предъ нимъ жилье человѣка, запасы труда—и онъ, какъ хищникъ, кидается на нихъ, рветъ, мечетъ, хочетъ увлечь съ собою, и утомленный бѣжитъ далѣе..... А въ жильѣ свѣтится огонь: человѣкъ, привыкнувъ къ степнымъ непогодамъ, спокойно занятъ своимъ дѣломъ и не страшится набѣговъ.

Буря утихла; небо безоблачно и холодно; солнце свѣтитъ сквозь міриады сверкающихъ пылинокъ; высокій бурьянъ стоитъ недвижимо и свѣтитъ радужно оледенѣлыми вѣтвями. Степь безпредѣльна, подъ саваномъ снѣга укрываетъ и бережетъ жизнь другаго лѣта.

Я былъ въ степяхъ, и теперь онѣ будто передо мною. Душа полюбила ихъ безпредѣльность, ихъ равнины и лабиринтъ ихъ логовъ, и ребры рѣкъ великановъ, и пустыню неба съ одинокимъ, знойнымъ солнцемъ, и темную синеву неба среди ночи, съ яркими звѣздами, ихъ непробудную тишину, вихри, бури, миражи, ужасъ засухъ и метелей.

Какъ часто среди тишины неожиданно, внезапно схватится вихрь и побѣжитъ по степи, то понесется прямо стрѣлою, то закрутится и обѣжитъ кругомъ васъ; сметаетъ сухія травы, срываетъ съ кровель тростникъ и солому, взвѣваетъ пыль; бѣжитъ, растетъ, вздымается къ облакамъ и вдругъ будто, выбившись изъ силъ, роняетъ все, что захватилъ на пути, и добыча безобразно сыплется на землю.

Бываетъ: въ ясный день, въ пустынной степи подымутся верхи церквей, колоколенъ, какихъ-то готическихъ зданій, окруженные широкимъ разливомъ воды; тамъ озеро и на немъ острова, покрытые деревьями, тамъ бродятъ какія-то громадныя чудовища, тамъ море гонить свои синія волны..... приближаетесь, и все, какъ очарованное, удаляется отъ васъ, идете тихо, и зданія и воды отодвигаются медленно, скачете и все бѣжитъ и измѣняется, а предъ вами та же пустыня неба и безводной степи, и тѣ же могильные курганы. Не грядущую ли жизнь и благо степей преобразуютъ эти видѣнія?

Хорошъ видъ степныхъ пожаровъ. Когда раннею весною выжигаютъ степи—огонь перебирается по травѣ, и сухой сте-

бѣль то затѣвется, то вдругъ вспыхнетъ, какъ свѣчка; пламя перебѣгаетъ, развивается; столбъ чернаго дыма встаетъ, растетъ, и если огонь нашелъ преграду, отдѣлится отъ земли и, свертываясь и развиваясь, несется облакомъ. Опаленная земля черна какъ уголь; сухія травы сожжены; но не пройдетъ мѣсяца, и земля съ новою силою и свѣжестью убирается зеленою.

Напоминать ли о страшной годинѣ засухъ и голода? Какъ они были страшны въ степяхъ! Отъ невыносимыхъ жаровъ иссохли ручьи, изсякли источники; растрескавшаяся земля раскалилась; травы, не доживши до лѣта, засохли и помертвѣли; кругомъ жилья не видно было запасовъ хлѣба; человѣкъ сталъ тихъ и унылъ; толпы работниковъ, зашедшихъ издали, бѣжали на сѣверъ; стада овецъ и рогатаго скота блуждали и, не находя обычной пищи, ѣли камышъ и бурьянъ; даже соломенные кровли хатъ служили для нихъ кормомъ, и въ ихъ ревѣ и мычаніи слышалось предчувствіе смерти.... Обезлюдѣло не одно селеніе, и теперь остатки разрушающихся домовъ въ опустѣлыхъ деревняхъ по крымскимъ степямъ тяжело напоминаютъ о страшной годинѣ.

Но, какъ изобразить весь ужасъ и все очарованіе степей?

«Кто хочетъ понять поэта, пусть идетъ въ страну, гдѣ пѣлъ поэтъ.» (*)

Кто хочетъ постигнуть страну, пусть сживется съ природою страны. Много было жизни среди этихъ степей, много приволья для кочевыхъ народовъ. Передвигавшись изъ одной части свѣта въ другую, они останавливались здѣсь; основывали свои кочевыя царства, вели тяжелыя войны съ азійскими и европейскими государствами; многіе занимались земледѣліемъ и сбывали избытокъ хлѣба греческимъ торговцамъ; имѣли свои города и свои временныя и постоянныя кладбища.

По взморью чужеземцы устраивали города, и слава о нихъ доходила до отдаленныхъ странъ тогдашняго міра.

Но безпрерывныя войны, но враждебныя племена, выдвинутыя обстоятельствами или прихотью изъ степей средней Азіи,

---

(*) Гёте.

измѣняли или, лучше, устроивали особенный ходъ дѣлъ, заступали одни мѣста другихъ, гнали побѣжденныхъ въ пустыни сѣвера и въ ущелія горъ и въ даль Европы.

Такъ переходили племена, и, измѣняя свое настоящее, измѣнялись сами, и шли по неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія. Изъ праха ихъ жизни возникала жизнь новая, и посреди нашего настоящаго лежатъ грустные остатки ихъ городовъ; вездѣ видны слѣды жилья и повсюду разбросаны могильные курганы.

6. Донскія степи.

(Филоновъ. Очерки Дона)

Степь! Что такое степь, и притомъ—степь донская, лѣтомъ, въ непрерывные июльскіе жары? Это почти нескончаемый путь по огромнымъ, перерѣзаннымъ балками, ярами, пространствамъ, безлюднымъ, пустыннымъ, безлѣснымъ, сухимъ и усѣянными исчахшими травами. Среди голубаго, неотемненнаго даже однимъ облачкомъ, неба катится пламенное солнце и повыжгло всю траву на степи, беззащитную траву, на которую не падаетъ тѣнь отъ лѣса, или рощи, или придорожныхъ березъ: ибо ничего подобнаго нѣтъ на донскихъ степяхъ. Цѣлая сотня верстъ ѣдешь и не видишь зерноваго хлѣба. «Гдѣ у васъ сѣютъ хлѣбъ?» спросилъ я ямщика. «Тутъ его нѣту,» отвѣчалъ ямщикъ. Бывало, въ Россіи, ѣдешь по просѣлку среди ржи и ячменя, какъ среди лѣса; на повозку гнется спѣлый колосъ. Здѣсь же я проѣхалъ по степямъ почти четыреста верстъ и въ глаза не видалъ ни одного колоса ни ржи, ни ячменя. Сѣется и тутъ хлѣбъ, но вдали отъ большихъ дорогъ. Тяжело! На шестидесяти верстахъ часто не видать ни одного признака жизни. Изъ сожженной земли выползаютъ только блѣдная полынь, да вѣчнозеленныя малаканки (или молочай.)

Какой-нибудь шалашъ *бакчевника* стоитъ вдали; но и этотъ единственный признакъ жизни скрытъ отъ васъ густою пылью, въ тучѣ которой бѣжитъ почтовая тройка. Потъ катится по лицу унылаго ямщика, непріятно звенить колокольчикъ. Горюшь,

загораешь, глотаешь пыль, мучишься жаждою, а прохлады нѣтъ нигдѣ..... Невыносимо! Въ Россіи, бывало, если ужъ нѣтъ лѣсу, хлѣбныхъ полей, такъ все-таки есть гдѣ укрыться отъ полуденнаго солнца,—есть березы, которыя тамъ иногда быгаютъ такъ велики, такъ кудрявы и такъ многотѣнисты по большимъ дорогамъ. Сто разъ спасибо тому, кто велѣлъ посадить при большихъ дорогахъ березы. Невилака, кажется, выдумка, а какъ она много значить въ дорогѣ! Что если бы по донскимъ степямъ, хоть на почтовыхъ трактахъ, стояла верба, или тополь, которые здѣсь растутъ. Это было бы благодѣяніе для проѣзжаго и пѣшехода! вмѣсто вербы или тополя, здѣсь торчатъ туры, сдѣланные изъ таловъ, (*) плетеные, круглые, въ срединѣ наполненные землею...

Вмѣсто ржи, ячменя, которые на Руси занимаютъ цѣлыя сотни верстъ, здѣсь разстилаются на огромныхъ пространствахъ колючки, ямурка, полынь и молочай, — травы дикія, для русскаго или вовсе незнакомыя, или знакомыя лишь по описанію. Я видѣлъ множество травы, стоговъ сѣна, много цвѣтковъ, но все это повысохло, погорѣло, позачахло. Степи донскія — тоже сухое море..... Неужели, скажете вы, въ донскихъ степяхъ только и жжетъ солнце, а дождей нѣтъ? Не ошибетесь. Часто лѣто проходить, а инныя полосы степныя и дождевики съ неба не увидятъ. Засуха бываетъ ужасная: дождя иногда ни капли не падаетъ отъ самой Пасхи до августа. Въ отношеніи къ дождю, степи донскія изумительны: разомъ цѣлое круглое лѣто нѣтъ дождя, и разомъ опустошительные потоки его льются неудержимо..... Сколько гибели иногда несетъ дождь съ собою ни чѣмъ не защищеннымъ степямъ! Не изъ ведра, а изъ цѣлыхъ хлябей бѣжитъ онъ съ неба и съ горъ по степямъ, уноситъ съ собою сотни стоговъ сѣна, мчитъ лошадь семь и восемь верстъ по своей дождевой, обратившейся въ рѣку, водѣ, размываетъ и разрушаетъ людскія хаты; словомъ, бѣдствіе страшное дождь въ степи, если онъ долго неидетъ. Да если и не бываетъ подобнаго ужаснаго дождя, все-таки грустно на степи,

---

(*) Талы—растеніе, похожее на камышъ. Изъ нихъ дѣлаютъ повозки, плетни и пр.

когда идетъ дождь. Какъ досадно, когда онъ захватитъ васъ вдали отъ станціи! Грязь по дорогѣ дѣлается въ одно мгновеніе; едва можетъ тащить тройка почтовую повозку на какомъ-нибудь небольшомъ косогорѣ; вся степь дѣлается унылою. Измокли овцы и уже не кричатъ; въ посинѣломъ бурьянѣ лежатъ замытые дождемъ быки. Бакчевникъ сѣлъ въ шалаши и сидитъ тамъ, какъ заяцъ подъ лопухами; берите, сколько хотите, арбузовъ, тыквъ и дынь, если надѣетесь не утонуть въ грязи. Схоронилась всякая птица, только одинъ отвага—грачъ съ шумною толпою грачей разлетѣлся почти на версту среди плавающей въ грязи степи. Да мало того, что сѣлъ на степь, онъ еще и запѣлъ.

Еще разъ скажу — грустно и мучительно по донскимъ степямъ..... Смотрите на этотъ курганъ, что высится надъ яромъ. Курганъ изъ солонца: весь голый и обнаженный. Коршунъ, постоянный житель степей, усѣлся и чинно сидитъ на немъ. Кругомъ кургана на десятки верстъ стелется степная равнина съ изсохлою, бѣлою полынью. Подлѣ кургана находится кладбище. На кладбищѣ ни деревца, ни цвѣтка, ни кустика, ни склепа, ни даже креста. Тяжело, кажется, и мертвецу въ степи! Тѣни нѣтъ и для его могилы..... Черезъ кладбище идетъ дорога; по едва поднятымъ могиламъ торчатъ небольшія колья съ маленькими перекладинками: это степные мавзолеи! Кое-гдѣ лежатъ два, три камня на землѣ. Если бы мнѣ не сказали, что тутъ кладбище, я бы и не перекрестился, стоя на немъ.

Даже полыни нѣтъ на могилахъ: онѣ всѣ истоптаны степнымъ скотомъ. Впрочемъ, не судите, что такъ дики и голы кладбища на степяхъ..... Гдѣ же взять лѣсу? На Дону онъ чрезвычайно дорогъ и почти не растетъ. Хорошо еще, что есть дерево у степнаго казака для жилья живому человѣку, да еще дерево для *домовины* (*) умершему..... А надъ могилою ляжетъ тѣнь тогда, когда облака пройдутъ по раскаленному небу.....

Да, тяжело путь по донскимъ степямъ! Ыдешь пятнадцать и двадцать верстъ, а воды глотка не найдешь. Покажется и вода;

(*) Домовина — гробъ.

вотъ вдали зыблется бѣлая и обнявшая весь горизонтъ полоса; прозрачна она, какъ струи воды, бѣжитъ и рѣетъ вверху земли: «рѣка, рѣка,» думаешь въ радости. Подъѣзжаете — рѣки нѣтъ, она ушла далѣе, и прежде, и послѣ, и кругомъ васъ обдастъ та же свѣтлая мгла. Это — *марев*о (миражъ.) Какъ полдень, такъ оно, будто въ утоленіе взора, является на степи и обольщаетъ путешественника. Народъ очень наглядно выражается объ этомъ восхитительно-обманчивомъ маревѣ: «полдень бѣжитъ,» говоритъ онъ.

Не только безлѣсность, безлюдность, засуха и безводіе составляютъ тягости и печали степей; есть и другія бѣды, которыя находятся въ степи и дѣлаютъ ее страшною. Бѣды эти: ураганы, суслики и саранча.

Я видѣлъ ураганъ въ донской степи. Поразительное зрѣлище! Поднялась въ пасмурный день черная, пречерная пыль вдали; стало темно; зашатались верба и груша; сѣли птицы безмолвно на землю; лошадь притаилась у забора; вода въ рѣкѣ цѣлыми потоками рвалась на берегъ и рвала, какъ остервенѣлая, траву; вся рѣка посинѣла и почернѣла; стаями стали метаться ласточки въ *оливады*; (*) шумъ сдѣлался похожій на шумъ мельницы, гдѣ кружатся десять камней. Ураганъ причиняетъ большія несчастія: срываетъ кресты съ церквей, съ домовъ жестяныя крыши, разрушаетъ мельницы, разноситъ цѣлые стога.

Суслики, или овражки, небольшое животное, пепельнаго цвѣта, невредное и вредное. Невредно оно, потому что имъ часто тѣшатся степные мальчики. Весною, когда таетъ снѣгъ, сусликовъ множество ловятъ ребяташки. Поймаютъ шалуны суслика, возьмутъ его за голову, надѣнутъ ярмо, какъ на быка, онъ и идетъ, «какъ вола.» Сколько смѣху при этомъ бываетъ! Суслика, впрочемъ, трудно ловить; едва завидитъ онъ человѣка, вдругъ побѣжитъ къ своей *нуркѣ* и, поднявшись на дыбочки, слушаетъ. Вы подходите, а онъ «чикъ» въ нурьку, и слѣдъ простылъ. Одно есть средство выгнать его изъ норы — лить въ нее

(*) Мѣсто въ саду, гдѣ много находится вербы и другихъ растений.

воду: сусликъ выплываетъ. Сусликъ строить себѣ весьма удобное помѣщеніе; въ одной норѣ три отдѣленьца: одно для зимы, другое для лѣта, а третье для корму. Какъ видите, умненькое и невредное животное. Но это на первый взглядъ. Сусликъ вредъ большой дѣлаетъ на степи. «Отъ него, — говорилъ мнѣ мальчикъ, — ничего не заведешь, ничего не схоронишь, все ѣсть» ..... Мальчикъ не преувеличилъ. Рассказываютъ, что сусликъ ѣстъ на степяхъ хлѣбъ; иногда на тридцать и на сорокъ верстъ располагается онъ; строить норки и начинаетъ истреблять посѣянное. Онъ любитъ еще неначавшій зеленѣть хлѣбъ, такъ все и *подкоситъ*. Въ одной станицѣ отказались даже отъ пашни. Говорятъ, что встарину меньше было на степяхъ сусликовъ. Тогда каждый хозяинъ обязанъ былъ на свой пай въ полѣ убить сто сусликовъ. Теперь этого не дѣлаютъ, зато и развелись же суслики на донскихъ степяхъ. Есть горы, гдѣ они, какъ рой, кипятъ (выражаясь словами мальчика, гуляваго со мной по степи.)

Но гроза и язва донскихъ степей есть саранча. Большія опустошенія на нихъ производитъ это насѣкомое. Какъ туча, идетъ саранча: дѣлается среди бѣлаго дня темно. Несясь, она трещить, бѣтъ, *шуршитъ*. Гибель всему, на чемъ она сядетъ! Образовавъ цѣлые курганы изъ себя, саранча идетъ по землѣ и, подобно волнѣ, переливается, все истребляя. Ледъ бросьте — выпьетъ; шапку киньте — *общекочетъ*; не только хлѣбъ, но и траву она пожираетъ, а преимущественно любитъ камышъ и кугу. Степняки очень хорошо изучили ея жизнь. На крылышкѣ насѣкомаго есть маленькія линійки; народъ изъ этого заключаетъ, что саранчѣ уже Богомъ назначено куда летѣть. Истребивъ все на полѣ, она оставляетъ здѣсь сѣмена свои, и на слѣдующее лѣто является новая саранча. Какъ человѣкъ, она имѣетъ роздыхъ и ночлегъ. Когда измучится летѣть, то идетъ пѣшая; тогда нѣтъ силъ избавиться отъ бѣдствія. Когда летитъ, то еще можно прогнать ее хлопаньемъ, стукомъ, крикомъ; пѣщую же нѣтъ силъ остановить. Жгли ее соломой, топтали лошадьми — ни что не помогло: саранча еще болѣе и болѣе увеличивалась. Знать не велѣно ее губить, это Господне нака-

заніе,» говорятъ старые казаки. Замѣчательнѣ инстинктъ у этого насѣкомаго: видя, что человѣкъ стучить, кричить, оно подается въ сторону и не садится тамъ, гдѣ стоитъ бдящій. «Саранча—все равно, что воръ,» говорятъ старики: «увидитъ, убѣжитъ.»

Не все же такъ страшна бываетъ степь, какъ я сказалъ; не всегда же палить пламенемъ солнце; не вездѣ живутъ животные истребители; не все полынь и ковыль растутъ на ней. Есть въ степяхъ предметы, которыми отъ всего сердца насладишься; есть травы и растенія, которыя весьма полезны для жизни человѣка и рождаются въ изобиліи въ здѣшнихъ степяхъ. Такъ, чернобыломъ и курою степняки топятъ избы; полынькомъ и желѣзнякомъ настаиваютъ водку; щавель, катранъ, чаканъ, дубецъ — употребляются въ пищу; изъ сибирька дѣлаютъ вѣники; дурманъ, буркунъ, ромашка, чистякъ, коровятникъ, бабошникъ, пуговникъ, мята, полынь, шалфей, молочай, филонникъ и множество другихъ растений и травъ служатъ спасительнымъ средствомъ отъ разнаго рода болѣзней. Иныя травы, если не доставляютъ насущной матеріальной пользы, то хороши по виду и запаху: петрогъ ботыхъ прелесть что за цвѣточикъ, — голубенькій, чудесный: такъ бы и не оторвалъ глазъ отъ него! Прекрасный и далеко несущійся чудесный запахъ издають: чиборъ, прежде всякой травы показывающійся весною; богородицына травка, дикая роза, горошекъ, мята, ромашка. Растетъ много ягодъ, между которыми особенно вкусны живика и тернъ. Живика похожа на малину, но только чернаго цвѣта. Но что за зрѣлище представляетъ тернъ! Какъ сморода черная, виситъ онъ на густыхъ и огромныхъ кустахъ; сколько гомону, шуму бываетъ въ степи, когда назначать день для собиранія ягодъ терна! Вся станица со стариками и малолѣтками идетъ рвать тернъ; другъ передъ другомъ спѣшать: какъ оживаетъ тогда пустынная степь! Какъ гуляютъ тогда казаки станичные!

А бакча? Чего стоитъ одна бакча? Бакча — краса степей. Велико иногда бываетъ то пространство, на которомъ лежитъ бакча. Нѣсколько десятинъ занимаетъ она. Бакча—мѣсто среди

степей, гдѣ сѣютъ арбузы, дыни, тыквы, початки (или кукуруза,) подсолнухи, морковь, горчицу, макъ. Чудно смотрѣть на бакчу, когда она вся уже созрѣла! Арбузами, дынями и тыквами какъ градомъ усыпана. Арбузы здѣсь ни почему. Ихъ покупаютъ сотнями и возами; въ урожайное время за полтинникъ берутъ цѣлый возъ арбузовъ. Въ степи, во время дороги, арбузъ такой лакомый и сладкій кусокъ, что червонецъ далъ бы, только принеси и дай напиться его влажною внутренностію..... А не то, прыгнувъ изъ повозки, тутъ же далъ шага два, да и взялъ съ бакчи арбузъ: поѣзжай и ѣшь, пока не догналъ бакчевникъ.

Есть множество птицъ и животныхъ дикихъ, которыя въ иныхъ мѣстахъ рѣдкость, роскошь стола и заняли бы всю охотническую братію, а здѣсь, въ степяхъ, онѣ живутъ въ великомъ множествѣ, появляются за столомъ простаго даже казака и не слишкомъ прельщаютъ охотниковъ. Много бьютъ въ степяхъ стрепетовъ; сотнями ловятъ куропатокъ; стаями летаютъ дрофы, или дудаки; миллионами водятся дикія утки; попадаютъ дикія козы; отарами, какъ вихорь, носятся сайгаки, или сайги. Это животное степное такъ замѣчательно, что о немъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Онѣ необычайно быстры на бѣгу и дѣлаютъ прыжки огромные. Собака не можетъ поймать сайгака. Для отдыха сайгаки избираютъ впадину, «кобицу,» и одинъ стоитъ непремѣнно на часахъ, когда всѣ спятъ. Если на лежащаго сайгака нападутъ мухи, то онъ вдругъ, вскочивъ, сдѣлаетъ кругъ верстъ въ пять. Охота за нимъ весьма трудна; саженой триста иногда охотникъ долженъ ползкомъ подходить, чтобы не услышалъ чуткій сайгакъ. Въ одномъ случаѣ сайгакъ не спасется: это тогда, когда переправляется черезъ рѣку; тутъ хоть рѣжь его, назадъ не пойдетъ. Сайгака можно сдѣлать ручнымъ.

Хороши и заманчивы дикія животныя, но еще лучше степныя домашнія животныя на Дону. Тутъ-то вся жизнь, слава и богатство донскихъ степей. Взгляните утромъ, въ полдень, или вечеромъ въ степь донскую—васъ вездѣ поразитъ ея благодать. Худой-худой помѣщикъ не имѣетъ на степи трехъ сотъ быковъ,

столько же лошадей, тысячи овецъ; есть помѣщики, которые до шестидесяти-пяти тысячъ содержатъ овецъ, до пяти и болѣе тысячъ лошадей, быковъ, и безъ счету домашней птицы. Всѣ гурты и табуны скота день и ночь ходятъ въ степи, лѣто и зиму живутъ въ степи на подножномъ корму.

Отсюда отправляютъ скотъ въ Россію, отсюда доставляютъ лошадей для болѣе части войска русскаго. Отлично, отлично въ донской степи!...

Посмотрите, заключеніе всего, на хуторъ донской и оставьте всякую мысль о безлюдности степи.

Около большаго става стоитъ съ чердакомъ домъ; передъ балкономъ оливода, гдѣ и вербы, и цвѣтовъ, и плодовыхъ деревьевъ много, весьма много. Какъ хорошо и сладко, послѣ труднаго пути по донскимъ степямъ, взойти на балконъ хутора ночью; кругомъ темно на землѣ, а небо все искрится звѣздами; стоятъ, какъ убитыя, въ оливода деревья; тысяча тысячъ сверчковъ въ травѣ, на цвѣтахъ, на деревьяхъ заливаются неумолчною пѣснью. Слушая, подумаешь, что весь оливода усѣянъ ими. Поютъ, трещать, звенять и все въ одинъ тонъ, ладъ, ноту, безъ перерыва.

Славно ночевать въ хуторѣ! Хорошо дышать свѣжимъ воздухомъ съ оливада, пить свѣжую воду, ѣсть свѣжую рыбу, свѣжіе арбузы, и за все, за все, за жаркое солнце и пыль, за безлюдность степи и жажду,—за все поблагодарить Бога, хотя однимъ земнымъ поклономъ.....

Затѣмъ рухнешься какъ снопъ на постель,—а надъ тобою все еще мерцаютъ, какъ очи Бога, маленькія звѣзды. Сладко тогда въ спокойствіи духа смотрѣть на небо съ посланной на балконъ постели и засыпать въ виду недремлющихъ звѣздъ.....

7. Б у р а н ь .

(С. Аксакова.)

Ни облака на туманномъ небѣ; ни малѣйшаго вѣтра на снѣжныхъ равнинахъ. Красное, но ясное солнце своротило съ не-

высокаго полудня къ недалекому закату. Жестокій крещенскій морозъ сковаль природу, сжималь, палиль, жегъ все живое. Но человѣкъ улаживается съ яростью стихій: русскій мужикъ не боится мороза.

Небольшой обозъ тянулся по узенькой, какъ ходъ крестьянскихъ саней, проселочной, неторной дорожкѣ или, лучше сказать, слѣду, будто недавно проложенному по необозримымъ снѣжнымъ пустынямъ. Провзительно, противно для непривычнаго уха скрипѣли, визжали полозья. Одѣтые въ дубленые полушубки, тулупы и сѣрые суконные зипуны, нахлобученные башкирскими глухими малахалми, весело бѣжали мужики за своими возами. Запущенные инеемъ, обмерзшіе ледяными сосульками, едва розѣвая рты, изъ которыхъ бѣлый дымъ вылетать, какъ изъ пушки при выстрѣлѣ, и не скоро расходился, они шумѣли, припрыгивали, боролись, толкали, будто невзначай, другъ друга съ узенькой тропинки въ глубокой сугробъ; столкнутый долго барахтался и не скоро вылѣзалъ изъ мягкаго, снѣговаго пуха на твердую дорогу. Тутъ-то сыпались русскія остроты, по природѣ русскаго человѣка, всегда одѣтыя въ фигуру ироніи.

— Небольно болтай, — говорилъ одинъ другому, — языкъ обожжешь: вишь звой какой, такъ и палить!

— Шути, шути, — отвѣчалъ другой, самого-то цыганскій потъ прошибаетъ.

Всѣ хохотали. Такъ грѣются на морозѣ духъ и тѣло русскаго мужичка.

Подвигаясь скорымъ шагомъ, а подъ-изволокъ и рысью, обозъ поднялся на возвышеніе и въѣхаль въ березовую рощу, — единственный лѣсокъ на большомъ степномъ пространствѣ. Чудное, печальное зрѣлище представляла бѣдная роща! Какъ будто ураганъ или громовые удары тѣшили надъ нею долгое время: такъ все было исковеркано. Молодыя деревья, согнутыя въ разнообразныя дуги, увязили гибкія вершины свои въ сугробахъ и какъ будто силились вытащить ихъ. Деревья постарѣе, пополамъ изломанныя, торчали высокими пнями; а иныя, разодранныя надвое, лежали развися на обѣ стороны. «Что за

чертовщина!» сказалъ молодой мужикъ. «Какой лѣшій исковеркалъ березникъ?» — «Не лѣшій, а иней,» отвѣчалъ старикъ. — «Глядь-ка, сколько его нальнуло къ сучьямъ.... тяга смертная! Вѣдь подъ инеемъ-то ледъ, толщиной въ руку, и все къ одной сторонѣ, все къ полуночи. Это живетъ послѣ оттепелей, случается не каждый годъ и вѣщуешь урожай: хлѣба будетъ въ волю.» — «Да куда съ нимъ дѣваться?» .... подхватилъ молодой крестьянинъ, и хотѣлъ продолжать; но старикъ, съ нѣкотораго времени внимательно озиравшійся на всѣ стороны, съ прищуреннымъ глазомъ припадавшій къ дорогѣ, сурово крикнулъ «полно калякать, ребята! До умѣта (*) далеко, ночь близка, дѣло негужо. Бери возжи, садись, погоняй лошадей!» .... Безмолвно повиновались строгому голосу старика, умудреннаго годами опытовъ, пронизательный взоръ котораго провидѣлъ въ ясности тьму, въ тишинѣ бурю. Всѣ струсили, хотя ничего страшнаго не видали. Проворно повскакали на возы, крикнули, тронули возжами мочальныя оброти невзнузданныхъ лошадей, и обозъ, выбравшись изъ рощи на покатую равнину, побѣжалъ шибкою рысью.

Все по-прежнему казалось ясно на небѣ и тихо на землѣ. Солнце, склоняясь къ западу и косыми лучами скользя по необозримымъ громадамъ снѣговъ, одѣвало ихъ брилліантовой корою; а изуродованная налипнувшимъ инеемъ роща, въ снѣговомъ и ледяномъ своемъ уборѣ, представляла издали чудные и разнообразныя обелиски, осыпанные также алмазнымъ блескомъ. Все было великолѣпно..... Но стаи тетеревовъ вылетали съ шумомъ изъ любимой рощи искать себѣ ночлега на высокихъ и открытыхъ мѣстахъ; но лошади храпѣли, фыркали, ржали и какъ будто о чемъ-то перекликались между собою; но бѣловатое облако, какъ голова огромнаго звѣря, выплывало на восточномъ горизонтѣ неба; но едва замѣтный, хотя и рѣзкій вѣтерокъ потянулъ съ востока къ западу, — и, наклонясь къ землѣ, можно было замѣтить, какъ все необозримое пространство снѣ-

---

(*) Такъ называются одинъ или два двора, поселенные на степной дорогѣ для ночевки или кормежки обозовъ.

говыхъ полей бѣжало легкими струйками, текло, шипѣло какимъ-то змѣинымъ шипеньемъ, тихимъ, но страшнымъ! Знакомые съ бѣдою; обозы знали роковыя примѣты, торопились доѣзжать до деревень или умѣтовъ, сворачивали въ сторону, въ ближнюю деревню, съ прямой дороги, если ночлегъ былъ далеко, и не рѣшались на новый переѣздъ даже немногихъ верстъ. Но горе неопытнымъ, запоздавшимъ въ такихъ безлюдныхъ и пустыхъ мѣстахъ, гдѣ нерѣдко, проѣзжая цѣлые десятки верстъ, не встрѣтишь жилья человѣческаго!

Въ такомъ именно положеніи находился не задолго передъ симъ веселый обозъ, состоявшій изъ осьмнадцати подводъ и десятихъ возчиковъ. Они ѣхали съ хлѣбомъ въ Оренбургъ, гдѣ надѣялись, продавъ свои деревенскіе избытки, хотя недорогою цѣною, взять изъ Елецкой-Защиты каменной соли, которую иногда удается сбывать весьма выгодно на сосѣднихъ базарахъ, если по распутицѣ мало бываетъ подвоза. Они выѣзжали на большую оренбургскую дорогу, перебивая поперегъ такъ называемый *Общій-Сыртъ*, плоское возвышеніе, которое тянется къ Яику, нынѣшнему Уралыку, и по которому лежитъ извѣстная яицкая казачья дорога. Хотя опытный старикъ примѣтилъ грозу заблаговременно, но переѣздъ былъ длиненъ, лошади тощи, на кормежкѣ обозъ позамѣшкался, и бѣда пришла неминуемая.... Быстро поднималось и расло бѣлое облако съ востока, и когда скрылись за горой послѣдніе блѣдные лучи закатившагося солнца, уже огромная снѣговая туча заволокла большую половину неба и посыпала изъ себя мелкій снѣжный прахъ; уже закипѣли степи снѣговъ; уже въ обыкновенномъ шумѣ вѣтра слышался иногда какъ будто отдаленный плачъ младенца, а иногда вой голоднаго волка. «Поздно, ребята!» закричалъ старикъ. Стой! нечего знать и мучить понапрасну лошадей. Поѣдемъ шагомъ. Если не собьемся съ дороги, авось Богъ помилуетъ. Петровичъ! сказалъ онъ, оборотаясь къ высокому, плотному мужику, также немолодому, — поѣзжай сзади: твой гнѣдко хоть небоекъ, зато нестомчивъ, не отстанетъ, да и ты не задремлешь. Гляди въ оба, чтобы кто не отсталъ, да въ сторону по дровяной или сѣнной дорогѣ не отбился; а я поѣду передовымъ!»

Съ большимъ трудомъ перетащили стариковъ возъ впередъ; а лошадь Петровича, столкнувъ съ дороги въ сторону, объѣхали, потомъ вытащили ее изъ сугроба, и Петровичъ сталъ заднимъ. Старикъ снялъ рысій малахай, вымѣненный у башкирскаго кантоннаго старшины на жирную молодую лошадь, въ осеннюю гололедицу переломившую ногу, помолился Богу и, сѣвъ на возъ: «ну, сѣрко!» — сказалъ хотя невеселымъ, но твердымъ голосомъ — «выручалъ ты меня не одинъ разъ, послужи и теперь, не сшибись съ дороги,» и обозъ поѣхалъ шагомъ.

Снѣговая, бѣлая туча, огромная какъ небо, обтянула весь горизонтъ, и послѣдній свѣтъ красной, погорѣлой вечерней зари быстро задернуло густою пеленою. Вдругъ настала ночь..... наступилъ буранъ со всею яростью, со всѣми своими ужасами. Разыгрался пустынный вѣтеръ на привольѣ, взрылъ снѣговья степи, какъ пухъ лебяжій вскинулъ ихъ до небесъ..... Все одѣлъ бѣлый мракъ, непроницаемый, какъ мракъ самой темной осенней ночи! Все слилось, все смѣшалось: земля, воздухъ, небо превратились въ пучину кипящаго, снѣжнаго праха, который слѣпилъ глаза, занималъ дыханіе, ревѣлъ, свисталъ, вѣлъ, стоналъ, билъ, трепалъ, вертѣлъ со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу, оббивался какъ змѣй, и душилъ все, что ему ни попадалось.

Сердце падаетъ у самаго неробкаго человѣка, кровь стынетъ, останавливается отъ страха, а не отъ холода, ибо стужа во время бурановъ значительно уменьшается. Такъ ужасенъ видъ возмущенія зимней, сѣверной природы. Человѣкъ теряетъ память, присутствіе духа, безумѣетъ..... и вотъ причина гибели многихъ несчастныхъ жертвъ!

Долго тащился нашъ обозъ съ своими двадцати-пудовыми возами. Дорогу заносило, лошади безпрестанно оступались. Люди, по бѣльшей части, шли пѣшкомъ, увязая по колѣно въ снѣгу, наконецъ всѣ выбились изъ силъ; многія лошади пристали. Старикъ видѣлъ это, и хотя его сѣрко, которому было всѣхъ труднѣе, ибо онъ первый прокладывалъ слѣдъ, еще бодро вытаскивалъ ноги, старикъ остановилъ обозъ. «Други, сказалъ онъ, скликнувъ къ себѣ всѣхъ мужиковъ, — дѣлать нечего: надо отдаться на волю Божью; надо здѣсь ночевать. Составимъ вozy

и распряженных лошадей вмѣстѣ, кружкомъ. Оглобли свяжемъ и поднимемъ вверхъ, оболочемъ ихъ кошмами, сядемъ подъ ними какъ подъ шалашемъ, да и станемъ дожидаться свѣту Божьяго и добрыхъ людей. Авось не всѣ замерзнемъ!»

Совѣтъ былъ страненъ и страшенъ: но въ немъ заключалось единственное средство къ спасенію. По несчастью, въ обозѣ были люди молодые, неопытные. Одинъ изъ нихъ, у котораго лошадь менѣе другихъ пристала, не захотѣлъ послушаться старика. — «Полно, дѣдушка! сказалъ онъ, сѣрко-то у тебя сталъ, такъ и намъ околѣвать съ тобой? ты уже пожилъ на бѣломъ свѣтѣ, тебѣ все равно, а намъ еще пожить хочется. До умѣта верстъ семь, больше не будетъ. Поѣдемъ, ребята! Пусть дѣдушка остается съ тѣми, у кого лошади совсѣмъ стали. Завтра Богъ дастъ, будемъ живы, воротимся сюда и откопаемъ ихъ.» — Напрасно говорилъ старикъ, напрасно доказывалъ, что сѣрко истомился менѣе другихъ; напрасно поддерживалъ его Петровичъ и еще двое изъ мужиковъ: шестеро остальныхъ, на двѣнадцати подводахъ, пустились далѣе.

Буранъ свирѣпѣлъ часъ отъ часу. Бушевалъ всю ночь и весь слѣдующій день такъ, что не было никакой ѣзды. Глубокіе овраги дѣлались высокими буграми..... Наконецъ стало понемногу затихать волненіе снѣжнаго океана, которое и тогда еще продолжается, когда небо уже блеститъ безоблачной синевою. Прошла еще ночь. Утихъ буйный вѣтеръ, улеглись снѣга. Степи представляли видъ бурнаго моря, внезапно оледенѣвшаго..... Выкатилось солнце на ясный небосклонъ; заиграли лучи его на волнистыхъ снѣгахъ. Тронулись переждавшіе буранъ обозы и всякіе проѣзжіе.

По самой этой дорогѣ возвращался обозъ порожнякомъ изъ Оренбурга. Вдругъ передній наѣхалъ на концы оглобель, торчащихъ изъ снѣга, около которыхъ намело снѣговой мишъ, похожій на стогъ сѣна или копну хлѣба. Мужики стали разглядывать и примѣтили, что легкій паръ повѣвалъ изъ снѣга около оглобель. Они смекнули дѣломъ; принялись отрывать, чѣмъ ни попало, и отрыли старика, Петровича и двоихъ изъ товарищей: всѣ они находились въ сонномъ, безпамятномъ со-

стояніи, подобномъ состоянію сурковъ, спящихъ зиму въ норахъ своихъ. Снѣгъ около нихъ обтаялъ, и у нихъ было тепло, въ сравненіи съ воздушной температурой. Ихъ вытащили, положили въ сани и воротились въ умѣтъ, который точно былъ недалеко. Свѣжій, морозный воздухъ разбудилъ ихъ; они стали двигаться, раскрыли глаза; но все еще были безъ памяти, какъ бы одурѣлые, безъ всякаго сознанія. Въ умѣтѣ, не внося въ теплую избу, растерли ихъ снѣгомъ, дали выпить вина и положили спать на полати. Проспавшись настоящимъ сномъ, они пришли въ чувство и остались живы и здоровы. Шестеро смѣльчаковъ, или, лучше сказать, глупцовъ, послушавшихся молодаго удалца, вѣроятно, скоро сбились съ дороги, по обыкновенію, принялись ее отыскивать, пробуя ногами, не попадется ли въ мягкомъ снѣгу жесткая полоса; разбрелись въ разныя стороны, выбились изъ силъ и всѣ замерзли. Весною отыскали тѣла несчастныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ, прислонясь къ забору того самаго умѣта.....

8. Ч А Б А Н Ы.

Чабаны составляютъ особый классъ пастуховъ овецъ въ южныхъ степяхъ. Кромѣ уроженцевъ южнаго края, между ними можно встрѣтить и пришельцевъ изъ великороссійскихъ губерній, напр. изъ Курской.

Чабаны по характеру здѣшняго овцеводства, проводятъ большую часть года въ степи, подъ открытымъ небомъ, вдали отъ жилищъ. Они одѣваются въ ирховые (изъ овчинокъ) штаны, такую же куртку и полушубокъ. Въ малороссійской телѣгѣ (катыгѣ,) которую тащитъ пара воловъ, они возятъ съ собою нужные припасы, какъ-то: ржаной хлѣбъ, пшено, кукурузную муку, соль, равно войлоки, кизякъ, котель для приготовленія кушанья, ложки и проч.; сами готовятъ себѣ пищу и довольны своимъ родомъ жизни, котораго и не оставляютъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Стадо въ 2 т. головъ стерегутъ 5 чабановъ. Одинъ изъ нихъ атаманъ, т. е. начальствующій, другой каше-

варъ, т. е. поваръ. Кашеваръ обыкновенно полу-работникъ, разъ или два въ недѣлю является въ экономію для полученія припасовъ. Если имѣется нѣсколько отаръ, или стадъ овецъ, то чабаны и ихъ атаманы подчинены главному овчарю, который избирается изъ чабановъ. Кромѣ того, при каждомъ стадѣ находится нѣсколько огромныхъ, мохнатыхъ собакъ — овчарокъ. Эти овчарки приучены подгонять къ стаду отлучающихся овецъ, не допускать къ стаду незнакомыхъ людей и защищать ихъ отъ нападенія волковъ, которые появляются въ большомъ числѣ изъ сосѣднихъ губерній, въ особенности тогда, когда въ лѣсахъ лежитъ глубокій снѣгъ.

Во время пастбы, съ вечера стадо пасется по направленію къ мѣсту водопоя, и подвигаясь во всю ночь впередъ, къ утру должно быть на мѣстѣ водопоя. Послѣ водопоя овцы снова пасутся, а въ жаркое время дня, въ полдень, по врожденному инстинкту, лежатъ или стоятъ сбившись въ кучу и наклонивъ голову. Послѣ полудня овцы опять пасутся, отдаляясь отъ мѣста водопоя. При движеніи стада, впереди идетъ атаманъ; за нимъ нѣсколько козъ, а потомъ слѣдуетъ стадо овецъ; по сторонамъ же идутъ прочіе чабаны, а сзади кашеваръ съ катыгою и съ собаками. Когда стадо останавливается въ полдень, а равно и ночью, катыга помѣщается въ центрѣ стада, а вокругъ стада располагаются чабаны съ собаками.

При степномъ овцеводствѣ хорошій чабанъ цѣнится высоко; онъ долженъ отличатся смѣлостью и рѣшимостью, привычкою къ степнымъ особенностямъ, равно какъ любовью къ овцеводству и заботливостію о больныхъ овцахъ. Нерѣдко въ степи бываютъ критическіе случаи: пожаръ степи и выюга. Огонь на степи въ лѣтнее время, при вѣтрѣ, распространяется по засохшимъ травамъ съ такою быстротою, что легко можетъ обхватить все стадо. Чабанъ, замѣтивъ огонь на степи и, предвидя опасность, не теряя времени зажигаетъ другое пространство, недалеко отъ стада, по вѣтру, такъ что въ одно время стадо находится между двумя огнями; потомъ, нимало не медля, перегоняетъ стадо на выжженный имъ участокъ и тутъ спокойно ожидаетъ поры, когда можно будетъ удалиться; этимъ онъ

спасаетъ стадо: первоначальный огонь, достигая черты убѣжища, изготовленнаго чабаномъ, пожираетъ все вокругъ, но къ стаду проникнуть не можетъ.

Въ зимнее время, когда случится вьюга или только еще предвидится опытнымъ чабаномъ, а стадо находится на открытой степени, то чабанъ старается добраться, по крайней мѣрѣ, до одного изъ непокрытыхъ загоновъ. Во все продолженіе вьюги пастухи гоняють овецъ по загону; этою постоянною бѣготнею, овцы предохраняются отъ массы снѣга, падающаго на нихъ, сваливають его на землю и притаптываютъ тотчасъ ногами. Иногда, во время необыкновенно продолжительной вьюги, овцы натаптываютъ такъ много снѣгу, что подъ конецъ спиною достаютъ до самаго верха земляной стѣны загона, имѣющей высоту двухъ аршинъ; но между тѣмъ стадо спасено. Чабанамъ извѣстны многія простыя средства леченія больныхъ овецъ, составляющія обыкновенно ихъ тайну; напр., при укушеніи овцы волкомъ, они раскаляютъ кость и прижигаютъ ею рану. Игообразныя сѣмена степныхъ растений, ковыля и метлицы, часто проникають, чрезъ руно и кожу, въ животь овецъ, отчего овца болѣетъ, теряетъ аппетитъ и, наконецъ, ежели не будетъ подана помощь, издыхаетъ. Хорошій чабанъ, узнавъ по примѣтамъ причину недуга, прилагаетъ особенное стараніе къ отысканію вкравшихся сѣмянъ и, тщательно вынимая ихъ, нерѣдко спасаетъ овцу отъ гибели.

Не смотря на такія преимущества настоящаго чабана, онъ стоить хозяину недорого. При хозяйскихъ харчахъ атаманъ получаетъ въ годъ отъ 40 до 60 р., а прочіе чабаны отъ 30 до 50 р., кашеваръ отъ 12 до 20 р., а ежели стадо состоитъ изъ однѣхъ простыхъ овецъ, то обыкновенно плата производится не деньгами, а натурою, слѣдующимъ образомъ: атаманъ держитъ на свой счетъ прочихъ чабановъ и собакъ, и получаетъ отъ хозяина съ стада: во-первыхъ, два раза въ годъ по одной овцѣ съ каждыxъ тридцати, и по два пуда муки на каждую сотню овецъ; расчетъ этотъ дѣлается 23-го апрѣля и 26-го октября, т. е. на Юрьевъ день и на Дмитріевъ день; во-вторыхъ, онъ можетъ готовить себѣ брынзу, т. е. овечій сыръ,

для чего атаманъ отдѣляетъ отъ стада, въ началѣ августа, отъ 200 до 300 овецъ, пасетъ ихъ отдѣльно двѣ недѣли, для доенія, и готовить брынзу на цѣлый годъ, для себя и прочихъ чабановъ, отдавая и хозяину извѣстную часть ея.

Однако, здѣшній чабанъ далеко еще не настоящій овчарь; его необразованность, незнаніе правильнаго ухода за овцами, его предразсудки и привычки очень препятствуютъ улучшенію овцеводства; предоставленный самому себѣ, безъ свѣдущаго овчаря, какъ это здѣсь обыкновенно водится, степной пастухъ заботится лишь о цѣлости стада.

И это конечно важно, но далеко не все, такъ какъ дѣло идетъ о качествѣ шерсти. Обученіе, по крайней мѣрѣ, такъ называемыхъ атамановъ главнымъ, упрощеннымъ правиламъ рациональнаго овцеводства и порученіе ихъ присмотру овчаря, вполнѣ знающаго свое дѣло—необходимыя условія для улучшения овцеводства и качества шерсти, но на это нужно время. Кромѣ того, не всѣ чабаны надежны; есть и между ними не-радивые, которыхъ можно узнать только со временемъ, изъ дурныхъ послѣдствій для овцеводства и значительныхъ потерь для хозяина.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ овцеводствѣ. Овцеводство составляетъ главную отрасль промышленности Новороссійскаго Края. Тамошнія степи сосредоточиваютъ всѣ условія для выгоднаго овцеводства; какъ-то: изобиліе земли и малая ея цѣнность, тучныя пастбища, сухой и теплый климатъ и короткія зимы.

Здѣшнія породы овецъ—частію туземныя, частію заграничныя; первыхъ, обыкновенно называютъ простыми, вторыхъ тонкорунными.

Изъ туземныхъ породъ здѣсь распространены *волохская* или *волошская* и собственно русская. Кромѣ того, встрѣчаются овцы *цигайской* породы, *чундуки* или *чунтуки*. Мѣстами же попадаетъ смѣсь этихъ породъ между собою.

Волошская порода даетъ грубую, но длинную шерсть, обыкновенно бѣлаго цвѣта, рѣдко чернаго; хвостъ у этой породы овецъ длиненъ и толстъ, содержитъ по нѣсколько фунтовъ

жира, чего не бываетъ у русской породы. Волошская овца крупнѣе русской и переноситъ здѣшній климатъ лучше другихъ; даетъ много сала и вкусное мясо; особенно мясо молодыхъ барашковъ этой породы отличается нѣжностію и пріятностію вкуса.

Цигайская порода принадлежитъ также къ волошскому племени, но она нѣсколько улучшена и нѣжнѣе, производитъ кудреватую, болѣе добротную шерсть, и въ особенности способна къ улучшенію и къ смѣшенію съ мериносами.

Чундуки принадлежатъ къ калмыцкимъ породамъ овецъ, имѣютъ сильный курдюкъ, т. е. толстый, короткій и жирный хвостъ, раздѣленный продольною впадиною на двѣ половины. Чундуки даютъ самую грубую и жесткую шерсть, красно-бурого цвѣта, и вкусное мясо. Чундуки также хорошо переносятъ здѣшній климатъ и крупнѣе всѣхъ другихъ породъ.

Овцы чисто-испанской породы, т. е. *мериносы инфантасъ*, привезены сюда въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Первые мериносы обошлись весьма дорого, потому что, кромѣ расходовъ на покупку и перевозку ихъ, долгое время надобно было бороться со всѣми неудачами, сопряженными съ пріученіемъ нѣжныхъ животныхъ къ новой мѣстности и къ новому съ ними обращенію. (*) Со временемъ только, при благопріятномъ климатѣ и изобиліи тучныхъ пастбищъ, старанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ настоящее время, въ южномъ краѣ разведены такія значительныя стада овецъ чистой породы, что, кажется, нѣтъ болѣе надобности выписывать ихъ изъ-за границы. (**) Кромѣ мериносовъ породы инфантасъ, перевезенныхъ

(*) Правительство, сознавалъ, что тонкорунное овцеводство есть одно изъ лучшихъ средствъ, могущихъ увеличить благосостояніе края, постоянно облегчало всѣ способы къ заведенію овецъ чистой испанской породы и поощряло заводчиковъ различными льготами. Такъ, въ царствованіе Александра I назначенъ былъ даже особый капиталъ для ссудъ, съ цѣлью развитія сельскаго хозяйства и, въ особенности, овцеводства въ новомъ, малонаселенномъ краѣ. Иностранцамъ давали дешевыя ссуды и землю съ тѣмъ, чтобы они развели въ южномъ краѣ извѣстное количество головъ мериносовъ, выписанныхъ прямо изъ Испаніи, и обучили овчарному искусству определенное число русскихъ мальчиковъ.

(**) Осторожные хозяева продолжаютъ однако выписывать, по временамъ, по нѣскольку барановъ и овецъ чистокровныхъ мериносовъ.

сюда изъ ихъ отечества—Испаніи, въ послѣдствіи нѣкоторые изъ здѣшнихъ овцеводовъ приобрѣли также овецъ *электральной* породы, изъ Саксоніи и Силезіи. Полученные изъ-за границы бараны и овцы чистой породы были смѣшаны съ туземными, въ особенности съ цигайскою пороодою, какъ подходящею ближе къ мериносамъ; происшедшія отъ такого смѣшенія овцы смѣшаны опять съ чистою пороодою, и такъ далѣе, на нѣсколько поколѣній; выродившіеся такимъ образомъ *метисы*, въ настоящее время, составляютъ массу здѣшнихъ тонкорунныхъ овецъ и называются *испанскими* овцами или *мериносами*.

Наконецъ, лѣтъ около 25 тому назадъ, выписано было княземъ М. С. Воронцовымъ изъ Англіи небольшое число барановъ и овецъ *лейчестерской* длинношерстой породы. Англійскія овцы пострадали отъ сухости климата, лѣтнихъ жаровъ и зимнихъ холодовъ, при степномъ способѣ ухода; но можно полагать, что англійская длинношерстая порода со временемъ освоится съ климатомъ и принесетъ большую пользу этому краю, улучшеніемъ шерсти простыхъ волошскихъ овецъ, посредствомъ смѣшенія, поддерживаемаго на нѣсколько поколѣній, подобно тому, какъ смѣшивались цигайскія овцы съ мериносами чистой породы.

Въ нашихъ степяхъ способъ ухода за мериносами не представляетъ большаго различія отъ содержанія простыхъ овецъ, но рѣзко отличается отъ способа нѣмецкаго. Въ Германіи считается необходимымъ продолжительное зимнее кормленіе въ теплыхъ пріютахъ и загонъ овецъ въ хлѣва на ночь, а въ жаркое время года даже и въ полдень. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ нѣмцевъ-колонистовъ ввели было у себя свой отечественный способъ содержанія овецъ, но всѣ они едва не разорились. Степной же способъ содержанія овецъ весьма простъ и дешевъ. Мериносы, какъ и простыя овцы, ходятъ по степи большую часть года. Лѣтомъ ихъ не загоняютъ въ овчарню ни на ночь, ни въ полдень. Зимой же ихъ держатъ и кормятъ въ хлѣвахъ только въ непогоду, или когда степь бываетъ покрыта глубокимъ снѣгомъ. Главная забота овцевода состоитъ въ томъ, чтобы овцы имѣли изобильную пастбу. Съ этою цѣлью они

нѣсколько разъ мѣняютъ пастбище. Въ началѣ весны *отары* (стада овецъ) переходятъ съ перваго пастбища на *отаву* — лугъ, съ котораго убрано сѣно; съ отавы на жниво по уборкѣ хлѣбовъ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ зимнихъ пріютовъ, такъ что лѣтомъ овцы пасутся на самыхъ отдаленныхъ отъ овчарень мѣстахъ. Съ наступленіемъ же холоднаго времени стада приближаются къ зимнимъ пріютамъ, возлѣ которыхъ были сбережены пастбища упомянутымъ способомъ. Сюда чабанъ выгоняетъ стадо въ каждый сколько-нибудь благоприятный день, и овцы сами выкапываютъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга передними ножками. На ночь и во время мятелей стадо загоняютъ въ овчарню. Этимъ способомъ стараются сберечь сѣно, которое иногда стоитъ очень дорого, какъ вслѣдствіе дороговизны рабочихъ, такъ и вслѣдствіе неурожая. Сѣно часто истребляютъ степные пожары и саранча.

Сѣно дается овцамъ два или три раза въ день, смотря по тому, выпускаются ли овцы на степь или нѣтъ, и сколько онѣ находятъ тамъ подножнаго корма. Сѣно раскидывается по землѣ или по снѣгу небольшими кучками. Ясли и другіе подобные снаряды въ здѣшнемъ краѣ почти еще неизвѣстны.

Водопой овецъ, въ лѣтнее время, производится одинъ разъ въ сутки, именно утромъ; зимою также одинъ разъ, послѣ первой дачи сѣна; весною же, по появленіи свѣжей травы, ихъ водятъ на водопой сперва черезъ день, потомъ разъ въ недѣлю, а въ концѣ весны, когда трава созрѣетъ, опять черезъ день, также какъ и осенью. Весьма полезно овцамъ лизать почаще соль, особенно въ зимнее время, чтобы болѣе возбуждать жажду при сухомъ кормѣ. Но въ южномъ краѣ употребляютъ, вмѣсто каменной, морскую соль, потому что она дешевле. Ее распускаютъ въ водѣ и потомъ обрызгиваютъ кормъ.

Овчарни строятъ изъ камня известняка, изъ жженаго или воздушнаго кирпича, или изъ лозовыхъ плетѣнокъ, камыша и т. п., обмазанныхъ глиною, смѣшанною съ соломой или мякиною; какъ тѣ, такъ и другія, имѣютъ крыши, камышевые или соломенные, съ двумя скатами. Обыкновенно овчарня состоитъ

изъ обстроеннаго кругомъ четырехугольника; внутри — дворъ, а съ двухъ противоположныхъ сторонъ ворота; стѣны невысоки.

Плѣтенки изъ лозы и камышевыя стѣнки, хорошо обмазанныя, достаточно замѣняютъ каменные стѣны. Въ такихъ наскоро-выстроенныхъ и мало стоящихъ сараяхъ, овцы содержатся такъ же хорошо, какъ и въ дорогихъ овчарняхъ. Одно только неудобство: штукатурка подвержена скорой порчѣ и требуетъ частыхъ починокъ.

Вслѣдствіе переменчивости климата и дурнаго ухода, наши степныя овцы подвергаются часто болѣзнямъ, которыя иногда истребляютъ цѣлыя стада. Къ такимъ болѣзнямъ принадлежатъ; оспа, апоплексическій ударъ, короста, головокруженіе, происходящее отъ червячковъ, зарождающихся въ головѣ животнаго и др. Для предохраненія стада отъ этихъ болѣзней слѣдуетъ заботиться, по крайней мѣрѣ, о достаточныхъ пастбищахъ и хорошихъ водопояхъ, чтобы имѣть возможность не только отдѣлять больныхъ овецъ отъ здоровыхъ, безъ всякаго замедленія, но также перегонять цѣлое стадо на новыя мѣста.

Каждая овца доставляетъ шерсть, приплодъ, молоко для изготвленія брынзы и навозъ для лучшаго кизяка, употребляемаго на топливо.

Стрижка овецъ начинается 10-го мая и оканчивается съ наступленіемъ сѣнокоса. Мѣсто, назначенное для стрижки, чисто выметается; у лучшихъ же хозяевъ настилается досками. Для стрижки связываютъ животныхъ по ногамъ; при этомъ чабанъ или другой работникъ долженъ дѣйствовать ловко, чтобы стрижка была ровная, низкая, безъ порѣзовъ кожи. Женщинъ къ этой работѣ не допускаютъ.

Шерсть продается въ трехъ различныхъ видахъ: грязная, т. е. въ томъ состояніи, какъ обыкновенно находится на животномъ; перегонная, т. е. снятая послѣ неоднократнаго перегона овецъ чрезъ небольшую рѣку или прудъ, и мытая, т. е. послѣ тщательнаго ручнаго мытья снятой шерсти въ особыхъ, для того устроенныхъ, заведеніяхъ. Кромѣ того, существуетъ мытье шерсти фабричное.

Въ Германіи обыкновенно загоняютъ овецъ въ текучую воду

и, посредствомъ сжиманія руна руками, очищаютъ его. Этотъ способъ мойки нѣсколько лучше перегоннаго. Въ нашихъ же степяхъ мытье шерсти по германскому способу невозможно — по недостатку въ проточной водѣ; къ тому же, тонкая степная пыль, проникающая все руно, не отмывается слабымъ дѣйствіемъ холодной воды, а только распускается по руно и придаетъ ему сѣроватый цвѣтъ. Наконецъ, мытье шерсти на животномъ по германскому способу требуетъ много рабочихъ рукъ, а при недостаткѣ ихъ стрижка не была бы окончена до наступленія сѣнокосной поры. Потому-то у насъ шерсть, большею частію, снимается съ овецъ и сбывается въ грязномъ видѣ.

Сыръ или брынзу готовятъ слѣдующимъ образомъ: выдоенное молоко процѣживаютъ черезъ тонкое сито въ кадушку, къ молоку прибавляютъ немного голлака (*) и соли, и закрываютъ кадушку. Остающаяся по образованіи сыра жидкость варится, и по охлажденіи даетъ еще нѣсколько сыра. Послѣдняя жидкость отдается собакамъ, находящимся при стадахъ, и составляетъ главную и любимую ихъ пищу. Овца даетъ 3 ф. сыра; цѣнять его въ 3 или 4 к. сер. за фунтъ.

Шерсть отъ простыхъ овецъ, которыхъ преимущественно держать крестьяне, продается отъ 1 р. 60 к. до 2 р. 30 к. за пудъ, а за пудъ невыттой мериносовой шерсти платятъ отъ 6 р. до 7 р. Слѣдовательно, доходъ отъ тонкорунной овцы вътрое выше дохода, получаемого отъ простой овцы.

Главная масса шерсти тонкорунныхъ овецъ идетъ за границу (***) и такъ какъ туда требуется мытая шерсть, то чрезъ это явилась особая промышленность въ краѣ, занимающаяся мытьемъ шерсти предъ отправленіемъ за границу.

Главный недостатокъ нашей степной шерсти заключается въ ея слабости. Выдѣлываемое изъ нея сукно бываетъ на ощупь мягко и сухо. Слабость и жесткость шерсти происходитъ пре-

---

(*) Для приготовления голлака разрѣзываютъ желудокъ агненка на нѣсколько кусковъ, кладутъ въ горшокъ и наливаютъ туда же немного сыворотки; черезъ однѣ сутки голлакъ идетъ въ употребленіе.

(**) Вывозъ за границу тонкой овечьей шерсти разрѣшенъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, со взиманіемъ пошлины по 50 к. съ пуда.

имуущественно отъ сухаго климата и отъ постоянной жизни овецъ подъ открытымъ небомъ. Дѣйствіемъ солнечныхъ лучей и росы отнимается у шерсти часть жира, ее питающая и сохраняющая. Поэтому, шерсть сѣверныхъ и среднихъ губерній Россіи, сравнительно, лучше степной. Самая грубая и жесткая шерсть получается отъ простыхъ степныхъ овецъ. Она идетъ на войлоки, на набивку тюфяковъ, на крестьянское и солдатское сукна и проч. Въ Англіи употребляютъ ее на конопаченіе судовъ.

Главные овчарни мериносовъ въ Новороссійскомъ Краѣ: князя Воронцова, барона Штиглица, графа Потоцкаго, княгини Барятинской, барона Фитингофа, Абазы, Котляревскаго и графовъ Канкриныхъ.

9. СРЕДИ САРАНЧИ.

(Hamm: Steppen und Städte.)

Была прекрасная звѣздная ночь; свѣтъ луны дрожалъ на темныхъ волнахъ Базулука, который пробивалъ себѣ дорогу черезъ степь для соединенія съ величественнымъ Днѣпромъ. Мы стояли на дворѣ великолѣпнаго господскаго дома, гдѣ провели нѣсколько веселыхъ дней; теперь намъ предстояла разлука.

Этотъ домъ былъ для насъ истиннымъ оазомъ въ степи, но оазомъ, образованнымъ не природою, а вкусомъ и искусствомъ человѣка.

Звуки роднаго языка, которымъ говорили здѣсь всѣ, не исключая и дѣтей, пѣніе, игра на фортепіано,—все это напоминало намъ наше отдаленное отечество.

Между тѣмъ, четверка добрыхъ лошадей, данная намъ до первой станціи гостепріимнымъ хозяиномъ, била отъ нетерпѣнія копытами о землю и трясла своими длинными густыми гривами; еще благодарность, еще рукопожатіе и мы на сухой обширной степи. Жалобный вой волковъ по волчатамъ, которыхъ у нихъ отняли и посадили въ засаду, чтобы воспитать для зимняго удовольствія—травли, преслѣдовалъ насъ нѣсколько

времени; съ нимъ замолкъ послѣдній звукъ степи. Дневной жаръ спалъ, и мы ѣхали при свѣжемъ, благорастворенномъ воздухѣ южныхъ степей.

Вскорѣ мы достигли станціи; староста, при свѣтѣ грязнаго фонаря, взглянулъ на наши подорожныя; лошадей быстро перепрягли, привязали колокольчикъ, ямщикъ вскочилъ на облучокъ, свиснулъ и лошади помчались.

Что было дальше въ эту ночь—я ничего не помню.

Мы проснулись только на слѣдующей станціи. Было утро; солнце только что всходило на горизонтъ; мы стояли передъ постояннымъ дворомъ городка Бреславля. Выйдя изъ экипажа, чтобы хотя немного порасправить наши одеревенѣвшіе отъ ѣзды члены, мы увидѣли вдали серебряную ленту Днѣпра и черезъ него деревянный мостъ, единственный проходъ съ сѣвера въ Таврическую губернію.

На берегу былъ разбитъ лагерь изъ семи цыганскихъ шатровъ; изъ нихъ подымались густыя облака дыма и слышались дружные удары молотовъ. Мы осмотрѣли палатки—это были походныя кузницы, и во всѣхъ ихъ происходила дѣятельная работа. Устройство такой кузницы чрезвычайно просто: небольшая наковальня, вкопанная въ землю, и куча угля, въ которой жаръ поддерживается раздувательными мѣхами, приводимыми въ движеніе соннымъ мальчикомъ.

Цыганы славятся въ Россіи, какъ кузнецы и лудильщики, и самому искусному кузнецу изъ русскихъ не сравниться съ ними въ этомъ дѣлѣ.

Сейчасъ вышелъ малороссъ изъ одной изъ этихъ первобытныхъ мастерскихъ, любуясь косою, только что выкованною въ кузницѣ; съ ней пойдетъ онъ въ густо-населенныя провинціи Новороссіи, гдѣ трудъ гораздо дороже цѣнится, чѣмъ на его родинѣ; съ платою, полученною за лѣтнюю работу, онъ будетъ имѣть возможность пролежать на печкѣ всю длинную зиму, что и составляетъ его главную цѣль.

Пара клячъ паслись вблизи на лугу со спутанными передними ногами; молодой человѣкъ, въ сильно изорванномъ платьѣ, въ курткѣ безъ рукавовъ, отвязалъ одну изъ лошадей, легко

вскочилъ на нее и полетѣлъ по степи, держась стройно и красиво. Вообще цыганы считаются лучшими наѣздниками и самыми хитрыми барышниками. Кромѣ того, они повсюду занимаются леченіемъ лошадей, которое, какъ полагають крестьяне, нераздѣльно съ кузнечествомъ. Скоро мы оставили цыганъ и отправились далѣе.

По дорогѣ намъ только изрѣдка встрѣчались обработанныя поля, а за ними такъ далеко, какъ только можетъ видѣть глазъ, тянулись буро-зеленныя степи.

Ни дерева, ни дома не видно на всемъ горизонтѣ, только изрѣдка возвышаются по равнинѣ холмы футовъ въ 15 вышиною. Эти курганы—древнія татарскія могилы, или, скорѣе, могилы тѣхъ народовъ, которые въ древности проходили всю среднюю Европу; эти курганы напоминають собою могилы гунновъ въ сѣверной Германіи. Многіе изъ нихъ разрывали и находили человѣческія кости, оружіе и лошадиныя остовы.

Проѣхавъ немного по степи, мы замѣтили на козлахъ сильное движеніе: Илья (нашъ человѣкъ) съ ямщикомъ разговаривали о чемъ-то съ большимъ жаромъ; наконецъ Илья оборотился къ намъ и показалъ рукою въ даль. Мой товарищъ выглянулъ изъ окна кареты, но вдругъ откинулся назадъ.

— Саранча! закричалъ онъ такъ громко, что я вздрогнулъ.

Я въ свою очередь тоже взглянулъ въ окно, но ничего не увидѣлъ, кромѣ длиннаго чернаго оклака на краю горизонта.

— Это она и есть, сказалъ мой путникъ.

— Не можетъ быть, возразилъ я: это должно быть дымъ отъ большаго пожара.

— Къ несчастію, я совершенно увѣренъ въ томъ, что говорю, продолжалъ товарищъ.—Да это еще ничего, а въ иной разъ она тянется на протяженіи 8 и 10 верстъ. Какъ ты думаешь,—обратился онъ къ Ильѣ:—что означаетъ эта темная полоса передъ нами?

— Саранча,—отвѣчалъ тотъ.

— Саранча,—подтвердилъ и ямщикъ, посвистывая на лошадей.

Все еще сомнѣваясь, но съ возбужденнымъ любопытствомъ прислонился я къ спинкѣ кареты и сталъ пристально смотрѣть

на темное облако; оно, казалось, стояло на одномъ мѣстѣ, только то тамъ, то тутъ виднѣлись маленькія летающія облачки, отдѣлившіяся отъ главной массы.

Спустя мгновеніе, это облако получило видъ страшной грозовой тучи, а еще черезъ нѣсколько минутъ и туча превратилась въ колеблющійся занавѣсъ, закрывшій отъ насъ дневной свѣтъ.

— Она была здѣсь, — сказалъ товарищъ, когда мы уже начали выбираться на свѣтъ. — Кучеръ, стой!

Мы вышли на большое, засѣянное хлѣбомъ поле, которое можно было узнать только по множеству разбросанныхъ незрѣлыхъ колосѣвъ. Тысячи скачущей и летающей саранчи поднялись изъ-подъ нашихъ ногъ; солнце красиво отражалось на ихъ блестящихъ переднихъ крылышкахъ. Все поле, въ нѣсколько десятковъ десятинъ, было совершенно опустошено; не было ни одного нетронутаго стебля! Жаль было смотрѣть на это исчезнувшее, еще зеленое хлѣбное поле! Намъ захотѣлось имѣть нѣсколько экземпляровъ саранчи и мы стали ее ловить, что оказалось не совсѣмъ легкимъ и простымъ дѣломъ: она чрезвычайно быстро исчезала изъ-подъ рукъ, что не летало, то скакало по разнымъ направленіямъ. Послѣ долгой утомительной борьбы у насъ было не больше двухъ дюжинъ саранчи.

Разсмотрѣвъ внимательнѣе, мы замѣтили, что здѣсь была только ослабѣвшая или больная саранча, а главная масса была ужъ далеко за нами.

Добычу нашу, за неимѣніемъ ничего лучшаго, мы умертвили морфіемъ (взятымъ совершенно для другой цѣли,) уложили очень тщательно и отправились далѣе. Обработанныя поля встрѣчались намъ все чаще и чаще и слѣды разрушенія были все замѣтнѣе.

По несовсѣмъ еще уничтоженнымъ посѣвамъ бѣжали женщины и дѣти съ косами, серпами, съ разною домашнею утварью, били объ эти предметы камнями или чѣмъ-нибудь металлическимъ и производили такимъ образомъ страшный шумъ, съ цѣлю прогнать своего злѣйшаго врага; тамъ, гдѣ они появлялись, саранча, уже успѣвшая поправиться подъ жгучими лучами солнца,

взлетала сотнями тысячъ, подобно густому туману, поднимающемуся съ земли. То тамъ, то тутъ видны были группы мужчинъ съ косами на плечахъ, бѣгущихъ изо всѣхъ силъ, чтобы предупредить грозящую опасность и поспѣшной жатвой сохранить сколько-нибудь хлѣба. Не смотря на скорую ѣзду почтовыхъ лошадей, мы часто были перегоняемы телѣгами, наполненными до такой степени крестьянами, что оси гнулись и дымились у колесъ; всѣ спѣшили на помощь другъ другу. Къ счастью, большая часть хлѣба была уже снята; кормовыхъ травъ совсѣмъ не сѣютъ въ степяхъ, а льняное сѣмя саранча не трогаетъ. Такимъ образомъ, ей осталось истреблять одно просо (оно поспѣваетъ позже другихъ хлѣбовъ;) а такъ какъ оно составляетъ продовольствіе тамошнихъ жителей, то они и понесли значительный убытокъ.

— Она еще не страшна въ этомъ году,—сказалъ старый крестьянинъ, съ которымъ мой товарищъ заговорилъ мимоходомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ проѣхалъ мимо насъ управляющій одного богатаго имѣнія, знакомый моего товарища и закричалъ намъ: «Вчера саранча у насъ была; двѣ трети хлѣба пропало: что не съѣдено, то обглодано, разсѣяно; я ищу работниковъ, чтобы хотя что-нибудь спасти.»

Между тѣмъ, туча, поднимавшаяся передъ нами, становилась все темнѣе и темнѣе. Въ воздухѣ раздавались глухое карканье и крики; тысячи хищныхъ птицъ, воронъ, галокъ, ястребовъ носились надъ полями и съ жадностью бросались въ туманъ. Свистъ, чириканье, крики вокругъ насъ возросли до ужасныхъ размѣровъ.

Казалось, что вся атмосфера усыяна точками; такъ рябило въ глазахъ, что мы невольно должны были ихъ поминутно закрывать.

— Это ужасно! сказалъ я: теперь мы ужъ, конечно, въ самой серединѣ саранчи.

— Нѣтъ еще,—былъ мнѣ отвѣтъ.

Я недовѣрчиво улынулся. Далѣе дорога пошла подъ гору. Мы замѣтили вершины нѣсколькихъ деревьевъ—явленіе очень

рѣдкое въ степи — возвышающихся со дна порядочной рѣки, Ингулецъ, вливающейся въ Днѣпръ невдалекѣ отъ Херсона.

На козлахъ мы снова замѣтили уже знакомое намъ движеніе и съ тѣми же жестами. Воздухъ, между тѣмъ, все сгущался и сильный напоръ пыли въ окна кареты показывалъ, что мы все ближе подвигаемся къ непріятелю. Вдругъ карета стала быстро катиться подъ гору, и передъ нами открылся довольно живописный видъ: справа по подгорью лѣпились въ безпорядкѣ крестьянскія избы, а слѣва извивалась рѣка, обрамленная ивою и тростникомъ.

— Вотъ цѣлые рои саранчи! вскричалъ Илья.

Въ одно мгновеніе мы были охвачены тучею саранчи; лошади наши стали рваться, кусались, лягались, подымались на дыбы

Въ полномъ смыслѣ слова солнце померкло за мириадами насѣкомыхъ; это было нѣчто похожее на сильный туманъ, поднимающійся съ земли и кверху все сгущающійся, или на дымъ, выходящій изъ необъятной трубы, который разстилался передъ нами черною стѣною, не пропускавшею солнечныхъ лучей. Массы саранчи были такъ густы, что, при ускоренномъ бѣгѣ кареты, вся она не успѣвала подниматься, и мы чувствовали хрускъ и трескъ подъ колесами.

Все это произвело на меня очень сильное впечатлѣніе, между тѣмъ, какъ мой товарищъ, которому подобное приключеніе было не новостью, оставался совершенно спокойнымъ.

Стараніями ямщика и Ильи лошади были усмирены, карета спасена отъ паденія; вся эта катастрофа миновалась гораздо скорѣе, чѣмъ ее можно описать. Уже далеко отъ насъ на востокъ было ужасное черное облако, а вокругъ повсюду кишѣла отставшая саранча: дорога, мостъ, деревья, тростникъ, даже вода все было ею покрыто. Изъ тростника поднялись, точно изъ земли выросли, незамѣтныя прежде, тысячи водяныхъ птицъ, утки съ ихъ сѣрыми и коричневыми головками, пересмѣшницы, называемыя такъ по ихъ крику, похожему на смѣхъ, водяныя ласточки, соколы, ястребы, вороны, скворцы — всѣ онѣ наполняли воздухъ пронзительными криками; алчность, съ какою бросались птицы на такую богатую добычу, заставляла

ихъ забывать боязнъ нашего присутствія и крестьянъ, продолжавшихъ стучать, барабанить, звонить. Но, не смотря на огромныя стаи водяныхъ и воздушныхъ разбойниковъ, ревностно истреблявшихъ свою добычу, саранчи оставались еще цѣлые милліоны. Все, что я прежде читалъ о нападеніяхъ саранчи, считалъ, откровенно сказать, преувеличеннымъ, но настоящій опытъ доказалъ мнѣ совершенно противное. Дѣйствительно, эти безчисленные рои насѣкомыхъ составляютъ страшную кару, истинный бичъ страны!

Время странствованія саранчи продолжается отъ конца іюля до сентября; обыкновенно моментъ появленія перваго роя считаютъ 20-е іюля.

Эти путешествія, вѣроятно, предпринимаются съ цѣлью отыскать хорошія мѣста для яицъ, такія мѣста, гдѣ личинка, по своемъ вылупленіи, нашла бы достаточно пищи. Яйца саранчи похожи на пшеничное зерно: вверху закруглены, снизу заострены, цвѣтъ ихъ бѣловатый или желтоватый; внутри желтоватый молочный сокъ; ихъ находятъ всегда слипшимися вмѣстѣ по нѣскольку; къ холоду они довольно нечувствительны: одинъ господинъ прошлой зимой набралъ полную банку этихъ яицъ съ землей и держалъ на открытомъ воздухѣ, температура котораго понижалась до 21° по Р., и, не смотря на это, ни одно яйцо не испортилось.

Какъ только начинается вылупляться саранча, такъ поле и вся степь, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, стонутъ подъ личинкой, массъ которой рѣшительно невозможно себѣ представить.

Личинка совершенно похожа на взрослую саранчу, но только безъ крыльевъ; ихъ она получаетъ тотчасъ послѣ вторичнаго скидыванія кожи, что обыкновенно бываетъ во второй половинѣ іюля. Крылья совершенно расправляются къ концу двухъ недѣль и затѣмъ весь рой поднимается, точно по данному знаку, и улетаетъ на западъ въ Придунайскія княжества, въ Венгрію и дальше.

Русскій крестьянинъ смотритъ на это бѣдствіе, какъ на нака-

запіе посылаемое разгнѣваннымъ Богомъ, и ничего не предпринимаетъ къ его искорененію; въ крайнемъ случаѣ только онъ прогоняетъ саранчу съ своихъ хлѣбовъ на сосѣднія. Нѣмецкіе колонисты, напротивъ, не складываютъ рукъ передъ угрожающимъ непріателемъ; ихъ мозолистые, закаленные въ работѣ кулаки привыкли отплачивать наносимые имъ удары: дружно спѣшаютъ они къ дѣлу послѣ общаго совѣщанія. И если они будутъ продолжать, какъ начали, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что черезъ непродолжительное время этотъ бичъ не будетъ такъ ужасенъ, по крайней мѣрѣ для Европы.

Обыкновенныя средства, употребляемыя противъ саранчи, суть сгонъ на поля свиней, лошадей, выкапываніе глубокихъ рвовъ, куда сгоняютъ саранчу въ то время, когда она бываетъ еще безкрылою, и зарываютъ землю; употребляютъ дымъ, огонь, даже пушечные выстрѣлы,—все это немного помогаетъ, но на обработанныхъ поляхъ не совсѣмъ удобопримѣнимо; поэтому колонисты старались изобрѣсти другіе, болѣе удобные, способы, и имъ удалось это.

Самое благопріятное время къ уничтоженію саранчи — непосредственно послѣ перваго сбрасыванія кожи; тутъ прожорливость личинки превосходитъ всякое описаніе: все, что зелено, трава, хлѣбъ, репейникъ, листья, молодая кора, картофель, бобы, лукъ, даже полотно, платье, кожаные сосуды,—все это исчезаетъ въ нѣсколько мгновений. Такъ какъ она съ баснословною быстротою уничтожаетъ всякую растительность, то и находится въ постоянномъ движеніи; еще безъ крыльевъ скачетъ она съ удивительною силою и настойчивостью, и никакое препятствіе не можетъ ее остановить: она плыветъ по рѣкамъ, всползаетъ на дома, даже огонь ее не устрашаетъ—она потушаетъ его массою своихъ тѣлъ. Видъ путешествующей личинки гораздо ужаснѣе и удивительнѣе облаковъ летящей саранчи.

Когда саранча появляется въ какомъ-либо округѣ, то мѣстный начальникъ призываетъ къ оружію всѣхъ, у кого только есть руки и ноги; если же населеніе, которымъ онъ завѣдываетъ,

недостаточно для успѣшной борьбы съ непріятелемъ, то посылають за помощью въ сосѣднія колоніи.

Только-что саранча двинется, чтобы начать свое странствованіе, окружають ее цѣпью изъ людей, въ срединѣ которой вырыть огромный ровъ. Вооруженные тряпками, мѣшками, вѣниками, лопатами, сгоняють они саранчу къ срединѣ такъ, чтобы она неминуемо должна была попасть въ ровъ, гдѣ ее и зарываютъ.

Описанный способъ не вездѣ употребляется, потому что при немъ надо рыть землю и, кромѣ того, онъ требуетъ значительныхъ силъ. Поэтому, въ соединенныхъ нѣмецкихъ колоніяхъ въ новѣйшее время употребляютъ преимущественно саранчеловку. Этотъ инструментъ изобрѣтенъ колонистомъ Берхтольдомъ изъ Фрейденталя (Freudenthal); онъ состоитъ изъ широкаго холщеваго мѣшка, въ отверстіе котораго вставлена четырехугольная деревянная рамка, къ противоположному концу мѣшка придѣлана длинная ручка для управленія, а по сторонамъ его находятся два небольшія деревянные колеса. Этотъ снарядъ управляется однимъ человѣкомъ, который начинаетъ свою работу съ закатомъ солнца и продолжаетъ часовъ до семи утра. Мѣшокъ во время лова направляется такимъ образомъ, что нижняя часть рамки касается плотно земли, а ручка лежитъ на плечѣ. Сначала работникъ толкаетъ передъ собою снарядъ по прямому направленію, а потомъ быстро поворачиваетъ къ мѣсту, съ котораго началъ; тутъ ручка опускается, нижняя часть рамки поднимается и закрываетъ отверстіе. Пойманную саранчу высыпають въ мѣшки и чаны и работа снова начинается. Этотъ способъ не такъ вреденъ, какъ первый, потому что примятые снарядамъ колосья скоро послѣ того выпрямляются.

Чтобы получить понятіе о достоинствѣ этого снаряда, достаточно сказать, что, по донесенію любентальскаго окружнаго управленія, Одесскаго градоначальства, въ 9-ти нѣмецкихъ колоніяхъ съ 4-го по 18 іюня 1857 года поймано такимъ способомъ около

10,750 четвериковъ саранчи или болѣе милліарда штукъ^(*). Сверхъ того, въ бессарабскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ поймано въ томъ же году около трехъ милліардовъ штукъ. Если послѣ такой операціи и оставалось еще нѣсколько десятковъ тысячъ саранчи, то она быстро истреблялась птицами.

Въ концѣ сентября мы еще встрѣтили нѣсколько экземпляровъ странствующей саранчи, именно у замка семи башенъ на Босфорѣ. По малочисленности ихъ и слабости полета видно было, что это больные, отставшіе отъ главнаго роя.

Въ газетахъ, между прочимъ, извѣщали, что нѣсколько роевъ саранчи достигли нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ—доказательство, что она должна имѣть значительную силу, потому что перелетала высочайшія европейскія горы.

10. Южный берегъ Крыма.

(*Kohl. Reisen in Russland. II.*)

Южный берегъ Крыма представляетъ совершенно отдѣльную мѣстность, имѣющую много оригинальнаго, какъ въ климатическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніи. Южнымъ берегомъ называется только небольшое побережье отъ Балаклавы до Алушты. И только эта небольшая частица пользуется всѣми преимуществами «южнаго берега». Вдоль всего этого берега идутъ горы, которыя защищаютъ побережье отъ суроваго вліянія сѣвера и открываютъ доступъ южнымъ вѣтрамъ, приносящимся черезъ море. Здѣсь успѣшно растутъ виноградъ, лавровыя и оливковыя деревья, кипарисы, гранаты, однимъ словомъ, всѣ произведенія средней Италіи. Благорастворенный климатъ издавна привлекалъ на этотъ берегъ множество поселенцевъ, сначала грековъ и генуэзцевъ, потомъ русскихъ.

Путешественникъ, плывущій изъ Херсона, сначала видитъ только одни пустынные берега, поражающіе своимъ однообразіемъ; далѣе встрѣчаетъ монастырь Св. Георгія, прилѣпившійся

---

^(*) Въ одномъ четверикѣ считаютъ 468,000 штукъ саранчи.

къ самой скалѣ; за нимъ слѣдуетъ балаклавская бухта, потомъ горы и прославленный «южный берегъ.»

Видъ крымскихъ горъ очень однообразенъ и не можетъ идти въ сравненіе ни съ итальянскими Альпами, ни, еще менѣе, съ французскими Пиренеями. Мало на нихъ долинъ и лощинъ, мало лѣса и глубоко врѣзавшихся бухтъ; надъ всѣмъ берутъ перевѣсъ голыя, сѣрыя скалы. Таковъ общій видъ горъ издали, съ моря; но если путешествующій по берегу захочетъ разсматривать все *en détail*, то можетъ найти въ частностяхъ много истинныхъ красотъ.

Далѣе ѣдешь мимо владѣній русскихъ вельможъ, затѣмъ слѣдуютъ живописные домики туземцевъ, очень разнообразной архитектуры, окруженные виноградниками, разбросанными между кипарисовыми, орѣховыми и тузовыми деревьями; наконецъ, послѣ долгой качки и мучительныхъ страданій, вступаешь въ бухту Ялты.

Эта бухта, по своей живописности, представляетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ на «южномъ берегу.» Она глубоко врѣзывается внутрь полуострова и ограничена съ обѣихъ сторонъ двумя прелестными долинами. Эти долины и все кругомъ покрыты густымъ лѣсомъ. Горы принимаютъ здѣсь самыя разнообразныя формы, долины отлично воздѣланы; татарскія, греческія деревеньки и русскія дачи тянутся далеко по горамъ, у подошвы которыхъ, возлѣ самаго морскаго прибоя, лежитъ прелестное мѣстечко Ялта. Это, рѣшительно, красивѣйшее и притомъ единственное мѣсто на «южномъ берегу,» гдѣ самою природою назначено быть городу. Уже въ древности существовалъ здѣсь небольшой городокъ, разрушенный въ варварскія времена Крыма и снова возстановленный въ вѣкъ процвѣтанія торговли. Мѣсту этому, по всей справедливости, назначено быть главною пристанью пароходовъ и центромъ сообщенія съ «южнымъ берегомъ.» Въ 1845 г. графъ Воронцовъ возвелъ его на степень города. Въ немъ все новые домики, и весь городъ такой маленькій, чистенькій, миловидный, что, глядя на него, невольно сравнишь съ хорошенькой игрушкой.

Намъ объявили, къ немалой досадѣ, что пароходъ не мо-

жетъ подойти къ берегу, потому что высокая подводная мель загораживаетъ портъ. Бросили якорь. Всѣмъ хотѣлось поскорѣе взглянуть на эту обѣтованную землю, и мы подняли страшный гвалтъ, пока приготовляли лодку для нашего отправленія. Вступивъ на берегъ и устроившись въ гостиницѣ, я взялъ маленькую татарскую лошадку и отправился все осматривать. Ъхалъ такъ далеко, какъ только могъ, полный радости, какъ будто открылъ новую землю; да и въ самомъ дѣлѣ, по описанію путешествій, получаешь такое слабое представленіе о странѣ, что, посѣтивъ ее впослѣдствіи, кажется, будто прежде ничего и не слыхалъ о ней.

Дорога вела черезъ фруктовые сады, орѣховые лѣса и часто пересѣкалась горными потоками. Элегантныя дачи русскихъ вельможъ оставилъ я въ сторонѣ и направился къ одной татарской деревенькѣ, живописно раскинувшейся на обрывѣ горы. Тамъ нашелъ я нѣсколько татаръ, усѣвшихъ въ кружокъ и разговаривавшихъ по-русски. Я подошелъ къ нимъ, въ надеждѣ, что кто-нибудь изъ нихъ предложитъ мнѣ свои услуги, и не ошибся. Молодой, красивый татаринъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, что мнѣ надо? Я просилъ показать мнѣ деревню и его домъ. Онъ, казалось, остался очень доволенъ моею просьбою и тотчасъ повелъ меня. Деревня, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить выше, очень живописна. Впослѣдствіи я узналъ, что и всѣ онѣ здѣсь таковы. Дома разбросаны въ безпорядкѣ, но не въ далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Всѣ они очень низки и одной стѣной плотно примыкаютъ къ горѣ, такъ что, сходя съ послѣдней, можно легко взойти на домъ, совсѣмъ того незамѣчая. Тонкіе древесныя стволы, какъ колонны, поддерживаютъ выдающуюся крышу. Оконныхъ стеколъ въ домахъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ—деревянныя задвижки, что имѣетъ нѣсколько мрачный видъ. Крыши очень обширны и весьма тонки; онѣ засыпаются землею и мелкимъ камнемъ, которые уравниваются и укрѣпляются посредствомъ инструмента, въ родѣ катка, постоянно находящагося на крышѣ.

Крыша у татаръ имѣетъ совсѣмъ иное назначеніе, чѣмъ у насъ. Прежде всего она служитъ сушильнею. Здѣсь всегда

можно видѣть бѣлье, плоды, печенья, вывѣшенные на ней для просушки; сюда собираются люди для всякаго рода работъ, для разговоровъ; здѣсь же и гостей принимаютъ; такимъ образомъ, здѣшніе жители дѣлаютъ другъ другу визиты на манеръ нашихъ котовъ. Ничего не можетъ быть любопытнѣе, какъ наблюдать съ высоко расположеннаго дома различныя группы на крышахъ.

Въ этотъ день я видѣлъ такъ много новаго для меня и достойнаго замѣчанія, что совершенно не замѣтилъ приближенія ночи и почти внезапно былъ охваченъ тмою, среди которой вдругъ раздался обычный возгласъ муллы: «Наје allal solat we! наје allal feléh!» (Собирайтесь, правовѣрные, на молитву; собирайтесь на благочестивое дѣло!) Правовѣрные тотчасъ оставили свои крыши, и нѣсколько времени только и было слышно шлепанье туфель по направленію къ мечети.

На другой день посѣтилъ я Никитскій садъ и Алушту.

Никитскій садъ — достопримѣчательность Крыма. Въ немъ собраны всѣ деревья и растенія этого полуострова: кинарисы, оливы, лавры, до 300 видовъ виноградной лозы (изъ всѣхъ частей свѣта,) капорцы, земляника и разныя лекарственныя травы, какъ туземныя, такъ и акклиматизированныя. Садовникъ, изъ нѣмцевъ, повелъ насъ въ нижнюю часть сада, къ морю, и показалъ руину растеній, если можно такъ выразиться. Это были почти совсѣмъ истлѣвшіе остатки оливковыхъ деревьевъ—слѣды, какъ полагаютъ, генуэзскаго владычества.

Дорога къ *Алуштѣ* великолѣпная: ѣдешь все мимо красивыхъ строеній съ виноградниками и фруктовыми садами, мимо горъ, покрытыхъ зеленью, и голыхъ, сѣрыхъ скалъ; къ этому присоединяется чудный видъ на море. Географическое положеніе самой Алушты очень оригинально и живописно. Горы, продолжающіяся до сихъ поръ почти на одинаковой высотѣ, прерываются здѣсь, самымъ неожиданнымъ образомъ, широкимъ ущельемъ, проходящимъ съ юго-востока на сѣверо-западъ, и горы съ 4,000 ф. своей обыкновенной высоты понижаются на 2,000 ф. И здѣсь-то, среди самаго незначительнаго поднятія всей массы, стоитъ Чатырдагъ, высочайшая точка крымскихъ

горъ, достигающая 5,000 ф. высоты. Его вершина имѣетъ видъ площади въ 4 или 5 верстъ длины съ совершенно круглыми склонами. Татары сравниваютъ его съ палаткой (Чатырдагъ.) Греки называли эту гору «Трапезой», находя въ ней сходство со столомъ. Она напоминаетъ Столовую Гору на мысѣ Доброй Надежды.

Впрочемъ, столообразная форма присуща, вообще, крымскимъ горамъ. Даже самыя незначительныя возвышенности являются длинною, почти совершенно ровной стѣной, которая, будучи пересѣчена ущельями, естественно, распадается на столообразныя фигуры. Длинные, ровные, покрытые травою хребты горъ, татары называютъ яйла (Jaila), и подъ этимъ именемъ разумѣютъ то же, что нѣмцы подъ словомъ альпы. Дѣйствительно, своимъ устройствомъ крымскія горы особенно сильно напоминаютъ Юру. Совершенно какъ въ Швейцаріи, татары говорятъ: «Яйла значитъ—травою покрытые хребты горъ, на которыхъ пасется нашъ скотъ, такъ какъ травы тамъ косить нельзя.» И, какъ швейцарцы гонятъ весною рогатый скотъ на горы, такъ и татары взбираются съ своими овцами на яйлу и остаются тамъ цѣлое лѣто. Отчего на крымскихъ горахъ пасутся, преимущественно, овцы—мнѣ неизвѣстно. Говорятъ, что причиною тому очень короткая трава, болѣе удобная для овецъ, чѣмъ для крупнаго скота.

Ущелье, идущее черезъ Чатырдагъ отъ моря къ сѣвернымъ степямъ, замѣчательно не только въ геологическомъ, но также и въ историческомъ отношеніи. Это самый удобный проходъ черезъ горы, и потому уже съ давнихъ временъ онъ служитъ главнымъ сообщеніемъ всему, что стремится съ сѣвера на югъ и обратно. Много битвъ происходило въ немъ и за него же. Это, такъ сказать, торговая улица Крыма, по концамъ которой расположились два города—Симферополь на сѣверѣ и Алушта на югѣ.

Уже во времена генуэзцевъ Алушта пользовалась не мало-важнымъ значеніемъ и имѣла большое народонаселеніе.

Императоръ Юстиніанъ задавалъ здѣсь богатые пиры, а одному изъ византійскихъ епископовъ она служила постояннымъ

мѣстопробываніемъ. Въ настоящее время дворецъ Юстиніана совершенно разрушенъ, исключая трехъ башень, сохранившихся до сихъ поръ. Между этими-то башнями и пріютилась Алушта, какъ какая-нибудь арабская деревенька въ развалинахъ египетскаго храма. Вблизи города находится въ азіятскомъ вкусѣ построенная гостиница, гдѣ, сверхъ крѣпкаго кофе, можно достать еще теплой воды для чаю, который путешественникъ долженъ имѣть при себѣ.

Чтобы сколько-нибудь подсластить пребываніе въ Алуштѣ, мы купили зельцерской воды и выкупались въ морѣ. Между тѣмъ, Чатырдагъ «началъ надѣвать свой чепецъ» по выраженію татаръ. Замѣчательно, что они употребляютъ совершенно одинаковое съ швейцарцами сравненіе, когда хотятъ сказать, что гора закутывается въ облака.

Дорога въ *Симферополь* довольно удобна, но не представляетъ никакихъ особенныхъ красотъ, чему, впрочемъ, я былъ очень радъ, потому что отъ бессонныхъ ночей и верховой ѣзды очень утомился и съ удовольствіемъ сидѣлъ въ глубинѣ кареты; но тутъ, собственно говоря, попадаешь изъ огня въ полымя: трудно рѣшить, что покойнѣе—татарская лошадь, или русская почтовая карета. Чтобы нѣсколько подкрѣпить себя, я выпилъ рюмку стараго вина и, добравшись до отведенной мнѣ комнаты, заснулъ, какъ убитый. Проснувшись съ совершенно свѣжими силами, я сталъ досадовать, что не былъ на вершинѣ Чатырдага. Не видѣть крымскихъ альпъ, яйлы и пастушеской жизни въ горахъ, не насладиться общимъ видомъ Таврическаго полуострова, при всей возможности къ этому,—было очень грустно. Я боялся, что этотъ пропускъ послужитъ мнѣ упрекомъ на всю жизнь. Подобныя представленія завели меня такъ далеко, что я соскочилъ съ постели, одѣлся, взялъ лошадь и поскакалъ въ обратный путь.

Скоро ли я проѣхалъ пять миль, отдѣлявшихъ меня отъ цѣли моего путешествія,—не могу сказать. Имѣя все время передъ глазами вершину Чатырдага, я не замѣчалъ дороги и очнулся только среди дубовъ и буковъ, вѣнкомъ окружающихъ гладкое темя горы. Кругомъ все было пусто и темно. Но когда

я выбрался изъ-за послѣдней липы, то увидѣлъ, что солнце еще не совсѣмъ зашло и верхняя точка горы алѣла, освѣщенная его послѣднимъ лучемъ. Я поспѣшилъ на террасообразные уступы, которыхъ прежде не замѣчалъ. Три такіе уступа, изъ которыхъ каждый оканчивался площадкой, вели къ высокой равнинѣ версты въ двѣ длины и около полуверсты въ ширину. Совершенно ровная и покрытая короткимъ, твердымъ дерномъ, она была очень удобна для верховой ѣзды. Здѣсь я ѣхалъ при великолѣпномъ лунномъ освѣщеніи, имѣя съ одной стороны Черное море, а съ трехъ другихъ темныя вершины таврическихъ горъ. Картина была удивительно хороша.

Но скоро я сталъ спускаться подъ гору и съ удовольствіемъ увидѣлъ мерцающій вдали огонекъ пастуховъ. Не менѣе пятнадцати здоровыхъ собакъ встрѣтили меня оглушительнымъ лаемъ, когда я сталъ приближаться къ ущелью, въ которомъ на ночь расположилось стадо. Я находился въ опасности быть растерзаннымъ этими животными, будучи принятъ въ темнотѣ за волка или кабана, на которыхъ онѣ здѣсь часто охотятся; но прибѣжавшіе на шумъ пастухи безопасно привели меня къ себѣ.

Радость этихъ честныхъ, почтенныхъ людей, при столь неожиданномъ посѣщеніи, была крайне трогательна. Узнавъ, что я голоденъ и утомленъ, они поспѣшили доставить мнѣ всѣ, зависящія отъ нихъ удобства: уложили на свои бурки, принесли овечьего молока и сыра, развели огонь, нагрѣли воды для чаю и, по моей просьбѣ, стали рассказывать про свою жизнь и занятія.

Вслѣдствіе многихъ завоеваній, перенесенныхъ Крымомъ, сѣверная, степная часть его и берега безпрестанно мѣняли своихъ жителей, такъ что коренное народонаселеніе могло сохраняться только въ южной, гористой части. Въ то время, когда въ степяхъ одинъ варварскій народъ изгонялъ другой, а на берегахъ попеременно господствовали то греки, то итальянцы, въ горахъ крѣпко держались остатки древнихъ народонаселеній. Такимъ образомъ, долго оставались здѣсь древніе киммерійцы, пока не вытѣснили ихъ готты, которые, въ свою очередь, были

замѣнены гуннами; ихъ мѣсто заняли хозары, потомъ аланы и наконецъ татары.

Теперь все коренное народонаселеніе носить названіе «татаръ», и даже пастухи на Чатырдагѣ магометане; но если доискиваться до корня происхожденія, то въ жилахъ ихъ найдешь, можетъ быть, больше киммерійской, нежели татарской крови.

За часъ до восхожденія солнца поѣхалъ я, въ сопровожденіи одного пастуха, на вершину Чатырдага. Тамъ насъ встрѣтила великолѣпная картина: только что восшедшее солнце обливало своимъ пурпуромъ весь горизонтъ, среди котораго, совершенно отчетливо, обрисовывалась большая часть полуострова и Чернаго моря. По направленію къ сѣверо-востоку Керчь и Босфоръ терялись въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, а Азовское и Гнилое моря были только слегка оттѣнены. На сѣверѣ взглядъ терялся въ степяхъ и едва различаеомъ Мертвомъ морѣ, а на западѣ виднѣлась окрестность Севастополя; но самый городъ былъ заслоненъ прилегающими къ нему высокими горами. Съ юга, изъ-за моря, поднимался Синопъ, отдаленный на 30 или 35 м. отъ Крыма. Подобные случаи очень рѣдки и зависятъ отъ извѣстнаго состоянія атмосферы, а можетъ быть и отъ помощи миража. Къ несчастію, мнѣ не удалось увидѣть Малой Азіи и родины Діогена; въ то время, когда я искалъ глазами по тому направленію, вдругъ поднялся туманъ и такъ плотно окуталъ насъ, что мы не могли ничего различить на разстояніи десяти шаговъ. Ощупью, кое-какъ, добрались мы съ проводникомъ до ночлега, откуда, простившись со своими добрыми хозяевами, помчался я обратно въ Симферополь, догонять товарищей.

11. В И Н О Г Р А Д Ъ.

Виноградная лоза. — Исторія и географія винограда. — Обработка винограда и вина. — Винодѣліе на Кавказѣ, въ Крыму, въ Бессарабіи, на Дону и въ Астраханской губерніи.

Кому незнакома виноградная лоза? Мы можемъ припомнить ея искривленный, шероховатый стебель, ея фестонныя вѣтви, прекрасные круглые или лапчатые листья, невзрачные, зеленые

цвѣты и превосходные грозды. Грозды эти надѣляютъ насъ даромъ, употребленіе котораго извѣстно было еще въ отдаленныя времена и связано со сказаніями и мифами глубокой древности. Въ греческой мифологіи говорится о Діонѣ, Бахусѣ, Озирисѣ, какъ о подателяхъ и распространителяхъ вина. На щитѣ Ахиллеса изображенъ сборъ винограда. Въ Египтѣ и на древнѣйшихъ греческихъ гробницахъ мы находимъ тѣ же изображенія.

Родину винограда невозможно опредѣлить съ точностію. Онъ встрѣчается въ дикомъ состояніи на Кавказѣ, въ Сициліи, Калабріи, южной Франціи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Россіи; но нигдѣ дикій виноградъ не достигаетъ такихъ большихъ размѣровъ, какъ по всему южному склону Кавказскихъ горъ. Тамошній виноградъ имѣетъ стволъ иногда до полуфута въ діаметрѣ, и лозы, вьющіяся около большихъ деревьевъ, достигаютъ отъ 8 до 9 саж. длины. Съ куста получается до 1 ведра вина и болѣе. Въ Абхазіи встрѣчаются столѣтнія лозы, которыя даютъ до 30 пудовъ винограда. Нѣкоторые нѣмецкіе ученые считаютъ даже разсказъ о золотомъ рунѣ древнихъ грековъ указаніемъ на виноградную лозу, привезенную съ Кавказа. Слѣдовательно, вѣрнѣе всего предположить, что родина винограда—Кавказъ. А дикій виноградъ, встрѣчающійся въ другихъ странахъ, долженъ быть признанъ одичалымъ.

Обращаясь къ историческимъ временамъ, мы видимъ, что раньше другихъ странъ виноградъ былъ распространенъ въ Малой Азіи и на греческихъ островахъ Егейскаго моря. Здѣшній виноградъ воспѣвается уже въ Гомеровыхъ пѣсняхъ. Отсюда винодѣліе перешло въ Италію. Но въ первыя времена Рима, вино составляло тамъ рѣдкость; это доказывается тѣмъ, что Ромуль вмѣсто вина приносилъ въ жертву богамъ молоко. Древніе римляне были очень умѣренны въ употребленіи вина, женщинамъ же оно воспрещалось вовсе. Разсказываютъ по этому случаю, что одна римская дама присуждена была къ лишенію своего приданаго за то, что безъ позволенія мужа болѣе выпила вина, чѣмъ требовало ея здоровье. Даже одинъ мужъ былъ оправданъ въ убійствѣ жены, которую онъ уличилъ въ намѣ-

реніи выпить кубокъ вина. Еще замѣчательнѣе то, что ни одному благородному римлянину не дозволялось пить вино до 35-ти-лѣтняго возраста. Но съ распространеніемъ роскоши въ Римѣ увеличилось и количество потребляемаго вина.

Во Франціи завели виноградники финикіане, основатели Марсели, за 600 л. до Р. Х.; но винодѣліе долго еще не было тамъ извѣстно. Это видно изъ сказаній древнихъ историковъ, которые говорятъ, что за 72 г. до Р. Х. въ Галліи, по ту сторону Альпъ, не существовало винодѣлія, и что преимущественно вино прельстило галловъ перейти Альпы и вторгнуться въ Италію.

Нѣсколько позже, винодѣліе стало извѣстно и въ Германіи; въ III в. оно уже процвѣтало на Рейнѣ. Были попытки развести виноградники въ Даніи и Англіи, но онѣ не удались, вслѣдствіе неблагоприятныхъ для винограда климатическихъ условій.

Начало воздѣлыванія винограда въ Россіи, по изслѣдованіямъ Кеппена, относится къ XIII в.; нѣкоторыя же древнія лѣтописи относятъ его къ XIV в. Но винодѣліе въ собственномъ смыслѣ получило начало только въ половинѣ XVII в. въ окрестностяхъ Астрахани, откуда оно постепенно распространялось по берегамъ Терека, Дона, Кумы и въ Бессарабіи.

Но только со временъ Петра Великаго правительство стало поощрять разведеніе винограда во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ ему благоприятствуютъ климатъ и почва. Съ этою цѣлью, правительство раздавало воздѣлывателямъ земли подъ виноградники, виноградныя лозы, выписанныя изъ-за границы, и денежныя пособія. Сверхъ того, правительство, сознавая необходимость распространенія между виноградарями техническихъ познаній, нужныхъ для этой промышленности, учредило два спеціальныя училища. Одно основано въ Крыму въ 1804 г., а другое въ Ставропольской губ., близъ Кизляра, въ 1807 г. Для этихъ заведеній выписаны изъ Франціи учителя, виноградари, погребщики и модели улучшенныхъ прессовъ. Такая дѣятельность правительства, при содѣйствіи нѣкоторыхъ богатыхъ владѣльцевъ, которые съ своей стороны ввели много улучшеній въ

этой отрасли сельского хозяйства, положила первыя основанія винодѣлю въ Россіи. Нѣкоторую же значительность оно начало пріобрѣтать только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а съ повышеніемъ пошлинъ на иностранныя вина достигло значительныхъ размѣровъ.

Виноградъ растетъ почти на всякой почвѣ, но особенныя свойства ея оказываютъ весьма различное вліяніе на качество вина. Лучшая почва для него сухая, легкая, известково-песчаная. Тучный и плотный черноземъ гонитъ лозы и листья, даетъ много плодовъ, но вина изъ нихъ нельзя произвести хорошаго. Въ песчаной же почвѣ, напротивъ, виноградъ трудно принимается и растетъ медленно; но разъ укоренившись, остается надолго, и въ послѣдствіи пріобрѣтаетъ значительную растительность. Вода легко проникаетъ во весь подобный слой, напитываетъ почву, втягивается всѣми побѣрами корней, отчего и происходитъ такая сила, крѣпость и роскошное развитіе кустовъ. Вино, получаемое въ такихъ мѣстностяхъ, хорошо, вкусно и спиртуозно.

Но какъ бы почва ни была обильна питательными веществами, она не можетъ обойтись безъ удобренія. Виноградъ требуетъ отъ нея такъ много питательныхъ частицъ, что даже почвы самыя тучныя истощаются черезъ 20 л. по посадкѣ винограда, а сухія черезъ 12 л.

Мѣста для разведенія виноградниковъ выбираютъ обыкновенно на склонахъ горъ, обращенныхъ къ югу или юго-востоку. Такая мѣстность благопріятствуетъ имъ болѣе другихъ. Часть склона, при подошвѣ горы, получая всѣ питательныя вещества, приносимыя сверху стекающею водою, весьма плодотворна. Выше же она тоща, и виноградъ подверженъ тамъ непостоянной температурѣ. Равнины также неблагопріятны для виноградниковъ: лучи солнечныя падаютъ на нихъ косвеннѣе, тѣни ложатся длиннѣе, слѣдовательно, почва менѣе нагревается.

Различныхъ сортовъ винограда насчитываютъ до 300. Въ Россіи разведено ихъ до 60. Всѣ они различаются по цвѣту лозъ, цвѣту и формѣ листьевъ и ягодъ.

Одинъ сортъ, на примѣръ, *кабасма* (chasselas blanc) имѣетъ

лозы пепельнаго цвѣта съ блѣдно-зелеными листьями, нижняя часть которыхъ бѣлая, бархатистая. Ягоды свѣтло-желтыя, крупныя и круглыя. Другой сортъ—*царскій шасла*, лозы рыжеватая, листья мелкіе и глубоко вырѣзанные; ягоды овальныя, средней величины, янтарнаго цвѣта. Третій, наконецъ, *алварна* (*le muscadin rose*) имѣетъ лозы свѣтло-зеленыя, листья цѣльные, но глубоко зубчатые, грозды объемистые, продолговатые, съ ягодами прекраснаго розоваго цвѣта. Есть также виноградъ зеленый-кадинъ-пармакъ (*le perlé*;) темно-фіолетовый или черный-серексія, изъ котораго добываютъ красное вино; лозы каштановыя, шоколатныя, желтыя, сѣрыя съ каштановыми и рыжія съ черными полосками. Однѣ лозы пушистыя, другія—гладкія. Листья темныя и желтоватыя различной формы: круглыя съ небольшими выемками и лапчатые съ глубокими отъ 3-хъ до 7-ми разрѣзами и т. д.

Виноградъ разводится у насъ черенками, отводками и сѣмянами. Первый способъ самый употребительный. Черенки (вѣтки) отъ полуаршина до аршина длины срѣзываютъ осенью или весною передъ движеніемъ соковъ. Осенніе черенки очищаютъ отъ листьевъ, связываютъ въ пучки и зарываютъ въ канаву. Такимъ образомъ они сохраняются до весны. Или же сажаютъ черенки въ разсадникъ, гдѣ они и остаются года на два или на три. Лозы изъ разсадника даютъ плоды на третій годъ, между тѣмъ, какъ черенки, посаженные прямо на мѣсто, только на пятый. Весенніе же черенки сажаютъ тотчасъ послѣ срѣзыванія.

Приготовленіе отводковъ состоитъ въ слѣдующемъ: выбираютъ въ виноградникѣ сильный кустъ, и самую сильную на немъ лозу наклоняютъ верхушкою въ вырытую подлѣ канавку и покрываютъ землею. При этомъ оставляютъ двѣ почки на поверхности земли. Почки, ближайшія къ кусту, сощипываютъ, чтобы они не стали расти въ ущербъ глазковъ, закрытыхъ землею, изъ которыхъ должны выйти корешки и вѣтки. Осенью, или въ концѣ зимы, отдѣляютъ отводокъ отъ куста и получаютъ лозу, хорошо укоренившуюся. Такая лоза приноситъ плодъ на второй годъ по пересадкѣ на мѣсто.

Отводки употребляютъ болѣе для возобновленія старыхъ виноградниковъ, гдѣ извѣстная часть кустовъ погибаетъ ежегодно отъ холода, отъ червей, истачивающихъ корни, и др. причинъ.

Черенки сажаютъ различнымъ образомъ, смотря по мѣстности и почвѣ. Ихъ сажаютъ или въ ямки на сплошь переработанной землѣ, или въ канавки и глубоко перекопанные рвы, или, наконецъ, просто въ дыры, сдѣланныя посредствомъ садильнаго кола, безъ предварительной обработки земли. То же самое относится и къ расположенію кустовъ. Въ иныхъ мѣстахъ посадка производится безъ всякаго порядка, соблюдаютъ только одинаковое разстояніе между кустами. Такіе виноградники обрабатываются ручными орудіями. Между тѣмъ, какъ виноградникъ, разбитый правильно, не только красивъ, но и требуетъ менѣе издержекъ на обработку, которая легко производится конными орудіями.

Число кустовъ на десятинѣ также не одинаково, отъ двухъ до семи тысячъ и болѣе. Есть виноградники, насаженные такъ густо, что они кажутся непроходимыми. Такіе виноградники даютъ плоды очень жалкіе, потому что грозды обыкновенно въ такой тѣни, что ни одинъ солнечный лучъ не дѣйствуетъ на нихъ. Вслѣдствіе этого темно-фіолетовый виноградъ (*le malvoisie*) получаетъ блѣдно-розовый цвѣтъ. Кромѣ этого, излишняя влажность почвы имѣетъ вліяніе на недоброкачественность винограда и вина. Нѣкоторые виноградники обнесены канавами, по валамъ которыхъ растутъ деревья; другіе окружены живыми изгородями изъ серени, крушины и таволги; въ промежуткахъ можно встрѣтить множество красивыхъ растений, прекрасные цвѣты которыхъ наполняютъ воздухъ благоуханіемъ.

Каждый годъ, тотчасъ послѣ сбора ягодъ, виноградные кусты подрѣзываютъ, чтобы сохранить весь сокъ для немногихъ вѣтвей. Этимъ обезпечиваютъ обильный сборъ будущихъ плодовъ.

Подрѣзка бываетъ высокая и низкая. Въ первой отнимаютъ отъ винограднаго пня всѣ лозы, исключая главныхъ; на нихъ оставляютъ отъ 7 до 10 почекъ для образованія новыхъ побѣговъ. Низкіе кусты подрѣзываютъ весною и оставляютъ отъ 4 до 10 лозъ, съ двумя или четырьмя почками на каждой. Эта

работа требует много смѣтливости и знанія дѣла, потому что отъ правильной подрѣзки зависитъ и сила и долговѣчность куста, обиліе и доброкачественность винограда. Осенью, послѣ подрѣзки, высокіе кусты закапываютъ для предохраненія ихъ отъ зимней стужи. Это дѣлаютъ такъ: пеньки съ лозами нагибаютъ и забрасываютъ ихъ вершка на два или на три землю, предварительно оборвавъ на нихъ всѣ листья. Владѣльцы спѣшатъ окончить эту работу до наступленія большихъ холодовъ. При морозахъ выше 15° не только почки, но и самыя лозы зазябаютъ. На слѣдующую весну пенекъ пустить отпрыски поздно, и плоды не успѣютъ созрѣть. Низкіе виноградники менѣе страдаютъ отъ холода, а потому на зиму ихъ не закапываютъ, а только прикрываютъ листьями или травой.

Съ наступленіемъ весны, какъ только морозы прекратятся, виноградъ раскапываютъ. При этомъ отрѣзываютъ сухіе концы лозъ и нѣкоторые корни и очищаютъ старую кору, которая служить убѣжищемъ вреднымъ насѣкомымъ. Потомъ ставятъ тычины, привязываютъ къ нимъ лозы, послѣ чего приступаютъ къ разрыхленію земли подъ виноградникомъ.

Первое весеннее разрыхленіе земли заступомъ имѣетъ цѣлью ускорить растительность куста. Оно предпринимается въ теплую и сухую погоду и производится въ глубь не менѣе четырехъ вершковъ. Второе разрыхленіе начинается, когда виноградныя ягоды уже завязались, и дѣлается съ цѣлью вспушить поверхность земли, отвердѣвшую отъ жаровъ, чтобы не образовались трещины, отъ которыхъ разрываются корневые мочки. На этотъ разъ достаточно разрыхлять землю на три вершка. Третье разрыхленіе производится для истребленія сорныхъ травъ.

Что же касается до прививки винограда, то хотя она и признается полезною, но не вездѣ введена.

Виноградныя лозы, листья и плоды ихъ подвержены многимъ болѣзнямъ. Болѣзни эти, происходящія отъ различныхъ быстрыхъ перемѣнъ климата, равно какъ и нѣкоторые насѣкомыя, какъ напр.: саранча, жуки и гусеницы, производятъ часто большія опустошенія въ виноградныхъ садахъ. Есть также четвероногія весьма жадныя до винограда, когда онъ созрѣетъ, таковы:

лисица, ежъ и домашняя собака. Осенью, къ собранію винограда, собаки прибѣгаютъ цѣлыми стаями и пожираютъ самые лучшіе грозды. Рвы и заборы собакѣ не помѣха, и потому сторожа должны бодрствовать постоянно, и, вооруженные ружьями, угощать похитителей мелкою дробью.

Еще болѣе вреда приносить градъ. Побитыя вѣтви отрѣзаютъ, новые отпрыски не успѣютъ принести плодовъ, и такимъ образомъ владѣльцы лишаются иногда значительной части сбора.

Опредѣлить въ точности время сбора винограда почти невозможно; оно зависитъ отъ температуры года, ускоряющей или замедляющей созрѣваніе ягодъ иногда на 15 дней.

Сборъ начинаютъ тогда, когда цвѣтъ бѣлаго винограда изъ зеленоватаго переходитъ въ желтый съ отливомъ рыжаго; а цвѣтъ темнаго винограда изъ свѣтло-фіолетоваго въ черный, бархатистый. Сверхъ того, спѣлыя ягоды легко отдѣляются отъ кистей, оставляя на нихъ ножки, посредствомъ которыхъ они питались. Мякоть въ спѣлыхъ ягодахъ сахариста, а сокъ густъ и клеекъ, цвѣта желтаго или темнаго.

Виноградъ стараются собрать обыкновенно въ хорошую погоду, потому что виноградъ, собранный во время дождя или тумана, даетъ сокъ водянистый, броженіе его замедляется, и вино выходитъ слабое.

Часть собраннаго винограда сбываютъ въ сыромъ видѣ: для этого его кладутъ въ бочки, наполненныя просомъ, и разсылаютъ во всѣ города имперіи. (*) Но большая часть винограда

(*) За границею сушатъ виноградъ и продаютъ въ видѣ изюма и коринки. Въ Греціи разведенъ въ большомъ количествѣ сладкій, мелкій и, посредствомъ обработки, лишенный зеренъ виноградъ. Онъ-то и извѣстенъ подъ названіемъ коринки, которая составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей торговли Греціи.

Коринку сушатъ просто на землѣ. Для этого выбираютъ покатуя мѣстность, покрываютъ ее слоемъ глины, смѣшанной съ соломою, и крѣпко-на-крѣпко утаптываютъ ее. Сюда наваливаютъ собранныя кисти винограда; пористая глина втягиваетъ въ себя сырость, а солнце печетъ сверху. Нѣсколько разъ въ день коринку переворачиваютъ лопатою, и черезъ 8—10 дней она готова. Тогда изъ нея выбираютъ стебельки руками, а всю нечистоту, соръ просѣваютъ на рѣшето; потомъ складываютъ въ бочки и отсылаютъ за границу.

Изюмъ сушатъ на кустахъ: сперва снимаютъ стебли, чтобы сокъ не могъ проходить въ полузрѣлые грозды. Потомъ, кисти, высохшія до половины, срѣзываютъ и досушиваютъ въ печи или на солнцѣ. Но изюмъ, высушенный, подобно коринкѣ, на землѣ, ароматнѣе и сахаристѣе и цѣнится дороже.

идеть на вино столовое и шипучее. Сверхъ того, изъ него гонять спиртъ и водку, и дѣлають укусъ. Выжимки идутъ на кормъ скоту. Крестьяне дѣлають изъ нихъ квасъ.

Столовое вино бываетъ бѣлое и красное. Вотъ какъ описываетъ производство вина Тарданъ, одинъ изъ лучшихъ виноградарей юго-восточной Бессараби. *Бѣлое вино* дѣлается изъ бѣлаго и желтаго винограда, а *красное* изъ краснаго. Тотъ и другой виноградъ сперва мнутъ ногами въ большихъ чанахъ. Сокъ, получаемый изъ бѣлаго винограда, тотчасъ сливають въ бочки. Сокъ темнаго винограда, напротивъ, оставляють на нѣсколько времени въ бродильномъ чану, вмѣстѣ съ виноградной мезгой. Это дѣлается потому, что краска, придающая вину красный цвѣтъ, содержится въ кожицахъ ягодъ. По мѣрѣ того, какъ сахарный растворъ превращается въ спиртъ, который растворяетъ красящее вещество, виноградный сокъ темнѣетъ. А когда, дней черезъ 6 или 12, мезга начнетъ опускаться на дно, то спускають окрасившійся сокъ въ бочки. Оставшуюся послѣ спуска вина мезгу давятъ еще прессами, и получаютъ вино низшаго достоинства. Раздавленные прессомъ зернышки и незрѣлыя ягоды придаютъ этому вину терпкій и даже горьковатый вкусъ. При спускѣ сока, бочки не доливають до краевъ втулки вершка на два или на три. Втулочное отверстіе не закрываютъ, иначе развивающійся во время броженія газъ легко могъ бы разорвать бочку.

Бочки приготовляются изъ прочнаго дубоваго лѣса и собираются всегда въ сухомъ мѣстѣ. Для предохраненія отъ гнили, ихъ по временамъ окуриваютъ сѣрою, а передъ наполненіемъ виномъ ополаскивають холодною водою.

Винные погреба строятся со сводами и бываютъ всегда удалены отъ улицъ, проѣзжихъ дорогъ, мастерскихъ и дровяныхъ дворовъ, потому что всякое сотрясеніе вредно дѣйствуетъ на вино.

Въ погребѣ, при температурѣ отъ 10 до 14° Реом., виноградный сокъ скоро приходитъ въ броженіе, т. е. слышно шипѣніе, образуется пѣна, уровень жидкости подымается, и нерѣдко до такой степени, что выливается изъ втулки. Пузырьки

или пѣна, образующаяся при броженіи, есть углекислый газъ, отличающійся своимъ удушающимъ свойствомъ. А потому во время броженія часто провѣтриваютъ погребъ, иначе въ немъ легко можно было бы задохнуться, или устилаютъ полъ погреба слоемъ пережженной извести. Углекислый газъ тяжелѣе воздуха, а потому опускается внизъ и соединяется съ известью. Когда броженіе достигаетъ полной своей силы, на поверхности бродящаго сока скучиваются маленькія крупинки (ихъ выносить сюда углекислый газъ) и образуютъ нѣкотораго рода губчатую плеву. Эта плева отъ выхода углекислаго газа мѣстами разрывается. Мало-по-малу броженіе ослабѣваетъ; образованіе пузырьковъ (пѣны) уменьшается и, наконецъ, совсѣмъ становится незамѣтнымъ. Въ это время, плева, ничѣмъ не поддерживаемая, разрывается на клочья, которые частію падаютъ на дно, а частію плаваютъ на поверхности выбродившейся жидкости: это зависитъ отъ густоты ея. Теперь мы имѣемъ право назвать эту жидкость виномъ. Дѣйствительно, она почти совершенно прозрачна, и сладкій вкусъ ея замѣнился острымъ и болѣе или менѣе ароматическимъ,—явилось то, что называется спиртомъ и букетомъ.

Мы знаемъ уже, что во время броженія, втулочные отверстіе не закрываютъ. Но когда броженіе уменьшится, отверстіе прикрывается толстою бумагою (бибулою,) сложенною вчетверо, и на нее насыпаютъ немного песку. Спустя еще нѣсколько дней бочку совершенно закупориваютъ, а возлѣ втулки просверливаютъ маленькую дырочку, въ которую слегка вставляется деревянный гвоздикъ. По временамъ этотъ гвоздикъ вынимаютъ для выпуска газа, что и продолжается до 5—6 недѣль, пока броженіе совсѣмъ кончится.

Едва только броженіе кончилось — различныя частицы, нерастворенныя въ винѣ, начинаютъ опадать на дно, и образуютъ здѣсь осадокъ или гущу. Послѣ этого вино переливаютъ въ другія бочки. Вторичную переливку дѣлаютъ весною, въ мартѣ до того времени, когда болѣе возвышенная температура могла бы произвести въ винѣ новое броженіе и смѣшать съ нимъ гущу. Одни только крѣпкія вина южнаго берега Крыма не тре-

буютъ вторичной переливки. Всѣ же прочія, если ихъ нужно сохранить на долгое время, требуютъ ежегодной переливки въ ноябрѣ, исключая винъ разлитыхъ въ бутылки. При переливкѣ наблюдаютъ, чтобы бочки были постоянно полны и хорошо закупорены, иначе вино легко можетъ испортиться.

Прозрачность въ винѣ есть одно изъ самыхъ существенныхъ и необходимыхъ его качествъ, безъ котораго самыя вкусныя вина кажутся намъ противными. Мутная жидкость вообще непріятна для зрѣнія, и, кромѣ того, различныя частицы, плавающія въ винѣ, измѣняютъ вкусъ его. Вина, по большей части, просвѣтляются сами собою, находясь въ спокойномъ состояніи. Но иногда для очистки винъ употребляютъ слѣдующія вещества: для бѣлыхъ винъ: рыбій клей, сушеную воловью кровь и парное молоко. Для красныхъ: студень изъ костей и яичный бѣлокъ.

Всѣ эти вещества употребляются одинаковымъ способомъ. Ихъ распускаютъ въ водѣ или винѣ, вливаютъ въ бочку съ виномъ и взбалтываютъ ее,—послѣ чего оставляютъ въ покоѣ. Недѣли черезъ двѣ вино совершенно просвѣтляется.

Шипучее вино есть не что иное, какъ вино, разлитое въ бутылки и закупоренное до окончанія броженія. Вино въ бутылкахъ продолжаетъ бродить, и углекислый газъ не перестаетъ отдѣляться до тѣхъ поръ, пока упругость его не уравнивается съ крѣпостью стѣнокъ сосуда. При откупориваніи бутылки—газъ выходитъ съ силою и вино начинаетъ пѣниться. Это и называется шипучестью вина. Наши шипучія вина весьма похожи на настоящее шампанское. Вся разниа состоитъ въ томъ, что наши имѣютъ вкусъ менѣе острый и болѣе сладковатый.

Мѣста, болѣе всего благопріятныя для виноградной промышленности въ Россіи, безспорно, губерніи закавказскія и южный берегъ Крыма. За этими губерніями слѣдуютъ: Ставропольская губ., Земля Войска Донскаго и Бессарабія.

Закавказскія губерніи производятъ 8 м. ведеръ вина, т. е. болѣе чѣмъ всѣ области Россіи, взятыя вмѣстѣ. Большая часть этихъ винъ очень посредственны и продаются на мѣстѣ отъ 10 до 50 к. за ведро; только нѣкоторыя вина Кахетіи и Тиф-

лиской губ. доходятъ до 2 р. за ведро. Сбытъ кавказскихъ винъ затрудняется какъ мѣстными обстоятельствами, такъ и географическимъ положеніемъ страны. Значительная часть туземнаго населенія состоитъ изъ мусульманъ, которые не пьютъ вина. По этой же причинѣ не можетъ производиться и торговля съ Азіей. Единственнымъ мѣстомъ для сбыта остается европейская Россія; но и тутъ встрѣчаются преграды: кавказскія вина не выдерживаютъ далекаго пути; къ тому же сообщеніе затруднительно.

Крымъ производитъ всѣ сорта столовыхъ винъ — бѣлыхъ и красныхъ, шипучія и даже сладкія вина. Лучшія красныя крымскія вина всего ближе подходятъ по вкусу къ бургундскимъ, а бѣлыя — къ венгерскимъ и рейнскимъ. Цѣны на крымскія вина измѣняются, сообразно съ достоинствомъ винъ отъ 25 к. до 10 р. за ведро. Сладкія вина селенія Магарача продаются даже по 15 р. за ведро и по 1 р. за бутылку и дороже. Шипучее вино садовъ кн. Воронцова продается въ Петербургѣ и Москвѣ отъ 1 р. до 1 р. 25 к. за бутылку.

Крымскія вина сбываются во внутреннія и восточныя губерніи, болѣе отдаленныя отъ морскихъ гаваней и границъ имперіи со стороны Европы. Въ Петербургѣ крымскія вина посылаются въ небольшомъ количествѣ: доставка сухимъ путемъ обходится дорого, и имъ трудно соперничать съ иностранными, къ которымъ жители столицы издавна привыкли. Низшіе сорта иностранныхъ винъ, хотя и обложенные высокой ввозной пошлиной, продаются, однако, сравнительно, по дешевымъ цѣнамъ, благодаря удобству морскихъ сообщеній.

Ставропольская губернія производитъ болѣе 3 м. ведеръ разныхъ сортовъ винъ. Главными мѣстами для производства вина въ этой губерніи считаются: Кизляръ и Моздокъ. Большая часть винъ Ставропольской губ. плохаго качества и служитъ только для перогонки водки, дѣлаемой наподобіе коньяка. Водка составляетъ одну изъ главныхъ отраслей торговли для населенія этой страны. Столовые вина Ставропольской губ. отправляются на нижегородскую ярмарку. Тамъ покупаютъ ихъ московскіе и ярославскіе купцы, поддѣлываютъ подъ иностранныя

и продають во внутреннихъ городахъ подъ названіемъ: мадеры, сотерна и сень-жулена.

Количество производства вина въ Бессарабіи почти равняется Ставропольской губ. Но улучшение виноградной промышленности идетъ не такъ успѣшно, какъ ея распространіе. Лучшие сорта аккерманскихъ винъ продаются отъ 70 к. до 1½ р. за ведро; во всѣхъ другихъ мѣстахъ Бессарабіи отъ 12 до 50 к. за ведро. Зато урожаи до того обильны, что одна десятина винограда даетъ отъ 750 до 1,200 вед. вина. Бессарабскія вина идутъ въ Одессу, въ губерніи: Екатеринославскую, Подольскую и Кіевскую.

Почти всѣ донскіе виноградники тянутся по правому нагорному берегу Дона. Лучшими винами считаются: раздорское — бѣлое, шипучее наподобіе шампанскаго, и цимлянское — красное. Красное вино цѣнится дороже бѣлаго, потому что оно прочнѣе. Для продажи вино идетъ ведрами, отъ 2 до 4 р. за ведро, и бутылками, отъ 60 до 80 к. за бутылку. Последнее почти всегда подслащенное. Ежегодно добываютъ отъ 100 до 200 т. ведеръ. Донское вино сбывается на нижегородской и на малороссійскихъ ярмаркахъ.

Винодѣліе въ Астраханской губ. очень мало развито, не смотря на то, что здѣсь оно утвердилось ранѣе, нежели въ другихъ областяхъ Россіи. Все количество выдѣлываемаго вина ограничивается 100 т. вед. и продается на мѣстѣ отъ 1 р. 25 к. до 1½ р. за ведро.

Количество производимаго вина въ Херсонской и Подольской губерніяхъ незначительно.

Въ Кіевской и Екатеринославской губерніяхъ воздѣлываютъ виноградъ больше для домашняго употребленія въ сыромъ видѣ, чѣмъ для винодѣлія.

Въ заключеніе можно сказать, что винодѣліе въ южныхъ областяхъ Россіи можетъ со временемъ значительно расширяться. Успѣхи его зависятъ, съ одной стороны, отъ увеличенія промышленной дѣятельности въ земледѣльческихъ классахъ съ другой—отъ удобства сообщеній съ внутренними губерніями постройкою желѣзныхъ дорогъ.

12. СЕЛЬСКИЙ БЫТЪ МАЛОРОССА.

Посмотрите на малороссійскія селенія. Они непременно расположены на красивой мѣстности, орошаемой какою-нибудь рѣчкой. Если вы проѣзжаете по Малороссіи весною, когда деревья въ цвѣту, когда вездѣ раздаются пѣсни молодежи и пѣніе соловьевъ, вы скажете, что это край поэтический. Малороссійская деревня непременно разбросана въ безпорядкѣ, лѣпится иногда по горамъ, которыя чрезвычайно любимы народомъ, рѣдко образуетъ улицы, но болѣею частію разбросана въ безпорядкѣ возлѣ выгоновъ, гдѣ пасутся домашнія птицы и молодые домашнія животныя. Церковь и кладбище всегда господствуютъ надъ деревней, потому что для нихъ выбирается непременно какой-нибудь холмъ. Вытянувшіеся къ небу колодезные журавли и крылья вѣтряной мельницы придаютъ оригинальный видъ малороссійской деревнѣ, а поодоль отъ нея тянутся богатые нивы, зеленые степи и бакчи съ арбузами, дынями и подсолнечниками. Чистыя выбѣленные хаты всегда опоясаны садами; у оконъ, въ особенности, если есть въ семействѣ дѣвушка, красуется гвоздика, барвинокъ, роза и другіе красивые цвѣты, а огородъ расположенъ подлѣ хаты и украшенъ подсолнечниками, разноцвѣтнымъ макомъ, кустами бузины и сирени. Самая хата малоросса отличается если не всегда снаружи, то всегда внутри необыкновенною чистотою. И вообще надо замѣтить, что любовь къ чистотѣ и опрятности составляетъ одно изъ лучшихъ качествъ малоросса, которымъ онъ отличается, какъ отъ бѣлоросса и поляка, такъ и отъ великоросса.

Самое любимое и главнѣйшее занятіе малоросса земледѣліе, чему, конечно, причиною хлѣбородная почва Малороссіи. Даже въ деревняхъ, лежащихъ вблизи рыболовныхъ и судоходныхъ рѣкъ, гдѣ, слѣдовательно, рыболовство и судоходство могли бы обезпечивать жизнь крестьянина, и тамъ земледѣліе играетъ первую роль. Плугъ и воля составляютъ необходимую принадлежность малоросса; но земледѣліе въ Малороссіи произво-

дится способомъ, заведеннымъ искони, по преданію. Тяжелый плугъ, влекомый медленно тремя, четырьмя парами воловъ, до сихъ поръ бороздитъ землю, которая съ избыткомъ вознаграждаетъ труды земледѣльца, если не появятся какія-нибудь несчастія—продолжительная засуха, саранча, овражки, истребляющіе иногда всю жатву. Сѣютъ обыкновенно пшеницу, рожь—озимую и яровую, ячмень, овесъ, просо, гречиху, горохъ, бобы, чечевицу, ленъ, коноплю, сурѣпицу. Засаживаютъ бакши арбузами, дынями, огурцами, тыквами, кукурузой, подсолнечникомъ; огороды — капустой, картофелемъ и др. огородными овощами. Воздѣлываніе табаку также входитъ въ кругъ занятій каждой хозяйки, потому что обычай куренія распространенъ повсемѣстно, и давно уже казаки пѣвали:

Мене съ жинкой не возитьця,
А тютюнъ (табакъ) да люлька (трубка)
Казаку въ дорози
Знадобитця.

Весна въ Малороссіи начинается очень рано—обыкновенно въ половинѣ марта, такъ что нерѣдко засѣваютъ поля до Благовѣщенія. Въ земледѣльческихъ работахъ въ Малороссіи существуетъ весьма хорошій обычай помогать другъ другу. Три или четыре пары воловъ, необходимыхъ для плуга, можно встрѣтить лишь у весьма зажиточнаго крестьянина, а потому у кого недостатокъ рабочаго скота, тотъ отыскиваетъ товарища и пашутъ вмѣстѣ. Такая же точно помощь требуется иногда для постройки, рубки и перевозки лѣса, но никогда за это не платятся деньги. Хозяинъ только долженъ хорошо накормить и угостить своихъ товарищей.

Засѣявъ свои поля, малороссъ около половины іюня начинаетъ хлопотать объ уборкѣ сѣна: наступаетъ время *косовицъ*. Эта работа доставляетъ цѣлый рядъ удовольствій для малоросса. Болѣе зажиточные хозяева еще зимою запасаются *косарями*. Званіе косаря очень почетно: «вінъ косарь» (онъ косецъ) говорятъ для доказательства совершеннѣйшаго и физической силы. Около Иванова дня рабочіе собираются къ своему хозяину и рано утромъ, или въ ночь, съ громкими пѣснями выходятъ на

работу въ степь иногда версть за 10. Въ степи строятъ *куринъ* (шалашъ,) а возлѣ выкапывается *паланка* (печь) для приготовленія пищи, и ставится шесть (преимущественно вилы) для поданія сигнала косарямъ о времени прихода къ куреню. Обыкновенно косари встаютъ до разсвѣта и, позавтракавъ, принимаются за работу. Впереди идетъ атаманъ, избираемый косарями. Его обязанность вести ровно товарищей и подгонять лѣнтыевъ и отсталыхъ. Утренняя работа продолжается до 10 часовъ. Въ 10 часовъ косари садятся за обѣдъ, который долженъ быть изобилень и вкусень. По законамъ косовицы, если кушанье приготовлено дурно, то каждый косарь можетъ ударить кухарку точильной лопаткой, какъ ему угодно. За обѣдомъ вспоминаютъ о прошлой косовицѣ, подтруниваютъ надъ молодежью, болтаютъ о разныхъ разностяхъ. Послѣ обѣда небольшой отдыхъ, а тамъ опять за работу. Въ 4 часа полдникъ, потомъ работа, а съ закатомъ солнца ужинъ. Необыкновенно живописны группы косарей вечеромъ, когда при лунномъ освѣщеніи сидятъ они вокругъ костра. Почти у каждого въ рукахъ люлька, шапка надѣта на бекрень, а въ кружкѣ, подъ звуки балалайки или сопелки, молодежь отхватываетъ какую-нибудь плясовую. Этотъ таборъ еще болѣе оживляется, когда присоединяются къ нему *гребцы*,—молодые парни и дивчата. Они оглашаютъ воздухъ своими веселыми пѣснями, которыя раздаются далеко за полночь по степи. Но вотъ сѣно уже скошено и сметано въ стоги. Начинается новая работа—*жнива*. Въ это время остаются въ деревняхъ только дряхлые старики, да малыя дѣти; грудныхъ младенцевъ матери берутъ съ собою и устраиваютъ имъ изъ сноповъ защиту отъ солнца. Жниво самое трудное время для крестьянина, потому что жатва требуетъ необыкновенной поспѣшности и прилежанія, такъ какъ одинъ хлѣбъ быстро слѣдуетъ за другимъ. У кого много хлѣба, тотъ приглашаетъ къ себѣ на помощь постороннихъ жнецовъ, съ выдачею или третьяго снопа или изъ семи двухъ.

Во многихъ малороссійскихъ селеніяхъ, по случаю окончанія жатвы устраивается особое празднество—обжинки, на которомъ главную роль играетъ самая красивая изъ жницъ. Она

надѣваетъ на голову вѣнокъ изъ колосевъ и подноситъ такой же вѣнокъ или снопъ, украшенный цвѣтами, хозяину или помѣщику, который обязанъ угостить жнецовъ хорошимъ ужиномъ. Во время ужина гости очень много пьютъ и безпрестанно поютъ пѣсни.

Послѣ жатвы наступаетъ *возовиця*, занимающая иногда много времени, потому что поля въ иныхъ мѣстахъ отстоятъ далеко отъ селеній. Хлѣбъ свозится на *токъ* — мѣсто, гдѣ молотятъ *ципами*. Молотильныя машины еще вообще неизвѣстны малороссамъ. Для молотья у крестьянъ существуетъ два рода мельницъ: *вѣтрякъ* (вѣтряная мельница) и *водяной млинъ* (водяная мельница.) Съ наступленіемъ осени начинаютъ сѣять озимь, а женщины принимаются за уборку огородовъ и баштановъ. Зимой являются новыя работы. Такъ проходитъ дѣятельная жизнь малоросса, котораго напрасно упрекаютъ въ лѣнности. Правда, во всѣхъ дѣйствіяхъ и движеніяхъ малоросса проглядываетъ лѣнь; но эта лѣнь есть скорѣе необходимое условіе южнаго климата и флегматическаго характера малоросса, нежели его порокъ. Мы же любуемся итальянскимъ *dolce far niente*, а между тѣмъ эту особенность южной натуры ставимъ въ упрекъ нашему собрату. Посмотрите на малоросса во время косьбы и жатвы: онъ работаетъ день и ночь. Проѣзжающему въ это время по Малороссіи на каждомъ шагѣ попадаются возы хлѣба и сѣна: ихъ медленно тащатъ волю; на возахъ, раскинувшись въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, спятъ уставшіе работники. Но развѣ этотъ сладкій отдыхъ послѣ трудовъ можно назвать лѣнью?

Глубокою осенью и зимою начинаются *вечорницы*, устраиваются сватовства и свадьбы. Вечорницы походятъ на посидѣлки великороссійскихъ крестьянъ. Дѣвушки сговариваются, избираютъ какую-нибудь женщину и поручаютъ ей устроить свои собранія. Вечеромъ они отправляются въ избранную избѣ и занимаются работою. Сюда являются и парубки потѣшать дѣвушекъ: рассказываютъ сказки, поютъ пѣсни, а иногда и пляшутъ. Здѣсь же на вечорницахъ парубокъ выбираетъ себѣ будущую подругу жизни. Въ выборѣ невѣсты родители не участвуютъ. Свадьбѣ всегда предшествуетъ сватовство. Пару-

бокъ, рѣшившійся жениться, спрашиваетъ у родителей благословенія и, вмѣстѣ съ двумя старостами (сватами,) отправляется въ домъ выбранной дѣвушки, гдѣ сваты ведутъ переговоры. Если дѣвушка согласна выйти замужъ, то совершается обрядъ, подъ названіемъ *давать рушники*. Этотъ обрядъ состоитъ въ томъ, что невеста перевязываетъ полотенцемъ старосту черезъ плечо, а жениху повязываетъ на правой рукѣ платокъ, повыше локтя. И полотенцо и платокъ приготовлены ею самою уже заранѣе. Въ случаѣ отказа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи водится обыкновеніе подносить жениху *гарбузъ* (тыкву,) что считается большимъ оскорбленіемъ, тѣмъ болѣе, что вѣсть объ этомъ разносится по всей деревнѣ. Послѣ сватовства назначается сговоръ, а тамъ и свадьба, устроиваемая обыкновенно въ воскресенье послѣ обѣдни. Теперь *парубокъ* и *дівчина* становятся уже *человікомъ* и *жінкою*, отдѣляются обыкновенно отъ родителей и устрояютъ по своему свое новое хозяйство. Замѣтимъ при этомъ, что положеніе женщины въ Малороссіи гораздо лучше, нежели въ Великороссіи. Здѣсь спрашиваютъ ея согласія въ выборѣ жениха; въ домѣ мужа она дѣлается полною хозяйкою, помощницею мужа; безъ ея совѣта и согласія мужъ не предприметъ никакого дѣла. Въ Великороссіи родители часто выдаютъ дѣвушку за немилаго; жена есть раба своего мужа. Здѣсь въ женитьбѣ главную роль играетъ любовь, а тамъ расчетъ.

13. ХАРАКТЕРЪ МАЛОРОССА ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ВЕЛИКОРУССОМЪ.

(Основа. Н. Костомарова: Двѣ русскія народности. Филиппова: Путѣздка къ берегамъ Азовскаго моря.)

Малороссъ неподвиженъ, медлителенъ, смотритъ нѣсколько исподлобья. Темные и прямые волосы его, смуглый цвѣтъ и крупныя черты лица придаютъ ему весьма серіозное, даже суровое выраженіе, которое еще болѣе усиливается малорѣчивостью и съ разстановками слагаемаго разговора. У великорussa, напротивъ, видъ открытый, лице, по большей части, безпрестанно мѣняетъ выраженіе и часто оживляется улыбкой. Когда

малороссъ съ вами разговариваетъ, то нѣсколько минутъ онъ стоитъ въ одномъ положеніи, рѣдко даже оборотить къ вамъ голову; на вопросы отвѣчаетъ коротко, говоря только необходимое; даетъ отвѣты не вдругъ и въ словахъ его часто проглядываетъ затаенный юморъ. Великоруссъ въ такое же короткое время успѣетъ наговорить и надвигаться вдесятеро больше малоросса: онъ и затылокъ почешетъ, и подбоchenится, и сапогъ поправитъ, и руками разведетъ, и улыбнется. Въ отвѣтахъ пространенъ, дополняетъ ихъ своими замѣчаніями, острымъ словцомъ, прибауткой; юморъ его выразится въ нѣсколькихъ фразяхъ, тогда какъ юморъ малоросса въ двухъ, трехъ словахъ; за то тѣмъ онъ выходитъ эффектиѣе и болѣе чувствуется его глубина. Въ работѣ малороссъ также своеобразенъ: онъ работаетъ размѣренно, съ обдуманностью переходя отъ одного приѣма къ другому, работаетъ молча, весь погруженный въ работу; для него два дѣла разомъ невозможны. Русскій, напротивъ того, не можетъ обойтись безъ двухъ дѣлъ въ одно время; работаетъ живо, отъ приѣма къ приѣму переходитъ быстро, безъ перемены. Какъ бы усердно и скоро онъ ни работалъ, непременно или тянетъ пѣсню, или рассказываетъ что-нибудь своему земляку, или хотъ перебранивается съ нимъ, не смотря на то, что одно, и другое, и третье, безпрестанно прерывается стукомъ инструмента и отрывистыми замѣчаніями на счетъ работы. Пѣсня, рассказъ или перебранка, послѣ всякой перемены, все-таки продолжается. Малороссіянинъ по преимуществу флегматикъ; русскій типъ сангвиника. Малороссъ крѣпко привязанъ къ своей родинѣ и не легко расстаётся съ нею; онъ пристрастенъ къ своимъ обычаямъ, къ своему языку, и, не смотря на свойственную его характеру большую рѣшительность, онъ не легко принимается за новыя занятія, потому что въ своемъ занятіи онъ специалистъ. Въ характерѣ великоросса, напротивъ того, чрезвычайно много уклончивости и гибкости, способности примѣняться къ какимъ угодно обстоятельствамъ. Онъ легко перемѣняетъ занятія, въ случаѣ надобности выучивается новому дѣлу, легко усвоивая его себѣ, и часто бываетъ готовъ на всѣ руки. Переѣхавъ черту населенія малороссій-

скаго, вы вдругъ перестаете встрѣчать малороссіянъ, между тѣмъ, какъ нѣтъ такого уголка въ Россіи, гдѣ бы не встрѣтился вамъ великороссіанинъ, со всѣми отличительными особенностями своего типа, и въ характерѣ, и привычкахъ, и въ одеждѣ. Вы найдете его на границѣ Персіи, и въ Крыму, и на границѣ Пруссіи. Склонность къ подвижности у русскихъ очень велика. Между тѣмъ, какъ малороссы, даже въ самомъ подвижномъ своемъ занятіи, чумачествѣ, остаются своеобразными, специальными. Хотя чумаки большую часть года проводятъ въ переѣздахъ на большія разстоянія, однакожь совершаютъ ихъ всегда при однихъ и тѣхъ же условіяхъ: постоянно между немногими опредѣленными пунктами, въ предѣлахъ родныхъ своихъ степей, съ весьма рѣдкими исключеніями, непремѣнно въ лѣтнее время и притомъ никогда не расстаются съ своими волами, повозками, кулишемъ и галушками. Великорусъ вездѣ можетъ ужиться, малороссу нигдѣ не можетъ быть такъ хорошо, какъ въ своей родной землѣ.

Малоросъ скрытенъ, недовѣрчивъ, честенъ; великорусъ откровененъ и довѣрчивъ. Малоросъ называетъ русскаго москалемъ. *Горній чоловікъ, да москаль. Съ москалемъ дружи, а камень за пазухой держи*, говоритъ малоросъ и этими поговорками всего лучше высказываетъ свое мнѣніе о великороссіянѣ. Русскіе, впрочемъ, мало обращаютъ вниманія на худое о нихъ мнѣніе, и подсмѣиваются надъ хохлами, рассказывая про нихъ множество забавныхъ анекдотовъ, въ которыхъ малороссы выставляются или людьми въ высшей степени наивными, или простодушными, или добряками; но наивность, простодушіе, доброта скорѣе хорошія качества, нежели недостатки. Причину скрытности и недовѣрія малоросса къ русскимъ надо искать въ исторіи. Честность малоросса также извѣстна всѣмъ. Только съ недавняго времени малороссы, уходя въ поле, стали запираеть свои дворы. Случаи воровства очень рѣдки въ Малороссіи, и если теперь не закапываютъ въ землю живымъ cadaго вора, вмѣстѣ съ украденною вещью, то все же смотрятъ на этотъ порокъ, какъ на одинъ изъ самыхъ недостойныхъ челоуѣка. Въ малороссійскомъ языкѣ даже не су-

ществуетъ слова *воръ*, а замѣняется оно словомъ *злодій*. Значитъ, для малоросса между воровствомъ и злодѣйствомъ нѣтъ разницы.

Въ общественныхъ понятіяхъ исторія напечатлѣла на двухъ нашихъ народностяхъ свои слѣды и установила въ нихъ понятія совершенно противоположныя. У великорусскаго народа семейства не раздѣляются, а составляютъ общину, управляемую старостою, которому повинуются всѣ остальные члены, какъ младшіе старшему, какъ дѣти отцу; работаютъ обыкновенно артелями и выработанныя деньги дѣлятъ на равныя части, такъ что у нихъ виновный отвѣчаетъ за невиннаго, трудолюбивый часто работаетъ за лѣниваго. У великоруссовъ небольшія семейства никогда не дѣлятся. Отецъ семейства считается неограниченнымъ главою; умереть отецъ — его мѣсто занимаетъ старшій сынъ.

Для южно-русса нѣтъ ничего тяжелѣе такого порядка. *Громада*, по южно-русскому понятію, совсѣмъ не то, что міръ по великорусскому. Громада есть добровольная сходка людей; кто хочетъ — въ ней участвуетъ, кто не хочетъ — выходитъ, такъ какъ въ Запорожѣ, кто хотѣлъ приходилъ, кто хотѣлъ выходилъ оттуда добровольно. По народному понятію, каждый членъ громады есть самъ по себѣ независимая личность, самобытный собственникъ: громада должна заботиться только объ общей безопасности и выгодахъ каждаго. Не смѣтъ называть ничего своимъ, отвѣчать за другаго безъ собственного желанія, не имѣть своего собственного участка земли — не въ характерѣ малоросса. Оттого въ Малороссіи, по бѣльшей части, отцы при жизни отдѣляютъ женатыхъ сыновей, и если не всегда распредѣляютъ между ними имѣніе и требуютъ общей работы, по крайней мѣрѣ каждому сыну строить отдѣльную хату, въ которой молодая чета живетъ и устраивается по своему желанію, не имѣя непріятныхъ столкновеній съ прочими членами семейства. По смерти родителей женатые братья никогда не живутъ вмѣстѣ. Претензіи старшихъ братьевъ надъ меньшими, какъ и дядей надъ племянниками, возбуждаютъ непримиримую вражду между ними. Кровная связь и родство мало распола-

гають въ Малороссіи людей къ согласію и взаимной любви; напротивъ, очень часто люди привѣтливые, кроткіе, мирные и уживчивые находятся въ постоянной враждѣ съ своими кровными. Ссоры между родными—явленіе самое обыкновенное и въ нисшемъ и въ высшемъ классѣ. Напротивъ, у великоруссовъ, кровная связь заставляетъ человѣка нерѣдко быть къ другому дружелюбнѣе, справедливѣе, снисходительнѣе, даже когда онъ вообще не отличается этими качествами въ отношеніи къ чужимъ. У великоруссовъ долгъ прежде всего, у малоруссовъ личная независимость выше всего. Въ южной Руси, чтобъ сохранить любовь и согласіе между близкими родственниками, надобно имъ разойтись и какъ можно имѣть меньше общаго.

Большое различіе мы замѣчаемъ также въ поэзіи обоихъ народовъ. Въ великорусскихъ пѣсняхъ прославляется преимущественно сила воли, отвага, разгулъ, часто слышится вопль отчаянія, однимъ словомъ, сильные моменты души. Оттого такъ нравятся имъ разбойничьи пѣсни. Великорусская поэзія часто стремится въ область необъятнаго, выходящаго изъ границъ естественности; историческія воспоминанія сейчасъ обращаются въ эпосъ и превращаются въ сказку; тогда какъ, напротивъ, въ пѣсняхъ южнорусскаго племени поэзія болѣе удерживаетъ дѣйствительности и часто не нуждается въ возведеніи дѣйствительности до эпоса. Въ великорусскихъ пѣсняхъ есть тоска, раздумье, но нѣтъ почти той мечтательности, которая такъ поэтически плѣняетъ насъ въ южнорусскихъ пѣсняхъ, уносить душу въ область воображенія и согрѣваетъ сердце не земнымъ, не здѣшнимъ огнемъ. Участіе природы въ малороссійскихъ пѣсняхъ гораздо сильнѣе и поэтичнѣе, нежели въ великорусскихъ. Южнорусская поэзія нераздѣльна отъ природы: она оживляетъ ее, дѣлаетъ ее участницею радостей и горя человѣческой души; травы, деревья, птицы, животныя, небесныя свѣтила, утро и вечеръ, зной и снѣгъ—все дышитъ, мыслить, чувствуетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, все откликается къ нему чарующимъ голосомъ, то участія, то надежды, то приговора. Женщина въ великорусскихъ образахъ является чаще всего существомъ матеріальнымъ, рѣдко любовь цѣнитъ въ ней

нравственныя достоинства, а чаще внѣшнюю красоту. Южно-русская женщина является въ поэзіи, напротивъ, духовно-прекрасною; нравственныя качества ея ставятся несравненно выше тѣлесной красоты. Языкъ малороссовъ нѣжнѣе и благозвучнѣе русскаго. Русское *ы*, напимѣръ, звучитъ для малоросса чрезвычайно грубо, трудно для произношенія, а потому замѣняется звукомъ, составляющимъ что-то среднее между напимъ *ы* и *и*. Кромѣ этого средняго звука малороссы имѣютъ свое очень мягкое *і*, являющееся обыкновенно вмѣсто *ѣ*. Напр. хлѣбъ—*хлібъ*, вѣкъ — *вікъ*, человѣкъ — *чоловікъ*, и др. Послѣ нѣжности и благозвучія, характеристическую черту малороссійскаго языка составляетъ обиліе словъ польскихъ и татарскихъ. Эти слова вошли въ языкъ еще въ то время, когда малороссы находились въ близкихъ сношеніяхъ съ поляками и татарами. Многіе писатели, какъ-то: Тарасъ Шевченко, Марко-Вовчокъ (псевдонимъ) и др., своими прекрасными сочиненіями доказали, что языкъ малороссійскій очень богатъ. У великороссовъ много предразсудковъ, а у малороссовъ—много суевѣрій, облеченныхъ въ поэтическіе рассказы, про домовыхъ, вѣдьмъ и русалокъ.

Домовые живутъ въ домахъ: бываютъ злые и добрые, имѣютъ большое вліяніе на хозяйство. Ихъ не только не должно бранить, но даже не должно предъ наступленіемъ ночи говорить о нихъ. Если домовой не полюбитъ хозяина или кого-либо въ семействѣ, то дѣлаетъ непріятности; ходитъ и стучитъ по чердакамъ, безпокоитъ дѣтей въ колыбели, пугаетъ взрослыхъ, не даетъ спать хозяйкѣ и хозяину, наконецъ безъ дальнихъ церемоній душитъ каждую ночь и, надавая перекреститься, перестаетъ душитъ только тогда, когда пѣтухи запоютъ. Но добрый, когда онъ любитъ хозяина и его семью, это находка, сокровище, кладъ. Онъ кормитъ и холитъ хозяйскихъ лошадей; онъ любитъ хозяйскую дочь, какъ своимъ дитяткомъ, онъ къ ней посылаетъ жениховъ; самому хозяину отовсюду и безпрестанно сыплются деньги. Домовой мохнатъ; на немъ шерсть влажная; любить принимать на себя образъ человѣка, и чаще всего встрѣчается въ видѣ трубочиста.

Упиръ—дѣло другое; онъ всегда золь; онъ родится отъ чорта

и вѣдѣмы, или отъ вѣдѣмы и вовкулака. Живетъ онѣ злымъ человѣкомъ, а когда умереть, то не гниетъ въ гробу. Они по ночамъ выходятъ, изъ спящихъ высасываютъ кровь, и иногда засасываютъ ихъ до смерти.

Вовкулаки бѣгаютъ по ночамъ въ видѣ волковъ. Они злы и хищны, какъ волки.

Русалки—водяныя красавицы. Ночью при лунѣ онѣ выходятъ на берега озеръ, рѣкъ, ручьевъ нагія, въ вѣнкахъ изъ осоки и древесныхъ вѣтвей; онѣ садятся на травѣ, расчесываютъ косы или водятъ хоробы. Иногда онѣ скрываются въ кустахъ, въ травѣ. Всего чаще ихъ вызываетъ на землю заря. На зарѣ дѣвушки идутъ за водой. Притаясь за деревьями, русалки ихъ ждутъ. Бѣда неосторожной, которая забыла взять съ собой полынь или любыстокъ, т. е. зарю. Русалка бросается на дивчину, спрашиваетъ у ней: «полынь или петрушка?» Если та отвѣтитъ: «полынь,» русалка убѣжитъ; если же: «петрушка,» водяная красавица защекочетъ до смерти земную и увлечетъ ее за собою въ рѣку. При словѣ «полынь» русалка обыкновенно съ досадой отвѣчаетъ: «сама ты хлынь.» А если она къ мужчинѣ обращается, то: *«самъ ты злынь, ты не мій!»* На слово петрушка русалка говоритъ: «ты моя душка» и потомъ щекочетъ. Одни думаютъ, что русалки живутъ подъ водою въ гнѣздахъ, свитыхъ изъ соломы и перьевъ, украденныхъ ими въ селѣ у поселянъ на зеленой недѣлѣ. Другіе полагаютъ, что въ подводныхъ дворцахъ у нихъ блещутъ жемчугъ, золото, серебро. У русалокъ по дну, усѣянному разноцвѣтными раковинами, катятся ручьи изумрудные и падаютъ водопадами надъ хрустальными чертогами.

Русалки прелестны собой; онѣ блѣдны, но черты лица восхитительны, станъ волшебный, косы ниже колѣнъ. Солнце просвѣчиваетъ сквозь воду въ ихъ волшебныя жилища; мѣсяцъ и звѣзды вызываютъ ихъ на берегъ. На Троицынъ день онѣ выходятъ въ лѣсъ; тамъ цѣлую недѣлю онѣ качаются на вѣтвяхъ деревъ, поютъ, играютъ, бѣгаютъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, катаются по росистой травѣ. Наканунѣ Духова дня бѣгаютъ во ржи, хлопаютъ въ ладоши, хохочутъ. Однакожъ, онѣ, бѣд-

няжки, въ Духовъ и Троицынъ день просятъ себѣ крещенія. Многіе слышали ихъ голосъ и слова пѣсни:

«Мене маты народыла,
Некрещену положила.»

Тогда истинный христіанинъ долженъ сказать: «Иванъ да Марья! Крещаю тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа!» Душа некрещенаго младенца переносится въ рай; но если до семилѣтняго возраста никто не нашелся выполнить эти слова, младенецъ превращается въ русалку. Утопленницы тоже превращаются въ русалокъ; но ихъ можно отличить по длиннымъ, зеленымъ волосамъ, съ которыхъ безпрестанно струится вода.

Многія изъ нашихъ малороссіянокъ, купаясь подъ лотоками мельницъ, видали, какъ русалки, сидя на вертящемся мельничномъ колесѣ, чесали себѣ волосы, съ хохотомъ кидались съ колеса въ воду, шумя вертѣлись съ нимъ и ныряли съ крикомъ *куку!*

Вѣдьма, во-первыхъ, имѣетъ хвостъ; это главный признакъ, по которому она узнается.

Вѣдьмы ходятъ въ длинныхъ рубахахъ, съ распущенными волосами; онѣ доятъ до крови коровъ; превращаются въ клубокъ, въ кошку, въ различные, безчисленные фантастическіе образы. Главныя собранія ихъ бывають въ Кіевѣ на Лысой горѣ, въ Ивановскую ночь: онѣ со всей Малороссіи улетаютъ туда черезъ трубу печи на *помель*, или *вилкахъ*.

Малороссы вѣрятъ также въ мертвецовъ, которые посѣщаютъ родныхъ, знакомыхъ и хозяйство. По ихъ понятію, медвѣди были прежде люди, жили въ лѣсу; угрюмые, негостепріимные, они не хотѣли знаться ни съ кѣмъ. Зашелъ къ нимъ благочестивый монахъ, прошелъ все село вдоль и поперекъ, просилъ пріюта, никто дверей ему не отперъ. Онъ проклялъ ихъ, они стали медвѣдями.

Лице, которое мы видимъ въ мѣсяцѣ,—это Каинъ.

Ласточки крали гвозди у жидовъ, когда они распинали Спасителя, и потому грѣхъ выгонять ласточекъ изъ-подъ кровель и беспокоить ихъ.

Въ полночь съ 23-го на 24-е іюня разцвѣтаетъ красно-

огненный цвѣтокъ папортника. Кто его найдетъ, сорветъ и бережетъ, тотъ становится знахаремъ. Никакой кладъ не утаится отъ него. Клады бываютъ двухъ сортовъ: зачатые и не зачатые. Послѣднимъ можетъ воспользоваться каждый, кто его найдетъ; но зачатымъ овладѣть не такъ легко. Мѣсто, гдѣ онъ находится, извѣстно, потому что надъ нимъ по ночамъ свѣча горитъ; но кто зарывалъ его, тотъ его зачалъ. Онъ можетъ достаться только при исполненіи опредѣленныхъ условій. Эти условія бываютъ иногда очень тягостны. Иногда заклиняютъ на мать, на отца, и тогда добывшій кладъ долженъ непременно лишиться отца или матери. Клады являются въ различныхъ видахъ: старикомъ, лошадыю, клубкомъ, собакой, пѣтухомъ. Толкните старика, ударьте собаку, они рассыплются въ видѣ денегъ; но какъ догадаться? Вѣрное средство—цвѣтокъ папортника. Владѣльцу этого цвѣтка все извѣстно. За то какъ трудно добыть его! Во-первыхъ, должно одному, безъ товарища, идти въ лѣсъ. Невыразимые страхи окружаютъ смѣльчака. Вѣдьмы, черти, вовкулаки, нетопыри, филины, домовые, мертвецы, лѣшіе, русалки — все это общество соберется въ лѣсъ съ хохотомъ, криками, завываньями. Ревъ звѣрей, трескъ деревъ, перекаты грома безъ тучъ, блуждающіе огни — нѣтъ, немногіе рѣшаются искать волшебнаго цвѣтка.....

14. Б о г а т а К у т я .

(Изъ ст. Номиса.)

Особеннымъ уваженіемъ пользуются у малороссовъ *Рідзвянні Святкі*. Въ кругъ рождественскихъ праздниковъ народъ украинскій включаетъ: *Богату Кутю* (канунъ Рождества,) *Святий вѣчірз*, *святки* вообще, *Щедрий вѣчірз* (канунъ новаго года,) *Голодну кутю* (канунъ крещенія,) и *Ордань*. Чтобы составить себѣ понятіе съ какою трогательною торжественностію народъ украинскій чествуетъ эти праздники, приводимъ описаніе одного изъ нихъ — Богатой куты, переданнаго малороссомъ же.

«Вотъ дѣло близко уже къ разсвѣту; вотъ показался и свѣтъ въ окнахъ, сперва у *оіда* Опанаса, потомъ у старой *Мотри*, а затѣмъ и въ другихъ хатахъ села *Ріжківъ*. Вотъ и народъ началъ *ворушитця*, по дворамъ и огородамъ. Выпускаютъ изъ хлѣвовъ овецъ въ кошари и даютъ имъ болотнаго и луговаго сѣна, носятъ *гулящому* скоту и гулящимъ лошадямъ *яшницю*, *пшенишницю*, *просѣницю*, *овсѣницю* (различную солому,) подкладываютъ рабочимъ воламъ, дойнымъ коровамъ и изжѣлимъ лошадямъ сѣна степнаго, а послѣднихъ, пожалуй, и овсомъ кормятъ. Но вотъ и разсвѣтать начало..... но что это *ріжківці* такъ засуетились, бѣгаютъ изъ хаты въ хату, а иные запрягли лошадей и тоже куда-то ѣдутъ? И не топится нигдѣ!.... Да все по той же причинѣ, что сегодня Богата кутя. Сегодня Богата кутя, такъ хозяйка украинка утромъ топить печь, варить и ѣсть не будетъ. Все утро она провозится за разными мелочами и приведетъ въ порядокъ то, что приготовлено прежде для праздника: она накормитъ свиней, птицу; она вымажетъ саломъ или жиромъ, а пожалуй и добрымъ дегтемъ, сапоги себѣ, мужу, семьѣ; можетъ быть, осталась невыкатанною какая рубаша, выкатаетъ ее; если есть у нее *запѣканка*, она наполнитъ ею *плѣшку*, чтобъ была готова, а за неимѣніемъ *запѣканки* нальетъ просто *біленької*; она пришьетъ къ новому *очінку* ленты, поможетъ дочкѣ нанизать новое *монисто*; она *насуше* восковыхъ свѣчей для сегодняшняго вечера и для завтрашняго утра и т. д., и т. д. Топить же, варить и ѣсть она начнетъ только около полудня, потому что сегодня обѣдаютъ у насъ только вечеромъ, или, лучше сказать, сегодня у насъ не обѣдаютъ и не ужинаютъ, какъ обыкновенно обѣдаютъ и ужинаютъ, а только *ідають* кутю и *стрічають* или *ідають* вечерю, а въ обѣденную пору только немного закусываютъ.

По той же причинѣ, что сегодня Богата кутя, спѣшаютъ такъ *ріжківці*—всѣмъ нужна сегодня свѣжая *сегоднішня* рыба, и всѣ потому стараются достать ее во что бы то ни стало.....

Но вотъ мы рыбой уже запаслись и домой!....

— Ну, жена, говоритъ хозяинъ дома, входя въ хату, а я рыбы досталь!

— А щука есть?

— Есть!

— [Ну, слава тебѣ, Господи! и жена съ радостію смотритъ на дѣтей, а дѣти, кто съ печи, кто съ *прѣпѣлка*, кто съ полу побросали и кота *рудого* и всѣ *до добу* къ мѣшку съ рыбой: выпотрошили его, переворачиваютъ съ боку на бокъ зубастую щуку, тормозатъ красноглазаго карася..... гвалтъ, крикъ, веселье!

Погрѣвшись въ хатѣ, хозяинъ уходитъ и возвращается къ семьѣ, не прежде, какъ около полудня, да и то на самое короткое время, чтобъ только немного закусить, потому что въ хатѣ сейчасъ поднимается на весь день такая возня около рыбы и разныхъ разностей, что и угла свободного не найдешь. Ну, да и ему самому нужно кое-чѣмъ заняться, тамъ на дворѣ.

Во-первыхъ, ему надобно напоить скотъ и дать ему утреннюю порцію; потомъ надо расчистить снѣгъ возлѣ хаты, коморъ, чтобы встрѣтить праздникъ поприличнѣе; далѣе осмотрѣть сани и упряжь; можетъ, что надо починить, не изорвалось ли что, не изломалось бы во время праздниковъ, не насмѣшить бы людей; ну, и топлива женѣ на праздники нужно припасти, чтобъ всего тогда было вдоволь и все было подъ рукою; если дрова есть—дровъ наколетъ и сложить въ *позитці* (навѣсь,) не то очерету натаскаетъ съ берега, соломы наносить и т. д. Словомъ, пока позовутъ закусить, довольно наберется разной работы!

Послѣ закуски хозяинъ идетъ къ какому-нибудь куму или свзату, у котораго есть свободный уголь, идетъ *голіться* (бриться) и *підоблювать чуба*, однимъ словомъ *причинуригця*. Туда же приходитъ еще человекъ 5, 10, а иногда и 15, и вотъ начинается зрѣлище грустное и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненное неподражаемаго юмора. Всѣ эти 10—15 хозяевъ, поочередно одинъ за другимъ, отдають свои лица, исполненныя добродушія, въ распоряженіе какому-нибудь мѣстному докѣ въ бритвенномъ дѣлѣ, и тотъ принимается теплою водою и орѣхообразными кусочками мыла ихъ намыливать и безжалостно тиранить варварскими косами, потому что ни у одного изъ со-

бравшихся хозяевъ нѣтъ бритвенныхъ снарядовъ, а только у двухъ-трехъ по крошечному кусочку мыла, величиною въ грѣцкій орѣхъ, да у двухъ-трехъ по *косі* — *отрубку* старой косы, настроенному и оправленному въ доморощенный черенокъ, а зеркальце замѣняется зеркальною поверхностью чистой воды, налитой въ миску!....

Но оставимъ *хозяінівъ*! Воротимся лучше въ нашу дорогую хату, къ нашимъ дорогимъ хозяйкамъ, и посмотримъ, что тамъ у нихъ дѣлается, и, чтобъ не помѣшать имъ лѣпить пироги и возиться съ печкою, войдемъ къ нимъ тогда, когда со всѣмъ этимъ онѣ уже покончили и *переносятъ кутю*..... а еще лучше послушаемъ, что рассказываетъ объ этомъ въ своей автобіографіи Василій Петровичъ Бѣлокопытенко.

«Надобно вамъ сказать, говоритъ Василій Петровичъ, что до сихъ поръ я не зналъ, въ чемъ собственно заключается *ста́вляння* кути на *покуття*. Самъ я кути на покуття еще никогда не ставилъ, а какъ ставили ее другіе мои братья, никогда не былъ свидѣтелемъ, потому что въ то время, по крайней мѣрѣ въ нашемъ семействѣ, отъ присутствованія при исполненіи этого обряда всѣ мужчины были устранимы. Я зналъ только, что кутю ставятъ на покуття, зналъ, что ставленіе это окружаютъ какою-то таинственностію, слышалъ отъ сверстниковъ своихъ гордое и вмѣстѣ какое-то многозначительное: «что мы ставили кутю, а вы еще нѣтъ!»

Ну такъ вотъ я вожусь съ Антономъ и другими мальчиками, моими сверстниками, у каморы, снаряжая *дренджо́лята* (маленькія саночки) и *гримаки* (кусокъ льда,) чтобы было на чемъ спускаться съ горы во время праздниковъ. Но не успѣли мы кончить своихъ приготовленій, какъ на крыльцѣ показалась быстроглазая Васька и начала звать меня въ хату, намекая, что мнѣ дадутъ какой-то гостинецъ. Я пошелъ. На порогѣ *некарні* встрѣтила меня мать..... не узнать ея — такая въ ней перемѣна. На вѣчно блѣдныхъ щекахъ легкій румянецъ, въ вѣчно грустномъ взглядѣ счастье. А сколько нѣжности въ движеніи, съ которымъ она положила мнѣ на голову свои руки и наклонила ее назадъ, чтобы глядѣть мнѣ прямо въ лице! Пусть

хоть разъ во всю свою жизнь встрѣтятъ столько нѣжности въ своихъ матеряхъ дѣти нашихъ дѣтей!

— Ну, Васюню, поставь намъ кутю на покуття! говоритъ она и улыбнулась.

Кутю на покуття!? и я вздрогнулъ отъ какого-то невѣдомаго мнѣ страха, и вмѣстѣ отъ счастья. Мать утвердительно кивнула головой и провела ладонями по моимъ щекамъ; потомъ поворотилась и пошла въ пекарню. Молча, съ сильно бьющимся сердцемъ..... быстро и съ трепетнымъ любопытствомъ, оглядывая все вокругъ, вошелъ я робкими шагами въ святилище..... Вечерній полусвѣтъ едва освѣщаетъ пекарню сквозь замерзнувшія окна; печка уже не топится; въ комнатѣ тихо, никакой работы и суеты..... Дѣвчата и молодіці стоятъ вокругъ хаты у лавокъ, скрестивъ на груди руки..... смотрятъ на меня и тихо улыбаются. У печки сидитъ на лавкѣ *куховарка Оришка*, тоже скрестивъ на груди руки..... смотритъ на меня и тихо и нѣсколько гордо улыбается мнѣ; возлѣ нея на припечкѣ пара горшковъ, одинъ съ узваромъ, другой съ кутьею..... У покуття, какъ жрица у алтаря, стоитъ предметъ благоговѣйнаго уваженія всѣхъ отъ стараго до малаго, сѣдовласая баба Миниха, и бѣлою тряпкою вытираетъ покуття, и безъ того чистое, чистое.....

Я остановился посрединѣ пекарни, не зная, что мнѣ дѣлать, куда мнѣ направиться.

— Сюда, сюда иди, Васиньку! вывела меня изъ недоумѣнія баба Миниха. Я подошелъ къ покуттю.

— Ну, перекрестись и ударь три поклона!

Я машинально исполнилъ приказаніе.

— Теперѣ ходимъ за мною! и, натянувъ сапоги и надѣвъ кожухъ, пошла изъ хаты.

Я послѣдовалъ за нею. Привела меня баба Миниха къ скирдѣ степнаго сѣна и начала отыскивать такое въ ней мѣсто, гдѣ бы сѣно было почище, не имѣло въ себѣ никакихъ жесткихъ травъ, и гдѣ бы нога человѣка или животнаго никогда не прикасалась. Выбрала наконецъ она такое мѣсто, обдергала

верхнее сѣно и велѣла мнѣ натаскать изъ середины. Я натаскалъ порядочную кучу.

— Ну, возьми-жъ и неси его за мною.

Я забралъ сѣно и пошелъ за бабою Минихою.

— Положимъ его на покутті! сказала она, когда мы снова очутились въ пекарнѣ. Я положилъ.

— Разстели ёго гарнёнько.

Я разостлалъ. Затѣмъ баба Миниха заставила меня, собственноручно и безъ всякой посторонней помощи, перенести съ припечка на покуття горшки съ кутьею и узваромъ, уставить ихъ тамъ хорошенько въ сѣно, чтобы не опрокинулись, взять пару хлѣбовъ и накрыть ими эти горшки; потомъ пойти въ свѣтлицу, взять оттуда миску съ сотами и тоже уставить на покутті: баба Миниха только командовала мной. Когда были уставлены и соты, баба Миниха велѣла мнѣ снова перекреститься и ударить три поклона, а когда я и это исполнилъ, велѣла мнѣ идти прочь, къ моимъ дренжолятамъ и гримакамъ.....

Сопровождаемый нѣжною улыбкою матери и тихими улыбками дѣвчатъ и молодіцъ, я пошелъ изъ хаты съ поникшею головою, полною какихъ-то таинственныхъ образовъ, гдѣ въ сѣромъ полумракѣ все какія-то тихія и нѣжныя улыбки женщинъ..... И когда я сошелъ съ крыльца и медленными шагами направился къ каморѣ, я нѣсколько разъ останавливался въ раздумѣ и оглядывался назадъ, какъ будто тамъ въ пекарнѣ я что-то забылъ, или что-то не разглядѣлъ, или чего-то не слышалъ ....

Вотъ какъ у насъ, мой читатель, ставили когда-то и ставятъ еще и теперь кутю на покуття въ семействахъ, сохраняющихъ обычаи предковъ.

Время послѣ ставляння кути на накуття, пока совершенно стемнѣетъ, употребляется хозяйками на окончательное приготовленіе печки къ завтрешнему дню, т. е. на бѣленіе мѣломъ или бѣлою глиною наружной ея стороны, закоптившейся отъ топки, послѣ предварительнаго бѣленія, на мазанье красной глиной внутренней стороны печки; на снаряженіе стола къ предстоящей трапезѣ, а также и для того, чтобы выкупать и вы-

мышь дѣтей. Но послушаемъ снова Василю Петровича, его разсказа о томъ, какъ садятся у насъ за *вечерю* на Богату кутю, или какъ у насъ встрѣчаютъ кутю.

«....Какъ живо выдвигается въ моей памяти эта картина моего дѣтства!.... и этотъ полумракъ-полусвѣтъ, и эта невыразимая прелесть какого-то таинственного смѣшенія всего во едино: чада вмѣстѣ съ домочадцами; праздничная чистота хаты и всего ея убранства, а люди свои, домашніе, въ одеждѣ домашней, будничной, торжественное выраженіе лицъ и движеній, ужинъ, столъ съ пищею и ложками, курящій ладонь и семейный очагъ; глава семьи и вмѣстѣ какой-то жрецъ: хата и вмѣстѣ храмъ; семья и вмѣстѣ общество вѣрующихъ» ....

Въ пекарни два длинные стола, одинъ у покуття, другой въ сторонѣ, уставленные приборами, съ горами пироговъ въ мискахъ и кучею рюмокъ и графинчиковъ съ настойками..... надъ столомъ у покуття вколоченъ въ стѣну гвоздь, а къ гвоздю прилѣплена зажженная восковая свѣчка — больше свѣту въ хатѣ нѣтъ. Передъ этимъ столомъ, противъ свѣчки и окруженный дымомъ ладана, стоитъ, будто въ сіяніи и въ облакѣ, сѣдой, какъ лунь, мой отецъ въ бѣлой рубахѣ и въ бѣлыхъ въ сапоги шароварахъ. Въ лѣвой рукѣ у него курильница; онъ поднималъ ее вверхъ и тихо поводитъ ею и кадитъ ладонемъ..... Позади отца мы всѣ, кучею: домочадцы, наймити и наймитки, душъ двѣнадцать и вся семья—мать, сыновей четверо, пять дочерей, двое зятевъ и душъ семь внуковъ и внучекъ отца..... Стали всѣ, стихли.....

Старикъ поднималъ правую руку, перекрестился и тихимъ, торжественнымъ голосомъ началъ: — «Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!.... Богородице дѣво, радуйся, благодатная Маріа!» .... За отцомъ крестились и мы, и мысленно произносили за нимъ слова молитвы. Послѣ «Богородицы» старикъ прочиталъ «Отче нашъ» и когда закончилъ словомъ «отъ лукаваго,» перекрестился снова, отдалъ курильницу матери и молча сѣлъ за столъ передъ покуттямъ. Мы тоже всѣ перекрестились и молча сѣли за столы, семья у покуття, домочадцы у другого стола. Снова глубокое, торжественное молчаніе воцарилось въ

хатѣ. Отецъ взялъ графинчикъ съ любимою своею настойкою, налилъ большую рюмку, перекрестился, взялъ рюмку въ правую руку, поднялъ ее вверхъ и тихо произнесъ:

— Нѣхай-же легѣнько, згадаѣтця сiновi моему Ивановi, да винъ здоровъ повертаѣтця!.... И слезы брызнули изъ его старыхъ очей.....

За старикомъ заплакало все, что было въ хатѣ, за обоими столами, отъ моей доброй матери до сѣдоусаго и твердаго, какъ закаленная сталь, стараго дiда Мины..... А отецъ сквозь слезы продолжалъ:

— Нехай легѣнько згадаѣтця й дочцi моей Галi, де вона здоровенька повертаѣтця!....

Мать, сестры и всѣ женщины за обоими столами назврьдъ заплакали.

— Нехай легѣнько згадаѣтця й моему наймитови Петровi, де винъ здоровъ повертаѣтця!... И старикъ поставилъ рюмку на столъ и закрылъ лице обѣими руками, а сирота Федоря, сестра наймита Петра, зарыдала и выбѣжала изъ пекарни въ прихожую.

Отдавши должную дань сожалѣнiя объ отсутствующихъ, хозяинъ дома отираетъ себѣ слезы..... Но онъ долженъ отереть ихъ и другимъ, потому что онъ глава семьи. И вотъ онъ съ сердитымъ и удивленнымъ видомъ (какъ будто онъ въ хатѣ не былъ и не плакалъ, а такъ себѣ, только что вошелъ, и видитъ, что всѣ плачутъ,) восклицаетъ:

— Э-ге-ге!.... та оцѣ ви бачу плачете?! А та дурнiя якъ разрюмалась! Годи жъ ужѣ, кажу, годи!.... Иди сюди, Федорко!.... и семья сквозь слезы улыбается, а Федорка входитъ въ пекарню, отирая очи рукавомъ, и садится за столъ.

— Ну,—продолжаетъ хозяинъ дома, когда всѣ стихли,—нехай же легѣнько здаѣтця всiмъ!.... помершимъ царство небесное, а намъ всiмъ на здоровья! и затѣмъ выпиваетъ чарку и дѣлаетъ извѣстное возліянiе, быстро брызгая изъ нея чрезъ голову остатокъ водки въ потолокъ, сопровождая иногда еще словами:

— Щобъ вибрікували!

За главою семьи пьеть водку хозяйка дома, за хозяйкой дома старшій сынъ и т. д., по старшинству семейной іерархіи, до послѣдней наймычки, до самаго малаго ребенка:—хоть по немножку, но пейте всѣ—такъ годитця.

Обратимся теперь къ яствамъ. Прежде всего подаются на столъ пироги, печенье съ макомъ или горохомъ, помазанные сверху медовой патокой. Второе мѣсто занимають пироги жаренные на сковородѣ въ постномъ маслѣ съ поджаренною шинкованною капустою, съ вареньемъ и растертымъ картофелемъ. За пирогами слѣдуетъ борщъ съ рыбою, приготовленный на постномъ маслѣ. За борщомъ ѣдятъ *товченики* уха изъ щуки. Щука въ товченикахъ является и въ естественномъ своемъ видѣ, особенно голова ея и хвостъ; но главнымъ образомъ является она въ клецкахъ, приготовленныхъ изъ щучьяго мяса и муки, или крошенago бѣлаго хлѣба, и обернутыхъ въ щучью кожу. Сюда входятъ также лукъ и перецъ. Товченики — одно изъ любимѣшихъ блюдъ украинской кухни, въ то же время составляетъ необходимую принадлежность вечера на Богату кутю. По этой-то причинѣ украинская семья такъ и радуется щукѣ. Послѣ товчениковъ подаютъ жареную рыбу — щуку и карася. Тамъ является на столъ героиня вечера, кутя — круто сваренная пшеничная каша..... Хозяйка дома беретъ тутъ же съ покуты миску съ сотами, требуетъ себѣ холодной воды и чистую миску, куда кладетъ соты, вливаетъ воды, раздавливаетъ въ ней ложкою соты и приготовляетъ такимъ образомъ *ситу*. Затѣмъ, выбравъ изъ ситы ложкою всю вошину, накладываетъ на нее кути..... Кути обыкновенно ѣдятъ мои земляки и землячки немного. За кутею слѣдуетъ послѣднее блюдо, *узваръ* — отваръ изъ сушеныхъ фруктовъ. Его наливаетъ въ миску тоже сама хозяйка, и ѣдятъ его тоже понемногу.

Во время вечера водки пьютъ мало: рюмку, а много, много двѣ-три, да и то только старшіе мужчины; больше никто не пьеть никогда и ни въ какомъ случаѣ; *не годитця, не звичайно, грихъ*.

Тѣмъ не менѣе, хоть за вечерею этою пьютъ водки и мало и хоть начинается она обыкновенно слезами, весело бываетъ

тутъ очень, очень! такъ весело, какъ ни въ одинъ праздникъ въ году! Тутъ забывается весь міръ съ его суетою, всѣ печали и горести, всѣ и все..... Тутъ нѣтъ хохоту, нѣтъ шумныхъ выраженій радости, часто снимающихъ съ празднованій оболочку граціи и часто отнимающихъ у нихъ прелесть задушевности: тутъ только тихій смѣхъ, тихія улыбки, тихіе взгляды..... Старики, глава семьи, оставляетъ тутъ свою обычную суровость и спускается до женскихъ или дѣтскихъ понятій и интересовъ: онъ говорливъ, шутливъ..... Тутъ и обычай, чтобы отецъ дарилъ тому, кто изъ дѣтей чихнетъ за вечерею — корову, теленка, ягненка..... и хитрости дѣтскія—нюхать перецъ, чтобы чихать. Отецъ понялъ дѣтскую хитрость и, вмѣсто ожидаемаго ягненка, даритъ *рудаго кота Бруньку*, или рябую кошку Машку..... О, если бы мнѣ еще хоть разъ въ жизни прожить такую вечерю!.....

15. ДОНСКІЕ КАЗАКИ.

Богатство Дона. — Историческій очеркъ казаковъ. — Ихъ пренія жизнь. — Современное состояніе. — Верховые и низовые казаки. — Религіозность. — Характеръ народной поэзіи. — Образованіе. — Общественныя стремленія. — Занятія.

(Извлеч. изъ книги Н. Краснова. *Земля Войска Донскаго*.)

Донъ—золотое дно. Плодоносная почва, способная десятицею вознаградить трудъ земледѣльца, роскошныя степи для содержанія табуновъ, пастбищъ рогатаго скота и овецъ; рыболовство, не какъ забава жителей, а какъ громаднѣйшій промыселъ; винодѣліе, какъ предметъ сбыта; добываніе въ изобиліи маньчжурской соли и каменнаго угля, этого могучаго рычага промышленности—вотъ матеріальное богатство этой страны, лежащей въ лучшей полосѣ нашего отечества, гдѣ произрастаютъ: абрикосовое дерево, майсъ и тутовое дерево, и гдѣ, значитъ, обширное поприще для шелководства. Прибавимъ къ этому обширный бассейнъ р. Дона, прорѣзывающій страну вдоль и поперекъ, близость Волги и Азовскаго моря, значитъ, обезпеченіе внутренняго и вѣшняго сбыта товаровъ; благорастворенный климатъ,

имѣющій хорошее вліяніе на здоровье жителей; поверхность земли, представляющую то необозримую равнину, покрытую большую часть года великолѣпными цвѣтами и пахучими травами, то всхолмленную возвышенность, щедро надѣленную минеральнымъ богатствомъ..... и легко убѣдиться, что земля донскихъ казаковъ есть дѣйствительно золотое дно.

Столь огромное богатство донской земли должно было неминуемо отразиться на благосостояніи жителей, и хотя земледѣліе находится въ младенествѣ, промышленность и торговля только что пробуждаются, образованіе прививается медленно— все же донскіе обитатели, при сравненіи ихъ съ жителями другихъ областей и губерній имперіи, пользуются большими удобствами жизни. Не даромъ и въ прежнее и въ настоящее время, толпы русскаго народа стремятся въ донскую землю, гдѣ, вмѣсто ржанаго черстваго хлѣба пополамъ съ мякиною, имъ даютъ бѣлую пшеничную булку; вмѣсто гнилаго картофеля — на Дону они найдутъ хорошія капустныя щи съ саломъ или вкусную донскую рыбу, да за безцѣнокъ могутъ имѣть арбузы, дыни, тыквы и раздорскій виноградъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, родоначальниками донскихъ казаковъ были выходцы изъ Россіи, оставившіе свою родину по разнымъ причинамъ и въ различное время. Одни бѣжали отъ притѣсненій помѣщиковъ, бояръ и чиновниковъ, другіе оставляли отечество изъ опасенія за жизнь въ грозное время Іоанна IV; третьи, наконецъ, бѣжали родныхъ городовъ и сель просто для того, чтобы промѣнять трудовую жизнь на свободную жизнь въ степи, гдѣ удали и молодечеству представлялся полный разгулъ. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились выходцы изъ Запорожья и Малороссіи. Бѣглецы изъ Польши, Турціи, Греціи и другихъ странъ также находили себѣ пріютъ у донскихъ казаковъ. Нынѣшнія фамиліи: Савченко, Марушенко, Калиновскіе, Турчаниновы, Грековы, Татариновы, Калмыковы указываютъ сами на свое происхожденіе.

Но, изъ какой бы національности и къ какой бы религіи не

принадлежалъ пришедшій, онъ обязанъ былъ принять православную вѣру и говорить по-русски. Оттого казаки, не смотря на различные примѣсы, до сихъ поръ сохранили чисто русскую народность.

Сначала эти бѣглецы образовали нѣсколько отдѣльныхъ немногочисленныхъ товариществъ, избравъ въ свои предводители атамановъ. Товарищества на первый разъ живутъ грабежемъ и разбоемъ, нападая безъ различія и на русскихъ и на татаръ. Но въ половинѣ XVI столѣтія всѣ донскіе казаки соединились въ одно общество, положивъ своею цѣлью — защищать христіанъ отъ магометанъ и вѣчно бить татаръ. Они устроили у себя такой же порядокъ, какой существовалъ и у запорожскихъ казаковъ. Главное сборное мѣсто, откуда казаки дѣлали свои походы и гдѣ любили они пображничать, повеселиться и поучиться военному искусству, былъ построенный ими городокъ Раздоры (*). Впослѣдствіи Раздоры уступили свое мѣсто другому городку, Черкаску. (**)

Для рѣшенія своихъ дѣлъ казаки учредили у себя народное управленіе, которое назвали Войсковымъ Кругомъ. Название это дано, безъ сомнѣнія, по наружному виду, какой имѣли ихъ собранія, происходившія обыкновенно на открытой площади, гдѣ казаки дѣйствительно составляли изъ себя кругъ, стоя на ногахъ и безъ шапокъ, въ знакъ уваженія къ мѣсту. Чѣмъ войсковой кругъ былъ для всего войска, тѣмъ станичный кругъ для отдѣльныхъ казачьихъ городковъ и станицъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, всякій казакъ имѣлъ свободный голосъ, могъ предлагать, что находилъ полезнымъ, говорить, что думалъ, могъ принимать или не принимать мнѣніе отдѣльныхъ лицъ; но что было принято большинствомъ круга, то уже было свято для каждого. Кругъ, въ этомъ случаѣ, пользовался властью неограниченною; ему принадлежала законодательная и судебная власть. Кругъ назначалъ походы и поиски; опредѣлялъ поземельные

(*) Раздоры находились на островѣ р. Дона, противъ устья Донца.

(**) Черкасскъ на р. Донѣ, къ югу отъ нынѣшняго Новочеркасса.

участки, рѣшалъ споры, совершалъ приговоры наказаніямъ и смертной казни.

Для исполненія своихъ рѣшеній кругъ избиралъ изъ среды своей атамана. Атаманы избирались ежегодно, и сложившій это званіе поступалъ въ общій составъ казаковъ и уже не имѣлъ между ними никакого отличія. Атаманъ былъ только исполнителемъ рѣшеній круга, но самъ лично не могъ ничего предпринять безъ согласія круга, а наравнѣ съ прочими казаками имѣлъ право только предлагать свои мнѣнія. Къ войсковому атаману общими голосами избирали двухъ помощниковъ — есауловъ. Есаулы, по приказанію атамана, исполняли приговоры круга. Письменными дѣлами круга завѣдывалъ войсковою дьякъ.

Писаныхъ законовъ не было: все рѣшалось по разсудку, по предшествовавшимъ примѣрамъ и обыкновеніямъ, освященнымъ временемъ.

Черкасскій городъ содержалъ всегда отъ двухъ до пяти тысячъ вооруженнаго войска и, кромѣ землянаго вала, былъ окруженъ тройною цѣлью подвижныхъ наблюдательныхъ постовъ, которые, вмѣстѣ съ ближайшими и дальними разъѣздами, охраняли городъ отъ нечаянныхъ нападений и приучили казаковъ къ аванпостной службѣ, составляющей ихъ неоцѣненное достоинство и въ войнахъ настоящаго времени. Кромѣ казаковъ въ Черкасскѣ находилось большое число торговыхъ людей изъ украинскихъ городовъ, съ хлѣбомъ, виномъ, медомъ и другими припасами. Стеченіе народа увеличивалось прибытіемъ воеводы съ царскимъ жалованьемъ, или запорожцевъ, приходившихъ для морскихъ поисковъ, вмѣстѣ съ донцами. Не мало разнообразія придавали городу почти ежегодно пріѣзжающіе турецкіе и крымскіе послы, съ многочисленными свитами, и русскіе вельможи, высылаемые въ Черкасскъ для ихъ встрѣчи и провожанія въ Москву и обратно. Такимъ образомъ, видъ Черкаска былъ очень оживленный и дѣятельный.

Кромѣ главнаго Черкасскаго города, казаки устроили по берегамъ р. Дона отъ устья р. Хопра до р. Аксая, на протяженіи 800 в., и по р. Донцу множество маленькихъ городковъ, станицъ и зимовищъ, такъ что въ XVII в. считалось уже 48

городковъ. Прочее же пространство, лежащее между Дономъ и Донцомъ, оставалось совершенно пустымъ. Городки были обведены кругомъ стѣною изъ двойнаго плетня, или палисадника, набитаго внутри землею. Желаящіе основать городокъ должны были явиться въ Черкасскъ, гдѣ войсковою кругъ отводилъ имъ извѣстный участокъ земли — юртъ. Станицы были обыкновенныя поселенія, не имѣвшія укрѣплений; зимовища составляли временной и преимущественно зимній пріютъ.

Самыя жилища вначалѣ состояли изъ землянокъ, но въ послѣдствіи казаки стали строить деревянные дома. Казачьи городки были малолюдны, потому что казаки, любя военныя тревоги, скучали жить дома и непрерывно уходили искать опасностей и добычи въ землѣ непріятельской.

Частная жизнь казаковъ была очень своеобразна, вслѣдствіе ихъ военнаго назначенія. Все занятіе ихъ въ мирное время заключалось въ звѣриной и рыбной ловлѣ. Хлѣбопашество, какъ несообразное съ ихъ родомъ жизни, было строго запрещено.

Казаки жилали по-братски. Набѣтъ ли кто дичины, или наловить рыбы — все дѣлили по равной части, не заботясь о будущемъ. Общество ихъ дѣлилось по *сумамъ*. Человѣкъ по десяти или по двадцати имѣли все общее. Поэтому еще и нынѣ казаки иногда называютъ товарища или друга своего односумомъ.

Живя въ городкахъ, казаки большую часть времени проводили на площади или въ станичной избѣ. Здѣсь, сидя въ кругу, они вязали сѣти и тенета, рассказывали про подвиги свои и товарищей, пѣли богатырскія пѣсни про славныя дѣла предковъ. Молодые казаки, въ присутствіи старшихъ, стрѣляли изъ луковъ и ружей въ цѣль и скакали на коняхъ.

Казаки, страстные къ веселью, любили, среди стеченія народа, пощеголять пышностью въ одеждѣ и роскошью убранства. Они носили бархатные и камлотовые кафтаны, опоясанные дорогими турецкими и персидскими кушаками и шалями. Оружіе ихъ было оправлено въ серебро и золото, а рукоятки сабель у многихъ были осыпаны драгоценными камнями.

Нравственность казаковъ представляла странную смѣсь по-

роковъ и добродѣтелей, свойственныхъ людямъ, которые войну считаютъ ремесломъ и цѣлью жизни. Жадные къ добычѣ, которая сдѣлалась для нихъ необходимою, свирѣпые въ набѣгахъ на земли непріятельскія, казаки въ общежитіи были привязаны другъ къ другу. Дома они гнушались воровствомъ; но грабежъ и даже разбой на чужой сторонѣ считались дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Въ наказаніяхъ за преступленія были жестоки. «Въ куль, да въ воду» была главная казнь за измѣну, трусость, убійство и воровство. Приговореннаго къ этой казни завязывали въ мѣшокъ и бросали въ воду. Приговоръ и наказаніе совершались почти въ одно и то же время.

Въ поискахъ казаки брали весьма много женщинъ; женъ знатныхъ отдавали на окупъ; прочихъ же оставляли у себя и обыкновенно женились на нихъ. Но вообще брачная жизнь не была въ большомъ уваженіи. Женщина не пользовалась почетомъ, и при встрѣчѣ съ вооруженнымъ или заслуженнымъ казакomъ сходила съ дороги и кланялась въ поясъ. Напротивъ, безбрачіе и храбрость считались высшими добродѣтелями.

Главные непріатели казаковъ были азовцы. Съ ними они вели почти непрерывную брань. Казаки мирились съ азовцами только для выкупа или размѣна плѣнныхъ и потомъ вскорѣ, подъ разными предлогами, разрывали миръ, потому что безъ войны казаки жить не могли; только въ одной войнѣ они находили источникъ своего благосостоянія. Походы казаковъ были сухопутные и морскіе; послѣдніе считались болѣе важными, особенно въ поискахъ по морямъ Азовскому и Черному. Всякій отрядъ, отправлявшійся въ походъ, выбиралъ особаго походнаго атамана, представлявшаго лице главнаго начальника. Большіе отряды раздѣлялись на полки, сотни и полусотни, которыми командовали войсковые старшины, есаулы, сотники и пятидесятники. Внезапность и быстрота въ нападеніяхъ, соединенныя съ единодушіемъ, были главными причинами ихъ успѣховъ. Для скрытія похода отъ непріятелей употреблялись строгія предосторожности; самыя нападенія на непріятельскія жилища производились, по болѣйшей части, въ ночное время. Въ морскихъ походахъ казаки употребляли суда малыя, гребныя, помѣщавшія отъ

30 до 50 человекъ; на нихъ они не только грабили прибрежные города и села, но даже пускались въ открытое море, нападая на непріятельскіе корабли. Быстротѣ сухопутныхъ походовъ много способствовали степныя казачьи лошади татарской породы, которыя не знали усталости и, прошедши большое пространство, непродолжительнымъ отдыхомъ и степнымъ кормомъ, совершенно укрѣпляли свои силы.

Въ XVI столѣтіи казаки отдали себя подѣ покровительство Россіи и предложили себя на царскую службу. Съ этого времени казаки постоянно помогаютъ Россіи въ покореніи татарскихъ ордъ, защищаютъ московское государство отъ нападений ихъ, участвуютъ въ различныхъ войнахъ Россіи съ турками и нагайскими татарами. Московскіе цари хорошо понимали пользу казачества и потому часто присылали казакамъ милостивыя грамоты, царское жалованье, свинецъ, порохъ и хлѣбъ. Этимъ средствомъ московское правительство надѣялось удерживать казаковъ отъ набѣговъ на Крымъ и Турцію, когда эти державы находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ русскимъ дворомъ. Однакожъ, этого жалованья на всѣхъ не хватало, а потому казаки до Петра Великаго жили военнымъ ремесломъ; нападали въ мирное время на татаръ, нерѣдко грабили купцовъ не только турецкихъ, татарскихъ, персидскихъ, но и русскихъ, иногда образовывали цѣлыя шайки и разбойничали по Волгѣ; волновали народъ противъ помѣщиковъ и властей.

Все это вызывало иногда строгія мѣры русскаго правительства противъ казаковъ, что было причиною многихъ бунтовъ, которые усмирялись, болѣею частію, силою оружія. Последній бунтъ казаковъ былъ при Петрѣ. По усмиреніи бунта, во время котораго убито и казнено до 7,000 казаковъ, были уничтожены многія вольности казаковъ и обращено вниманіе на пріученіе казаковъ къ сельскому хозяйству. Съ этого времени казаки дѣйствуютъ только съ разрѣшенія правительства; атаманы назначались также правительствомъ, а не выбирались; государи стали сноситься съ атаманомъ, а не съ войсковымъ кругомъ, который съ этого времени теряетъ свое значеніе.

Впослѣдствіи, донское войско нѣсколько разъ получало но-

вую организацію, и въ настоящее время главнѣйшее основаніе послѣдней организаціи, бывшей въ 1835 г., слѣдующее: званіе войсковаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ предоставлено послѣднику царствующаго государя. Главнымъ начальникомъ Войска Донскаго назначенъ наказный атаманъ, который управляетъ военною частью чрезъ войсковое дежурство, а гражданскою черезъ войсковое правленіе, на основаніи правъ военнаго и гражданскаго губернатора. Войско имѣетъ свою особенную казну, которая составляется съ различныхъ доходовъ; какъ-то: съ продажи вина, соли, отъ сбора за право торговли, за лавки и мѣста на ярмаркахъ, изъ пошлинъ съ частныхъ конскихъ табуновъ и изъ процентовъ съ прежнихъ капиталовъ и т. д.

Всѣ безъ исключенія казаки обязаны прослужить въ военной службѣ 22 года: 17 л. внѣ войска и 5 внутри войска. Но эти годы онъ служить не сряду, а вмѣстѣ съ льготою, а именно: 3 г. казакъ находится на службѣ, а отъ 6 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ на льготѣ, для занятія по хозяйству, такъ какъ каждый казакъ есть воинъ-поселянинъ. За это казаки пользуются различными особенными правами, какъ-то: каждый казакъ получаетъ 30 десятинъ удобной земли и не платитъ никакихъ поземельныхъ и подушныхъ податей, во время службы получаетъ жалованье изъ государственной казны; казаки, записавшіеся въ торговое общество, торгуютъ внутри войска безъ пошлинъ, за весьма незначительную плату они добываютъ для себя соль изъ Манычскихъ озеръ, ловятъ рыбу и ломаютъ каменный уголь.

Внѣ войска, казаки участвуютъ во всѣхъ большихъ войнахъ Россіи, исполняютъ часто въ большихъ городахъ обязанности жандармовъ, полицейскихъ и таможенныхъ надсмотрщиковъ. На воинѣ, храбрость и безграничное самоотверженіе всегда сопровождаютъ казачьи полки. Въ критическія минуты боя, казакъ бросается въ огонь и воду, не отступая ни передъ какою опасностью; для преслѣдованія и открытія непріятеля нѣтъ лучшаго войска, какъ казаки, и вообще, они любятъ лучше дѣйствовать вразсыпную, нежели въ сомкнутыхъ рядахъ. Они лучше любятъ нападать на непріятеля ночью, неожиданно, съ гикомъ.

На аванпостной службѣ, напротивъ, казакъ очень остороженъ и бдителенъ, слѣдитъ за каждымъ дѣйствіемъ непріятеля, стараясь нанести ему сильный вредъ ночными вылазками. Зоркость донцовъ, ихъ умѣнье запоминать мѣстность, ихъ навыкъ къ оріентированію приносятъ имъ огромную пользу, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Притомъ они необыкновенно переносливы: могутъ два, три дня обходиться безъ пищи, терпѣть холодъ и ненастье, и, въ случаѣ надобности, довольствуются самою скудною пищею. Донское войско можетъ выставить 120,000 человекъ легкой кавалеріи.

Въ настоящее время всѣхъ донскихъ казаковъ считается болѣе 600,000; изъ нихъ болѣе 12,000 дворянскаго происхожденія, около 1,000 причислены къ торговому классу, а остальные простые казаки. Сверхъ того, къ казакамъ относятся и калмыки, кочующіе по сую сторону р. Дона въ числѣ 20,000 человекъ обоего пола. Они наравнѣ съ казаками обязаны военною службою, но своихъ полковъ не составляютъ, а входятъ въ составъ казачьихъ полковъ.

По историческимъ преданіямъ, физическимъ и нравственнымъ свойствамъ, донскіе казаки издавна раздѣляли себя на верховыхъ и низовыхъ.

Верховые казаки, по болѣйшей части, русые и сѣроглазые; брюнетовъ между ними мало. Они крѣпкаго сложенія и способны переносить всякія невзгоды, развиваются очень медленно, но потомъ крѣпчаютъ и достигаютъ глубокой старости.

Низовые казаки, по болѣйшей части, брюнеты, черноглазые и черноволосые. Отъ природы они менѣе крѣпкаго сложенія и не легко переносятъ большіе труды. Они ловки и проворны и быстро развиваются, но, подобно всѣмъ южнымъ народамъ, недолговѣчны.

У верховыхъ казаковъ до сихъ поръ существуетъ простота, патриархальность нравовъ и неподдѣльное гостепріимство. Отецъ семейства есть глава, и даже женатые дѣти живутъ въ отцовскомъ домѣ, трудясь для общей пользы. Верховцы менѣе предприимчивы; занимаются только хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ или извозничествомъ, а содержаніе виноградниковъ, бахчей и

огородовъ они предоставляютъ женскому полу. Нажитые капиталы рѣдко пускаютъ въ обороты, а черезъ это богатѣютъ не шибко; но зато рѣдко и банкротятся. Верховецъ копить деньги на черный день, оставляетъ на десятки лѣтъ запасъ сѣна и хлѣба въ скирдахъ; оттого, не смотря на переменчивость климата, на большіе неурожаи и падежи скота, хозяйство ихъ рѣдко несетъ большой ущербъ. Простота нравовъ не позволяетъ имъ безъ цѣли растрачивать свое имѣніе. Верховцы носятъ платье изъ простаго и грубаго сукна, и только въ послѣднее время стали носить сапоги, предпочитая изъ бережливости въ домашнемъ обиходѣ лапти. Жены ихъ не гоняются за модами, хотя не прочь пощеголять дорогими шубами и золотыми украшеніями, которыя переходятъ изъ рода въ родъ. Цѣнность и прочность составляютъ главнѣйшее качество ихъ наряда, предпочитая эти качества разнообразію и изяществу. Верховцы молчаливы, не любезны, важны, но на службѣ старательны, строгіе исполнители приказаній начальства, акуратны. Къ правамъ и привилегіямъ казаковъ равнодушны.

У низовыхъ казаковъ не замѣчается ни простоты нравовъ, ни патріархальности, ни искренняго гостепріимства. Женатыя дѣти отдѣляются отъ своихъ отцовъ, строятъ новые дома, нерѣдко разоряются, отчего бывають неисправны къ снаряженію себя на службу. Съ давняго времени низовые казаки отличались щеголеватостью въ одеждѣ, которая перешла и на женщинъ. Новочеркасскія дамы и казачки жадно слѣдятъ за модами, одѣваются очень роскошно и съ большимъ вкусомъ; даже простыя казачки, въ особенности дѣвушки, которыхъ здѣсь называютъ также барышнями, хотя въ домахъ иногда холодно и голодно, надѣваютъ зимою шелковыя платья и бархатныя шубы, опушенныя мѣхомъ, лѣтомъ кисейныя и баржевыя платья, а ситцевыя надѣваютъ только для домашняго обихода. Низовые казаки любятъ краснобайство, чины и почести, красивые дома, хорошую мебель, статныхъ лошадей, модные экипажи, свѣтскія удовольствія; но за то не расчетливы и скоро проживаются. Удаливость и отвага составляютъ ихъ отличительныя качества; но къ нимъ нерѣдко присоединяются хитрость и тщеславіе. Въ

минуту увлеченія они готовы на высшее самоотверженіе, но когда пыль простынетъ, они не въ состояніи преслѣдовать одну цѣль. Но за то низовые казаки выказываютъ болѣе любви къ родинѣ, къ своимъ правамъ и привилегіямъ; однакожъ слѣдуетъ замѣтить, что права казаковъ на рыбныя ловли, маньчскую соль, каменноугольныя разработки, заведеніе частныхъ конскихъ табуновъ и другія удовольствія, гораздо болѣе интересуютъ низовыхъ казаковъ, потому что верховые этими удовольствіями не пользуются по самому географическому положенію своихъ станицъ.

Жилища казаковъ, какъ верховыхъ, такъ и низовыхъ, почти всегда деревянные, а у богатыхъ каменные, кирпичныя. Казаки не употребляютъ до сихъ поръ другаго матеріала для своихъ строеній, хотя во многихъ мѣстахъ есть прекрасный мѣловой камень, сѣрый мраморъ и различныя породы крѣпкихъ песчаниковъ. Послѣдній, впрочемъ, идетъ иногда на фундаменты домовъ.

Домы верховыхъ казаковъ, болѣею частію, крыты соломой, а у низовыхъ тесомъ и состоятъ изъ трехъ комнатъ. Одна комната чистая, назначанная для приѣма гостей, бываетъ украшена образами въ серебряныхъ ризахъ; стѣны или гладко дубовыя, или обитыя плохими обоями. По стѣнамъ развѣшаны картины лубочнаго издѣлія. Вокругъ стѣнъ, — длинныя скамейки, покрытыя иногда ситцомъ; у болѣе зажиточныхъ можно встрѣтить и мебель простаго дерева, выкрашеннаго подъ орѣхъ. Но необходимою принадлежностью гостиной комнаты служить шкафъ со стеклами, въ которомъ помѣщается столовая и чайная посуда. Остальныя двѣ комнаты служатъ спальнею и кухнею съ русскою печью. Курныхъ избъ у казаковъ нѣтъ. Комнаты отличаются необыкновенною чистотою, особенно у раскольниковъ, которые не терпятъ табаку и окуриваютъ свои покои ладономъ. На окнахъ въ большихъ ведрахъ посажены роза и герань. При домахъ имѣются иногда небольшіе сады съ клумбами для цвѣтовъ, до которыхъ казачки большія охотницы.

Возлѣ дома строится крытое помѣщеніе для лошадей, базы для рогатаго скота и конурки для свиней, иногда же и птич-

ники. За постройками, если домъ расположенъ при рѣкѣ, отводится небольшой участокъ подъ огороды, гдѣ можно найти капусту, лукъ и макъ. Другихъ овощей почти не употребляютъ, а бахчи разсаживаются преимущественно въ степи.

Пища казаковъ очень разнообразна, но къ необходимымъ принадлежностямъ стола относятся: пирогъ или бѣлый пшеничный хлѣбъ, капустные щи съ саломъ или бараниной, или уха изъ рыбы, и пшеничная каша; огурцы, арбузы, дыни, тыква, виноградъ, какъ продукты ихъ страны, очень дешевы и въ большомъ употребленіи. Гостей угощаютъ чаемъ, водкой, балыкомъ, икрою и винограднымъ виномъ. Казаки, какъ и малороссы, изъ сушеныхъ плодовъ готовятъ взваръ.

Верховые казаки говорятъ русскимъ языкомъ съ малою примѣсю своезанныхъ словъ, напимѣрь: коммерція — дурное поведеніе, качество — мошеничество, охота — любовь, побѣда — обида, проминажъ — трудъ, сократъ — повѣса, и проч. Русский языкъ занесенъ сюда выходцами изъ Новгорода. И въ самомъ дѣлѣ, верховецъ и въ особенности казакъ средняго Дона напоминаетъ типъ новгородца и своимъ высокимъ ростомъ, и важною осанкою, и мѣрною красивою русскою рѣчью, и прямою и честностію своего характера.

Низовые же казаки употребляютъ русскій языкъ съ примѣсю малороссійскихъ словъ, что при первомъ знакомствѣ съ ними непріятно дѣйствуетъ на слухъ, особенно, когда говорятъ женщины, которыя имѣютъ обыкновеніе прикрикивать. Низовые казаки не выговариваютъ букву *ы*, а замѣняютъ ее или буквою *у* или буквою *и*, напр.: говорятъ; *буи* вмѣсто *были*, *ви*, *ми*, вмѣсто *вы*, *мы*.

Религіозность и набожность составляютъ общее свойство казаковъ. Всѣ донскіе казаки исповѣдуютъ одну православную вѣру; раскольничьи секты не препятствуютъ ихъ религіозному настроенію, потому что на Дону нѣтъ вредныхъ сектъ. Старовѣры своею набожностію, честностію, строгою нравственностію заставляютъ себя уважать и отказаться отъ духа преслѣдованія. Высокія, обширныя, изящной архитектуры церкви съ дорогими иконостасами лучше всего доказываютъ рели-

гіозное настроєніє казаковъ. Для построєнія церкви, для исправленія иконостата всегда найдутся частныя довольно значительныя пожертвованія. Къ сожалѣнію, далеко не такъ заботятся казаки о своемъ умственномъ образованіи. Еще не было примѣра, чтобы казаки жертвовали свои собственныя деньги на устройство школы. Для этой цѣли они предлагаютъ только общественныя капиталы и то не съ охотою.

Въ старинное время на Дону во всѣхъ станицахъ, особенно низовыхъ, находились казаки, искусные пѣть свои богатырскія пѣсни, сопровождая пѣніе игрою на рыль (*). Многіе изъ нихъ даже сами сочиняли пѣсни. Ихъ называли *пѣсничаями рылешниками*. Они пѣвали казакамъ: про степи широкія и дороги безконечныя; про славный тихій кормилецъ—Донъ и земли; про добра коня и родную мать; про войну и «дуванъ» (дѣлежъ) съ красной дѣвицей; про таланъ и безталанье молодецкое. Но большая часть казачьихъ пѣсень — пѣсни военно-историческія, такъ что изъ нихъ легко составить обширную эпическую поему. Есть пѣсни про первое появленіе казаковъ въ раздорахъ; другія показываютъ намъ отношенія казаковъ къ русскимъ великимъ князьямъ; третьи — рисуютъ въ поэтической картинѣ подвиги Ермака въ Сибири (¹). Стенька Разинъ (²) грозный разбойникъ, но любимый казаками за прямоту и откровенность характера, также прославляется въ народныхъ пѣсняхъ. Пѣсни

(*) Рыло—то же самое, что дудка.

(¹) *Ермакъ*, извѣстный покоритель Сибири въ послѣдніе годы царствованія Іоанна Грознаго. Онъ сначала съ своею шайкою до 1,000 человекъ разбойничалъ на Волгѣ, а потомъ, по приглашенію купцовъ Строгановыхъ, отправился защищать ихъ солиныя варницы, отъ набѣговъ сибирскаго царя Кучума. Онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ Кучумомъ, и завоевалъ нѣсколько городовъ, чѣмъ положилъ начало завоеванію Сибири. За эти подвиги Ермакъ получилъ прощеніе, милость и подарки отъ царя, но вскорѣ послѣ этого онъ утонулъ въ рѣкѣ Иртышѣ, спасаясь отъ нечаяннаго нападенія сибирскаго князя. Ему поставленъ памятникъ въ Тобольскѣ. (²) *Стенька Разинъ* образовалъ огромную шайку въ царствованіе Алексѣя Михайловича, съ цѣлью истребить бояръ, чиновниковъ, стрѣльцовъ и купцовъ. Крѣпостнымъ онъ объявлялъ волю и уговаривалъ истреблять помѣщиковъ. Онъ же взялъ города Астрахань, Саратовъ и многіе другіе города восточной Россіи, убивая вездѣ воеводъ, священниковъ и помѣщиковъ; но три отряда русскихъ войскъ, подъ начальствомъ князей Долгорукова, Барятинскаго и Щербатова, разбили шайки бунтовщиковъ и обратили ихъ въ бѣгство. Разинъ попался въ плѣнъ и отправленъ въ

сложены про Булавина ⁽³⁾, Некрасова ⁽⁴⁾, про морскіе подвиги, про Петра Великаго и про войсковыхъ атамановъ и старшинъ: Фрола Минаева ⁽⁵⁾, Краснощекова ⁽⁶⁾, Ефремова ⁽⁷⁾, Иловайскаго ⁽⁸⁾ и Платова ⁽⁹⁾ и проч. При выступленіи изъ своихъ станицъ и изъ предѣловъ войска, казаки поютъ особенную пѣсню, въ которой прощаются со всеми рѣками по порядку и съ батюшкою-Дономъ, и Хѣпремъ-молодцомъ, и Медвѣдицей-душой, Донцомъ-удальцомъ. Эта пѣсня начинается такъ:

«Прощай, батюшка Донъ,
«Мы зальемся, пойдемъ.»

Хотя въ землѣ донскаго войска существуетъ одна гимназія и Маріинскій институтъ въ Новочеркасскѣ, нѣсколько окружныхъ и приходскихъ училищъ, не смотря на то, что войско имѣетъ вакансіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ-то: въ Харьковскомъ университетѣ, различныхъ корпусахъ, училищѣ правовѣдѣнія, коммерческихъ училищахъ, въ медико-хирургической академіи и друг., образованіе еще стоитъ на низкой степени. Это можно видѣть изъ того, что по статистическимъ свѣдѣніямъ 1859 г., одинъ учащійся приходился на 400 казаковъ, а изъ числа 20,000 калмыковъ, кочующихъ тамъ, считалось

Москву, гдѣ онъ распятъ на колыяхъ и четвертованъ. ⁽³⁾ *Булавинъ* и ⁽⁴⁾ *Некрасовъ* возмутили 20,000 казаковъ противъ Петра Великаго за уничтоженіе имъ разныхъ вольностей казацкихъ. Но когда они были разбиты, то Булавинъ застрѣлилъ себя изъ пистолета, а Некрасовъ убѣжалъ на р. Кубань, гдѣ принялъ подданство крымскаго хана, основавъ съ своими сообщниками три селенія. ⁽⁵⁾ *Флоръ Минаевъ* пользовался особенными милостіями Петра Великаго. Онъ долго жилъ въ столицѣ и перенесъ роскошь русскихъ вельможъ на родную почву. При немъ прекратились прежніе набѣги казаковъ, и ихъ исключительная военная жизнь нашла себѣ исходъ въ мирныхъ занятіяхъ: земледѣліи, скотоводствѣ, рыболовствѣ и торговлѣ. ⁽⁶⁾ Атаманъ *Краснощекоевъ* прославился необыкновенною храбростію и мужествомъ во время войны съ Швеціей (съ 1741 по 1743 г.). ⁽⁷⁾ *Степанъ Ефремовъ* былъ атаманомъ казаковъ при императрицѣ Екатеринѣ II. Онъ былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость въ Петербургѣ за недоставленіе отчетовъ въ израсходованіи суммъ и за сношенія, какъ полагали, съ крымскимъ ханомъ. ⁽⁸⁾ *Иловайскій*, съ своими вѣрными казаками, много содѣйствовалъ къ усмиренію Пугачева ⁽⁹⁾. Атаманъ *Платовъ* прославился, вѣселись съ казаками, своими подвигами въ отечественную войну 1812 г. Одного церковнаго серебра было отнято у французовъ до 60 п.; изъ него были вылиты иконостасы въ Казанскомъ соборѣ, который, какъ извѣстно, сооруженъ въ воспоминаніе изгнанія французовъ изъ Россіи.

только 50 учащихся, изъ 296,000 помѣщичьихъ крестьянъ было только 7 учащихся. Такимъ образомъ выходитъ, что образованіе въ землѣ Войска Донскаго еще вовсе не проникло въ низшіе слои общества; число учебныхъ заведеній весьма недостаточно; женскія учебныя заведенія существуютъ только для одного дворянскаго сословія. Образованіе, находясь въ такомъ упадкѣ, имѣло гибельное вліяніе на всѣ отрасли промышленности и общественной дѣятельности; невѣжество причиною того, что казаки непріязненно смотрятъ на всякаго русскаго иностраннаго. Они крѣпко стоятъ за право казаковъ—не переходить въ другія сословія государства. (*) Вслѣдствіе той же необразованности, должности, требовавшія специальныхъ знаній, наполнялись большею частью лицами; не принадлежавшими къ войсковому сословію, что, въ свою очередь, раздражало донцовъ и поселяло съ ихъ стороны еще болѣшую непріязнь къ иногороднымъ. Но съ 1860 г., между донцами, какъ и вездѣ въ Россіи, проявилось особенное стремленіе къ просвѣщенію. Такъ войсковое начальство, съ разрѣшенія правительства, стало заводить теперь мужскія и женскія училища во всѣхъ станицахъ. Многіе казаки, независимо отъ вакансій, поступили на свой счетъ въ университеты: Московскій и Петербургскій. Го-

---

(*) Вообще между казаками въ послѣднее время явилось разногласіе, въ особенности по поводу двухъ вопросовъ: *пріема иногородныхъ, какъ гражданъ войска донскаго* и *измѣненія войсковой повинности казаковъ*. Одни считаютъ необходимымъ пріемъ иногородныхъ, полагая, что эти послѣдніе могли бы своими капиталами разработать тѣ дары природы, которые въ землѣ донскихъ казаковъ остаются столько времени не тронутыми, какъ отъ недостатка рукъ, занятыхъ военною службою, такъ и отъ бѣдности въ капиталахъ по слабому развитію промышленности. Вместе съ тѣмъ они полагаютъ, что можно бы уменьшить срокъ службы казакамъ, оставляя имъ при этомъ по 30 десятинъ земли, и дозволить имъ служить и не служить, отказывая въ послѣднемъ случаѣ въ правѣ бесплатно пользоваться землею и другими удовольствіями. Другіе, напротивъ, истые приверженцы старины, желаютъ оставить все по-прежнему. Они говорятъ, во-первыхъ, что съ измѣненіемъ службы падетъ и самое казачество, а во-вторыхъ, пріемъ иногородныхъ будетъ вреденъ въ томъ отношеніи, что они разберутъ земли по клочкамъ, а населеніе, вслѣдствіе этого, обѣднѣетъ, и въ донской землѣ, славной своими удовольствіями, появится пожалуй, пролетаріатъ. (°)

(°) Пролетаріатъ—такое состояніе страны, во время котораго образуется множество людей не имѣющихъ ни какого состоянія и не находящихъ ни какой для себя работы. Пролетарій—бѣдный, празднишатающійся, бѣдный, безъ всякаго дѣла человекъ.

родъ Новочеркасскъ сталъ выписывать большее число журналовъ; при окружныхъ училищахъ заведены частныя библіотеки; въ мѣстной газетѣ (Донскія Войсковыя Вѣдомости) стали появляться статьи, относящіяся до описанія станицъ, исторіи общественной жизни края, и даже въ другихъ періодическихъ изданіяхъ заявляются мнѣнія донскихъ жителей, тогда какъ въ продолженіе послѣдняго полустолѣтія не насчиталось въ періодическихъ изданіяхъ и 20-ти статей, принадлежавшихъ литераторамъ этого края. Такимъ образомъ, теперь наступила новая эпоха жизни для донцовъ: двери просвѣщенія открыты для всѣхъ желающихъ, а съ развитіемъ просвѣщенія легче будетъ воспользоваться тѣми дарами природы, которые столько времени лежали подъ спудомъ.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о занятіяхъ донскихъ казаковъ.

Занятія ихъ тѣсно связаны съ историческими и географическими условіями страны. До XVIII столѣтія земледѣліе находилось въ большемъ презрѣніи. Войсковое направленіе казаковъ не могло терпѣть въ донской землѣ мирныхъ занятій хлѣбопашца. Даже въ 1690 г., когда войсковою кругъ узналъ, что по р. Хопру и Медвѣдицѣ сѣютъ хлѣбъ, то послалъ по всѣмъ городкамъ грамоты, чтобы «никто земли не пахалъ и хлѣба не сѣялъ, а если станутъ пахать, и того бить до смерти и грабить.» Но императоръ Петръ I, усмиривъ бунтъ Булавина и Некрасова и запретивъ казакамъ воевать безъ его позволенія, сталъ требовать, чтобы казаки занимались земледѣліемъ. Съ этого времени земледѣліе стало входить мало-по-малу въ хозяйство казаковъ; но еще и до сихъ поръ оно составляетъ второстепенное занятіе казаковъ: обрабатываютъ поля стариннымъ малороссійскимъ плугомъ; не всѣ имѣютъ и плуги, сѣютъ только для своего обихода, рѣдко для продажи и то преимущественно пшеницу. Огородъ при домѣ и бахчи въ степи составляютъ также необходимую принадлежность хозяйства каждаго казака. Вмѣстѣ съ земледѣліемъ Петръ Великій положилъ начало винодѣлію, повелѣвъ въ Раздорской станицѣ посадить нѣсколько виноградныхъ лозъ; онъ же первый указалъ на най-

денный въ донскомъ краѣ каменный уголь, какъ на будущее сокровище донскихъ казаковъ.

Во время войнъ съ татарами, главная добыча козаковъ, кромѣ плѣнныхъ, состояла изъ скота, для прокормленія котораго, равно какъ и для содержанія своихъ лошадей, казакамъ было необходимо заготовлять сѣно, на что безконечныя степи донскаго края предлагали всегда обильный кормъ. Такимъ образомъ скотоводство является у казаковъ, съ одной стороны, какъ необходимое слѣдствіе борьбы ихъ съ татарами, а съ другой, какъ усилія природы ихъ страны. Оттого и до настоящаго времени скотоводство самое любимое занятіе казаковъ; отъ продажи скота казаки получаютъ чистый доходъ; но для молочныхъ производствъ они скота не содержатъ. У казаковъ есть хорошія породы рогатаго скота и табуны лошадей, но овцеводство въ упадкѣ.

Донъ всегда изобилуетъ рыбою, идущею изъ Азовскаго моря, и донцы, строгіе въ соблюденіи постовъ, издавна занимаются рыболовствомъ.

Удачныя экспедиціи на берега Анатолиі и европейской Турціи оканчивались пріобрѣтеніемъ огромной добычи изъ различныхъ азіатскихъ товаровъ, которые позволялось казакамъ безпошлинно привозить въ русскіе города. Къ тому же, и русскіе промышленники постоянно наводняли старочеркасскій рынокъ, гдѣ всегда могли за безцѣнокъ купить шерсть, сало, рыбу, звѣриныя шкуры, отбитые турецкіе товары и пр. Въ замѣнъ этого русскіе купцы привозили казакамъ вино, одежду, оружіе, порохъ и свинецъ или платили за все чистыми деньгами. Такимъ образомъ, въ прежнія времена торговля между казаками была распространена довольно сильно; но впослѣдствіи, когда всѣ безъ исключенія казаки обязаны были очередною службою, торговля стала упадать, потому что въ очередь на службу торгующій казакъ долженъ былъ по необходимости оставить свою торговлю. Чтобы поддержать торговлю въ средѣ самыхъ казаковъ, правительство разрѣшило имъ составить торговое общество, которое состоитъ теперь изъ 1,000 казаковъ. Въ это общество могутъ поступить только тѣ казаки, которые имѣютъ собствен-

наго капитала не менѣе 1,500 р.; за право торговли они платятъ въ войсковую казну около 60 р., но за то освобождаются отъ службы. Внутренняя торговля въ землѣ войска донскаго сосредоточивается, кромѣ Новочеркаска, на ярмаркахъ, которыхъ во всей землѣ ококо 90. Главнѣйшія изъ нихъ Урюпинская, на которую привозится товаровъ на 5¹/₂ м., а продается на 3 м. слишкомъ.

Итакъ, мы видимъ, что скотоводство, рыболовство и торговля—самые древнѣйшіе и важнѣйшіе промыслы казаковъ; къ нимъ со временемъ присоединились земледѣліе и винодѣліе, а въ недавнее время — добываніе соли и каменнаго угля. Фабрикъ въ землѣ донскаго войска нѣтъ; изъ заводовъ существуютъ только салотопенные, кожевенные, кирпичные и винокуренные.

16. П л а с т у н ы .

(Черномор. казаки, Попки. Поездка къ берегамъ Азовскаго моря, Филиппова.)

Черноморцы — прямые потомки славныхъ запорожцевъ, сохранившіе вполне малороссійскую народность. Это объясняется и ихъ происхожденіемъ, и языкомъ, и вѣрою, и характеромъ.

Въ 1775 году, тотчасъ послѣ усмиренія бунта въ яицкомъ войскѣ (*), положенъ конецъ существованію Запорожской сѣчи, на Днѣпрѣ. На требованіе правительства сложить оружіе, часть запорожцевъ отвѣчала непослушаніемъ и бѣжала на лодкахъ внизъ по Днѣпру искать службы у султана. Большинство же покорилося приговору правительства и разошлось по ближайшимъ губерніямъ для приписки къ мирнымъ сословіямъ. Но когда началась новая турецкая война, то правительство опять обратилось къ бывшимъ запорожскимъ казакамъ съ призывомъ на службу по старому казачьему уряду, только не на старомъ мѣстѣ. Призывъ нашель огромное сочувствіе: разбросанные сѣче-

---

(*) Яицкіе казаки, происшедшіе отъ донскихъ, живутъ на р. Уралѣ, который встарину былъ извѣстенъ подъ именемъ Яика.

вики вскорѣ сформировали войско въ 12 тысячъ хорошо вооруженныхъ и снаряженныхъ казаковъ, которые во все продолженіе трехлѣтней турецкой войны служили съ обычнымъ своимъ мужествомъ и рвеніемъ. Съ окончаніемъ войны новое войско получило имя «вѣрнаго войска Черноморскаго,» было осыпано царскими милостями, напутствовано на свое кавказское новоселье грамотою и хлѣбомъ-солью отъ матери царицы и перебралось на Кубань окончательно въ 1792 году. На новое мѣсто прибыло около 20 тысячъ казаковъ—семейныхъ и безсемейныхъ. Къ этому коренному населенію впослѣдствіи присоединились малороссійскіе казаки изъ губерній Полтавской и Черниговской, горсть запоржцевъ, вышедшихъ изъ Турціи подъ именемъ буджакскихъ казаковъ, два поселка добровольныхъ выходцевъ изъ-за Кубани — черкесъ и татаръ и одна нѣмецкая колонія, такъ что въ настоящее время всѣхъ жителей Черноморья 185 тысячъ человѣкъ обоого пола.

Но такъ какъ малороссійскіе казаки кровные родичи черноморцамъ, ибо бывшіе запорожцы набирались преимущественно изъ малороссовъ же, то всѣ эти ничтожныя приселенія не внесли никакой разноплеменности въ коренное населеніе, и въ настоящее время весь войсковой составъ черноморскаго народонаселенія носить одну фізіономію, запечатлѣнъ одною народностью—малороссійскою. Самые инородцы, черкесы и татары, почти оказались.

Черноморцы говорятъ малороссійскимъ языкомъ, хорошо сохранившимся. На столько же сохранились, подъ ихъ военною кавказскою оболочкою, черты малороссійской народности въ нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, въ быту домашнемъ и общественномъ. Напѣвъ на клиросѣ, веснянка на улицѣ, щедрованье подъ окномъ, женихованье на вечерницахъ, и выбѣленный уголь хаты, и гребля съ зелеными вербами, и волъ въ ярмѣ, и конь подъ сѣдломъ—все напоминаетъ вамъ гетманскую Украину Наливайки и Хмѣльницкаго, про подвиги которыхъ до сихъ поръ поютъ Черноморцы.

За исключеніемъ небольшого числа инородцевъ, всѣ черноморцы исповѣдуютъ греко-россійскую вѣру, за неприкосновен-

ность которой ихъ прадѣды проливали потоки крови въ борьбѣ съ нетерпимостью польскаго католичества. Расколовъ нѣтъ. Жертвующая преданность народа къ церкви безпредѣльна. Не бываетъ наслѣдства самаго скромнаго, изъ котораго бы какая-нибудь часть не поступила на церковь. Въ этомъ отношеніи черноморцы остаются вѣрны святому обычаю своихъ предковъ: отъ всѣхъ пріобрѣтеній меча и весла приносить лучшую часть храму Божию.

На новомъ мѣстѣ казаки сначала сохранили свое устройство; но въ послѣдствіи черноморское войско получило гражданско-военное управленіе, подобное другимъ казакамъ — донскимъ, уральскимъ и др.

За владѣніе землею и рыбными ловлями черноморскіе казаки обязаны прослужить въ военной службѣ 25 лѣтъ, но такимъ образомъ, что одинъ годъ они заняты службой, а другой годъ находятся на льготѣ для занятій по своему хозяйству. Военныя ихъ обязанности состоятъ въ содержаніи Кубанской кордонной линіи, въ возведеніи и охраненіи полевыхъ укрѣпленій, которыя строятся впереди ея на земляхъ непокоренныхъ горцевъ, (*) въ ближайшемъ участіи покоренія горцевъ. Сверхъ того, во время внѣшнихъ войнъ черноморцы должны поставлять извѣстное количество войска. Кордонная линія, во-первыхъ, защищаетъ край отъ набѣговъ горцевъ, а во-вторыхъ, служить средствомъ для наступательныхъ военныхъ дѣйствій противъ тѣхъ же горцевъ. Черноморская кордонная линія—не что иное, какъ продолженіе и окончаніе праваго крыла Кавказской линіи, идущей по берегу р. Терека и занимаемой терскими казками. Она тянется по извилистому теченію Кубани на протяженіи 260 верстъ цѣпью укрѣпленныхъ постовъ, баттарей и пикетовъ, которыхъ насчитывается до 150. Постъ и баттарей есть четыре-угольный редутъ (**) съ землянымъ брустверомъ (***) и небольшимъ рвомъ. Посты и баттарей воору-

(*) Такъ какъ весь Кавказъ теперь окончательно покоренъ, то обязанности черноморскихъ казаковъ, вѣроятно, измѣнятся.

(**) *Редутъ*—лат. сл.—небольшое четыре-угольное укрѣпленіе.

(***) *Брустверъ*—земляной валъ для прикрытія защитниковъ крѣпости отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

жены старой разнокалиберной артиллеріей. Смотря по бѣльшей или мѣньшей опасности, постъ вмѣщаетъ въ себѣ отъ 50 до 200, а батарея отъ 8 до 25 казаковъ. Пикетъ устроенъ проще. Онъ состоитъ изъ укрѣпленія, обнесеннаго высокою плетневою изгородью. Изгородь опоясываетъ мелкій и узкій ровъ. Въ пикетѣ живетъ отъ 3 до 10 казаковъ. На посту дымится труба хаты; пикетъ же не представляетъ другаго пріюта, кромѣ шалаша. Посреди шалаша разложенъ огонекъ, а возлѣ растянулся котъ. Казакъ дѣлитъ сухарь и время съ котомъ въ этомъ глухомъ, угрюмомъ, передовомъ шалашѣ. Вернувшись изъ поиска, казакъ подсядетъ къ огоньку сушиться: его чело хмурится, его усь топорщится, на душѣ тяжело, въ головѣ смутно. Подойдетъ на цыпочкахъ котикъ и умильно установитъ на него свои сѣрые глазки. Казакъ его оттолкнетъ. Котикъ подойдетъ въ другой разъ. Казакъ его погладитъ и нѣжно подергаетъ за жидкій усь. Тогда котъ повиляетъ ему дружелюбно хвостомъ и помурлычитъ воспоминаніе о своей бабушкѣ, съ которой играютъ гдѣ-то казачата. И вотъ морщины слетѣли съ чела, усь прилегло, отъ сердца отошло и на душѣ казака стало опять свѣтло.

Необходимая принадлежность каждаго укрѣпленія *вышка* и *фигура*. Вышка — это наблюдательная каланча, устроенная на четырехъ тонкихъ бревнахъ, надъ каждымъ укрѣпленіемъ; а фигура или вѣха — высокая жердь; обмотанная пенькой и сѣномъ или соломой, иногда съ смоляной кадкой наверху. Фигура врыта въ землю въ нѣкоторомъ разстояніи отъ укрѣпленія.

Когда сторожевой увидитъ съ вышки непріятеля, то поднимаетъ наверхъ шары, вѣтеръ ихъ качаетъ, и они *маячатъ* на тревогу. Если случается, что непріятель прорветъ кордонный оплотъ ночью, то вѣхи, какъ огромные факелы, воспламеняются и проливаютъ багровый свѣтъ по берегу. Учащенные выстрѣлы, — казацкіе, растянутые, какъ ударъ длиннаго хлыста, и черкесскіе, сжатые, какъ лускъ раскушеннаго орѣха, — и крикъ,

и топотъ, и ревъ переполошенной *баранты* (*) далеко отдаются по рѣкѣ, и тревога тормошитъ линію.

Кромѣ постоянныхъ наблюденій очередные конные казаки должны ночью дѣлать постоянные разъѣзды. Разъѣздныя стежки прокладываются по мѣстамъ скрытнымъ, нерѣдко закрытымъ наглухо кустарникомъ и камышами. Разъѣзды часто мѣняють изъ опасенія сдѣлаться жертвою непріятельской засады. При ожидаемомъ нападеніи разъѣзды повторяются до 6-ти разъ въ ночь. Когда горцамъ захочется схватить разъѣздъ, они выбираютъ для того темную ночь и устроятъ на стежкѣ засаду въ трехъ различныхъ мѣстахъ. Средняя засада, перекинувъ черезъ стежку арканъ, либо лозу дикаго виноградника, устроиваетъ такимъ образомъ барьеръ по грудь коню. Съ какой бы стороны разъѣздъ ни слѣдовалъ, крайняя засада пропускаетъ его, и, вслѣдъ затѣмъ, гикнувъ ему въ тылъ, нагоняетъ его на барьеръ, гдѣ конь и всадникъ падаютъ и дѣлаются добычею средней засады. У казаковъ, разумѣется, своя сноровка противъ такихъ ухищреній. Во-первыхъ, разъѣздные не ѣдутъ вмѣстѣ, а тянутся гуськомъ; а во-вторыхъ, бывало, и казакъ, какъ только услышитъ подирающій по кожѣ гикъ позади себя, вмгъ смекнетъ, что непріятель хитритъ, козни строить, и потому устремить онъ своего надежнаго коня не прямо впередъ себя, а въ бокъ. Пробился конь черезъ «хмеречу» чащу и черезъ болото — исполать ему: онъ добрый конь, настоящій казакій конь, ни продать, ни подарить его, а застрѣлъ, — такъ долой съ него, тамъ онъ и оставайся, хоть бы пѣшему добратся какъ-нибудь до поста.

Между черноморскими казаками славятся своими подвигами такъ называемые *пластуны* (**) въ родѣ стрѣлковъ-развѣдчиковъ, мужественныхъ, неусыпныхъ, которыхъ могли вызвать и воспитать только извѣстная мѣстность и извѣстные военныя обстоятельства, а потому они заслуживаютъ того, чтобы имъ посвятить нѣсколько строкъ.

(*) Баранта—стадо овецъ.

(**) Слово *пластунъ* происходитъ, вѣроятно, отъ слова ползать.

Пластунъ,—это дюжий, валкій на ходу казакъ; тяжелый на подъемъ и неустомимый послѣ подъема; при хотѣннѣ—бѣгущій на гору, при нехотѣннѣ—еле плетущійся подъ гору; ничего не общающій внѣ дѣла и удивляющій неистощимымъ запасомъ и разнообразіемъ своихъ воинскихъ хитростей въ дѣлѣ. Угрюмый взглядъ и навощенный кверху вздернутый усъ придаютъ лицу пластуна выраженіе стойкости и неустрашимости. Пластуны одѣваются какъ черкесы, и притомъ, какъ самые бѣдные черкесы. Это оттого, что каждый поискъ по тѣснинамъ и трущобамъ сильно портитъ ихъ платье. Черкеска отрепанная, покрытая разноцвѣтными, нерѣдко кожаными заплатами; папахъ вытертая, порыжѣлая, но заломленная на затылокъ, въ удостовѣреніе беззаботной отваги; черевики изъ кожи дикаго кабана, щетиною наружу—вотъ обыкновенное убранство пластуна. Прибавьте къ этому: сухарную суму за плечами, добрый штуцеръ въ рукахъ и за поясомъ пороховница, кулечница, отвертка, жирникъ, шило изъ рога дикаго козла, иногда котелокъ, иногда балалайка, иногда скрипка—и вы составите себѣ полное понятіе о походной наружности пластуна, какъ она есть. Загорѣлое лицо и тѣло пластуна искусано, изѣдено различными насѣкомыми, испарапано колючими растеніями, изранено въ борьбѣ съ черкесами и дикими кабанами.

Дѣло пластуновъ — кочевать непрерывно по обоимъ берегамъ Кубани, въ лабиринтѣ плавней, открывать неизвѣстныя тропинки въ болотахъ и броды въ рѣкѣ, класть и повѣрять примѣты на всѣхъ проходахъ, схватывать слѣды, залегать живымъ капканомъ. На нихъ падаетъ первое взысканіе за неподмѣченный издали, невозвѣщенный въ пору палеть горцевъ. Они держатся въ самыхъ передовыхъ, оторванныхъ отъ главной черты широкими излучинами Кубани, притонахъ, «баттарейхъ.» Каждая баттарей имѣетъ трехъ-фунтовую сигнальную пущку, изъ которой пластуны палятъ «на гасло,» на тревогу, когда непріятель наступаетъ слишкомъ близко и въ большихъ, открытыхъ силахъ.

Пластуны пускаются въ свои трудные поиски мелкими партіями отъ 3 до 10 человѣкъ. Искусство пользоваться мѣст-

ностью по-своему, чуткость, зоркій глазъ, выстрѣль безъ промаху замѣняютъ имъ численную силу. Пластунъ скорѣе теряетъ жизнь, чѣмъ свободу; а если въ недобрую минуту и попадется онъ въ желѣзный ошейникъ хеджрета (горца,) то скоро изъ него вырвется — выкрутится. Чтобъ не предложено было ему работать въ плѣну, у него одинъ отвѣтъ—не умѣю, а на умѣ одна мысль—уйти! Скоро-ли или нескоро приберетъ онъ самый неупотребительный способъ выпутаться изъ цѣпи или изъ колоды, выкарабкается въ трубу очага и все-таки убѣжитъ въ свою кубанскую плавню.

А какое добро въ плавнѣ?

Въ весеннюю и лѣтнюю пору тамъ полно комара и мошки. Надъ проходящимъ или сидящимъ человѣкомъ эти кровожадныя насѣкомыя, жалащія какъ крапива, сгущаются въ облако пыли, крутимой вихремъ, и ихъ усиленное гудѣнье дастъ замѣтить сторожскому горцу, гдѣ приготовлена ему засада. Зима приноситъ пластунамъ неодолимыя трудности. Тогда ихъ скрытныя пути погребены подъ сугробами снѣга, тогда ихъ походы оставляютъ по слѣду глубокіе отпечатки, которыхъ ничѣмъ не заметишь; тогда обнаженные камышъ и кустарникъ ихъ не укрываютъ, и конный хеджретъ набѣгаетъ на нихъ—ни оттуда, ни отсюда. Однако, суровые питомцы боевыхъ невзгодъ, и въ зимнюю вьюгу, и въ лѣтній туманъ идутъ бодро и терпѣливо навстрѣчу опасности, проводятъ въ своихъ отважныхъ похожденияхъ цѣлыя сутки сряду, чутко стерегутъ приближеніе врага, и первые встрѣчаютъ его своими мѣткими выстрѣлами, и первые приносятъ на посты вѣсти о «неблагополучіи.» Были примѣры, что пять-шесть дружныхъ пластуновъ, настигаемыхъ многолюдной погоней, въ первой, попавшейся имъ навстрѣчу, чащѣ камыша, осоки, можжевельника, оборачивались, разомъ прицѣливались въ противниковъ и, не открывая огня, присѣдали, кому за что пришлось. Этотъ сильный и рѣшительный оборотъ останавливалъ преслѣдующихъ. Они вдавались въ опасеніе засады, начинали осматриваться на всѣ стороны и открывать медленный, рассчитанный огонь, на который однакожъ казаки не посылали отвѣта. Ободренные этимъ молчаніемъ,

горцы принимали движеніе въ обходъ, или бросались напрямикъ въ пашки съ обычнымъ крикомъ. Но отъ страшнаго, какъ и отъ великаго, одинъ шагъ до смѣшнаго. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ казаки присѣли, горцы находили только шапки и башлыки, надѣтые на сломленный камышъ. Пластуны уже исчезли, какъ привидѣніе, и горцамъ осталось только повторить часто употребляемое восклицаніе: «шайтанъ гяуръ!»

Когда по линіи смирно, а это обыкновенно бываетъ во время полевыхъ работъ, пластуны обращаютъ свои поиски въ охоту за дикимъ кабаномъ, козою, оленемъ, и такимъ образомъ непрерывно держатъ себя въ опытахъ своего труднаго назначенія. Охота за кабаномъ требуетъ не меньшей осмотрительности. Дикій кабанъ кубанскихъ плавней при нападеніи охотника очень страшенъ: глаза кабана, маленькіе и выразительные, горятъ гнѣвомъ, уши ходятъ ходенемъ, углы рта пѣняются, длинная щетина на хребтѣ встаетъ дыбомъ, и весь видъ животнаго по истинѣ ужасенъ.

Два пластуна, отецъ и сынъ, залегли ночью на кабаньемъ слѣду въ плавнѣ. Только разсвѣло, слышались имъ пыхтѣнье и хрустъ; огромный черный кабанъ ведетъ свою семью къ водопою. Пластуны произвели легкій шорохъ, кабанъ пасторожилъ уши и сталъ, какъ вкопанный. Отецъ предоставилъ себѣ честь перваго выстрѣла,—выстрѣлилъ, и поранилъ, но не повалилъ кабана—не угодилъ старина ни въ лобъ, ни подъ лопатку. Кабанъ сдѣлалъ было яростный прыжокъ впередъ, но, ощутивъ рану, тоже повернулъ назадъ и покати́лъ вслѣдъ за своимъ стадомъ. Отецъ продулъ ружье и сталъ заряжать, ворча, — успѣлъ-де понавѣдаться дурной глазъ, начинается моя *литовка* *легчить*..... А сынъ со всѣхъ ногъ махнулъ за раненымъ звѣремъ, по горячему слѣду. Видитъ онъ кровавую струйку и слышитъ звучный трескъ очерета впереди себя, да никакъ не уловить глазомъ утекающаго звѣря, — слишкомъ густъ былъ очереть. Вдругъ что-то сзади толкнуло его въ ноги и больно, будто косою,хватило по обѣимъ икрамъ; повалился пластунъ навзничъ и очутился на спинѣ кабана. Тряхнулъ кабанъ спиной, махнулъ клыкомъ и располосовалъ пластуну черкеску съ

полушубкомъ отъ пояса до затылка. Еще одно мгновеніе, одинъ взмахъ клыка, и свирѣлое животное выпустило бы своей жертвѣ всѣ внутренности; но въ это бѣдовое мгновеніе раздался выстрѣлъ, пуля угодила въ кабанье рыло, и кабанъ съ разинутой пастью растянулся на мѣстѣ во всю свою трехъ-аршинную длину. «Ащо, хлопче, будешь теперъ знати, якъ гнатись да не оглядаться,» проговорилъ старый пластунъ, перевязывая сыну раны (обѣ икры бѣдняка были прохвачены до кости) и журуя его за неосмотрительность.

Природа мой букварь, а сердце мой учитель—говорить мудрецъ; пластунъ скажетъ: что плавня съ дикими ея жилыцами—его военная школа, а охота—учитель. И дѣйствительно, въ этой школѣ онъ приобрѣтаетъ первый и твердый навыкъ къ трудамъ, опасностямъ и самоотверженію, и изъ этой выучки выходитъ онъ такимъ совершеннымъ стрѣлкомъ, что бьетъ безъ промаху въ потьмахъ, не на глазъ—на слухъ. Примѣры подобного стрѣлцакаго совершенства между пластунами многочисленны, иногда даже печальны. Приходить иногда въ курень плачевная вѣсть, что въ темную ночь пластунъ ловко застрѣлилъ пластуна Илька на засадѣ, въ глухой плавнѣ, пустивъ пулю на хрустъ камыша.

Пластуны припимаютъ къ себѣ новыхъ товарищей по собственному выбору. Прежде всего требуютъ они, чтобы новичекъ былъ стрѣлокъ, затѣмъ, что на засадѣ, въ глуши, безъ надежды на помощь, одинъ потерянный выстрѣлъ можетъ повести дѣло на проигрышъ; потомъ требуютъ, чтобы онъ былъ неутомимый ходокъ—качество, необходимое для продолжительныхъ поисковъ, которымъ сопутствуютъ холодъ и голодъ, — и наконецъ имѣлъ бы онъ довольно хладнокровія и терпѣнія про тѣ случаи, когда надобность укажетъ, подъ носомъ превосходнаго непріятеля, пролежать въ камышѣ, кустарникѣ, травѣ нѣсколько часовъ, не изобличивъ своего присутствія ни однимъ неосторожнымъ движеніемъ, затаивъ дыханіе. Тотъ не годится «пластуновать,» кто не умѣетъ убрать за собою собственный слѣдъ, задушить шумъ своихъ шаговъ въ трескучемъ тростникѣ; кто не умѣетъ поймать слѣды противника и въ слѣдахъ его

прочитать направленный на линію ударъ. Перебравшись черезъ Кубань, пластунъ исчезаетъ. А когда по росистой травѣ или свѣжему снѣгу слѣдъ неотвязно тянется за нимъ, онъ заплутываетъ его: прыгаетъ на одной ногѣ и, повернувшись спиной къ цѣли своего поиска, идетъ пятами напередъ, «задукаетъ,» хитритъ, какъ старый заяцъ, и множествомъ извѣстныхъ ему способовъ отводить улику отъ своихъ переходовъ и притоновъ. Какъ оборотни сказокъ — что чуднодивно мѣняютъ свой ростъ, въ лѣсу вровень съ лѣсомъ, въ травѣ вровень съ травой,—пластуны, своими мелкими партіями, пробираются съ линіи, между жилищами непріязненныхъ горцевъ, къ нашимъ полевымъ закубанскимъ укрѣпленіямъ и оттуда на линію. Такимъ образомъ пластунъ вѣчно на поискахъ по окрестнымъ лѣсамъ и ущельямъ. Его услужливая бдительность предохраняетъ пастбища, рубки дровъ, сѣнокосы и огородныя работы при укрѣпленіяхъ, а тѣмъ болѣе и самыя укрѣпленія отъ нечаянныхъ нападеній.

Но и во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ боевой службы пластунъ вѣренъ своему назначенію. Въ походѣ онъ освѣщаетъ путь авангарду, или, въ цѣпи застрѣльщиковъ, изловчается и приманивается, какъ бы вѣрнѣе «присвѣтить» въ хвастливо гарцующаго наѣздника; или, наконецъ, бодрствуетъ въ отводномъ секретномъ караулѣ за сонъ знатнаго ночлега.

Г. Филипповъ, посѣтившій въ 1856 году Крымъ, много рассказываетъ о подвигахъ пластуновъ въ послѣднюю севастопольскую кампанію. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

Въ прошедшемъ 1855 году, когда отрядъ союзныхъ войскъ занялъ Фанагорію и укрѣпился въ ней, пластуны, находясь по обыкновенію на аванпостахъ передъ этой крѣпостцю, безпрестанно тревожили гарнизонъ, держали его въ напряженной бдительности, производили между нимъ тревоги и замѣшательства своими хитрыми выдумками.

Обыкновенно человекъ съ двадцать пластуновъ подкрадется ночью къ самой Фанагоріи, пробираясь версты за двѣ или за три ползкомъ на брюхѣ и локтяхъ, по колючему бурьяну черезъ непріятельскую передовую цѣпь и залягутъ подъ самыми

верками, иногда подъ самыми амбразурами, въ камышѣ и бурьянѣ, гдѣ и пролежать не шелохнувшись цѣлый день до слѣдующей ночи. Въ срединѣ ночи, какъ только все утихнетъ въ крѣпостцѣ и лагерѣ, объѣдутъ по цѣпи разѣзжіе, часовые предадутся дремотѣ, пластуны вдругъ, по условному свистку, выходятъ изъ своей засады и съ ужаснымъ крикомъ и стукомъ бросаются въ амбразуры. Испуганные часовые съ просонья стрѣляютъ, куда попало, другіе бѣгутъ въ лагерь съ криками: нападеніе! штурмъ! непріятель въ крѣпости! Бьютъ тревогу и весь лагерь подымается, и войска въ нѣсколько минутъ становятся подъ ружье. Тотчасъ открываютъ огонь изъ всѣхъ орудій и частый штурцанный огонь съ бруствера. Начинается трескотня ужаснѣйшая: ядра, гранаты, конгревовы ракеты и тысячи картечь и штурцанныхъ пуль взрываютъ только землю, подымая страшную пыль, и рвутъ немилосердно бурьянъ и камышъ, не находя для себя иной жертвы, потому что пластуны, произведя всю эту суматоху, приколовъ или сбивъ съ ногъ первыхъ попавшихся часовыхъ, ворвавшись въ ближайшій баракъ и схвативъ тамъ прямо съ постели оторопѣвшаго офицера, успѣвъ даже иногда заклепать одно или два орудія, тотчасъ бросаются обратно изъ крѣпости и прячутся за ближайшимъ пригоркомъ. При началѣ канонады они уже находятся въ этомъ убѣжищѣ внѣ всякой опасности, и спокойно любятъ отсюда произведеннымъ ими эффектомъ. Между тѣмъ, гарнизонъ, не получая отвѣта на свою канонаду и не видя непріятеля, мало-по-малу унимаетъ ее, но отправить отрядъ на поиски не рѣшается изъ опасенія засады, потому что не имѣетъ понятія ни о числѣ, ни о мѣстѣ пребыванія непріятеля, убѣжденный однакожъ въ его близости. Пользуясь этимъ временемъ недоразумѣнія гарнизона, пластуны успѣваютъ уйти далеко отъ крѣпости съ нѣсколькими плѣнными и какими-нибудь другими трофеями.

Разъ какъ-то подобный подвигъ пластуновъ былъ совершенно особенно удаьски и блистательно. Пластуны, возвратившись изъ крѣпости, приводятъ двоихъ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ.

Атаманъ, расхваливая и лаская пластуновъ за ихъ отваж-

ность, сказали имъ между прочимъ въ шутку, что они все приводятъ къ нему синіе мундиры, а ему хотѣлось бы имѣть и красныхъ, разумѣя подъ этимъ англичанъ.

Человѣкъ пять пластуновъ отправились, по обыкновенію, на поиски и пропадали, кажется четверо сутокъ. Они версты двѣ или три проползли на брюхѣ между колючимъ бурьяномъ, безпрестанно останавливаясь и притаивая дыханіе, когда проползали сквозъ передовую цѣпь и когда приходилъ близко къ нимъ кто-нибудь изъ непріятельскаго отряда. Днемъ они залегали въ гущѣ бурьяна и лежали тамъ, какъ убитые до вечера; ночью опять продолжали путь. Такимъ образомъ, имъ уже на вторыя сутки удалось пробраться въ самый непріятельскій лагерь, гдѣ они и притаились въ густомъ и высокомъ бурьянѣ, рѣшившись здѣсь выждать желаемой добычи. Можно себѣ представить, въ какомъ видѣ они добрались туда: все платье изорвано въ клочки, лице и руки исцарапаны и изъѣдены комарами; притомъ, проведя двое сутокъ почти вовсе безъ пищи и воды, довольствуясь во все это время только коркой хлѣба, сбереженной въ карманѣ. Въ своей засадѣ пластуны пробыли еще два дня. Много въ это время проходило около нихъ непріятельскихъ солдатъ и офицеровъ, но они никого не трогали, потому что цѣль ихъ была захватить людей именно въ красныхъ мундирахъ, а тѣ все были въ мундирахъ другаго цвѣта, хотя, вѣроятно, многіе изъ проходившихъ были англичане. Наконецъ, уже на вторыя сутки подъ-вечеръ подошли къ самому тому мѣсту, гдѣ лежали пластуны, двое англичанъ въ красныхъ мундирахъ, неосторожно прогуливавшіеся между бурьяномъ. Казаки, какъ дикія кошки, бросились на нихъ изъ засады и въ одно мгновеніе, не давъ имъ времени взяться за оружіе и даже закричать, сбили ихъ съ ногъ, заткнули рты затычками изъ смятой травы, связали по рукамъ и ногамъ и исколотили до того, что несчастные англичане совершенно лишились возможности подать голосъ. Можно себѣ представить, какая требовалась осторожность и какихъ усилій стоило казакамъ протащить плѣнниковъ ползкомъ, на трехверстное разстояніе, вблизи непріятельскаго лагеря, при непрерывной опасности отъ встрѣчи съ патрулями, аванпо-

стами и проч.; малѣйшій стонъ плѣнниковъ могъ всѣхъ ихъ обнаружить и самихъ подвергнуть плѣну или смерти.

Не заставъ атамана дома, пластуны отправились къ нему съ своими плѣнниками въ войсковое правленіе и представились изумленному атаману, какъ были, т. е. багровые отъ царапинъ и комаровъ и покрытые грязью и лохмотьями. Они просто-душно объявили ему все дѣло въ короткихъ словахъ на своемъ грубомъ запорожскомъ нарѣчій.

— Ваше превосходительство приказали, якъ мы захватили синихъ, щобъ мы достали тежъ и красныхъ..... О-тожь-оть се красные.....

Одинъ пластунъ получилъ до тридцати ранъ отъ пуль и штыковъ. Всякій другой не выжилъ бы и одного дня послѣ такого изуродованья, но закаленная натура пластуна выдержала тяжкую болѣзнь, такъ что педѣль черезъ шесть пластунъ уже сталъ совсѣмъ поправляться; отбросилъ басурманское леченіе и діету, сталъ ѣсть, какъ слѣдуетъ казаку: борщъ и галушки; когда оттого повеселѣлъ и сдѣлался словоохотливъ, онъ рассказывалъ о своихъ походахъ въ Севастополѣ, о вылазкахъ, въ которыхъ онъ много разъ участвовалъ.

— Якъ, каже, ускочишь до траншеи, то заразь и берешься до охфицера, бо у тихъ у солдативъ ни часивъ, ни грошей, ни чого нима, а у охфицера все э.

— А то, бувало, каже, якъ піймаешь татаривъ, что гонять скотину до хфранцуза, то, каже, або повисимо, або убьемо, а писля, каже, перестали и бить! тилько привяжемъ до дерева, та гирло и перерижемъ, такъ соби вінъ и стоить.

На вопросъ о томъ, какъ онъ былъ раненъ, онъ говорилъ:

— Якъ, каже, вскочилъ до траншеи, то мене, каже, на штыкахъ и выперли вит-тыля.

17. КАЗАКЪ-ХУТОРЯНИНЪ.

(Оттуда же.)

Пробывъ нѣсколько дней въ Екатеринодарѣ, я отпрявился въ путь, съ намѣреніемъ посѣтить прежде всего Ачуевъ, глав-

ное мѣсто рыбной ловли въ Черноморьѣ. На всемъ этомъ пространствѣ, непрерывная и совершенно ровная степь, покрытая бурьяномъ, сухія и колючія травы котораго, перемежающіяся съ камышемъ, такъ характеризуютъ степь Черноморья. Среди этой однообразной степи виднѣются кое-гдѣ хутора, выглядывающіе изъ-за бурьяна, или встрѣчаются возлѣ самой дороги. Эти одинокіе разсѣянные хутора обыкновенно принадлежать войсковымъ чиновникамъ, т. е. офицерамъ. Простые же и малодостаточные казаки обыкновенно живутъ въ куреняхъ или станицахъ. Оттого съ приближеніемъ къ куреню, хутора все болѣе и болѣе сближаются другъ съ другомъ, а самая станица представляетъ довольно оригинальную смѣсь безъ всякаго порядка разсѣянныхъ хуторовъ, со всѣми ихъ принадлежностями, т. е. безчисленными стогами сѣна, бурьяна и камыша. Если хуторъ лежитъ близъ рыболовнаго лимана или рѣки, то возлѣ него непременно увидите вышку на четырехъ столбикахъ, покрытыхъ такимъ же камышемъ. Вышки эти предназначены для вяленья балыковъ. Между хуторами въ станицѣ нѣтъ определенныхъ улицъ и площадей: они раздѣлены совершенно неправильными пустопорожними пространствами, покрытыми то густымъ и колючимъ бурьяномъ, то непроходимой грязью. Въ иномъ мѣстѣ хаты сбиты въ кучу, а вдали отъ нихъ на юру стоятъ одинокія хаты, открытыя со всѣхъ сторонъ. Хутора казаковъ и офицеровъ мало различаются между собою. Какъ офицеръ, такъ и простой казакъ, живетъ въ небольшой одноэтажной выбѣленной хатѣ, покрытой камышемъ или соломой. Если это жилище пана, то въ немъ будетъ оконъ очень много, вдвое больше противъ того, сколько нужно; если урядника, то при немъ будутъ «присѣнки», крылечко на двухъ столбикахъ въ родѣ козырька у фуражки. Новые присѣнки при старой хатѣ показываютъ, что шапка хозяина еще недавно украсилась урядничьимъ галуномъ. Если въ хатѣ порядокъ и довольство, то на дымовую трубу будетъ надѣтъ деревянный островерхій колпакъ, съ пѣтушкомъ, вмѣсто кисточки, поворачивающійся по вѣтру. Небольшой дворъ передъ хатою обнесенъ землянымъ или камышевымъ заборомъ. Большая часть двора занята огром-

ными стогами сѣна и бурьяна, запасеннаго на зиму, и правильными кучами кизяку. Подъ камышевымъ навѣсомъ одна или двѣ телѣги, да скудныя земледѣльческія орудія—малороссійскій неуклюжій плугъ, устройство котораго ничѣмъ не улучшилось со времени скифовъ, да грубо устроенная борона. Далѣе, за навѣсомъ и стогами, выкопано нѣсколько черпоземныхъ грядокъ, засаженныхъ капустой, стручковымъ перцемъ, да еще кое-какою зеленью, нѣсколько яблонь и грушъ или абрикосовыхъ деревъ довершаютъ незатѣйливое хозяйство хуторянина. Тропинка, протоптанная въ густой травѣ, приводитъ къ старымъ дуплистымъ вербамъ, нависшимъ надъ илистой рѣчкой или прудомъ, полузаросшимъ камышемъ и пловучими листьями, въ которомъ, однакожъ, всегда найдется выдолбленный челнокъ и погруженные въ воду плетенныя сежи, потому что рыба—роскошь Черноморья, и ею изобилуютъ всѣ рѣчки, лиманы и пруды. Около двора, съ его крышами, стогами и вербами, составляющими тѣсную кучку посреди гладкой степи,—небольшой участокъ, занятый баштаномъ, на которомъ разстилаются по землѣ своими плетеобразными зелеными стеблями и широкими, какъ лапы, листьями арбузы, дыни, тыквы, кабoки, огурцы, и между ними возвышаются огромные подсолнечники съ растопыренными, какъ крылья, листьями. Другой участокъ занятъ посѣвомъ ржи и пшеницы. Далѣе, въ степи пасется нѣсколько быковъ да нѣсколько штукъ овецъ, принадлежащихъ тому же хуторянину.

Пользованье земель въ Черноморѣ до такой степени не устроено, что казаки довольно часто нуждаются въ землѣ, хотя земли тамъ очень много, потому что на каждого приходится почти по 35 десятинъ. Однакожъ, на дѣлѣ выходитъ не такъ. Иной хозяинъ владѣеть 5,000 десятинъ превосходной земли, а у другаго нѣтъ и 30 десятинъ земли средняго качества. Это происходитъ отъ того, что земля еще не размежевана, и каждый хозяинъ владѣеть тою землею, которою пользовались и считали своей собственностью его отецъ и дѣдъ, а тѣ приобрѣтали большое количество земли, большею частью, просто по праву сильного. И до сихъ поръ случается, что богатые землевла-

дѣльцы безнаказанно завладѣваютъ то полосою пашни, то сѣнокосомъ у бѣднаго хуторянина. Чтожъ ему остается дѣлать въ этомъ случаѣ? Судиться; но извѣстно, какъ долго тянутся у насъ тяжбы. Въ подобныхъ случаяхъ обиженный хуторянинъ старается самъ себя вознаградить. Запахалъ, на примѣръ, сосѣдъ у него полосу земли, онъ угоняетъ пару воловъ къ себѣ въ неволю или застрѣливаетъ его лошадь, которую поймалъ на своемъ выгонѣ. Хозяинъ убитой лошади, въ отмщеніе за то, воспользовавшись случаемъ, закидываетъ арканъ на копну сѣна на дворѣ у своего врага сосѣда и уволакиваетъ ее къ себѣ на дворъ, или же, повстрѣчавъ его самого въ степи, отбиваетъ у него, съ помощію своихъ людей, воловъ и повозку. Такая партизанская война, извѣстная у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ «захватнаго права», господствуетъ въ Черноморьѣ въ полной силѣ. Чтобы прекратить нескончаемыя тяжбы и захватное право, правительство еще въ 1842 г. рѣшилось приступить къ размежеванію земли, но до сихъ поръ еще это не кончено. По этому размежеванію каждый простой казакъ получить по 30, оберъ-офицеръ по 200, штабъ-офицеръ по 400 и генералъ 1,500 десятинъ. Очень понятно, что богатые землевладѣльцы страшно недовольны размежеваніемъ, между тѣмъ, какъ бѣдные ждуть его окончанія, какъ истиннаго блага.

Быть хуторяни чрезвычайно просто и оригиналенъ. При недостаткѣ и дороговизнѣ рабочихъ въ Черноморьѣ, часто приходится самому хозяину, хотя бы онъ былъ и полковникъ, одѣвшись въ простое, казачье платье, участвовать вмѣстѣ съ своими работниками во всѣхъ тяжелыхъ сельскихъ работахъ: косить бурьянъ и сѣно, пахать землю, сѣять, заготовлять на зиму кизякъ и проч. Часто случается, что заслуженный офицеръ надѣваетъ нагольный тулупъ, не забывъ впрочемъ навѣсить и орденъ на шею, и отправляется на работы въ телѣгѣ, самъ управляя волами. При такомъ образѣ жизни, естественно, что и нравы черноморцевъ должны быть особенные. Дѣятельность ихъ жизни раздѣляется на двѣ половины: на службу и занятія хозяйственныя, полевые. На службѣ они переносятъ, какъ мы видѣли выше, величайшіе труды, соединенные съ опас-

ностями и лишеніями. Служба ихъ состоитъ въ содержаніи кордоновъ на Кубани, въ мѣстности болотистой, заросшей густымъ и высокимъ камышемъ (въ плавняхъ,) посреди гнилыхъ испареній, производящихъ лихорадку. Офицеръ проводитъ по нѣскольку мѣсяцевъ сряду въ сообществѣ только небольшого отряда казаковъ, въ безпрестанныхъ поискахъ за черкесами, въ ночныхъ тревогахъ. Зимой онъ подвергается холоду, вьюгамъ, непроницаемымъ для глаза туманамъ; весной отдѣляется отъ всякаго живущаго міра, мѣсяца на два, непроходимыми топями; тогда даже и внутри поста грязь по-колѣно. Наступаетъ лѣто и съ нимъ неудобства своего рода: сильные жары, удушливо-влажная атмосфера, міриады комаровъ, которые язвятъ тѣло день и ночь, отъ которыхъ нужно носить маску на лицѣ, спать не иначе, какъ подъ пологомъ. Осенью опять топь, туманы, дожди и, наконецъ, злая лихорадка во всѣ времена года и преимущественно лѣтомъ. Прибавьте ко всему этому, что во все время пребыванія офицера нѣтъ для него никакого умственного занятія. Затѣмъ, лишь только кончается для него срокъ пребыванія на службѣ, онъ уже спѣшитъ скорѣе къ себѣ на хуторъ, къ семейству и хозяйству; приводить въ порядокъ въ своемъ сельскомъ быту то, что было упущено въ его отсутствіи. Вмѣстѣ съ минованіемъ для него срока кордонной службы, прекращается и жалованье, и потому онъ, по необходимости, долженъ обратить всю свою дѣятельность на то, чтобы извлечь возможные выгоды изъ своего хозяйства.

Въ такихъ періодическихъ занятіяхъ проходитъ жизнь черноморца, до истеченія 25-ти лѣтняго срока его службы, послѣ котораго онъ уже опредѣляется на службу гражданскую, т. е. дѣлается или станичнымъ атаманомъ, станичнымъ судьей, чиновникомъ войсковаго правленія и т. п.

Понятно, что при такомъ образѣ жизни черноморецъ не пріобрѣтаетъ общежительныхъ свойствъ; въ немъ не развивается ни любезность, ни склонность къ гостепріимству, ни особенная веселость характера. Но, въ замѣнъ того, онъ всегда важенъ, своеобразенъ, серіозенъ до угрюмости, значительно нелюдимъ, равнодушенъ ко всякаго рода невзгодамъ и случайностямъ, даже

до неподвижности; не смотря на то, онъ любить подчасъ поострить и подтрунить надъ ближнимъ, потому что подъ этой неподвижной и равнодушной внѣшностью скрывается много юмора, хитрости и тонкой наблюдательности. Въ своемъ частномъ образѣ онъ далекъ отъ европейскихъ цивилизованныхъ требованій и обычаевъ; такъ напримѣръ, отъ него нельзя ожидать большой деликатности въ обращеніи; черноморцы чуждаются русскихъ, которыхъ они считаютъ чуть не иностранцами, не очень-то жалуютъ и называютъ «москалями.» Надо черноморцу очень обжиться съ русскимъ и несомнѣнно убѣдиться въ его хорошихъ личныхъ качествахъ, чтобы побѣдить въ себѣ предубѣжденіе и полюбить его. Въ такомъ случаѣ, черноморецъ скажетъ о немъ: «Гарный человекъ» — и прибавитъ съ видомъ сожалѣнія «только же москаль.»

Не имѣя средствъ блеснуть разговоромъ, потому что черноморецъ, по большей части, не отличается образованіемъ, онъ заботится поддержать свое достоинство чиномъ и длиннымъ рядомъ орденовъ, украшающихъ его чекмень, орденовъ, которыми въ самомъ дѣлѣ можно похвалиться, потому что они достались ему за его невозмутимую храбрость и долговременную службу, соединенную съ непрерывными опасностями и тяжелыми лишеніями.

Простые казаки, по образу жизни и характеру, ничѣмъ не отличаются отъ офицеровъ, и хутора ихъ тоже обыкновенно ни чуть не хуже офицерскихъ. Въ станичныя должности, т. е. въ атаманы, судьи и проч., выбираются безразлично урядники, простые казаки и офицеры. Казаки вовсе не похожи на солдатъ регулярныхъ войскъ: въ нихъ нѣтъ той вытяжки, steepности въ движеніяхъ и того обезличенья, которыми такъ часто отличаются солдаты арміи; съ ними и говорить можно лицу облеченному чинами, не получая въ отвѣтъ однообразныхъ: «слушаю, ваше благородіе;» «никакъ нѣтъ, ваше благородіе.»

Но вообще земледѣліе у черноморцевъ занимаетъ второстепенное мѣсто; на первомъ же планѣ являются худобоводство, т. е. скотоводство, овцеводство и коневодство. Худобоводство

принадлежить преимущественно панскому сословию. Равнинныя пространства Черноморья разстилаются однимъ необъятнымъ пастбищемъ, гдѣ по всѣмъ направленіямъ движутся худобы рогатаго скота, овецъ и лошадей, родъ которыхъ переведенъ на Кубань съ Днѣпра, изъ Запорожья. Рогатый скотъ отличается крупнымъ ростомъ и дородствомъ, шерсть имѣетъ сивую и принадлежитъ къ извѣстной породѣ украинской или черкесской; овцы, молдавской породы, замѣчательны своей длинной, но жестковатой шерстью. При нѣкоторыхъ *отарахъ* имѣются по нѣскольку штукъ и тонкорунные *ыгаи*. Лошади составляютъ поколѣніе, конечно уже переродившееся, степныхъ запорожскихъ заводовъ. Масти ихъ преимущественно темныя. Черноморская лошадь имѣетъ шею плотную и короткую, голову большую, что отнимаетъ у ней статность; за то она крѣпко сложена, сильна, тверда на ногахъ, крайне переносчива, не разборчива въ кормѣ, чутка и понятлива; при всемъ томъ, однакожь, дика и своенравна и больше имѣетъ нужды въ уздѣ, чѣмъ въ шпорѣ. На это у казаковъ ведется поговорка: «кінску голову знайди, и ту зануздай.» Наконецъ лошадь черноморская, какъ и всѣ вообще лошади глубокихъ степей, недовѣрчива и пуглива. Послѣдній недостатокъ вселяютъ въ нее, съ самаго ранняго возраста, ночныя напеденія волковъ на табуны; но этотъ же недостатокъ, подавляя въ конѣ безпечность и сонливость, поддерживаетъ въ немъ чуткость и осторожность, что казаку больше всего и нужно.

Уходъ за худобами и табунами въ Черноморѣ самый плохой. Ихъ не укрываютъ отъ ненастья, имъ не оказываютъ никакихъ пособій, когда губить ихъ зараза. Круглый годъ скитаются они на подножномъ кормѣ и довольствуются сѣномъ только въ случаѣ сильныхъ морозовъ, глубокихъ снѣговъ и гололеда.

Рогатый скотъ и овцы выгоняются изъ Черноморья въ Воронежскую губернію, откуда большая часть ихъ, живьемъ или въ продуктахъ, идетъ въ обѣ столицы. Лошадей, за удовлетвореніемъ домашнихъ требованій въ конные полки и артиллерію, гоняютъ на ярмарки въ Ростовъ и Бердичевъ.

Послѣ скотоводства, рыболовство составляетъ одно изъ важнѣйшихъ занятій черноморцевъ. Морскія побережья, лиманы, рѣки и рѣчки Черноморья богаты самою разнообразною рыбою. Тамъ ловятся: осетры, севрюга, бѣлуга, сула (судакъ,) чабакъ (лещъ,) тарань, которая въ вяленомъ и копченомъ видѣ расходуется сотнями тысячъ по всему Черноморью и составляетъ запасъ здоровой пищи для косарей во время лѣтнихъ постовъ; сомъ, сельдь, кефаль, которой икра высоко цѣнится греками, камбала, тучный скатъ, дельфинъ и проч. Какъ около пастбищъ хищный звѣрь, такъ около рыболовныхъ водъ промышляетъ шумными стаями хищная птица: пеликанъ бакланъ, цапля, нырокъ и мартышка.

Чтобы составить себѣ понятіе о размѣрахъ рыболовства въ Черноморѣ, достаточно сказать, что тамъ существуетъ до 300 рыболовныхъ мѣстъ, называемыхъ *забродами*; до 200 рыболовныхъ заводовъ, 3,000 рыбаковъ, а на приготовленіе рыбы употребляется до 200,000 пудовъ соли въ годъ. Самый главный рыболовный заводъ Ачуевъ, находящійся при устьѣ сѣвернаго рукава Кубани. Ачуевскій рыболовный заводъ заключаетъ въ себѣ много строеній турлучныхъ и деревянныхъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое особое названіе, смотря по назначенію, и составляетъ необходимую принадлежность рыбнаго завода. Большой сарай, замѣняемый на иныхъ заводахъ простымъ павѣсомъ, называется *холодникомъ*. Въ немъ находятся *камняи* или *солила*, штукъ 10 или 12. Это большіе ящики, врытые въ землю и наполненные разсоломъ, гдѣ солится рыба. Другое строеніе на заводѣ — *соляникъ*, т. е. сарай для храненія соли. Третье строеніе — *горячникъ*, гдѣ готовятъ икру. Четвертое — амбаръ для храненія потребныхъ на заводѣ матеріаловъ, какъ-то: сѣти, бичевы, хлѣбъ, топоры, ломы, багры, буздуки — подвязныя подковы къ сапогамъ для твердой ходьбы по льду и проч. Пятое строеніе — *бондарня*, въ которомъ живутъ и работаютъ бондари. Бондари обыкновенно русскіе, и по большей части, рязанцы. Они набиваютъ обручи на бочки, нужныя въ большомъ количествѣ для отправки жира, икры и проч. Кромѣ означенныхъ строеній, тамъ есть еще хаты или казармы для

работниковъ, т. е. казаковъ-забродчиковъ, которыхъ въ Ачуевѣ во время весенняго лова бываетъ до 150 человѣкъ. Они спятъ на койкахъ, устроенныхъ на высокихъ подпоркахъ и закрытыхъ со всѣхъ сторонъ пологомъ отъ комаровъ.

Ловъ рыбы раздѣляется по числу годовыхъ временъ на четыре періода: «весняный,» съ ранней весны до мая; «меженный,» съ мая до сентября; «просольный,» съ сентября до замерзанія заливовъ и взморьевъ, и «подледный,» отъ замерзанія до вскрытія лиманныхъ и морскихъ водъ. Самый богатый ловъ весняный, когда бѣлая морская рыба въ несмѣтномъ количествѣ подходитъ къ берегамъ и въ устья рѣкъ для метанія икры. Самый бѣдный ловъ меженный. Въ осенній періодъ рыба бываетъ очень вкусна, оттого изъ нея приготовляются лучшіе балыки. Подледный ловъ самый трудный. Всѣ рыбопромышленныя воды принадлежатъ войсковой казнѣ и отдаются на откупъ за 82,000 руб. сер. въ годъ.

Промышленность и торговля между черноморцами вовсе не развиты. Даже сельскія ремесла отправляются русскими работниками. Изъ нихъ особенное вниманіе обращаютъ на себя телѣжники, колесники и бондари. Основавъ свои мастерскія преимущественно въ Екатеринодарѣ, они развозятъ свои произведенія цѣлыми обозами не только по всему Черноморью, но и по Ставропольской губерніи. Собственно же между казаками попадаютъ гончары и чумаки, но они не ѣздятъ далѣе Георгіевска и Ростова. Торговлею края заправляютъ армяне и странствующие ходебщики Ярославской и Владимірской губерній. Торговля сосредоточивается преимущественно на ярмаркахъ, которыхъ въ Черноморѣ считается до 30.

18. ТЮМЕНЕВКА.

(Изъ писемъ о путешествіи Государя Наслѣдника по Россіи.)

Верстъ за 100 не доѣзжая до Астрахани, на луговомъ берегу Волги показалась Тюменевка, владѣніе калмыцкаго нойона Церенъ-Джабъ-Тюменя, съ красивымъ ламайскимъ хуруломъ и

двухъ-этажнымъ деревяннымъ домоу владѣльца. Здѣсь постоянное жилище владѣльца, обсаженное деревьями и похожее во всемъ на загородный помѣщичій домъ со службами: всего считается тутъ до 300 человекъ жителей и болѣе 50 постоянныхъ кибитокъ. Умершій владѣлецъ, Тюмень, учился въ Казани, и поступилъ на службу въ Атаманскій казачій полкъ, имѣлъ нѣсколько орденовъ и дослужился до полковничьяго чина и до званія командира казачьяго полка. Онъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и владѣніе его состоитъ подъ опекой до совершеннолѣтія наслѣдниковъ. Въ Тюменевкѣ проживаетъ молодая вдова покойнаго, Эльзень Учэрала, дочь одного изъ владѣльцевъ Большедербетовскаго улуса, съ малолѣтнимъ сыномъ, записаннымъ въ Пажескій корпусъ, и съ своими родственницами, Эльзень-Чокъ, вдовою Церень-Нарбо, и съ другою вдовою Аюка-Ханова. На этотъ разъ здѣсь, кажется, не ждали посѣщенія Великаго Князя, и когда мы причалили къ пристани, хозяйки не были еще готовы. Мы вошли въ домъ, который совершенно напоминаетъ деревенскіе помѣщичьи дома: большія комнаты съ диванами, гостиная, обвѣшанная портретами генераловъ 1812 г., билліардная и кабинетъ хозяина со множествомъ оружія, которымъ увѣшана вся стѣна; на другой стѣнѣ портреты Государя Императора, Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника; въ числѣ украшеній на стѣнахъ мы замѣтили, въ особой рамкѣ за стекломъ, пригласительные билеты и объявленія о торжествахъ по случаю коронаціи 1856 года, когда покойный Тюмень былъ въ Москвѣ въ числѣ представителей калмыцкаго народа. Покойника очень хвалятъ: говорятъ, что онъ былъ человекъ веселаго нрава, гостепріимный, преданный правительству, и пользовался большимъ вліяніемъ на свой народъ въ Хошоутовскомъ улусѣ, въ которомъ былъ владѣльцемъ до 2,000 кибитокъ. Проживая въ Тюменевкѣ, онъ любилъ принимать у себя заѣзжихъ русскихъ людей и знатныхъ иностранцевъ, угощалъ ихъ здѣсь на европейскій ладъ и устраивалъ для нихъ калмыцкіе праздники. По смерти его, домъ его оставленъ вдовою въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ находился онъ при кончинѣ Тюменя, но въ домѣ никто уже не живетъ,

а вдова князя съ своими родственницами живетъ въ кибаткахъ, устроенныхъ по-калмыцки съ примѣсью европейскаго комфорта.

Молодая вдова Тюменя встрѣтила Великаго Князя у входа въ свою кибитку. Типъ ея фizioноміи чисто калмыцкій: тотъ же приплюснутый носъ, узенькіе глаза, широкія скулы, но, со всѣмъ тѣмъ, черты лица ея очень пріятны и всѣмъ намъ понравились. Она смотритъ прямо, а не изподлбья; во взглядѣ у нея доброе, кроткое выраженіе, а въ манерахъ есть особая складка, не лишенная своего рода граціи. Оѣта была она по-калмыцки, въ богатомъ верхнемъ платьѣ, въ родѣ тюники безъ рукавовъ: на головѣ калмыцкій уборъ, напоминающій своею формой конфедератку, или приплюснутую уланскую шапку съ небольшимъ чернымъ султанчикомъ съ боку и съ широкою навѣской напередѣ, закрывающею почти всю правую сторону лба. Рядомъ съ нею стояла и тетка ея въ подобномъ же нарядѣ. Кибитка, въ которую мы вошли, была убрана чисто и даже съ нѣкоторою роскошью. Прямо противъ входа у противоположной стѣны, на возвышеніи, стоялъ диванъ, покрытый парадною постелью, и нѣсколько ниже, другой диванъ для сидѣнья, со столомъ. Влѣво отъ входа, на стѣнѣ, висѣло платье покойнаго Тюменя, съ религіознымъ уваженіемъ сохраняемое вдовою. Дальше устроена была на особомъ столикѣ домашняя божница, обвѣшанная раскрашенными языческими изображеніями; божница, по обряду, уставлена была серебряными колокольчиками и жертвенными чашечками, а въ срединѣ передъ кумирами горѣлъ въ фонарикѣ огонь, зажженный изъ хурула. Здѣсь же на маленькомъ столикѣ лежали, вмѣстѣ съ другими вещами, книги: мы здѣсь увидѣли калмыцко-русскій словарь и нѣсколько книжекъ *Собранія иностранныхъ романовъ въ русскомъ переводѣ*. Книги эти читаетъ, какъ сказывали намъ, не сама хозяйка, а одна изъ молодыхъ ея родственницъ, довольно хорошо знающая русскую грамоту. У противоположной стѣны стоялъ другой столикъ съ туалетными принадлежностями, подсвѣчниками, папиросами въ серебряныхъ стаканахъ и т. п. Нѣсколько красивыхъ стульевъ и круглый столикъ посрединѣ дополняли убранство кибитки. Изъ этой кибитки мы прошли въ дру-

гую, принадлежавшую другой калмыцкой дамѣ, теткѣ хозяйки, и нашли здѣсь такое же убранство. Затѣмъ получивъ отъ хозяйекъ, на память, фотографическія ихъ карточки съ калмыцкою подписью, мы простились съ ними до свиданія, потому что Великій Князь предположилъ еще заѣхать сюда на обратномъ пути изъ Астрахани.

На возвратномъ пути изъ Астрахани, въ четвертомъ часу показались на береговой линіи узорчатыя верхушки Тюменевскаго хурула, и скоро мы подъѣхали къ пристани, гдѣ ожидала насъ толпа калмыковъ въ праздничныхъ платьяхъ; впереди всѣхъ стояли хозяйки и хозяева Тюменевки. Неподалеку отъ дома, у хурула, ожидало Великаго Князя полное собраніе ламайскаго духовенства, во всеоружіи, то есть со всѣмъ арсеналомъ своихъ музыкальныхъ инструментовъ. Хурулъ выстроенъ покойнымъ Теменемъ, весь каменный, очень красивой архитектуры. Верхняя часть его, совершенно въ стилѣ китайскихъ храмовъ, выведена остроконечными крытыми башенками, съ загнутыми вверхъ краями, а нижняя часть обставлена съ обоихъ концовъ полукруглою колоннадой. Внутри всего этого полукружія расположились, вмѣстѣ съ ламою, разнообразныя чины ламайскіе, страннаго вида, въ странныхъ одеждахъ, съ странными, на первый разъ непонятными, инструментами въ рукахъ. Едва показался Великій Князь, какъ всѣ эти оружія пришли въ движеніе: завывли огромныя *укирбюрэ*, трубы изъ красной мѣди и кожи, аршина въ четыре длиною, точно ревомъ коровы или какого-то дикаго животнаго, запищали, переливаясь дикими, пронзительными трелями, *дунгары* или рожки, загудѣли большіе и малые барабаны, зазвѣтели огромныя мѣдныя тарелки ужаснымъ, оглушительнымъ звономъ, и все это, сливаясь со звуками множества другихъ неизвѣстныхъ и странныхъ инструментовъ, составило неслыханное, невѣроятное сочетаніе звуковъ, такое дикое, что мы въ первую минуту не могли опомниться отъ изумленія. Невозможно представить себѣ то впечатлѣніе, которое производитъ на нервы эта музыка, когда въ первый разъ ее слышишь: когда ухо начинаетъ привыкать къ ней, тогда успеваешь различать въ ней какіе-то основные

тоны и своего рода дикій строй, но на первый разъ она ошеломила бы всякаго, какъ насъ ошеломила. Казалось, мы попали какими-то судьбами въ какой-то особенный міръ, который самая дикая фантазія населила нечеловѣческими образами и наполнила нечеловѣческими звуками. Мы вошли въ хурулъ. У самыхъ дверей стояла, въ родѣ привратника, огромная фигура въ красной одеждѣ, накрытая большою шапкой въ видѣ остроконечнаго шлема; подъ этой шапкой смотрѣло на насъ красное лицо неподвижнымъ взглядомъ, изъ подъ бровей, вымазанныхъ черною сажей. Отъ дверей во всю длину зданія до главнаго капища шли рядами каменные столбы, и въ этой колоннадѣ сидѣли на полу въ два ряда, обратившись другъ къ другу лицами, калмыцкіе бакши и гелюны съ другими чинами ламайского обряда: ряды замыкались у самаго капища ламою и главнымъ бакши. Оба сидѣли на низкихъ скамьяхъ и держали въ рукахъ колокольчики. Ламайское духовенство многочисленно, и іерархія его дробится и развѣтвляется до неопредѣленныхъ размѣровъ. Каждый хурулъ имѣетъ видъ монастыря, къ которому принадлежитъ множество чиновъ: здѣсь есть и настоятели, и благочинные съ товарищами, распорядители, уставщики, экзаменаторы, надзиратели за порядкомъ въ кумирнѣ, заправщики или начинатели службы, казначеи и т. п., кромѣ музыкантовъ, пѣвцовъ, чтецовъ, прислужниковъ.

Въ ламайскихъ храмахъ окна бываютъ съ восточной и западной стороны, а главное капище или жертвенникъ съ сѣверной. Таково было и расположеніе частей тюменевскаго хурула. Мы стали противъ ламы, около самаго жертвенника, который помѣщается въ глубинѣ темной ниши, подъ балдахиномъ, опоясаннымъ бахромою съ кистями по угламъ: по правую и лѣвую сторону видны были еще два подвижные навѣса, употребляемые во время процессій. Къ сожалѣнію, мы не могли во время служенія разсматривать подробно всѣ принадлежности жертвенника; внутренность его тускло освѣщалась жертвенными огоньками, горѣвшими въ цвѣтныхъ фонарикахъ; по бокамъ курились, издавая странный, тяжелый запахъ, цвѣтныя свѣчки, сдѣланныя изъ какой-то смолы. Мы не замѣтили здѣсь множе-

ства кумировъ: наверху въ глубинѣ жертвенника виднѣлась только одна позолоченная сидячая фигура, державшая что-то въ рукахъ: по всей вѣроятности, это изображеніе будійскаго полубога Шакаямуни, считаемаго родоначальникомъ буддизма: кумиръ его обыкновенно ставится въ буддійскихъ храмахъ. Вообще, калмыцкіе хурулы, какъ видно, не изобилуютъ идолами, не такъ какъ бурятскія капища, въ которыхъ обыкновенно ставится несмѣтное число истукановъ. На жертвенникѣ стояло множество серебряныхъ чашечекъ съ приношеніями, въ числѣ которыхъ мы замѣтили пшеничныя зерна, лепешки и свѣжія яблоки; тутъ же стояло нѣсколько колокольчиковъ. По буддійскому обряду, приношенія сводятся къ шести слѣдующимъ категоріямъ: вода—жертва отъ морей, сѣмена—отъ земли, куренія—отъ воздуха, лампада—отъ огня, опрѣсноки—отъ человѣка и музыкальное орудіе (колокольчикъ)—отъ всего міра. Жертвы эти по уставу должны перемѣняться ежедневно, и приносятъ обыкновенно не малый доходъ духовенству, такъ какъ міряне приносятъ ихъ для умиловленія боговъ по поводу каждой нужды, бѣдствія или чрезвычайнаго событія въ домѣ. Остальныхъ принадлежностей жертвенника мы не могли разсмотрѣть, но, безъ сомнѣнія, нашли бы тутъ всѣ символическія принадлежности буддійскаго богослуженія *мандалъ*, или металлическій кружокъ—символь неба, *толи*—медаліонъ съ изображеніемъ буддійской додекады—символь вселенной, *эрдени* или пирамиду изъ шариковъ, изображающую таинственныя силы природы, колесо — символъ превратности судьбы, *алтанъ-мелекея* или золотую лягушку, на которой держится міръ и т. п. Около жертвенника висѣли на стѣнкѣ раскрашенныя изображенія изъ буддійской миѳологіи; кромѣ того, мы еще замѣтили четырехъ-цвѣтную хоругвь, означающую четыре обряда, принятыя въ буддизмѣ. По обѣ стороны жертвенника стояли все время два *сайбуна* или прислужника, съ бритыми, но непокрытыми головами, въ длинныхъ красныхъ одеждахъ: они стояли неподвижно и держали въ рукахъ курильныя свѣчки краснаго и зеленаго цвѣта. Только они двое оставались непокрытые; всѣ остальные, сидѣвшіе на землѣ, были въ самыхъ разнообразныхъ и

странныхъ уборахъ. Эта часть обрядоваго чина очень развита въ буддизмѣ: облаченіе, напримѣръ, одного гелюна состоитъ изъ 8 или 9 составныхъ частей: желтый камзолъ съ обшлагами, мантия съ короткимъ зубчатымъ воротникомъ, пояса, повязки, широкія ленты, длиною доходящія иногда до десяти аршинъ, которыя перекидываются черезъ плечо и наматываются на руку, шапки разныхъ видовъ и священные коврики; гелюнь, въ полномъ своемъ нарядѣ, весь пестрѣть съ головы до ногъ накинутыми и повязанными тканями. Буддійская іерархія дѣлится на нѣсколько орденовъ, сильно напоминающихъ католическіе ордена, и каждый орденъ имѣетъ особый уставъ одежды и дисциплины. Вообще же духовенство буддійское, обязанное къ безусловному безбрачію, дѣлится на четыре главныхъ обряда: желтый, красный, бѣлый и черный. Судя по разнообразію одеждъ, которыя мы видѣли въ тюменевскомъ хурулѣ, можно думать, что въ многочисленномъ собраніи духовенства были представители всѣхъ четырехъ обрядовъ, потому что многіе костюмы отличались чудовищною пестротой цвѣтовъ, составляющею особенную принадлежность послѣднихъ трехъ обрядовъ. Первый разрядъ, желтый—посвященъ Шакьямунію, образцу милосердія и любви, а три послѣдніе *докшитама* или грознымъ духамъ, и въ обрядѣ ихъ изобилуетъ все, что можетъ служить къ возбужденію священнаго ужаса. Мы видѣли презамысловатые головные уборы, то въ видѣ шестистороннихъ шапокъ вѣнцами, украшенныхъ изображеніями *кумировъ* и мертвыхъ головъ, то въ видѣ остроконечныхъ черныхъ касокъ, изъ-подъ которыхъ падаютъ черные волосы, закрывая лице, или образуютъ на головѣ нѣчто въ родѣ круглой пирамиды. Въ числѣ духовенства сидѣли и молоденькіе мальчики, или такъ называемые *манджи*, состоящіе при гелюнахъ въ родѣ послушниковъ, и для прислуги при служеніи. Въ разсадкѣ замѣтенъ былъ систематическій порядокъ, въ родѣ того, какъ разсаживаются музыканты въ оркестрѣ, и каждый держалъ въ рукахъ инструменты, которыми дѣйствовалъ по чину. Только у ламы и сидѣвшаго на-супротивъ его бакши были колокольчики. Колокольчикъ или *хонхо* имѣетъ весьма важное значеніе въ ламайскомъ богослуж-

женіи: безъ него не совершается ни одна служба, и по нуждѣ онъ одинъ можетъ замѣнять собою всѣ музыкальныя орудія. На немъ изображаются символическіе знаки и первая священная молитва буддійская, извѣстная подъ названіемъ *мани*, а рукоятію служить *очир-дара* или изображеніе богини Дары. За хонхою первое мѣсто занимаетъ *дамара* или двойной бубенчикъ, который долженъ означать ту мысль, что міръ небесный связанъ съ земнымъ, и что все, совершаемое на землѣ, отзывается на небѣ, и обратно. Лама сидѣлъ неподвижно и только по временамъ двигалъ колокольчикомъ или складывалъ особеннымъ манеромъ пальцы, приближая одну ладонь къ другой. На главномъ жрецѣ въ ламайскомъ богослуженіи лежитъ важная забота—наблюдать за символикою, которая очень развита и очень сложна въ буддизмѣ и которую онъ долженъ знать въ совершенствѣ по книгамъ. Въ каждомъ знаменательномъ и патетическомъ мѣстѣ онъ обязанъ выражать смыслъ его извѣстнымъ движеніемъ пальцевъ или одного изъ священныхъ инструментовъ.

Молча мы приглядывались и прислушивались: въ хурулѣ было душно и отъ жару, и отъ особой тяжелой атмосферы, напитанной сильнымъ запахомъ бараньяго жира и служебнаго куренья. Еще разъ убѣдились мы, что въ звукахъ ламайской музыки, раздрающей слухъ невѣроятнымъ сочетаніемъ звуковъ, есть однакожъ какая-то дикая, своеобразная гармонія, сильно дѣйствующая на нервы. Прибавьте къ этому всю обстановку хурула и рядъ чудовищно убранныхъ фигуръ, исполнявшихъ музыку. Щеки ихъ надувались, глаза неподвижно смотрѣли на насъ, но въ движеніяхъ, съ которыми приступали они, каждый въ свое время, къ участию въ музыкѣ, и въ расположеніи паузъ, замѣтно было, что каждый слѣдуетъ чину особо для него назначенному; иногда на минуту музыка прерывалась, и начиналось протяжное пѣніе или произнесеніе словъ молитвы.

Служеніе кончилось, но служившіе остались неподвижно на своихъ мѣстахъ въ ожиданіи нашего выхода. Великій Князь спросилъ, есть ли въ хурулѣ священныя книги; намъ показали ихъ въ длинныхъ связкахъ наверху, подъ навѣсомъ жертвен-

ника. Одинъ изъ гелюновъ досталъ такую связку, и, сѣвъ на полъ, принялся ее развязывать, что оказалось не совѣсь простымъ дѣломъ. Верхняя оболочка была изъ шелковой матеріи, затянутой въ нѣсколько оборотовъ длиннымъ снуркомъ; за этою оболочкою слѣдовала другая такая же, за другою третья, и такъ далѣе, такъ что всякій разъ, когда мы ожидали увидѣть подъ оболочкою книгу, являлся вмѣсто книги новый обвязанный свертокъ. Наконецъ, помнится, уже подъ седьмою или восьмою оболочкой, показались длинные бумажные листки, сложенные правильно кипой; каждый листокъ лежалъ отдѣльно, бумага темнаго цвѣта покрыта тибетскими письменами. Мы просили гелюна прочесть что-нибудь, и онъ прочелъ нѣсколько строчекъ не безъ запинки. Калмыцкое духовенство не славится ученостью, подобно тибетскому, и никто изъ стоявшихъ передъ нами жрецовъ не выходилъ дальше сферы туземнаго, степнаго обученія. Поэтому, можно думать, что никто изъ нихъ не погружался глубоко въ тайны буддизма и что всѣ они читаютъ свои священные книги съ запинкою. Притомъ, нѣсколько связокъ, которыя мы видѣли въ хурулѣ наверху жертвенника, показались-бы, конечно, ученому буддисту жалкимъ отрывкомъ въ сравненіи съ полнымъ канономъ буддійскаго закона.

Извѣстно, что ни въ одной религіи масса священныхъ книгъ не достигала и приблизительно такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ въ буддизмѣ. Священные книги Тибета состоятъ изъ двухъ собраній, называемыхъ Канъ-джиуръ и Танъ-джиуръ. Канъ-джиуръ содержитъ въ себѣ не менѣе 100 фоліантовъ въ новыхъ изданіяхъ, печатанныхъ въ Лассѣ и Пекинѣ. Въ нихъ помѣщено всего 1083 отдѣльных творенія. Пекинское изданіе Танъ-джиура состоитъ изъ 225 фоліантовъ, каждый вѣсомъ отъ 4 до 5 фунтовъ. Экземпляръ пекинскаго изданія Канъ-джиура стоитъ около 600 фунтовъ стерлинговъ. Кеппенъ въ своемъ сочиненіи о буддизмѣ пишетъ, что за одинъ экземпляръ Канъ-джиура было заплачено 7000 быковъ. Вотъ чего стоитъ священная литература буддизма! Часть священныхъ книгъ буддійскихъ есть и на калмыцкомъ языкѣ. Вслѣдъ за изобрѣтеніемъ калмыцкихъ письменъ въ половинѣ XVII столѣтія, переведено на калмыцкій

языкъ до 200 сочиненій, и нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій можно до сихъ поръ встрѣтить у грамотныхъ калмыковъ. Изобрѣтателемъ калмыцкой письменности былъ знаменитый у калмыковъ лама Зая-Пандита, родомъ изъ хошоутовскаго улуса.

По выходѣ изъ хурула, на дворѣ, показывали намъ желѣзное кресло, съ обручемъ, въ которомъ обыкновенно сожигаютъ, по калмыцкому обряду, знатныхъ покойниковъ, напримѣръ зайсанговъ и нойоновъ. Къ креслу привязываютъ тѣло съ поджатыми ногами и, обливъ пахучимъ масломъ, ставятъ на костеръ. Пепель тщательно собирается; его мѣшаютъ съ тѣстомъ въ видѣ лепешекъ, которыя потомъ раздаются для храненія и памяти друзьямъ и родственникамъ умершаго или дѣлаютъ изъ него изображенія бурхановъ и ставятъ въ хурулахъ. Намъ сказывали, что и покойнаго Тюменя хоронили по тому же обряду. Но тѣла простыхъ калмыковъ не погребаются и не подвергаются сожженію, а бросаются просто въ стѣнь, гдѣ ихъ сушить солнце и истребляютъ звѣри и птицы.

Во главѣ буддійской іерархіи стоятъ Далай-Лама и Баньчень-Богдо, имѣющіе пребываніе въ Тибетѣ, и Хутукту въ Китайской Монголіи. Но русское ламайское духовенство, и у бурятъ, и у калмыковъ не состоитъ въ зависимости ни отъ одного изъ этихъ лицъ. До конца прошлаго столѣтія ламы получали посвященіе отъ тибетскаго Далай-Ламы и отъ Хутукту получали священныя книги и вещи для богослужебнаго обряда, отправляли къ нему почетныя посольства; но потомъ, по распоряженію русскаго правительства, іерархическія ихъ сношенія съ Тибетомъ прекращены. Лама выбирается теперь, по отзывамъ управляющихъ улусами владѣльцевъ, изъ числа бакшей, начальствующихъ въ большихъ хурулахъ, и представляется чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ на Высочайшее утвержденіе. Отъ ламы же зависитъ назначеніе въ нисшія степени іерархіи, равно какъ и исключеніе недостойныхъ изъ духовнаго званія. Духовенство ламайское имѣетъ сильное вліяніе на народъ и по своему положенію имѣетъ въ рукахъ всѣ средства обогащаться на счетъ народа. Оно пользуется всѣми случаями дѣйствовать на суевѣріе калмыковъ для своей выгоды: простой калмыкъ готовъ отдать

своему гелюну всякую вещь, которую гелюнъ объявить несчастною, недоброю, заклятою, и гелюны часто этимъ пользуются. Такъ до сихъ поръ еще не вывелся между калмыками обычай отдавать духовенству все движимое имущество, до послѣдняго платья, послѣ умершихъ.

До послѣдняго времени калмыцкое духовенство умножалось почти безгранично и во всѣхъ семействахъ старалось вербовать себѣ членовъ, приверженцевъ и преданныхъ людей, обрекая повсюду, еще съ колыбели малолѣтнихъ дѣтей, на духовное званіе, такъ что между калмыками не рѣдкость встрѣчать въ простой кибиткѣ гелюновъ или манджи, числящихся въ духовенствѣ безъ дѣйствительнаго служенія. Кромѣ того, еще не такъ давно у набожныхъ калмыцкихъ владѣльцевъ было въ обычаѣ отдавать и при жизни или при смерти цѣлые роды подвластныхъ калмыковъ въ вѣчное владѣніе хуруламъ въ прислугу и для доходовъ: такъ мало-по-малу образовался цѣлый классъ такъ называемыхъ, *шабинеровъ* или хурульныхъ, монастырскихъ людей: всѣ они считались принадлежностью духовнаго управленія и свободными отъ податей, и къ этому разряду людей принадлежало въ 1810 году, немного менѣе *пятой* части всего калмыцкаго народа. Къ отвращенію всѣхъ этихъ злоупотребленій, въ послѣднее время правительство установило нормальные штаты калмыцкаго духовенства.

Когда мы стояли въ калмыцкомъ хурулѣ, прислушиваясь къ дикой музыкѣ служенія, всматриваясь въ дикія лица и наряды жрецовъ, странно было подумать, что мы видимъ передъ собою представителей одного изъ древнѣйшихъ вѣрованій, видимъ обряды такой религіи, къ которой еще и теперь принадлежитъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, наибольшая по числу доля человѣческаго рода. Берггаузъ въ своемъ физическомъ атласѣ выводитъ опредѣленіе всего рода человѣческаго по вѣрованіямъ. По его расчету, на долю буддизма приходится 31.2 процента, на долю христіанской вѣры 30.7, на магометанство 15.7, на браманство 13.7, на язычество всякаго рода 8.7 и на европейскую вѣру 0.3 процента. Берггаузъ, говорятъ, ошибся въ расчетѣ, потому что причислилъ весь Китай къ буддизму,

тогда какъ въ Китаѣ необходимо различить послѣдователей Конфуція и Лаотсе, да и вообще въ Китаѣ трудно опредѣлить, къ какому именно вѣрованію принадлежитъ каждый: такъ перемѣшаны тамъ вѣрованія. Въ такомъ случаѣ, первенство по числу остается за христіанскою вѣрою, но все-таки мы стояли въ эту минуту передъ лицомъ такого вѣрованія, которое черезъ 2000 лѣтъ по смерти своего основателя, послѣ многихъ переворотовъ и пораженій, считаетъ еще за собою, по примѣрному расчету, около 455 милліоновъ человѣческихъ душъ. Индія была колыбелью ученія Будды; отсюда ревностные миссіонеры распространили его въ Цейлонѣ, по индійскому архипелагу, Японіи, Китаю и Средней Азіи. Послѣ смерти основателя своего (около 500 до Р. Х.) ученіе Будды вступило въ борьбу со старою браминскою вѣрой и одолѣло ее, провозгласивъ новыя начала, не только религіозныя, но и соціальныя; но около VIII вѣка по Р. Х. буддизмъ, въ свою очередь, долженъ былъ уступить возродившемуся браминству въ Индіи; съ тѣхъ поръ началось выселеніе буддійскаго духовенства въ среднюю Азію, въ Тибетъ, гдѣ и теперь еще находится главное гнѣздо верховной буддійской іерархіи, соединяющей духовную власть со свѣтскою въ лицѣ Далай-Ламы.

Послѣ хурула былъ обѣдъ. Ламы обѣдали особо за маленькимъ столикомъ, весьма низенькимъ, передъ которымъ они сидѣли на корточкахъ, точно также неподвижно и съ такимъ же невозмутимымъ спокойствіемъ и самоуглубленіемъ, какъ они сидѣли въ хурулѣ. Послѣ обѣда начались увеселенія и зрѣлища, устроенныя для Великаго Князя попечителемъ калмыцкаго народа К. И. Костенковымъ, (*) и удавшіяся какъ нельзя лучше. Его цѣль была показать Великому Князю въ продолженіи одного дня всю жизнь и весь бытъ калмыковъ въ степи.

(*) Г. Костенковъ былъ начальникомъ экспедиціи, снаряженной въ 1860 г. министерствомъ гос. имущ. по Выс. повелѣнію для ученаго и хозяйственнаго изслѣдованія Кумо-манычской низменности и палмыцкой степи между Волгою и Дономъ. Занятіе экспедиціи продолжалось около 2-хъ годовъ. Собранные ею матеріалы и свѣдѣнія о степи и о бытѣ калмыковъ будутъ, какъ намъ сказывали, въ скоромъ времени изданы министерствомъ государственныхъ имуществъ.

Религіозная сторона была представлена хуруломъ. Послѣ обѣда начались народныя увеселенія. Онѣ открылись скачкой, въ которой состязались лошади всѣхъ улусовъ. Скакало до 20 лошадей; наѣздниками были, по большей части, ребяташки отъ 10 до 12 лѣтъ. Хошоутовскій улусъ Тюменей одержалъ верхъ и получилъ первую награду. Лошадей-побѣдительницъ водили подъ устцы, привязавъ къ удиламъ пестрые платки, жертвованные княгинями. Мальчуганы-наѣздники подѣзжали къ Великому Князю, изъ рукъ котораго получали награду, кивали головой, и бормотали себѣ подъ носъ: *уру! уру! уру!* Но милѣе всѣхъ былъ наѣздникъ хошоутовской лошади-побѣдительницы. Онъ явился героемъ не въ первый разъ, и скакалъ уже будучи восьми лѣтъ отъ роду. Когда ему вручили часы въ футлярѣ, онъ не могъ удержаться, громко захохоталъ, проговорилъ *уру!* и затѣмъ, не выпуская своего приза изъ рукъ, переважно и безпрестанно ухмыляясь, сталъ взадъ и впередъ разѣзжать на своей лошади.

Но вотъ раздается громкій смѣхъ и затѣмъ является странное привидѣніе въ бѣломъ саванѣ, или, если хотите, бѣлой накидкѣ, изъ-подъ которой выглядывало только мѣдно-красное лицо, съ черными, какъ смоль, волосами. Разступается снова толпа, и другое такое же привидѣніе является съ другой стороны. Это начинается калмыцкая борьба. Бѣлыя накидки сбрасываются и остаются бойцы нагіе, въ одномъ короткомъ, до колѣнъ, исподнемъ платьѣ, а подлѣ нихъ посредники. Бойцы, медленно размахивая руками, выправляя мускулы, и потирая, изрѣдка наклоняясь, руки пескомъ, описываютъ нѣсколько круговъ, долго высматривая другъ друга. Но вотъ удобная минута уловлена, и противники бросаются другъ на друга. Мускулы напрягаются и представляютъ во всей красѣ мощное и сильное сложеніе этихъ дѣтей степи. Крѣпко схватываются они, стараются поднять на себя или сбить противника; вотъ одинъ валится, но вотъ онъ опять вскочилъ на ноги, и приподнялъ противника; вотъ они опять выжидаютъ и ловятъ удобный мигъ; вотъ новая схватка, и одинъ лежитъ на пескѣ спиной, а возлѣ нихъ стоятъ уже посредники. Вся цѣль борьбы заключается

въ томъ, чтобы повалить противника на спину. Боролись три пары, поочередно, и въ томъ числѣ два мальчика, возбуждшіе всеобщее удовольствіе и всеобщій смѣхъ. Они, во всемъ подражая старшимъ, съ такимъ же невозмутимымъ спокойствіемъ и такимъ же серіознымъ видомъ описывали круги и разводили руками, приготовляясь къ борьбѣ.

За борьбой слѣдовала соколиная охота, но это было скорѣе театральное представленіе, нежели дѣйствительная охота. Соколы были дѣйствительно пущены за цаплями, соколы били ихъ, но что же это были за цапли? Бѣдныя, измятыя, заранѣ для охоты пойманныя. Но что же дѣлать? Дабы видѣть эту интересную, благородную потѣху—надо ѣхать съ ястребами и балабанами въ степь и посмотреть тамъ на борьбу цапли съ хищною птицей. Но нужно было видѣть всѣ калмыцкія забавы, слѣдовательно, въ программу вошла и соколиная охота. Но самая интересная сцена была, безспорно, ловля дикихъ лошадей. Табунъ ихъ былъ пригнанъ къ ставкѣ. Нѣсколько табунщиковъ бросились въ его средину съ арканами на длинныхъ палкахъ. Въ одинъ мигъ арканъ уже на шеѣ у лошади, палка отброшена, и дикій конь несется на арканѣ, который все болѣе и болѣе укорачивается табунщикомъ, всею силой своей тяжести наклонившимся на другую сторону и стягивающимъ все болѣе и болѣе петлю. Лошадь, наконецъ, или останавливается, или падаетъ на землю. Тогда ее берутъ за уши или за хвостъ, и сѣдокъ вскакиваетъ на нее, а петля отъ аркана сбрасывается. Можно себѣ представить бѣшенство свободаго животнаго, ни разу еще не бывшаго подъ верхомъ! Дико рвется степной конь и бѣшено скачетъ, дѣлая прыжки и козлы, чтобы сбросить всадника, который сидитъ безъ сѣдла, держась за гриву, и угощаетъ коня каждую секунду добрыми ударами. Часто лошадь падаетъ и вновь вскакиваетъ, чтобы сбросить дерзкаго, но калмыкъ крѣпко держится за гриву, словно приросъ къ лошади, скачетъ до тѣхъ поръ, пока лошадь не утомится, или пока скачущій возлѣ него товарищъ не пересадитъ его къ себѣ на лошадь.

Но вотъ показались вдали навьюченные верблюды, окружен-

ные всадниками и всадницами, въ лучшихъ праздничныхъ нарядахъ, на лошадахъ, покрытыхъ блестящею, дорогою сбруей. Это перекочевка. Ставку княгини переносятъ на другое мѣсто. Ея прислужницы на лошадахъ, въ лиловыхъ шелковыхъ платьяхъ, въ кокетливыхъ желтыхъ лиловыхъ сорочкахъ, а мужчины въ щегольскихъ чекменяхъ соскакиваютъ съ лошадей, заставляютъ верблюдовъ стать на колѣни и развѣиваютъ съ нихъ всю хурду-мурду — весь скарбъ и живо приступаютъ къ установкѣ кибитки. Живо поставлены рѣшетчатые стѣнки, сперва одна, составляющая часть круга, потомъ другія. Онѣ связываются шерстяными тесьмами, оставляя отверстіе на востокъ, гдѣ прикрѣпляется дверь. Къ этой круглой загородкѣ, надъ самымъ ея центромъ, прикрѣпляется *унинами*, длинными палками, деревянный кругъ, *харахи*. Поднявъ его на нѣсколькихъ палкахъ, ставятъ остальные палки, острымъ верхнимъ концомъ втыкая въ кругъ, а нижнимъ прикрѣпляя петлями къ рѣшеткѣ. Потомъ ставятъ надъ харачей крестообразно двѣ дуги, которыя даютъ кибиткѣ округлость, и весь этотъ деревянный остовъ покрывается кошмами. Въ какіе-нибудь полчаса кибитка была готова, и дала намъ ясное понятіе о перекочевкѣ. Недоставало только огромныхъ стадъ, тянущихся за кочевниками и массы народа, ѣдущаго такимъ же порядкомъ за своимъ перекочевывающимъ владѣльцемъ. Но не забудемъ, что это было представленіе, данное дорогому гостю хозяйкой, представленіе во всякомъ случаѣ и любопытное и поучительное.

Но этимъ вечеръ еще не кончился. Была и джигитовка. Нѣсколько ловкихъ наѣздниковъ на всемъ скаку подбирали съ земли мелкую серебряную монету. Была калмыцкая пляска, весьма монотонная, состоящая изъ какихъ-то кривляній подъ тактъ музыки; пѣсни также монотонны и унылы, и слишится непрерывно переходъ въ гортанные звуки. Послѣднимъ зрѣлищемъ была перегонка молока въ *арьку*, т. е. вино, которое еще передвояется, и даетъ еще болѣе крѣпкій напитокъ, *арза*. Выдѣлка производится и просто, и скоро. Въ котелъ, поставленный на таганъ, вливается молоко; котелъ закрывается крышкою, которую обмазываютъ глиною или коровьимъ каломъ. Потомъ

ставять въ наполненное водой корыто другой, также закрытый котель, соединяя его съ первымъ небольшою деревянною трубою. Молоко начинаютъ затѣмъ кипятить и, проводя пары его въ порожній котель, имѣющій отдушину, получаютъ часа черезъ полтора вино. Но, Боже, что это за вкусъ! Мы его пробовали, и цѣлый день противный вкусъ оставался во рту. Калмыки его много пьютъ, но сами жалуются, что оно причиняетъ головную боль и какую-то одурѣлость, продолжающуюся два-три дня.

19. КРЫМСКІЕ ТАТАРЫ въ XVI ст.

(Бопланъ. Описаніе Украйны.)

Крымъ населенъ татарами, единоплеменными съ обитателями Великой Татаріи; государь ихъ называется ханомъ и повинуется турецкому султану. Это тѣ самые татары, которые нерѣдко въ числѣ 80,000 всадниковъ вторгались въ Польшу и Московію, жгли, грабили, уводили въ плѣнъ отъ 50,000 до 60,000 русскихъ и продавали ихъ въ неволю: татары жили однимъ только грабежемъ.

Всѣ они воины крѣпкіе и мужественные, приученные съ малолѣтства презирать труды и непогоду: съ семи лѣтъ они оставляютъ свои кантары (юрты на двухъ колесахъ,) спятъ всегда подъ открытымъ небомъ, и ѣдятъ только то, что сами достаютъ стрѣлами, не получая ничего отъ родителей. Такимъ образомъ, научившись съ дѣтства мѣтко попадать въ цѣль, они на 12-мъ году отправляются въ поле противъ непріятелей. Татарки ежедневно купаютъ дѣтей своихъ въ соленой водѣ, для того, чтобы кожа ихъ загрубѣла и сдѣлалась нечувствительною къ холоду, въ случаѣ переправы черѣзъ рѣки въ зимнее время.

Здѣсь идетъ рѣчь о двухъ поколѣніяхъ татарскихъ: нагаяхъ и крымцахъ. Послѣдніе населяютъ полуостровъ Чернаго моря, извѣстный подъ названіемъ Таврической Скиѣи. Нагаи раздѣляются на большихъ и малыхъ нагаевъ: и тѣ и другіе не зна-

ють выгоды общежитія и кочуютъ между Дономъ и Кубанью; нѣкоторые признають власть хана крымскаго, другіе повинуются москвитянамъ, иные же независимы. Нагаи не такъ великодушны, какъ крымцы; крымцы же не такъ храбры, какъ буджаки.

Одежда татаръ состоитъ изъ короткой бумажной рубахи, покрывающей тѣло на $\frac{1}{2}$ фута ниже пояса, изъ шароваръ иногда суконныхъ, а болѣе пестрыхъ бумажныхъ. Храбрѣйшіе носятъ пестрый бумажный кафтанъ и сверхъ онаго надѣвають кафтанъ суконный, подбитый лисьимъ или собольимъ мѣхомъ; голову покрываютъ мѣховою шапкою; сапоги носятъ красные сафьянные, но безъ шпоръ. Простые татары накидываютъ на плеча овчинный тулупъ, который зимою носятъ шерстью внизъ, а лѣтомъ и во время дождя шерстью наружу: встрѣтивъ ихъ въ такомъ одѣяніи нечаянно въ полѣ, испугаешься,—подумаешь, что это бѣлые медвѣди, вцѣпившіеся въ лошадей. То же самое дѣлають они и съ овчинными шапками.

Татары вооружены саблею, лукомъ и колчаномъ съ 18 или 20 стрѣлами; на поясѣ виситъ ножъ, огниво для добыванія огня, шило и 5 или 6 сажень ременныхъ веревокъ, для вязанія плѣнниковъ. Одни только зажиточные носятъ кольчуги, прочіе же отправляются на войну просто. Они весьма храбры и проворны на коняхъ, хотя и плохо сидятъ на нихъ, подгибая колѣна отъ короткихъ стремянъ: конный татаринъ похожъ на обезьяну, сидящую на гончей собакѣ. При всемъ томъ, ловкость и проворство татаръ удивительны: несясь во весь опоръ, они перескакиваютъ съ усталого коня на заводнаго и легко избѣгаютъ преслѣдованія непріятелей. Конь, не чувствуя на себѣ всадника, тотчасъ беретъ правую сторону и скачетъ рядомъ, чтобы хозяинъ, въ случаѣ нужды, могъ перескочить на него. Такъ умѣють служить своимъ господамъ татарскіе кони, которые, сверхъ того, переносятъ труды почти невѣроятные: только эти неуклюжіе и некрасивые бакематы (такъ называютъ ихъ татары) въ состояніи проскакать безъ отдыха 20 или 30 миль. Густая грива и хвостъ ихъ достаютъ до земли.

Всѣ вообще татары низшаго званія, не исключая и кочую-

щихъ, питаются не хлѣбомъ, который ѣдятъ только у насъ, а кониной, предпочитая ее и говядинѣ, и козлятинѣ, и баранинѣ. Должно еще замѣтить, что татаринъ рѣшится зарѣзать для пищи только больную лошадь, которая ни къ чему не годна. Если даже она издохнетъ сама собою, отъ какой бы то ни было болѣзни, будьте увѣрены, что татаринъ не побрезгаетъ ѣсть падалище. Во время походовъ та же пища: составивъ артель изъ 10 человѣкъ, татары берутъ коня самага изнуреннаго и убиваютъ его; если случится мука, размѣшиваютъ ее рукою въ лошадиной крови (такъ какъ у насъ дѣлаютъ колбасы,) потомъ кладутъ смѣсь эту въ котель, варятъ и ѣдятъ ее, какъ самое лакомое кушанье. Мясо же разсѣкаютъ на четыре части: три четверти отдаютъ въ займы товарищамъ, а заднюю четверть оставляютъ для себя. Разрѣзавъ мясистую часть на большіе круги, въ дюймъ или два толщиною, кладутъ по одному на спину лошади подъ сѣдло, и, затянувъ крѣпко подпруги, скачутъ отъ двухъ до трехъ часовъ, продолжая походъ съ товарищами; потомъ снимаютъ сѣдло, переворачиваютъ конину, смачиваютъ ее пѣною, которую собираютъ съ лошади пальцами, изъ опасенія, чтобы мясо не потеряло сочности; вновь сѣдлаютъ коня, вновь скачутъ два или три часа, и кусокъ — самый лакомый для нихъ—готовъ. Прочія же части варятъ съ небольшимъ количествомъ соли въ котлѣ, не снимая съ него пѣны; въ противномъ случаѣ, по мнѣнію татаръ, мясо теряетъ и сочность и питательность. Вотъ чѣмъ питаются эти народы! Чистую воду пьютъ они только тогда, когда найдутъ ее, что случается впрочемъ рѣдко, а зимою употребляютъ одну снѣговую. Мурзы, т. е. благородные, и другіе зажиточные татары, у которыхъ есть кобылицы, пьютъ кобылье молоко, замѣняя имъ и водку, и вино. У этого народа ничто не пропадаетъ даромъ: конскимъ жиромъ приправляютъ ячменную, просяную и гречневую кашу; изъ кожи искусно плетутъ веревки, дѣлаютъ сѣдла, узды и нагайки, которыми, за недостаткомъ шпоръ, погоняютъ лошадей. Остающіеся дома татары ѣдятъ овецъ, козлятъ, куръ и другую живность; свинины же не терпятъ, подобно жидамъ. Изъ муки, когда только достанутъ ее, пекутъ

лѣпешки; но самая обыкновенная ихъ пища состоитъ изъ просяной, ячменной и гречневой каши: просо, ячмень и гречу сѣютъ сами, а сарачинское пшено привозятъ изъ другихъ земель. Плодовъ у нихъ мало, но тѣмъ болѣе меду, который очень любятъ; изъ него готовятъ невареный напитокъ, причиняющій сильную рѣзъ въ желудкѣ. Городскіе татары гораздо образованнѣе; они пекутъ хлѣбы, похожіе на наши; варятъ изъ ячменя брагу—густой, какъ молоко, напитокъ, наводящій опьянѣлость; пьютъ и водку, привозимую изъ Константинополя. Бѣдные замѣняютъ брагу другимъ напиткомъ: смѣшавъ въ горшкѣ коровье молоко съ овечьимъ и козьимъ, сбиваютъ масло, а сыворотку разливаютъ по кружкамъ и пьютъ; напитокъ этотъ готовится почти ежедневно, ибо скоро окисаетъ. Впрочемъ, татары вообще трезвы; соли употребляютъ мало, за то сильно приправляютъ кушанья пряностями, особенно перцемъ. Сверхъ того, подобно жителямъ Мадагаскара, они готовятъ еще напитокъ слѣдующимъ образомъ: сваривъ мясо, съ небольшимъ количествомъ соли, какъ выше сказано, не снимая пѣны, берегутъ бульонъ (по-татарски турбъ,) и когда захотятъ пить, то подогрѣваютъ его. Если вздумаютъ полакомиться жаренымъ,—насаживаютъ цѣлаго ягненка на вертелъ, и зажаривъ его, разрѣзываютъ на куски, длиною около фута, а шириною до 4 дюймовъ.

Теперь опишемъ набѣги татаръ на земли непріятельскія, ихъ грабежи и плѣненіе христіанъ.

Получивъ отъ султана повелѣніе вторгнуться въ Польшу, ханъ собираетъ тысячъ до 80 всадниковъ, если самъ намѣренъ громить непріятельскія области; если же посылаетъ мурзу, даетъ ему около 40 или 50 тысячъ. Походы предпринимаютъ всегда зимою, и обыкновенно въ началѣ января, чтобы не встрѣтить дорогою какихъ-либо препятствій и чтобы рѣки или болота не затрудняли ихъ переходовъ. Предъ началомъ похода, дѣлаютъ смотръ войску, которое послѣ того отправляется въ путь. Надобно замѣтить, что хотя Крымъ лежитъ подъ 46 и 47 градусами широты, однакожъ, степи на сѣверъ отъ него, во всю зиму, до марта мѣсяца, покрыты снѣгомъ. Это доставляетъ та-

тарамъ большую выгоду: они смѣло пускаются въ дальній походъ съ неподкованными лошадьми, которыхъ копыта защищаются снѣгомъ, иначе они разбили бы ихъ о замерзшую землю, что и случается во время гололедицы. Мурзы и зажиточные всадники прикрѣпляютъ ремнями къ копытамъ своихъ лошадей коровій рогъ; но такая подкова держится не долго и конь легко теряетъ ее. Поэтому татары боятся зимъ безснѣжныхъ и гололедицы, когда и подкованныя ихъ лошади съ трудомъ могутъ идти. Дневные походы татаръ не велики, обыкновенно не болѣе 6-ти французскихъ миль. Медленно подвигаясь къ границѣ, они рассчитываютъ время и берутъ мѣры, чтобы возвратиться въ Крымъ прежде вскрытія рѣкъ, безъ всякаго урона. Для скрытія своихъ движеній и избѣжанія казаковъ, которые сторожатъ въ степяхъ и при появленіи враговъ дѣлаютъ тревогу,—татары переходятъ степи по лощинамъ, идущимъ отъ Крыма къ польскимъ границамъ; ночью не разводятъ въ лагерѣ огней, а для развѣдыванія и добытія языка высылаютъ наѣздниковъ, поручая только самымъ расторопнымъ и опытнымъ поймать непріятеля. Фронтъ татарскаго войска, занимая отъ 800 до 1,000 шаговъ, состоитъ изъ сотни всадниковъ или 300 коней (при каждомъ татаринѣ находится по двѣ заводныя лошади,) въ глубину же оно имѣетъ отъ 800 до 1,000 коней, и занимаетъ около 3 или 4 миль, а во время похода растягивается миль на десять. Для невиданнаго татаръ будетъ непонятно, какъ 80,000 всадниковъ могутъ имѣть болѣе 200,000 лошадей: не столь часты деревья въ лѣсу, какъ татарскіе кони въ полѣ; ихъ можно уподобить тучѣ, которая появляется на горизонтѣ, и, приближаясь, болѣе и болѣе увеличивается. Видъ этихъ легіоновъ наведетъ ужасъ на воина самаго храбраго, но еще не привыкшаго къ такому зрѣлищу. За три или за четыре мили отъ границы они отдыхаютъ два или три дня, въ скрытномъ мѣстѣ, и устроятъ войско, раздѣливъ его на три отряда. Двѣ трети составляютъ главный корпусъ, а одна треть образуетъ крылья — лѣвое и правое. Въ такомъ порядкѣ татары устремляются на непріятельскую землю, идутъ безъ отдыха день и ночь, не дѣлая опустошеній и останавливаясь не

болѣе часа, для корма лошадей. Отойдя 60 или 80 миль отъ границы, они поворачиваютъ назадъ: главный корпусъ отступаетъ въ томъ же порядкѣ, но крылья удаляются отъ него на 8 или 12 миль, частію въ сторону, а частію впередъ. Я забылъ упомянуть, что каждое крыло состоитъ изъ 8 или 10 тысячъ всадниковъ и раздѣляется на 10 и 12 пятисотенныхъ или шестисотенныхъ отрядовъ, которые разсыпаются по деревнямъ, окружаютъ селенія со всѣхъ четырехъ сторонъ, и чтобы не ускользнули жители, раскладываютъ по ночамъ большіе огни; потомъ грабятъ, жгутъ, рѣжутъ сопротивляющихся, уводятъ не только мужчинъ, женщинъ съ грудными младенцами, но и быковъ, коровъ, лошадей, овецъ, козъ и проч., а ненавистныхъ мусульманамъ свиней загоняютъ въ овинъ, и поджигаютъ его со всѣхъ четырехъ угловъ. Эти отряды не смѣютъ удаляться въ сторону далѣе 8 или 12 миль; обремененные добычею, они слѣшатъ соединиться съ главнымъ войскомъ, которое легко находятъ по слѣдамъ, часа черезъ четыре, ибо главный корпусъ, имѣя въ передней шеренгѣ около 500 коней, растягивается на большое пространство. Какъ скоро возвращаются грабители—два свѣжія крыла отдѣляются направо и налево, грабятъ и опустошаютъ точно также, какъ и первыя; потомъ возвращаются, а вмѣсто ихъ выходятъ на добычу новыя отряды. Впрочемъ, татары попеременно отправляясь на поиски, не ослабляютъ главнаго корпуса, который состоитъ изъ двухъ третей всей арміи, отступаютъ шагомъ, чтобы не утомить коней, во всегдашней готовности дать отпоръ полякамъ, хотя и избѣгаетъ встрѣчи съ непріятелями. Для этого, вмѣсто отступленія по прежней дорогѣ, татары описываютъ около оной дугу; тѣснимые ляхами, обороняются, но только тогда, когда вдесятеро сильнѣе непріятелей. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ не рѣшится первое напасть на враговъ: ибо эти разбойники (такъ по справедливости должно назвать татаръ) вторгаются въ Польшу единственно для грабежа и опустошеній, а не для ратныхъ подвиговъ. Настигнутые поляками, они отступаютъ уже не шагомъ. Разоривъ и опустошивъ область непріятельскую, татары удаляются въ степи миль на 30 или на 40 отъ границы, оста-

навливаются въ безопасномъ мѣстѣ, отдыхаютъ и приводятъ въ порядокъ свое войско, если встрѣча съ поляками разстроила его. Во время этого роздыха, продолжающагося около недѣли, они собираютъ и дѣлятъ между собою добычу, состоящую изъ плѣнниковъ и домашняго скота. И безчеловѣчное сердце тронется при прощаніи мужа съ женою, матери съ дочерью, навсегда разлучаемыхъ тяжкою неволею; а звѣрскіе мусульмане безчестятъ женъ и дѣвицъ въ глазахъ мужей и отцевъ; обрѣзываютъ дѣтей въ присутствіи родителей, — однимъ словомъ, совершаютъ тысячи неистовствъ. Крики и пѣсни буйныхъ татаръ, стоны и вопли несчастныхъ русскихъ приведутъ въ трепеть и звѣрскую душу! Плѣнники отводятся въ Константинополь, Крымъ, Анатолію и проч. Такимъ образомъ, менѣе нежели въ двѣ недѣли, захвативъ болѣе 50,000 жителей, татары уводятъ ихъ, послѣ дележа, въ улусы и продаютъ въ неволю.

Такъ жили татары назадъ тому 200—300 лѣтъ. Посмотримъ, что говорить о нихъ современный путешественникъ.

20. КРЫМСКІЕ ТАТАРЫ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Населеніе Крымскаго полуострова.—Происхожденіе татаръ.—Религія и образованіе.—Обычай.—Характеръ.—Образъ жизни.

(Изъ ст. Радде въ Ж. Геогр. Общ.)

Населеніе Крымскаго полуострова представляетъ пеструю и разнообразную картину, какую трудно найти въ другой европейской странѣ. На небольшомъ пространствѣ въ 476 кв. миль здѣсь встрѣчаются, кромѣ русскихъ, нѣмцы-колонисты, караимы, цыгане, жидаы, армяне, греки и проч. Но какъ ни замѣчательна для изслѣдователя эта разнообразность приплыхъ племенъ, все-таки главное вниманіе его устремляется на коренныхъ жителей полуострова, татаръ, которые далеко превышаютъ всѣ прочія народности, вмѣстѣ взятые, и составляютъ главное населеніе Крыма, простирающееся до 276 тыс. душъ обо-го пола, по Кеппену.

Крымскіе татары хотя и принадлежатъ всѣ къ монгольскому

племени, не вездѣ, однако, сохранили первобытный типъ. По наружности и занятіямъ они представляютъ три степени, довольно рѣзко отличающіяся одна отъ другой. Только въ остаткахъ ногайскаго племени, населяющаго сѣверныя равнины полуострова и уѣзды по ту сторону Перекопскаго перешейка, сохранился чисто монгольскій типъ, признаки котораго суть: невысокій и сутоловатый ростъ; желтоватый и темный цвѣтъ лица, нерѣдко переходящій въ мѣдно-красный; глаза темные; носъ небольшой и почти всегда сплюснутый; волосы черные и борода весьма рѣдкая. Болѣе всего бросается въ глаза устройство глазъ и височныхъ костей. Послѣднія далеко выступаютъ впередъ, а глаза, лежащіе въ глубинѣ образуемыхъ такимъ образомъ глазныхъ впадинъ, сжужены и косо обращены кверху.

Горные татары, обитающіе на сѣверныхъ склонахъ крымскихъ горъ, въ степяхъ и долинахъ, во многомъ отличаются отъ ногайцевъ: они высокаго роста и хорошо сложены; цвѣтъ лица у нихъ болѣе свѣтлый, приближающійся къ цвѣту кавказскаго племени, глаза большіе и темные, волосы и борода густые и черные. Вообще наружность этихъ татаръ красива.

Жители южнаго побережья, исповѣдывающіе также исламъ, смѣшанной породы. Въ жилахъ ихъ течетъ много греческой крови; они высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; цвѣтъ лица у нихъ смуглый, но не желтый, какъ у ногайцевъ; лице продолговатое и пріятное; носъ прямой, нерѣдко греческій или римскій; волосы и глаза черные.

Въ настоящей статьѣ мы представимъ характеристику нравовъ и обычаевъ, свойственныхъ всѣмъ татарамъ Крымскаго полуострова и соединяющихъ, такимъ образомъ, въ одно цѣлое три отдѣльныя вѣтви одного и того же народа. Эти общіе всѣмъ обычаи относятся, болѣею частію, къ религіознымъ вѣрованіямъ татаръ и къ ихъ гражданскому законодательству, тѣсно связанному съ ихъ религіозными вѣрованіями. Изреченія Корана служатъ основаніемъ того и другаго, и вотъ причина, почему татары-мусульмане такъ привязаны къ отцовскимъ преданіямъ и къ ученію Магомета, проникшему во всѣ частности гражданского ихъ быта.

Первая обязанность всякаго правовѣрнаго, говорить коранъ, есть молитва, которая совершается всегда послѣ необходимаго, для дѣйствительности ея, омовенія. Татары весьма строго соблюдаютъ этотъ законъ. Въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, предъ свадьбою или послѣ возвращенія съ похоронъ, требуется омовеніе всего тѣла; но передъ обыкновенною ежедневною молитвою большинство ограничивается омовеніемъ лица, рукъ и ногъ.

Мнѣ неоднократно случалось быть свидѣтелемъ той акуратности, съ которою татары, прерывая свои занятія и останавливаясь среди дѣла, соблюдаютъ часы молитвы. Лѣтомъ 1852 года я проѣзжалъ чрезъ Перекопскую степь въ обществѣ стараго муллы изъ Бахчисарая. Онъ останавливался посреди степи, доставалъ изъ *маджары* глиняную кружку съ водою и, совершивъ омовеніе, разстилалъ на землѣ войлочный коверъ, на которомъ молился съ накрытою головою, обращая постоянно лице къ юго-востоку. Уже послѣ окончанія молитвы онъ принимался за разгрузку повозки, распрягалъ лошадей и приготовлялъ скромный свой ужинъ.

Другой разъ я три дня сряду охотился въ густыхъ лѣсахъ Чатырь-Дага, въ обществѣ 15-ти татаръ. Ночевали мы въ пещерѣ, которыхъ множество встрѣчается въ юрскомъ известнякѣ, образующемъ склоны Крымскихъ горъ. Утромъ, при отправленіи въ путь, меня поразило обстоятельство, что ни одинъ изъ моихъ спутниковъ не молился; но скоро причина этому открылась. Послѣ часа пути встрѣтили свѣтлый источникъ, у котораго все наше общество остановилось для совершенія омовенія. Послѣ него всѣ помолились и отправились далѣе.

Богомольные татары, особенно въ преклонныхъ лѣтахъ, молятся по четкамъ. Татарскія четки состоятъ изъ 60 деревянныхъ шариковъ, нанизанныхъ на нитку. Трижды въ день совершается молитва, и каждый разъ правовѣрные трижды должны перебрать четки; другими словами, они въ день пересказываютъ до 540 молитвъ.

Другое постановленіе алкорана, милостыня, вошло какъ будто въ законъ. Послѣ смерти татарина треть его имущества

принадлежить, по праву, Меккѣ и нищимъ. Вообще милостыня при жизни подается деньгами, а не натурою, хотя нѣтъ никакихъ законовъ, ограничивающихъ въ этомъ отношеніи щедрость правовѣрныхъ.

Посты, одно изъ важнѣйшихъ требованій магометанства, въ Крыму соблюдаются весьма строго. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, посвященнаго воспоминанію весьма важнаго для мусульманъ событія, а именно дарованія имъ Магометомъ алкорана, татары ничего не ѣдятъ до заката солнца, исполняя такимъ образомъ, хотя и не вполнѣ, требованія вѣры. Истинный мусульманинъ, кромѣ воздержанія отъ пищи, обязанъ во время поста выполнить еще два условія, т. е. не грѣшить ни словомъ, ни дѣломъ и отказаться отъ всякихъ мірскихъ заботъ для болѣе успѣшнаго сближенія души съ божествомъ. Такъ какъ время появленія на землѣ алкорана точно неизвѣстно, то лѣтъ возможности ближе опредѣлить эпоху празднованія Рамазана, въ продолженіе котораго бываетъ постъ. Во избѣжаніе ошибки, Рамазанъ празднуется каждый годъ однимъ мѣсяцемъ позднѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году, и такимъ образомъ, въ теченіе 12-ти лунныхъ годовъ одинъ постъ навѣрное придется на тотъ мѣсяцъ, въ которомъ алкоранъ былъ дѣйствительно подаренъ землѣ.

Добросовѣстность крымскихъ татаръ въ исполненіи трудныхъ обязанностей поста весьма замѣчательна. Въ самое жаркое время года, во время полного разгара полевыхъ работъ, когда палящіе лучи солнца и тяжелая работа изнуряютъ всякаго, и пища дѣлается необходимою для возстановленія силъ, ни одинъ изъ нихъ не рѣшится нарушить закона. Съ удивительнымъ терпѣніемъ переносятъ они мучительную жажду и отказываются даже отъ любимаго своего занятія — куренія трубки. Съ нетерпѣніемъ взоры всѣхъ обращены на западъ и всѣ ждутъ минуты, когда послѣдній лучъ заходящаго солнца угаснетъ за горизонтомъ и сумерки покроютъ равнину. Первая звѣзда, заблывшая на потемнѣвшемъ небосклонѣ, наконецъ, разрѣшаетъ усталымъ работникамъ покинуть работу и подкрѣпить изнуренныя силы. Собираясь около огромныхъ костровъ, татары спѣ-

шатъ закурить трубку, молятся и потомъ уже садятся за ужинъ. Веселый разговоръ продолжается нерѣдко за полночь.

Подобный образъ жизни и продолжительность поста, однако же, нерѣдко дѣйствуютъ губительно на здоровье, и только богатые татары имѣютъ возможность провести постъ безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. Впрочемъ, законъ допускаетъ изыятіе изъ общаго правила для путешественниковъ, малолѣтнихъ дѣтей, больныхъ женщинъ и стариковъ, если только дѣйствительно они не въ состояніи исполнять всѣ предписанія алкорана.

Къ религіознымъ обязанностямъ, возложеннымъ кораномъ на правовѣрныхъ мусульманъ, относится также обязанность, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ жизни посѣтить Мекку и поклониться гробу Магомета. Исполненіе этой обязанности, сопряженной съ трудностями далекаго и опаснаго путешествія, въ Крыму считается необходимымъ только для лицъ духовныхъ, для муллъ, которые, послѣ своего возвращенія изъ Мекки, получаютъ титулъ гаджи-муллы (должность, соотвѣтствующая должности благочиннаго) и завидное преимущество носить зеленую чалму, присвоенную только высшему духовенству и прямымъ потомкамъ Магомета. (*)

Путешествіе изъ Крыма въ Мекку требуетъ, по крайней мѣрѣ, полтора года времени и сопряжено съ огромными издержками. За позволеніе войти въ храмъ меккскій, по словамъ одного крымскаго муллы, слѣдуетъ заплатить 200 руб. сер.; за позволеніе выйти оттуда столько же. Кромѣ того, нужно раздать бѣднымъ значительную сумму и покрыть издержки пути такъ что въ Крыму немногіе лишь въ состояніи исполнить это предписаніе алкорана.

Остается мнѣ упомянуть еще о нѣкоторыхъ предосторожностяхъ мусульманъ при употребленіи яствъ и крѣпкихъ напитковъ. Хотя запрещеніе вина распространяется на всѣхъ и каждого, но большинство крымскихъ татаръ вполне убѣждено въ томъ, что водка не есть вино, а потому и пьютъ ее не ху-

---

(*) Вообще, зеленый цвѣтъ, преобладающій въ раю Магомета, есть самый почетный. Весьма немногія лица имѣютъ право носить зеленую одежду.

же гяуровъ. (*) Молодые татары, которые вообще не слишкомъ добросовѣстно исполняютъ предписанія корана, особенно много грѣшатъ въ этомъ отношеніи, и только присутствіе стариковъ и духовныхъ лицъ удерживаетъ ихъ отъ ежедневнаго употребленія хмѣльных напитковъ. Всѣ татары вообще пьютъ такъ называемую *бузу*, приготовляемую изъ сарацинскаго пшена и представляющую напитокъ неопредѣленнаго кисло-сладкаго вкуса, содержащій небольшое количество спирта. Степные татары, впрочемъ, составляютъ исключеніе: они не только строго воздерживаются отъ всякихъ крѣпкихъ напитковъ, но даже считаютъ грѣхомъ употребленіе винограда, изъ котораго сами приготовляютъ молодое вино и тотчасъ же они сбываютъ его съ рукъ и продаютъ въ Симферополѣ.

Свиное мясо и кровь убитыхъ животныхъ никогда не употребляются въ пищу и строго запрещены кораномъ. Передъ праздниками мулла приглашается въ домъ и благословляетъ животныхъ, назначенныхъ для закланія, и получаетъ за это голову и шкуру. Всѣ татары весьма охотно ѣдятъ верблюжье мясо; но за то одни только степные ногайцы употребляютъ конину, которую разрѣзываютъ на длинныя полосы и кладутъ подъ сѣдло во время верховой ѣзды, вмѣсто того, чтобы варить или жарить. Татары не имѣютъ обыкновенія солить мясо: они сушатъ его на солнцѣ и въ такомъ видѣ сохраняютъ до употребленія.

Обученіе юношества у татаръ весьма недостаточно: научнаго образованія у нихъ не существуетъ, а женщины у нихъ и вовсе не имѣютъ права на умственное развитіе. У татаръ нѣтъ публичныхъ училищъ. Если отецъ хочетъ, чтобы сынъ его чему-нибудь учился, то онъ отдаетъ сына къ ученому муллѣ и платитъ ему ежегодно извѣстную сумму денегъ. Мулла уговаривается учить мальчика читать, писать и, смотря по способностямъ и успѣхамъ ученика, ученіе продолжается отъ 2 до 5 и даже до 10 лѣтъ. До 13-ти-лѣтняго возраста мальчики не

(*) Гяуръ—бранное слово у мусульманъ, которымъ они называютъ всѣхъ не исповѣ-
ующихъ ихъ религію; по нашему—басурманъ.

учатся; а если ограниченные средства отца не позволяют отдать сына къ муллѣ, сынъ остается на всю жизнь неученъ. Изъ четырехъ здѣшнихъ большихъ деревень, одинъ только татаринъ въ состояніи обучать своихъ сыновей. Не только дѣти, но и пожилые люди, имѣющіе особенное желаніе вступить въ духовное званіе, идутъ учиться къ муллѣ, знающему писаніе. Вся мудрость татарскаго образованія состоитъ въ томъ, чтобы читать коранъ и умѣть писать по-татарски; другія свѣдѣнія, даже самыя необходимыя для общественной жизни, не преподаются. Очень рѣдко татаринъ умѣетъ считать (я не говорю о тѣхъ татарахъ, которые своимъ воспитаніемъ обязаны Россіи;) но и этимъ людямъ, составляющимъ исключеніе изъ общаго правила, бываютъ извѣстны развѣ только сложеніе и вычитаніе. Другихъ наукъ у татаръ мы не можемъ указать и слѣдовъ. Ремесла и земледѣліе изучаются у татаръ практически, отъ отцовъ. Такъ какъ татары не думаютъ о томъ, чтобы вводить въ своей работѣ какія-либо улучшенія, то она остается у нихъ и теперь въ томъ же положеніи, въ какомъ была встарину. Ни въ какомъ ремеслѣ у татаръ нѣтъ успѣховъ—у нихъ вѣчный застой, такъ что торговля сношенія ихъ съ востокомъ находятся въ постоянномъ упадкѣ.

Въ отношеніи къ семейной жизни народа, законы о бракѣ играютъ немаловажную роль. У татаръ, какъ и у всѣхъ вообще мусульманъ, множество освящено закономъ. Алкоранъ ограничиваетъ число законныхъ браковъ каждаго правовѣрнаго четьрьмя; но большинство, въ особенности люди зажиточные и муллы, неизвѣстно по какой причинѣ, предпочитаютъ этому числу цифру семь. Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ дѣйствительности матеріальныя средства содержанія и состояніе татаръ, болѣею частію, позволяютъ имъ жениться только на двухъ, рѣдко на трехъ женахъ, изъ которыхъ, по закону, каждая должна имѣть особую комнату и особый столъ, который приготовляетъ сама. Вообще женщины считаются существами подчиненными и предъ лицомъ закона не имѣютъ никакого голоса. При раздѣлѣ онѣ получаютъ только половину противъ доли мужчинъ и при этомъ играютъ самую жалкую и подчиненную роль.

Жена, оставшаяся послѣ мужа, не смѣетъ явиться сама при раздѣлѣ. Родственники мужа и кади (судья) собираются въ домъ покойнаго: ѣдятъ, пьютъ и дѣлятъ его имущество безъ жены, которая даже не имѣетъ права жаловаться на несправедливость, но должна еще употреблять всѣ усилія, чтобы угостить приличнымъ образомъ своихъ гонителей. При жизни мужа на женахъ лежатъ самыя трудныя и грубыя обязанности. Онѣ носятъ дрова и воду, выгоняютъ и пригоняютъ скотъ, обливаютъ себя, своихъ супруговъ и дѣтей,—однимъ словомъ, однѣ несутъ всѣ тягости хозяйства. Разводъ супруговъ у татаръ дѣло весьма обыкновенное и освященное закономъ; но передъ совершеніемъ разводной мужъ три раза можетъ отречься отъ своей жены и выпнать ее изъ дому. Послѣ развода супруги не могутъ опять вступить въ бракъ между собой, но ничто не препятствуетъ имъ жениться или выйти замужъ за другихъ. Единственное право, данное женѣ закономъ, заключается въ томъ, что она, при дурномъ обращеніи съ нею мужа, можетъ его оставить, но это случается рѣдко, и, болѣею частію, браки уничтожаются по требованію мужей. Для совершенія развода приглашаются мулла и нѣсколько почетнѣйшихъ жителей деревни. Вся церемонія ограничивается немногими религіозными обрядами.

Мужчины рѣдко женятся ранѣе тридцати-лѣтняго возраста; но за то невѣсты иногда бываютъ 15 и даже 13 лѣтъ. Рѣдко случается, что отецъ невѣсты соглашается на бракъ ея даромъ: болѣею частію, онъ торгуется съ женихомъ и беретъ отъ него выкупъ, о величинѣ котораго переговоры тянутся годъ и болѣе, и который выплачивается скотомъ или деньгами. Во время этихъ переговоровъ, до совершенія брачнаго обряда, женихъ, даже получившій согласіе отца (согласія матери не спрашиваютъ,) лишается права видѣть свою невѣсту. Безъ нея онъ отправляется въ мечеть, гдѣ встрѣчаетъ отца невѣсты, муллу и нѣсколькихъ гостей и родственниковъ. Мулла произноситъ краткую молитву, и бракъ считается законнымъ.

Обычаи, соблюдаемые татарами при погребеніи мертвыхъ, тѣсно связаны съ идеями, которыя они имѣютъ о загробной

жизни вообще. Мусульмане вѣруютъ, что ангелъ смерти, отзываютъ душу изъ бреннаго тѣла, тотчасъ же передаетъ ее другому ангелу, для приготовленія ея къ лучшей жизни и къ вѣчнымъ наслажденіямъ рая. Душа праведнаго оставляетъ человѣческое тѣло тихо и безъ боли; души отверженныхъ, напротивъ, долго борются съ огнемъ смерти и только послѣ упорнаго сопротивленія, сопровождаемаго мученіями, покидаютъ грѣшниковъ. Слѣдовательно, по этому ученію, душа остается въ тѣлѣ даже послѣ погребенія все время, необходимое для испытанія и исправленія ея, которое дѣлается двумя геніями испытателями. Чтобы умершій при этомъ могъ сохранить всѣ условія приличія, ему устраиваютъ могилу такъ, чтобы онъ въ ней могъ сидя отвѣчать на предлагаемые ему вопросы касательно его вѣры и его поведенія на землѣ. Если испытаніе кончится въ пользу испытываемаго, то душа его тотчасъ же улетаетъ на небо, гдѣ она остается до страшнаго суда, а тѣло, между тѣмъ, вкушаетъ, не выходя изъ могилы, всѣ удовольствія и наслажденія рая Магомета. Но если умершій оказывается недостойнымъ небесной награды, тѣло его подвергается страшнымъ мукамъ и ядовитымъ уязвленіямъ девяти семиглавыхъ драконовъ, а душа возвращается на землю, гдѣ скитается, не находя нигдѣ отдохновенія, а потомъ низвергается въ седьмой ярусъ преисподней.

Мы уже сказали, что татары хоронятъ своихъ покойниковъ въ сидячемъ положеніи, причемъ тѣло закутываютъ въ бѣлые платки; на ноги надѣваютъ чулки и туфли, на голову—ермолку съ бѣлою кистью. Возлѣ тѣла въ могилу кладутъ хлѣбъ, воду, трубку, табакъ и огниво, для того, чтобы покойникъ не терпѣлъ нужды до появленія ангеловъ испытателей. Друзья и приближенные покойника сами устраиваютъ могилу и выносятъ на рукахъ тѣло, за которымъ слѣдуютъ его родственники и мулла, съ всеобщимъ плачемъ и горькими рыданіями, между которыми постоянно слышны слова: «Аллахъ, Аллахъ.» У могилы всѣ удаляются отъ гроба на извѣстное разстояніе, и только мулла остается шагахъ въ десяти отъ него и, припавъ лицомъ къ землѣ, молится вслухъ и потомъ предлагаетъ успо-

шему разные вопросы въ родѣ слѣдующихъ: «Что ты подѣлываешь? Хорошо ли тебѣ въ могилѣ? Доволенъ ли ты своими похоронами? Видѣлъ ли ты такихъ-то и такихъ-то? Что они подѣлываютъ?» и проч. На всѣ эти вопросы мулла отвѣчаетъ самъ, измѣненнымъ голосомъ, и отвѣты его принимаются за отвѣты покойника, и, смотря по удовлетворительности ихъ; мулла долженъ болѣе или менѣе молиться за успокоеніе души тѣла усопшаго и получаетъ за то большее или меньшее вознагражденіе.

По возвращеніи домой, гости садятся за приготовленный заранее обѣдъ и тотчасъ же приступаютъ къ раздѣлу оставшагося имущества, соображаясь съ существующими законами или съ послѣднею волею умершаго. Въ третій и девятый день всѣ родственники снова собираются на обѣдъ и поминаютъ покойпаго. Черезъ три мѣсяца и три года тотъ же обрядъ повторяется.

Не лишнимъ считаемъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ и устройствѣ татарскихъ кладбищъ. Кто на подобномъ магометанскомъ кладбищѣ ожидаетъ встрѣтить что-нибудь похожее на наши христіанскіе, горько ошибается. Не увидитъ онъ ни правильныхъ дорожекъ, ни густо насаженныхъ деревьевъ, ни памятниковъ, воздвигнутыхъ родственниками и друзьями въ память покинушаго ихъ друга. Голое мѣсто безъ тѣни и зелени принимаетъ останки умершихъ крымскихъ магометанъ. Могилы расположены безъ всякаго порядка. Неправильныя груды камней покрываютъ неровную мѣстность и служатъ примѣтою мѣста погребенія. Въ ногахъ каждой могилы, обращенной къ востоку, грубо обтесанный камень, съ закругленнымъ концомъ, показывающій на сторонѣ, обращенной къ могилѣ, высѣченную на камнѣ надпись, повѣствующую объ имени и заслугахъ умершаго.

Ежегодные праздники крымскихъ татаръ суть: 1) малый Байрамъ, или Орасса-Байрамъ (Ураза-Байрамъ,) 2) большой Байрамъ, или Курбанъ-Байрамъ, и 3) Котерласъ-Байрамъ, или праздникъ новаго года.

Малый Байрамъ празднуется по истеченіи мѣсяца Рамазана, или послѣ великаго поста, и продолжается три дня. Праздникъ

этотъ далеко не такъ шуменъ, какъ праздникъ большаго Байрама. Вечеромъ всѣ жители собираются для общей молитвы, послѣ которой всякое семейство садится за приготовленный дома пиръ. Всѣ три дня проводятся во взаимныхъ посѣщеніяхъ, пирахъ, скачкахъ и проч.

Большой, или Курбанъ-Байрамъ, совпадаетъ со временемъ ежегодныхъ приношеній въ Меккѣ. Смотра по большому или меньшему богатству семействъ, этотъ праздникъ продолжается отъ 3 до 10 дней. Всякій правовѣрный, въ первый день, непременно долженъ зарѣзать овцу. Богатые татары жертвуютъ до шести овецъ, а иногда и быка. Въ каждой деревнѣ самый богатый житель отправляется въ день праздника къ своему сосѣду, ѣстъ у него и потомъ вмѣстѣ съ нимъ отправляется къ третьему, и такъ далѣе, пока вся деревня не соберется къ послѣднему, т. е. къ тому, кто началъ эти посѣщенія. Послѣдній обязанъ накормить и напоить всю деревню, и вотъ почему для этого избирается обыкновенно самый богатый. Въ горахъ во время большаго Байрама устраиваются качели и другія увеселенія, заимствованныя, вѣроятно, у русскихъ. Женщины не участвуютъ въ общемъ весельѣ: онѣ сидятъ дома и цѣлый день наряжаются и принимаютъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, приходящихъ навѣстить ихъ.

Зато въ третій праздникъ, или въ Байрамъ новаго года (празднуемый недѣлею позднѣе нашей Пасхи,) женщинамъ дозволяется выходить въ поле, гдѣ онѣ, не смотря ни на холодъ, ни на погоду, остаются цѣлый день, проводя время въ разныхъ играхъ и въ разговорахъ съ мужчинами, которые, болѣею частію верхомъ, могутъ приблизиться къ нимъ и вступить въ разговоръ. Этотъ праздникъ продолжается отъ 2 до 3 дней.

Главная отличительная черта характера крымскихъ татаръ—необыкновенное спокойствіе и равнодушіе, сохраняемые при всѣхъ обстоятельствахъ. Всѣ три вѣтви этого племени обладаютъ этимъ свойствомъ въ равной степени. Если присоединить къ этому еще, что всѣ ихъ требованія весьма умѣренны, то можно легко объяснить себѣ необыкновенную лѣнность, которой они предаются. Въ степи пастухъ цѣлый день лежитъ на травѣ,

лѣниво поворачиваясь съ боку на бокъ и весьма мало заботясь о безопасности ввѣреннаго ему стада. Когда поднимается буря, онъ поворачивается лицомъ къ землѣ, сохраняя, впрочемъ, свое положеніе, а стадо его ищетъ себѣ убѣжища по собственному благоусмотрѣнію. Чтобы вымести дворъ, татарину нужно, по крайней мѣрѣ, полсутки. Неудивительно, что, при такомъ нерадѣніи о своихъ пользахъ, хозяйство идетъ плохо. Всѣ обстоятельства способствуютъ быстрому развитію промышленности и народнаго богатства, а между тѣмъ, нигдѣ нѣтъ такой всеобщей бѣдности, какъ между татарами. Конечно, требованія и нужды ихъ не велики; но зато они рѣдко стараются о заготовленіи запасовъ на будущее время: кусокъ чернаго хлѣба, молоко, сыръ и табакъ—вотъ все, что имъ нужно, и какъ скоро татаринъ обезпеченъ этими предметами на нѣсколько дней, то онъ бросаетъ работу и предается любимой лѣни.

Необыкновенная разговорчивость, любопытство—другая черта въ характерѣ крымскихъ мусульманъ. Только во время работы они молчаливы и угрюмы; зато, когда настанетъ время отдыха—физиономія ихъ оживляется, всѣ собираются въ кружокъ и начинаются безконечные разговоры о разныхъ предметахъ. Трубка необходимое условіе для татарскихъ бесѣдъ, которыя продолжаются иногда нѣсколько часовъ сряду, и даже послѣ долговременной утомительной охоты, не смотря на усталость, они толкуютъ до полуночи. Но эта разговорчивость проявляется только въ свободное время; если же они заняты дѣломъ, хотя самымъ ничтожнымъ, они обыкновенно исполняютъ его молча, и это спокойствіе при работѣ составляетъ какъ бы отличительную черту здѣшнихъ мусульманъ.

Что бы ни дѣлалъ татаринъ, онъ дѣлаетъ это съ нѣкоторымъ врожденнымъ достоинствомъ; во время молитвы онъ ничѣмъ не отвлекается; войдя въ кофейню, онъ садится, поджавъ ноги, съ важнымъ лицомъ и чубукомъ во рту, принимается за маленькую чашку кофе и пьетъ его малыми глотками тихо и важно; если онъ занимается поденною работою у чужихъ, то дѣлаетъ также спокойно и важно.

Еще три качества составляютъ необходимую принадлежность

татарскаго характера, именно: особенная заботливость о чистотѣ въ жилищахъ, честность между собою и гостепріимство для всякаго.

Подъ чистотою должно разумѣть, во-первыхъ, постоянный порядокъ, въ какомъ находятся предметы, находящіеся въ домѣ, и во-вторыхъ, опрятность, въ которой содержатся стѣны, полъ и потолокъ. Дома татаръ весьма малы и служатъ обыкновенно жилищемъ для нѣсколькихъ лицъ, и, не смотря на это, нечистоты весьма мало. Полъ устланъ обыкновенно войлоками, на которые на ночь кладутъ множество подушекъ. Въ комнатѣ, которая уже не бываетъ болѣе трехъ саженъ длины и двухъ ширины, спятъ обыкновенно отъ 6 до 8 человѣкъ.

Войдите въ жилище самаго бѣднаго татарина, въ какое угодно время года и дня, и вы всегда найдете въ немъ чистоту и порядокъ. Въ отношеніи къ тѣлу магометане также весьма чисто-плотны, и рѣдко можно увидѣть разорванное платье, хотя весьма часто съ заплатами.

Честность между собою составляетъ также отличительную черту татаръ, и воровство у нихъ до того рѣдко, что двери въ домахъ остаются постоянно, даже ночью, незапертыми, а зерновой хлѣбъ, зарытый на дворѣ, остается тамъ до употребленія совершенно неприкосновеннымъ. Но эту честность татары соблюдаютъ только въ отношеніи къ своимъ единовѣрцамъ; у другихъ же людей они воруютъ лошадей, овецъ и рогатый скотъ весьма часто.

Гостепріимство, напротивъ, они оказываютъ не только единовѣрцамъ, но всякому, кто только пожелаетъ войти къ нимъ въ домъ. Если дома хозяинъ, то можно войти въ комнату; если же нѣтъ его, то можно войти только тогда, когда онъ придетъ. Ночевать у татаръ можно безъ всякаго опасенія за свое имущество, потому что татаринъ, принявъ гостя, ничего не тронетъ изъ его имущества. Зажиточные татары тотчасъ же готовятъ для гостя обѣдъ или, по крайней мѣрѣ, кофе и угощаютъ трубкою. Хозяинъ остается, чтобы занимать гостя; женщины же, еще прежде появленія его, удаляются въ свою комнату. Бѣднѣйшіе татары, у которыхъ обыкновенно одна комната подлѣ

кухни, на время пребыванія гостя, или высылаютъ женъ и дочерей на кухню, или отправляютъ къ сосѣду, и только при старыхъ и самыхъ короткихъ знакомыхъ обычай позволяетъ женщинамъ и дѣвушкамъ оставаться въ одной комнатѣ съ гостемъ. Мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть, съ какимъ дружелюбіемъ члены татарскаго семейства дѣлятъ между собою трапезу, и, сколько разъ ни приходилось мнѣ заставлять ихъ за бѣднымъ ихъ ужиномъ, они всегда приглашали меня принять въ немъ участіе. При выполненіи нѣкоторыхъ обычныхъ условій, которыя чужой долженъ наблюдать при входѣ въ татарское жилище, напримѣръ, снимать обувь предъ входомъ въ домъ, татаринъ никогда не откажетъ гостю въ приѣмѣ, а зажиточные всякое предложеніе платы сочтутъ даже за обиду; даже бѣдные никогда не требуютъ ея, но принимаютъ подарки, состоящіе изъ табаку или денегъ, и отъ нихъ гость почти всегда услышитъ слова: «дай мнѣ то, что ты любишь.»

Общія черты характера татаръ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, совершенно одинаковы; но женщины отличаются особенностью, которая составляетъ одно изъ главнѣйшихъ свойствъ ихъ,—именно любопытствомъ. Будучи закономъ заключены въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ домашней жизни, онѣ изыскиваютъ всѣ возможныя средства, дабы проникнуть въ жизнь общественную, которая служить для нихъ предметомъ удивленія и имѣетъ какую-то особенную прелесть, такъ что онѣ по цѣлымъ днямъ поглядываютъ въ окно на кривую и узкую улицу, чтобы этимъ хотя нѣсколько разогнать несносную скуку вѣчной домашней жизни. Всякій чужой, подходя къ полуотворенной двери дома, увидитъ нѣсколько красныхъ, расшитыхъ золотыми монетами фесокъ, изъ-подъ которыхъ роскошно вьются безчисленные колечки; но не успѣетъ онъ сдѣлать пяти шаговъ, какъ смутное видѣніе пропадаетъ во внутренности дома. Если случается, что къ христіанскимъ женщинамъ приходятъ въ гости татарки, то удивленію ихъ нѣтъ конца; все въ комнатахъ привлекаетъ ихъ вниманіе; когда же доходить дѣло до нарядовъ, то изумленіе ихъ бываетъ столь сильно, что онѣ стоятъ недвижно и только тихо произносятъ время отъ времени слово:

«Алла, Алла.» Выраженіе веселья посредствомъ пляски и музыки до того свойственно татарамъ, что я не могу не распространиться объ этомъ предметѣ. Движенія ихъ во время пляски до того просты и, въ то же время, оригинальны, что ихъ, въ полномъ смыслѣ слова, можно назвать эстетическими. Перенесемся на время въ татарское жилище во время праздника: въ весьма опрятной комнатѣ, около стѣнъ, на мягкихъ подушкахъ сидятъ гости; умѣренный, но весьма пріятный свѣтъ проникаетъ сквозь заклеенныя тонкою бумагою окна. Въ углу у двери помѣщаются музыканты. Сначала раздается мелодія, и двѣ дѣвушки выходятъ на средину комнаты, становятся одна противъ другой. Станъ ихъ высокъ и строенъ, и безчисленныя черныя колечки выются по плечамъ. Лица ихъ скромны, почти безстрастны, и глаза устремлены внизъ. Но едва тактъ ускоряется, какъ онѣ приходятъ въ движеніе, руки ихъ поднимаются до плечъ, рѣдко выше, граціозно изгибаются; онѣ начинаютъ вертѣться на носкахъ, кружатся вмѣстѣ и порознь и дѣлаютъ разныя фигуры, весьма простыя и изящныя. Но звуки раздаются тише и медленнѣе, и съ тѣмъ вмѣстѣ замедляется пляска и прекращается вмѣстѣ съ мелодіей. Мнѣ случилось разъ заѣхать въ известковую пещеру, гдѣ я уже нѣсколько разъ былъ радушно принять. Сторожевой огонь уже угасалъ, и стѣны, сперва красныя отъ его блеска, мало-по-малу потемнѣли. Я давно уже просилъ мурзу, чтобы онъ заставилъ своихъ татаръ пропѣть и проплясать для меня и общалъ за это познакомить его съ нашими мелодіями. Наконецъ, по его приказанію, изъ глубины пещеры вышли двое юношей. Хоръ началъ тягучую, медленную пѣсню, и, подъ звуки ея, они начали плясать. Высокія тѣни ихъ отразились на стѣнѣ, и пляска ихъ казалась пляскою духовъ, но была прекрасна. Дѣти съ восьми-лѣтняго возраста, какъ мальчишки, такъ и дѣвочки, также пляшутъ, но замужнимъ женщинамъ пляски дозволены до сорокалѣтняго возраста. Пляски ихъ не лишены правильности и выполняются, подобно европейскимъ, сообразно съ переходами мелодіи. Мужчины вмѣстѣ съ женщинами никогда не пляшутъ, и въ этомъ состоитъ огромное различіе отъ европейскихъ. Житель востока пля-

петь для самой пляски, а европеецъ почти всегда для той, съ которою танцуетъ.

Отъ этихъ родныхъ, естественныхъ плясокъ должно отличать другія, уже заимствованныя ими отъ европейцевъ. Часто цыгане играютъ для нихъ искаженные польки и вальсы, а татарскіе пастухи, бывшіе въ частыхъ сношеніяхъ съ веселыми малороссіянами, пускаются отплясывать любимаго казачка. Мелодіи ихъ нѣсколько живѣе и въ размѣрахъ короче, но все-таки пѣсни обыкновенно медленны и однообразны. Музыка у нихъ иногда встрѣчается безъ пѣнія и танцевъ, и тогда отличительную черту ея составляетъ то, что главнымъ инструментомъ служить большой барабанъ, а если его нѣтъ, то тамбуринъ. Кочующіе цыганы суть обыкновенные музыканты татаръ; скрипачъ непремѣнно всегда цыганъ. Полный оркестръ состоитъ изъ четырехъ человѣкъ: одинъ играетъ на скрипкѣ, другой на дудкѣ или кларнетѣ, третій бьетъ въ бубенъ, а четвертый въ большой барабанъ; если же такого не случится, то, по большей части, бываютъ двѣ скрипки. Скрипки эти трехструнные, и звукъ ихъ чрезвычайно рѣзокъ; во время игры ихъ упираютъ не въ подбородокъ, а на колѣно, и играютъ на нихъ смычкомъ собственнаго издѣлія. Сперва начинаютъ скрипки, потомъ вступаетъ кларнетъ, а затѣмъ уже пронзительные звуки этихъ двухъ инструментовъ смягчаются шумомъ тамбурина и барабана. Музыка татаръ нисколько не совершенствуется и страшно тиранитъ привычное къ стройнымъ звукамъ европейское ухо непрерывными диссонансами. У татаръ ногайскаго происхожденія вся музыка сосредоточивается въ дудкѣ и большомъ барабанѣ и производится слѣдующимъ образомъ: сперва барабанщикъ ударяетъ, съ весьма малыми паузами, отъ тридцати до пятидесяти разъ; затѣмъ нѣсколько времени слышна дудка; потомъ онъ сильнѣйшимъ образомъ ударяетъ въ барабанъ разъ или два, и если кожа не лопнула, то снова продолжаетъ мелкою дробью.

Гораздо пріятнѣе слышать звонкую дудку пастуха, при закатѣ солнца. Сѣверная сторона крымскихъ горъ переходитъ изъ оранжеваго цвѣта въ красный и потомъ въ превосходный

фіолетовый; въ воздухѣ тихо; долины тонуть въ тѣни, и по нимъ стелется вечерній туманъ. Тогда звонко и весело раздается свирѣль пастуха и придаетъ вечеру особую прелесть.

Время богатства и блеска восточной поэзіи у народовъ Крыма уже прошло, и это доказывается бѣдными остатками стихотвореній, которыя до сихъ поръ живутъ въ народѣ, но едва заслуживаютъ названія поэзіи. Поговорки, принадлежащія преимущественно нѣкоторымъ мѣстностямъ, лучше всего сохранились въ народѣ, и причина этого заключается въ постоянномъ стремленіи здѣшнихъ магометанъ—самыхъ мелкихъ подробности жизни съ невѣроятною легкостію повторять въ изустныхъ реченіяхъ. Въ свободное время они обыкновенно занимаются разсказами о знаменитыхъ разбойникахъ и витязяхъ, или болтаютъ о предметахъ обыкновенной жизни. Изъ правильныхъ стихотвореній мнѣ извѣстны два, изъ которыхъ одно древняго происхожденія: въ немъ воспѣтъ Бахчисарай, и оно поется при всякомъ празднествѣ, другое сочинено въ новѣйшее время, и предметомъ ему послужилъ извѣстный художникъ Айвазовскій, который, будучи армянскаго происхожденія и родясь въ Θεодосіи, отлично знаетъ татарскій языкъ и дѣлаетъ бѣднымъ много добра, за что и пользуется у татаръ большимъ уваженіемъ.

Жилище ногайца строится изъ глины и дерева; камни въ дѣло не идутъ, еще менѣе употребляется желѣзо; крыши кроются, бѣльшею частію, черепицею. Кирпичъ для стѣнъ готовится изъ чистой глины, находимой вездѣ въ степяхъ подъ черноземомъ. Окна дѣлаются безъ ставней и безъ рамъ и съ внутренней стороны заклеиваются тонкою бумагою. Только въ одномъ мѣстѣ окна можно найти или небольшое отверстіе, или вставленный осколокъ стекла, чтобы черезъ него можно было смотрѣть наружу. Единственныя двери дома выходятъ на степь и всегда бывають обращены на югъ. Внутри жилище татарина бываетъ чисто вымазано глиною; потолокъ не дѣлается изъ досчатой подшивки, а обрзается самою крышей.

Когда войдешь въ домъ зажиточнаго селянина, то увидишь съ обѣихъ сторонъ по комнатѣ: одна изъ нихъ назначается для гостей и мужчинъ, а другая для женщинъ. Главныя принад-

лежности татарской кухни: бочка, гдѣ заключается скопъ кислаго молока или овечій сыръ, столъ, кадка съ масломъ, вмѣсто стульевъ нѣсколько деревянныхъ обрубковъ, одинъ или два чугунные котла; иногда посѣтитель найдетъ еще сковороду и деревянную ступку. По стѣнамъ кухни висятъ веревки, ремни, косы, серпы, лопаты и топоры; на полкахъ стоятъ глиняные сосуды.

Изъ кухни черезъ маленькія двери, согнувшись, вы входите въ комнату. Если вы уважаете магометанскіе обычаи, то должны снять съ ногъ обувь. Вдоль стѣнъ комнаты лежатъ подушки, покрытыя одѣялами и составляющія мягкое сидѣнье; вдоль карниза деревянная полка, гдѣ хранятся священныя книги и болѣе дорогіе предметы, какъ-то: кубки, бутылки и друг.; полки обвѣшаны платками, сработанными хозяйкою дома и ея дочерьми; на печкѣ стоитъ кофейный сервизъ, а въ углу комнаты прялка и ткацкій станокъ, съ помощію которыхъ татарки приготавливаютъ шерстяныя ткани для одеждъ.

На дворѣ зима. Ужасный буранъ шумитъ въ степи и мятеть тучи снѣга къ скромнымъ жилищамъ бѣдныхъ татаръ. У сѣверной стороны каждой избы лежитъ бѣлая промерзлая масса снѣга, возвышающаяся иногда до ненадежной крыши. Если, утомленные, мы входимъ для отдыха въ жалкое жилище татарина, насъ приметъ теплая комната и печь, нагрѣтая тлѣющимъ кизякомъ; хозяйка тотчасъ снимаетъ подушки, всѣ удобно располагаются на мягкомъ войлокѣ, закуриваютъ трубки и пьютъ кофе. Какое наслажденіе! а еще большая часть людей говоритъ, что это слишкомъ бѣдно. Въ самомъ дѣлѣ, татарская комната зимою представляетъ настоящій рай послѣ открытой степи. Сами магометане понимаютъ это очень хорошо, потому что не отходятъ всю зиму отъ печи. Каждый день, послѣ утренней молитвы, добрый хозяинъ закуриваетъ трубку и, поджавъ ноги, садится противъ печи. Проходитъ четверть часа — онъ ничего не говоритъ, только моргаетъ своими узенькими глазами и курить. Когда выкурить трубку, онъ начинаетъ поминутно обращаться къ своей дражайшей половинѣ съ приказаніями подать хлѣба, воды или простокваши, что она тотчасъ и исполняетъ.

Потомъ онъ опять курить, и молча, съ серіознымъ лицомъ, сидитъ прислонясь къ печкѣ. Пройдетъ еще полчаса—онъ спрашиваетъ у жены, что дѣлаетъ корова или лошадь, и жена въ бурную погоду должна выйти изъ дому, чтобы принести отвѣтъ своему повелителю, который продолжаетъ грѣть ноги и курить. Для татарскихъ мужчинъ большая часть зимы проходитъ въ такомъ бездѣйствіи; до домашнихъ работъ татары зимой и не дотрогиваются. Если у татарина истощится весь запасъ его продовольствія, онъ идетъ къ одному изъ сосѣдей, большею частію, къ русскому государственному крестьянину, чтобы занять четверть ржи, и отдаетъ ему этотъ долгъ съ процентами, или работою въ лѣтнее время, или изъ сбора отъ будущей жатвы.

Перейдемъ теперь на дворъ. Дворъ у татаръ обыкновенно огороженъ стѣною, сложенною изъ стараго кирпича или изъ земли въ перемѣшку съ бурьяномъ. Главная принадлежность двора кучи топлива—кизякъ или, въ случаѣ недостатка послѣдняго, бурьянъ. Кизякъ состоитъ изъ смѣси навоза съ соломой; онъ вырѣзывается, какъ торфъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ зимою стояли овцы и рогатый скотъ, и потомъ просушивается на солнцѣ. Возлѣ складовъ кизяка можно увидѣть экипажъ хозяина двуколку (ат-арба) или четырехколку (маджара.) По большей части, татары ѣздятъ не подмазывая колесъ, поэтому татарскую арбу или маджару еще издали можно узнать по ея треску и визгу. Хлѣвовъ у степныхъ татаръ очень мало, да и тѣ содержатся въ самомъ жалкомъ положеніи. Скотъ у татаръ пастся всю зиму и не выгоняется на пастбище только тогда, когда выпавшій во время зимы снѣгъ долго держится на поляхъ; лошади и быки остаются на пастбищѣ и на ночь, а коровы и овцы пригоняются домой.

За дворомъ устраивается обыкновенно колодезь, изъ котораго вода черпается посредствомъ колеса. вмѣсто ведеръ татары до сихъ поръ употребляютъ, по восточному обычаю, кожаные или плотные шерстяные мѣшки.

Если кромѣ простыхъ татарскихъ избъ, мы поищемъ въ деревнѣ другихъ строеній, то прежде всего обратимъ наше вни-

маніе на стоящій особнякомъ домъ, выстроенный изъ грубаго известковаго камня и глины, покрытый черепицею и не окруженный дворомъ. Это молельня — мѣсто самое священное для татаръ, гдѣ мулла творитъ молитвы по пятницамъ и во время постовъ. Надъ храмомъ возвышается минареть, съ котораго мулла призываетъ правовѣрныхъ къ молитвѣ своимъ заунывнымъ напѣвомъ. Надъ минаретомъ возвышается башенька, и на ней шпиць съ полулуною.

Костюмъ крымскихъ татаръ весьма живописенъ. Верхняя одежда состоитъ изъ широкихъ шараваръ, перетянутыхъ широкимъ поясомъ, бѣльшую частію, яркаго цвѣта, и куртки, которая шьется изъ разноцвѣтной шелковой или бумажной матеріи, украшается шнурками и рядомъ матерчатыхъ или металлическихъ пуговиць, нашитыхъ по борту, сверху до низу. Рабочій классъ народа, поверхъ куртки, носитъ кафтанъ изъ грубаго домашняго сукна, съ большими откидными воротниками и съ очень широкими рукавами. Этотъ кафтанъ, въ рабочую пору, служитъ вмѣсто мѣшка, въ которомъ переносится хлѣбъ. Въ зимнее время, кафтанъ замѣняется бараньей шубой. Голову крымскіе татары покрываютъ шапкою изъ дубленой бараньей кожи, вышиною въ одинъ или въ пол-фута, съ кожаными или суконнымъ донышкомъ. Чалму имѣютъ право носить только муллы. Ее они обматываютъ около шапочки крестъ-накрестъ, какъ турки. Кромѣ этого, муллы отличаются отъ прочихъ татаръ зеленымъ поясомъ и суконною мантиею голубаго или бураго цвѣта. Обувь зажиточныхъ татаръ состоитъ изъ бараньихъ полусапожекъ или башмаковъ желтаго цвѣта съ острыми и загнутыми вверхъ концами. Низшій классъ носитъ сандалии.

Женскій костюмъ, въ теплое время года, состоитъ изъ бумажнаго кафтана, обшитаго какою-нибудь пестрою матеріею, съ рукавами, доходящими только до локтя, какъ у мужской куртки.

Въ холодное время года, на этотъ кафтанъ надѣвается другой, по покрою очень похожій на мужской, — разница заключается только въ стоячемъ воротникѣ и въ узкихъ рукавахъ,

которые по шву украшаются маленькими металлическими пуговицами, числомъ отъ шести до девяти. Длина этого зимняго кафтана зависитъ отъ лѣтъ: у молодыхъ дѣвушекъ она едва доходить до колѣнъ, а у старухъ спускается до самыхъ пятокъ. Головной уборъ татарскихъ женщинъ составляетъ покрывало. Дѣвушки, вмѣсто покрывала, носятъ феску, т. е. небольшую красную шалочку, украшенную золотыми монетками. Прическа также неодинакова для женщинъ и дѣвушекъ. Первые собираютъ передніе волосы въ два пучка и заворачиваютъ ихъ на вискахъ, а задніе, незаплетенные, отбрасываютъ на спину. Дѣвушки заплетаютъ свои темнорусые волосы въ нѣсколько косичекъ, изъ которыхъ однѣ падаютъ по плечамъ, а другія забрасываются на спину. Браслеты, бусы и широкіе серебряные пояса составляютъ необходимое украшеніе всѣхъ татарокъ. Кромѣ этого, онѣ имѣютъ обыкновеніе красить волосы и почти красною краскою, приготовляемою изъ какого-то порошка.

Необходимую принадлежность татарскаго костюма, какъ мужскаго, такъ и женскаго, составляютъ кожаные сумочки съ серебряными ящиками, въ которыхъ спрятаны молитвы. Эти сумочки, имѣющія значеніе амулетовъ, мужчины носятъ на груди или на спинѣ, а дѣвушки вплетаютъ въ косы.

21. Молдаване.

Общій составъ народонаселенія Бессарабіи.—Характеръ и бытъ молдаванъ.—Наружность, одежда, жилища и пища.—Семейный бытъ.—Религіозность.—Свадебные обряды.—Повѣрья и примѣты.—Пляски.—Народныя пѣсни.

(Матеріалы Географіи и Статистики.)

Народонаселеніе Бессарабіи пестро и разнообразно: молдаване, русины, великороссіяне, поляки, нѣмцы, армяне, болгары, швейцары, греки, сербы, арнауты, евреи и цыгане; каждый изъ этихъ народовъ имѣетъ тамъ своихъ представителей; но господствующее населеніе Бессарабіи, почти три четверти ея жителей, состоитъ изъ молдаванъ. Поэтому рассмотримъ это племя поближе.

Молдаванинъ-простолюдинъ имѣетъ характеръ испорченный порабощеніемъ, чуждый энергіи и удали, но склонный къ мирной дѣятельности. Онъ тихъ и, подобно малороссу, скрытенъ, но въ молдаванинѣ южная его натура выражается порывами пылости, мстительности и самолюбія; послѣднее въ немъ гораздо щекотливѣе, чѣмъ въ сѣверномъ жителѣ; впрочемъ, вообще простолюдинъ добръ и сострадателенъ къ ближнему, съ которымъ часто готовъ дѣлиться послѣднимъ.

Щедрая природа, роскошно вознаграждая труды земледѣльца въ здѣшнемъ краѣ, дѣлаетъ молдаванина лѣнивымъ и безпечнымъ. Причину лѣни можно еще искать и въ томъ обстоятельствѣ, что въ прежнее безпокойное время турецкаго владычества, а потомъ, благодаря развитію безчисленнаго множества чиновниковъ, румыны ничѣмъ не были обезпечены въ охраненіи своей собственности, вслѣдствіе чего и не старались пріобрѣтать. (*)

Землевладѣльцы-молдаване дѣлятся на *царанъ* и *резешей*. Крестьянинъ-царанинъ по закону лично свободенъ; онъ поселяется на помѣщичьей землѣ, получаетъ извѣстную часть для себя и за это платитъ оброкъ; работой, который *тахитит* опредѣленъ закономъ. По праву, кромѣ барщины, никакая другая обязанность не связываетъ крестьянина съ помѣщикомъ.

Царанинъ во всякое время можетъ оставить помѣщика, лишь бы только выполнилъ барщину, или лучше — уплатилъ какимъ бы то ни было образомъ слѣдующее помѣщику за пользование землею. По теоріи, онъ можетъ избрать помѣщика какого угодно, можетъ поселиться въ мѣстности болѣе соотвѣтствующей его выгодамъ; пользуясь недостаткомъ рабочихъ, можно заключить условія выгоднѣе законнаго *тахитит*. Но на практикѣ, эта теорія остается мертвою буквою. Свободный по закону крестьянинъ оказывается совсѣмъ не такимъ въ дѣйствительности и часто совершенно подчиненъ владѣльцу, потому что послѣдній, въ трудную для крестьянина минуту, старается дать ему взаймы денегъ и такимъ образомъ затянуть его въ

(*) Такое раздѣленіе молдаванъ-землевладѣльцевъ существовало до изданія новыхъ положеній.

долгъ, не требуя у него за деньги—денегъ: царанинъ можетъ отработать извѣстное количество дней и погасить долгъ. Такое условіе кажется ему чрезвычайно выгоднымъ, потому что онъ не знаетъ цѣны своему труду и работу въ чужую пользу привыкъ считать дѣломъ обыкновеннымъ. Чувство благодарности къ благодѣтелю не позволяетъ ему опредѣлить стоимости своего труда; на его совѣсти лежитъ не одинъ матеріальный, но и нравственный долгъ, и потому оцѣнку работы онъ предоставляетъ произволу благодѣтеля. Не нужно и говорить, какъ справедлива эта оцѣнка! Вслѣдствіе кажущейся легкости въ приобрѣтеніи кредита и отдачѣ долга крестьяне задалживаются поуши и дѣлаются вѣчными должниками землевладѣльцевъ. Неоплатный долгъ повергаетъ царанина въ лѣность и совершенное нерадѣніе о самомъ себѣ. Да и заботиться ему не о чемъ! Собственности у него — никакой; изба и грунтъ — помѣщичьи; одежда, скотъ и хозяйственные земледѣльческія орудія, приобрѣтенныя на взятые въ долгъ деньги, едва составляютъ сотую часть его долга,—вотъ почему царанинъ не обзаводится хозяйствомъ. Человѣкъ любитъ трудиться, когда въ трудѣ видитъ средства къ удовлетворенію своихъ потребностей, къ приобрѣтенію удобствъ, къ достиженію высшихъ, благородныхъ цѣлей; отнимите у прилежнѣйшаго изъ смертныхъ гарантію плодотворности труда, и онъ не только разлѣнится, но подвергнется апатіи, сдѣлается празднымъ и небрежнымъ. Это вліяніе имѣетъ мѣсто вездѣ, гдѣ нѣтъ свободы труда, но особенно разительно обнаруживается оно въ мѣстности, располагающей къ лѣни, какова Бессарабія. Здѣсь нуженъ сильный рычагъ личнаго интереса, чтобы подвинуть дремлющія силы къ дѣятельности.

Резеши населяютъ особые деревни наподобіе однодворцевъ, но не владѣютъ никакими исключительными правами и преимуществами. Это древніе обѣднѣвшіе землевладѣльцы, за утратою боярскихъ правъ, сохранившіе поземельную собственность.

Царанину не закрытъ доступъ въ классъ резеша; коль скоро ему удастся приобрѣсти клочекъ земли, онъ дѣлается резешемъ. Въ гражданскомъ отношеніи выгодъ отъ этого мало, но хорошо и то, что крестьянинъ приобрѣтаетъ независимость. Ца-

ране и резеши несутъ одинаковыя общественныя повинности. Разница между ними та, что одни ничего не имѣютъ, а другіе владѣютъ недвижимою собственностью. Эта собственность можетъ быть очень мала, можетъ состоять изъ хаты съ огородомъ, дворомъ и самаго незначительнаго клочка земли, но и это совершенно измѣняетъ человѣка. Тотъ же молдаванинъ, но совершенно не похожъ на своего собрата. Въ избѣ резеша можно найти порядокъ, своего рода удобства и безкорыстное гостепріимство.

Но и резеши иногда бѣднѣютъ и изъ собственниковъ обращаются въ бездомныхъ царанъ. Такой переходъ, какъ совершенно справедливо пишетъ авторъ статьи «Придунайскія княжества,» чаще всего бываетъ слѣдствіемъ долговой несостоятельности, которая, въ свою очередь, вытекаетъ изъ непомѣрной страсти молдаванъ къ тяжбамъ. У нихъ вѣчныя тяжбы съ сосѣдами, за поземельныя грани, за разнаго рода обиды, и тягаются они до тѣхъ поръ, пока не потеряютъ кредита и не очутятся въ кабакѣ у благодѣтеля, съ величайшею услужливостію предлагавшаго имъ средства къ веденію тяжбы, чаще всего — у своего брата резеша, сдѣлавшагося чиновникомъ. Рѣдко можно найти деревню резешей необремененную долгами, которые ввергаютъ свободнаго крестьянина въ состояніе весьма близкое къ рабству. Есть деревни, которыя за проценты не только отбываютъ сосѣдямъ помѣщикамъ барщину, но еще даютъ даремщину: куръ, сыръ, масло, ленъ, пряжу и проч. Посредникомъ въ обремененіи долгами царанъ и резешей обыкновенно бываетъ еврей, содержатель шинка, уплачивающій аренду регистромъ отпущенной въ долгъ водки, и потому дѣлающій довѣріе всякому, кто можетъ жать, косить, владѣть скотомъ для паханія и транспорта. Арендаторы корчемъ заключаютъ съ сосѣдними помѣщиками предварительныя условія, по которымъ, за извѣстную поголовную плату, переходить на барскую работу каждый, опоенный въ счетъ будущихъ благъ, независимый крестьянинъ. Нужно сказать, что положеніе еврея корчмаря здѣсь одно изъ прибыльнѣйшихъ: оно обезпечиваетъ легкіе и вѣрные барыши, основаніемъ которыхъ служить кре-

дить неограниченный и притомъ чуждый опасенія потерь, потому что любой помѣщикъ готовъ заплатить не только всѣ водочные долги рабочихъ крестьянъ, но и дать лишнее за уступку. Кромѣ этого, есть много и другихъ средствъ, ведущихъ къ той же цѣли. Здѣсь мы упомянемъ о вредѣ, причиняемомъ скотомъ крестьянъ на поляхъ помѣщиковъ. Последніе часто приобрѣтаютъ земли, лежащія между лугами, пастбищами и запашками простыхъ земледѣльцевъ и обсквываютъ ихъ такъ, что крестьянскій скотъ не можетъ пройти, не сдѣлавъ вреда. Резеши бываютъ иногда до того окружены помѣщичьими пашнями, что должны провожать на пастбище каждую штуку скота особенно, лишь бы избавиться отъ напасти. Безъ такой предосторожности, имъ приходится разсчитываться за каждый сломанный стебелекъ кукурузы. Вотъ источникъ равнодушія и лѣни простолюдина, его нелюби къ помѣщикамъ и его подозрительности къ справедливости законовъ и неуваженія къ чиновникамъ, о которыхъ у молдаванъ есть злыя и мѣткія поговорки.

Наружность молдаванина-простолюдина носить на себѣ слѣды южнаго его происхожденія, смягченные славянскимъ типомъ. Молдаванинъ обыкновенно выше средняго роста и сухаго, мускулистаго тѣлосложенія, большею частію, имѣетъ темный цвѣтъ волосъ, выразительную фizioномію, довольно правильный профиль, темные глаза, густыя брови и усы. Движенія ихъ вялы и неуклюжи, а походка медленная и тяжелая; грудь и шея у нихъ всегда открыты. Большая часть молдаванъ-простолудиновъ носятъ длинные до плечъ волосы, а бороды всегда брѣютъ.

Молдаванка, большею частію, выше средняго роста, стройна, съ густыми темными волосами. Лице ея не отличается правильностію: у нее низкій лобъ, замѣтно выдавшіяся скулы, острый носъ; вообще въ линіяхъ контура кривизна преобладаетъ надъ правильностію и округленностію. Смугловатый цвѣтъ кожи, темные, блестящіе, полные огня глаза, граціозныя движенія, то лѣнивыя, то быстрыя и порывистыя, придаютъ молдаванкѣ много прелести, свойственной исключительно женщинамъ юга. Но зато, какъ и вообще южныя женщины, молдаванка скоро

старѣется, и часто женщина за 30 лѣтъ теряетъ всю грацію, всю прелесть молодости. Молдаванка по природѣ добра, но права пылкаго, и ея южная натура рѣзче выражается въ крайностяхъ женскаго характера, чѣмъ у женщинъ болѣе умѣреннаго климата. Женщина-поселянка, предоставленная самой себѣ вслѣдствіе безопасности мужа, всегда дѣлается расчетливою и бережливою. Скромная, послушная и покорная мужу, какъ главѣ семейства, она неуживчива съ посторонними. Вотъ почему здѣсь, какъ и въ Малороссіи, женатый селянинъ тотчасъ же отдѣляется отъ родныхъ, часто въ ущербъ своему собственному благосостоянію.

Молдаванинъ-селянинъ живетъ съ семействомъ въ небольшой, опрятной, выбѣленной, чамурной или валькованной хатѣ (*касса*;) которая строится изъ навознаго кирпича и небольшого количества дерева.

На томъ мѣстѣ, гдѣ предполагается поставить хату, для устройства стѣнъ сперва вбиваютъ въ землю деревянные кольца, которые переплетаются хворостомъ; послѣ чего этотъ плетень обкладывается съ обѣихъ сторонъ чамуромъ. Чамуръ дѣлается изъ смѣси глины съ рубленою соломой и конскимъ навозомъ. По возведеніи стѣнъ приступаютъ къ устройству крыши и потолка.

Самое начало постановки хаты во многихъ мѣстахъ Бессарабіи сопровождается нѣкоторою торжественностію. Хозяинъ, намѣревающийся строить новую кассу, сзываетъ всѣхъ знакомыхъ въ деревнѣ. Собравшіеся гости раздѣляются на партіи: одна, подъ звуки музыки цыганъ, ходячихъ артистовъ, — составляетъ *джозъ* (танецъ въ родѣ хоровода,) а изъ другой партіи — мижчины готовятъ чамуръ и устраиваютъ плетень новой хаты, а женщины занимаются обкладываніемъ плетня чамуромъ; при этомъ, разумѣется, хозяинъ угощаетъ рабочихъ виномъ. Подобныя собранія въ обычаѣ у молдаванъ-простолудиновъ. Этимъ обычаемъ пользуются священники, монастырь и помѣщики при обработкѣ своихъ полей, собирая или, лучше сказать, приглашая поселянъ на *клакъ* (общественная работа, помощь.) Работа клакомъ обходится несравненно дешевле обыкновеннаго

найма работниковъ; вина почти у каждого достаточно и домашняго, а наемъ двухъ, трехъ странствующихъ цыганъ-музыкантовъ обойдется хозяину не дороже одного или 1½ рубля въ день.

Чамурныя строенія употребляются въ лѣсистыхъ мѣстахъ Бессарабіи; въ мѣстахъ же, гдѣ лѣсъ дороже, строятся валькованныя. Послѣднія отличаются отъ чамурныхъ тѣмъ только, что колья вмѣсто хвороста переплетаются соломой, напитанною чамуромъ. Въ Буджакѣ, на югѣ области, гдѣ лѣса почти совсѣмъ нѣтъ, хаты дѣлаются изъ мѣстнаго плитняка или землебитнаго кирпича.

Кругомъ кассы молдаванина, какъ и у малороссіянъ, дѣлается всегда *пристба* (завалина;) снаружи хата почти всегда выбѣлена, крыши крыты соломой, но больше камышемъ. Трубы на крышѣ дѣлаются только у зажиточныхъ; обыкновенно же дымъ изъ печи, сквозь отверстіе въ стѣнѣ, идетъ прямо къ крышѣ, вслѣдствіе чего внутренность чердака всегда покрыта толстымъ слоемъ сажі. Хата молдаванина обыкновенно состоитъ изъ сѣней, одной или двухъ комнатъ и каморки—зимняго жилья хозяевъ. Стѣны комнатъ всегда тщательно выбѣлены, а полъ ровно вымазанъ глиною. Едва ли можно встрѣтить гдѣ-нибудь столько чистоты въ обстановкѣ домашняго быта простаго класса людей, какъ у молдаванъ: все опрятно, прибрано, выбѣлено. Въ углу комнаты, на востокъ, висятъ иконы, убранныя цвѣтами, нерѣдко искусственными, и драпированныя кускомъ бумажной или шелковой матеріи; подъ окнами, на полкѣ, лежатъ свѣчи, просфора, съ боковъ висятъ, связанные накрестъ, небольшіе пучки перваго сжатаго хлѣба, тутъ же прибиты къ стѣнѣ куски обоевъ, а далѣе развѣшаны картины лубочной литографіи разныхъ видовъ и содержанія. Перекладина подъ потолкомъ унизана яблоками и звѣздчатыми небольшими тыквами, желтаго цвѣта. Тутъ же въ углу пучки пахучаго василька, высушивая который, молдаванки-дѣвушки (*фаты*) обращаютъ его въ порошокъ и посыпаютъ имъ свои платья, отправляясь на чью-нибудь свадьбу или просто на джогъ. Во время сбора винограда, потолокъ хаты убирается кистями его.

Подъ образами, во всю длину стѣны, находится широкій, мягкій диванъ, покрытый, у зажиточныхъ хозяевъ, богатыми коврами, а у небогатыхъ — простыми, но лучшими коврами собственнаго издѣлія, сдѣланными, какъ выражаются здѣшніе простолюдины, «кускоарцы цесѹте де мыне фрумдасе» (прекрасными и умѣющими руками).

По дивану, вмѣсто спинки, къ стѣнѣ кладутъ подушки изъ красной или зеленой, болѣею частію, шерстяной матеріи, набитыя сѣномъ. Около дивана къ окну подставленъ чистый столъ, покрытый ковромъ, клеенкою или полотномъ. Около стола два, три стула, тоже покрытые маленькими коврами. Въ заднемъ концѣ, на углу дивана, стоитъ раскрашенный сундукъ, на которомъ въ порядкѣ положены ковры и подушки, это «*зестре*,» приданое хозяйскихъ дочерей. Сундуки зачастую пусты. Все это возвышеніе, приданое, покрыто узорчатымъ шерстянымъ одѣяломъ, и чѣмъ оно выше, тѣмъ болѣе показываетъ трудолюбіе хозяйки и благосостояніе живущихъ въ домѣ.

Надъ диваномъ нерѣдко протянута жердочка, по которой развѣшанъ гардеробъ хозяевъ. Тутъ и чистенькія, ситцевыя и шелковыя платья хозяйки и дочерей, шубки на мѣху, крытыя сукномъ, и «кожокъ» (кожухъ) мужа,—все это защищено отъ пыли полотномъ.

Въ рѣдкой хатѣ можно найти болѣе одной печи, которая обыкновенно устраивается такъ, чтобы согрѣвала комнаты и кѣмарѣ. Печи весьма непрочны и украшены почти всегда разными арабесками собственной фантазіи. Впрочемъ, русская печь замѣтно входитъ въ употребленіе у молдаванъ.

Въ комнатѣ молдаванина всегда три окна, въ образъ св. Троицы, да еще за печкою между комнатою и коморкою продѣлано слуховое окно. Въ кѣмарѣ—на дворъ, тоже дѣлается слуховое окно. У богатыхъ и болѣе зажиточныхъ въ окна вставлены стекла, а у бѣдныхъ—вмѣсто стеколъ—пузыри. Вообще хозяйки тщательно смотрятъ за комнатами, каждое утро ихъ выметають и передъ прездниками мажутъ полъ и бѣлятъ стѣны. Около хаты достаточнаго селянина, въ мѣстахъ обильныхъ лѣсами, иногда устраивается небольшая хатка съ кладовою, въ

которой хранятся разныя хозяйственныя принадлежности. Тутъ же дѣлается погребъ для храненія вина. Вблизи хаты устроены большія изъ хвороста корзины, въ которыхъ хранятся отдѣленные отъ стебля початки кукурузы; неподалеку отъ этого находится конюшня, сплетенная изъ хвороста и обмазанная грубо чамуромъ; такая же овчарня и другія хозяйственныя пристройки, составляющія дворъ, который обносится невысокимъ плетнемъ или заборомъ, а въ безлѣсныхъ мѣстахъ—грубо выложеннымъ изъ мѣстнаго камня.

Въ степныхъ мѣстахъ Бессарабіи и у бѣдныхъ царанъ повсемѣстно подлѣ хаты нѣтъ ни сарая, ни амбара, ни хлѣва, ни забора; все его хозяйство сложено въ кѣмарѣ; рабочій скотъ лѣтомъ находится въ общемъ стадѣ, а зимою—въ общемъ загонѣ.

Одежда молдаванъ во многомъ схожа съ одеждою малоросіянъ, но въ ней тоже многое заимствовано отъ турокъ.

Мужская одежда состоитъ изъ демикатоноваго, а у богатыхъ шелковаго кафтана, подпоясаннаго шерстянымъ кушакомъ разныхъ цвѣтовъ. Богатый селянинъ, сверхъ кушака, подпоясывается еще широкимъ ремнемъ, украшеннымъ пуговицами, крестиками и разными блестками. Шаровары носить демикатоновые, преимущественно синіе и очень широкіе, или изъ домашняго сукна. Сверхъ кафтана надѣвается куртка изъ пестрой матеріи, подбитая мѣхомъ. Сапоги длинные, съ высокими каблукми, подбитыми нерѣдко мѣдью и разукрашенные на подборахъ фигурами. Вообще каждый молдаванинъ-парубокъ старается щегольнуть поясомъ, сапогами и пестротой своего наряда, въ которомъ онъ неюклюжъ, тяжелъ, неповоротливъ.

Женскую одежду составляютъ: ситцевое, шерстяное или шелковое платье, кацавейка, подбитая мѣхомъ, и шелковый или бумажный платокъ, болѣею частію пестрый.

Замужнія женщины убираютъ свои волосы подъ платокъ; дѣвушки ходятъ съ открытыми головами; онѣ заплетаютъ свои роскошныя волосы или въ нѣсколько косъ, которыя спускаются по плечамъ, или въ одну кучу, придерживаемую гребнемъ, разукрашеннымъ стеклышками. Молдаванки вообще охотницы щего-

лять; носить много колець, ожерелья и блестящія серьги. Впрочемъ, надо отдать справедливость дѣвушкамъ молдаванкамъ, что въ обыкновенные дни онѣ одѣваются просто, но чисто, со вкусомъ и даже нѣкоторымъ кокетствомъ.

Зимняя мужская одежда состоитъ изъ ватной фуфайки, овчиннаго кожуха, овчинныхъ шароваръ и бараньей, смушковой шапки. Зимнюю женскую одежду составляютъ обыкновенно: платье, кацавейка, подбитая мѣхомъ, и овчинный тулупъ. Старухи повязываютъ голову, вмѣсто платка, бѣлымъ полотномъ.

Пищу простолюдина составляетъ преимущественно *мамалыга*, т. е. прѣсное тѣсто, приготовляемое изъ муки кукурузы.

Мамалыга замѣняетъ хлѣбъ и часто составляетъ собою всю кухню селянина; ее ѣдятъ по нѣсколько разъ въ день, причемъ не нужны ни вилка, ни ножикъ, ни ложка. При употребленіи мамалыги, молдаванинъ беретъ рукою кусокъ тѣста, мнетъ его въ ладони, послѣ чего обмакиваетъ въ растопленное масло или сало и затѣмъ въ овечій сыръ (*брынза*.) Другія кушанья замѣствованы или у малороссовъ, или у турокъ.

Вообще надо замѣтить, что молдаванинъ не прихотливъ; онъ совершенно спокоенъ, если у него есть запасъ кукурузы для мамалыги, чтобы было чѣмъ утолить голодъ; но молдаванина можно упрекнуть въ нетрезвости. Онъ любитъ не только пьянство, но и самый процессъ опьянѣнія, истребляя са разстановкою, на дружескомъ *«сокотелло»* (совѣтъ, рада,) большое количество вина и водки.

Въ селеніяхъ шинокъ постоянно полонъ посѣтителей; это своего рода деревенскій клубъ, сборное мѣсто, гдѣ молдаванинъ научается практической мудрости и изучаетъ политическую экономію. Здѣсь всегда можно встрѣтить голову, волостнаго, сельскаго писаря, старшинъ и прочую сельскую знать. Здѣсь рѣшаются всѣ общественные вопросы и, подъ хмѣлькомъ, здѣсь же совершается судъ и расправа.

Въ семейномъ быту молдаванъ-поселянъ господствуетъ патріархальное уваженіе и подчиненность главѣ семейства. Слово: *ты* употребляется только въ обращеніи со взрослыми; прочіе, всѣ, даже супруги, говорятъ другъ другу: *вы*. Хозяинъ и госпо-

динъ въ домѣ—мужчина, и послѣ обѣда, помолясь Богу, жена всегда первая цѣлуетъ руку у мужа. Все хозяйство лежитъ на отвѣтственности жены; вообще молдаванки трудолюбивы и болѣе всего способствуютъ нѣкоторому изобилію или, по крайней мѣрѣ, достатку въ семейномъ кругу. Многіе изъ поселянъ имѣютъ у себя корову, десятокъ другой овецъ, пару лошадей или воловъ, а это даетъ уже возможность удовлетворить даже не первой нуждѣ. *Барбатулъ* (мужъ) въ домашнее хозяйство почти не входитъ, да его рѣдко можно и видѣть дома: онъ или въ корчмѣ, или за литрой водки съ веселой компаніей толкуетъ о тревоженіяхъ моря житейскаго, о сильныхъ міра сего, или сидитъ дома на печи и дремлетъ.

Въ деревенскихъ собраніяхъ и компаніяхъ, мужчины, какъ въ занятіи мѣстъ, такъ и при подчиваніи, пользуются преимуществами передъ женщинами. Даже въ церкви женщины становятся всегда позади мужчинъ, и только рѣдкая, пользующаяся всеобщимъ уваженіемъ, становится у алтаря впереди мужчины; но вообще, для причастія, приложиться къ кресту или иконѣ женщины приступаютъ къ алтарю послѣ мужчинъ.

Молдаване всѣ безъ исключенія исповѣдуютъ православную вѣру. Простолюдины весьма набожны, строго соблюдаютъ посты и всѣ религіозные обряды, часто не понимая ихъ значенія. Хорошій, дѣльный, умный, добросовѣстный священникъ можетъ имѣть благотѣльное вліяніе на развитіе простолюдина. Во многихъ мѣстахъ и теперь къ священнику прибѣгаютъ за наставленіями въ разныхъ житейскихъ обстоятельствахъ, и умный, добрый совѣтъ его и рѣшеніе готовы принять за законъ. Священнику во всѣхъ обрядахъ, обычаяхъ и на празднествахъ оказывается предпочтеніе и дается первое мѣсто.

Обычаи и обряды, сохраняемые молдаванами, выражаютъ характеръ народа добраго, гостепріимнаго, привѣтливаго. Родины, крестины, свадьбы, похороны, новоселье и т. д. сопровождаются хлѣбосольствомъ; при всѣхъ случаяхъ хозяинъ сзываетъ гостей, угощаетъ ихъ, а тѣ, въ свою очередь, являются съ хлѣбомъ-солью, съ подарками, съ добрымъ словомъ, привѣтомъ, поздравленіемъ или соболѣзнованіемъ, которыя всегда

выражаются, по восточному обыкновенію, цвѣтистыми, часто приѣмованными фразами.

Свадебные обряды молдаванъ-простолюдиновъ весьма замѣчательны и интересны.

Молодой парубокъ избираетъ самъ себѣ невѣсту, — родители въ это дѣло почти не вмѣшиваются, и не было случая, чтобы они заставляли насильно сына жениться на той, которая ему не по нраву, или принуждали дочь выходить за немилаго.

«Если хочеть, пусть себѣ идетъ за такого-то, — говоритъ благоразумно отецъ:—вѣдь она съ нимъ будетъ жить, а не я.» Мать соглашается съ мужемъ. Не находя себѣ невѣсты по нраву въ той деревнѣ, гдѣ живетъ самъ, парубокъ отправляется съ хорошимъ пріятелемъ, женатымъ человѣкомъ, въ окрестныя деревни и, встрѣтивъ тамъ какую-нибудь черноокую *фату* (дѣвушку,) поразившую его красотой, знакомится съ нею.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ знакомства, которое хранится въ глубокой тайнѣ, выпытавъ отъ своей возлюбленной, что она готова отдать ему руку и сердце, женихъ объявляетъ о томъ своимъ родителямъ, которые стараются подробно и достоверно узнать все о будущей роднѣ. Если выборъ достоинъ, они даютъ полное согласіе, въ противномъ случаѣ совѣтуютъ найти другую. Впрочемъ, преимущественно родители даютъ полное согласіе, но какъ опытные совѣтуютъ какъ поступать, чтобы не пенять потомъ на свою судьбу.

Не лишнимъ считаемъ прибавить здѣсь, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бессарабіи существуетъ еще обычай воровать себѣ невѣсть.

Парубокъ, ознакомившись хорошенько съ какой-нибудь фатой, которая ему взаимно отвѣчаетъ любовью, съ ея согласія, уводитъ ее тайкомъ изъ родительскаго дома, при помощи пріятелей-порубковъ. Едва лишь пріобрѣтенная такимъ образомъ невѣста вступить на порогъ отцовской хаты своего жениха, какъ немедленно одинъ изъ пріятелей дѣлаетъ выстрѣлъ изъ пистолета, чтобы въ деревнѣ всѣ знали о случившемся. Жениху, Впрочемъ, надо зорко смотрѣть за своею невѣстою, по-

тому что случается, что бойкая деревенская кокетка-красавица может сдѣлать его посмѣшищемъ всей деревни: если онъ будетъ, какъ говорится, зѣвать, ее могутъ, безъ сомнѣнія по ея же согласію, украсть и у него, какъ онъ укралъ ее изъ родительскаго дома.

Намъ случилось быть свидѣтелемъ свадьбы, на которой невѣста была уже въ третьихъ рукахъ. Надо было слушать каламбуры, пасмѣшливыя остроты, отпускаемыя деревенскою молодежью на счетъ первыхъ двухъ жениховъ, присутствовавшихъ тутъ же, и видѣть неліцемерную горестъ послѣднихъ, обманутыхъ коварною кокеткой. А горевать, дѣйствительно, было о чемъ: невѣста была въ полномъ смыслѣ красавица!...

Когда родители согласны, то парубокъ обращается въ такомъ случаѣ къ родственнику, преимущественно къ своему крестному отцу, а за неимѣніемъ его — къ лицу постороннему, но вообще къ старому, почетному человѣку. Этотъ послѣдній, принявъ на себя обязанность и названіе старосты, приглашаетъ одного изъ почетныхъ хозяевъ той деревни, гдѣ живетъ будущая невѣста, вмѣстѣ съ нимъ отправляется въ домъ ея родителей и, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, говоритъ: «Кумъ! я пришелъ вотъ почему: пріѣхалъ ко мнѣ парубокъ, изъ такой-то деревни, такого-то хозяина, я полагаю, что онъ хочетъ жениться на вашей дочери. Этотъ парубокъ хорошій человѣкъ, умница и сынъ хорошаго хозяина. Если думаешь, кумъ, отдавать замужъ дочь—придемъ, поговоримъ.» Отецъ невѣсты отвѣчаетъ: «милости просимъ, кумъ, приходите, если понравится, то мы поговоримъ.»

Намѣреваясь выдать замужъ дочь, родители дѣвушки, съ своей стороны, избираютъ старостъ, вмѣняя имъ въ обязанность разузнать на мѣстѣ: о состояніи жениха, его поведеніи, занятіяхъ и проч. Получивъ удовлетворительныя свѣдѣнія, родители дѣвушки дозволяютъ пріѣхать къ нимъ жениху, который является къ нимъ въ домъ въ сопровожденіи старостъ обѣихъ сторонъ. Молодыхъ людей знакомятъ официально, благословляютъ образомъ; послѣ чего невѣста цѣлуетъ у всѣхъ руку, не исключая и жениха. Тутъ же идетъ трактать о приданомъ

невѣсты, причемъ обязанность старосты заключается въ томъ, чтобы выпрашивать какъ можно болѣе. Затѣмъ готовится ужинъ, идетъ попойка, на дворѣ выстрѣлы изъ ружей и пистолетовъ. Пирушка продолжается далеко за полночь. Во время пирушки накрывается отдѣльно столъ, на который ставятъ двѣ тарелки: на одну родители невѣсты кладутъ кольцо и платокъ, а женихъ на другую кладетъ деньги. Отецъ зоветъ дочь и говоритъ: «ступай и возьми, что тебѣ угодно.» Дочь беретъ деньги, а женихъ платокъ и кольцо. Такимъ образомъ совершается обрученіе.

На прощаньѣ назначается окончательный день, въ который рѣшится дѣло о свадьбѣ. Этотъ день называется: *zioa di rastunej* — днемъ отвѣта. Послѣ этого дня размолвка невозможна; по крайней мѣрѣ о ней не слышно.

Затѣмъ уже, обѣ стороны отправляются въ городъ и покупаютъ все нужное, приглашаютъ цыганъ-музыкантовъ и проч. Наканунѣ назначеннаго дня свадьбы, что бываетъ обыкновенно въ субботу, женихъ приглашаетъ къ себѣ родственниковъ и всю молодежь изъ деревни. По полученіи благословенія отъ родителей, онъ отправляется верхомъ, въ сопровожденіи своихъ товарищей, въ домъ невѣсты. Позади поѣзда жениха ѣдутъ въ повозкахъ его родственники. Въ срединѣ повозокъ помѣщаются въ одной *каруцѣ* цыгане-музыканты, которые въ продолженіе всей дороги до той деревни, гдѣ живетъ невѣста, наигрываютъ и напѣваютъ пѣсни; молодежь же выказываетъ удалство въ скачкѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ, гдѣ живетъ невѣста, *нири* (женихъ) посылаетъ впередъ двухъ *кунокаріевъ* (друзки) извѣстить, что свадебный поѣздъ у деревни, и чтобы тамъ приготовились. Отецъ *нирѣсы* (невѣсты,) узнавъ отъ кунокаріевъ, сколько семействъ и холостыхъ ѣдутъ съ женихомъ, заботится о приготовленіи имъ квартиръ въ постороннихъ домахъ.

По приближеніи жениха къ невѣстѣ, одинъ изъ кунокаріевъ, имѣющій даръ и способность говорить отчетливо и выразительно, произноситъ слѣдующую рѣчь: «Добрый день, прекрасная дѣва и честные господа! каково поживаете вы? Мы, благодаря

Бога, живемъ хорошо. Нашъ царь, охотясь разъ съ своими подданными, замѣтилъ слѣдъ не птицы, а достойной его дѣвицы; выбралъ изъ войска двухъ молодцовъ, съ виду лихихъ, со словъ ученыхъ, и послалъ по свѣту. Скажите же намъ, за чѣмъ странствуемъ? чего ищемъ? Мы не слуги, не торговцы воловъ, но выбранные посланники царя. Наткнувшись тутъ на цвѣтокъ, нашъ царь, по совѣту совѣтниковъ, хочетъ перенести этотъ цвѣтокъ въ свой садъ. Дайте намъ калачъ сахарный, платокъ льняной, утирать губы послѣ вина и платокъ къ уздечкамъ нашихъ лошадей. Увидѣвши насъ, царь узнаетъ, что все исполнено въ точности. Когда пріѣдетъ нашъ царь—земля застонетъ, когда сойдетъ съ лошади—земля затрясется. Но царь идетъ не съ силою, не съ величіемъ, и не съ саблею сражаться, а съ покорностью, съ привѣтомъ. Приготовьте возы съ сѣномъ, жирныхъ овецъ, вкусный хлѣбъ, бочки съ виномъ, пригласите за столъ и насъ молодцовъ.»

Послѣ этого привѣтствія, невѣста начинаетъ кропить своего суженаго водою, а кунокаріямъ даетъ по платку. Женихъ въ благодарность ей бросаетъ червонецъ. Затѣмъ пріѣхавшіе съ женихомъ расходятся по своимъ квартирамъ. Нѣри тоже имѣетъ отдѣльную квартиру у кого-нибудь изъ будущей родни; къ нему скорѣ собираются гости и устраиваютъ джогъ; въ домѣ невѣсты также идетъ джогъ.

Во время этихъ джоговъ, женихъ и невѣста взаимно посылаютъ другъ другу подарки и ѣздятъ другъ къ другу на пиръ. На другой день, т. е. въ воскресенье, назначается свадьба. Съ ранняго утра товарищи жениха верхомъ, съ флягою, наполненною виномъ, повѣшенною на ремнѣ черезъ плечо, отправляются по деревнѣ и просятъ cadaго хозяина хаты съ семействомъ на свадьбу. Когда соберутся гости, молодыхъ ведутъ въ церковь; впереди идетъ посаженный отецъ съ женихомъ и парубками; за ними посаженная мать съ невѣстой и ея подругами, а позади ихъ музыканты. Во время шествія играетъ музыка, а парубки, по временамъ, издають дикій, неистовый, протяжный крикъ. По окончаніи обряда, родственники и знакомые, присутствующіе тутъ, осыпаютъ молодыхъ сѣменами и

орѣхами съ пожеланіемъ счастія. По возвращеніи изъ церкви, молодыхъ встрѣчаютъ родители жениха.

Между тѣмъ, шаферы ходятъ по деревнѣ и просятъ къ столу. За этимъ столомъ главное лице посаженная мать, которую ведутъ въ домъ музыканты. По окончаніи обѣда молодые составляютъ около хаты джогъ. Во время джого дружки обходятъ гостей; присутствующіе за столомъ даютъ деньги. Деньги эти отдаютъ молодой, послѣ чего гости расходятся.

Молдаванинъ-простолюдинъ, соблюдая всѣ священные обряды и постановленія православной церкви, примѣшиваетъ къ своему вѣрованію и вымыслы народнаго суевѣрія. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

Въ понедѣльникъ молдаванка ни за что не дастъ изъ дома огня, хлѣба, сыра, масла, словомъ, ничего изъ домашняго хозяйства, чтобы не обѣднѣлъ ея домъ. Въ этотъ же день она не станетъ ничего считать, чтобы не было въ домѣ пропажъ, и если кто изъ вошедшихъ вздумаетъ что-либо считать изъ ея хозяйства, то, въ отвращеніе зла, она проворчитъ «считай свои зубы.»

Во вторникъ ничего не снуютъ.

Въ субботу ничего не кроютъ, опасаясь, что тотъ, для кого будутъ кроить, скоро умереть. Вечеромъ паранка не мотаетъ ни нитокъ, ни шерсти, изъ опасенія, что ея семья разбредется по свѣту; также не мететъ комнаты, а если и замететь, то сора не выносить, опасаясь, что судьба отдѣлитъ ее отъ семьи.

Принесенную ночью воду молдаване стануть пить не иначе, какъ бросивши туда три горячіе угля, потому что ночью въ водѣ сидитъ нечестый духъ, и горячіе угли, брошенные съ молитвою, уничтожаютъ его вліяніе. Если пѣтухи поютъ ранѣе обыкновеннаго, то это служить признакомъ переменъ погоды, или того, что по деревнѣ ходятъ злые люди.

Въ понедѣльникъ мелдаванка опасается разсердить другую женщину, чтобы та не плюнула на нее; оплеванная въ этотъ день боится, что ее будутъ всѣ ненавидѣть.

Увидѣвши новый мѣсяцъ, молдаванинъ, если при немъ есть деньги, показываетъ ихъ мѣсяцу и говорить: «какимъ меня

встрѣтилъ, такимъ и оставь; если же при немъ нѣтъ денегъ, значить, будетъ терпѣть нужду.

Если появившійся молодой мѣсяцъ застилается тучами, то поселяне опасаются падежа скота.

Въ день Рождества Христова молдаване встаютъ какъ можно ранѣе и непременно занимаютъ какою-нибудь работою, напр.: хозяинъ рубить дрова, пилить, долбить долотомъ, а хозяйка шить, прясть, или чесать ленъ, для того, чтобы цѣлый годъ легко работалось.

(Въ среду средопостя великаго поста хозяйка, сосчитавъ наличное число куриныхъ яицъ, находящихся въ домѣ, бросаетъ одно черезъ курицу, чтобы водилась птица.) На св. Георгія 23 апрѣля, ночью стригутъ коровъ, иначе можетъ ихъ выдохнуть въ эту ночь вѣдьма и цѣлый годъ не будстъ у нихъ молока.

Въ мясопустъ филипповокъ молдаванки не берутъ въ руки ни конопли, ни льна; иначе, на слѣдующее лѣто въ маслѣ и сырѣ заведутся черви.

Отъ Андрея Первозваннаго (30 ноября) до самаго Рождества не снуютъ и не ткутъ ни полотна, ни сукна, изъ опасенія, чтобы волки, за несоблюденіе этого обычая, не расхитили ихъ овецъ; отъ Рождества Христова до Крещенія не работаютъ только потому, чтобы коровы хорошо телились.

День св. Фоки молдаване празднуютъ особенно торжественно. *Фокъ* по-молдавански значить огонь, и празднованіе этого дня считаютъ лучшимъ средствомъ для предохраненія отъ пожара. Среда, на 4-ой недѣлѣ великаго поста и вся недѣля послѣ Духова дня, посвящается празднованію русалокъ. Молдаванинъ въ эти дни ничего не работаетъ, а молдаванка до дня русалокъ старается набрать лекарственныхъ травъ, полагая, что съ этого дня теряется ихъ цѣлебность.

Молдаване вѣрятъ тоже въ существованіе домового, добраго духа, который живетъ въ домѣ, въ видѣ змѣи или ужа, и что онъ своимъ свистомъ даетъ знать о счастливомъ событіи, которое должно случиться въ ихъ домѣ. Поэтому, чтобы не убить своего домового, они не убиваютъ ужей, говоря: домашняя змѣя не вредить, а приносить пользу.

Знать свое будущее каждому любопытно, но мужчина до нѣкоторой степени управляетъ своею будущностію; что же касается до молодой женщины или дѣвушки, то она зависитъ отъ мужа, который ей выпадаетъ на долю. Поэтому въ дѣвушкѣ-молдаванкѣ также развито желаніе скорѣе узнать своего суженаго. Средства, употребляемая для этого, почти вездѣ одинаковы. Молдаванки тоже лѣютъ олово и воскъ, подслушиваютъ подъ окномъ, и ежели услышатъ первое слово «ступай,» то ожидаютъ скорого замужества, а если услышатъ «сиди,» значитъ еще не скоро выйдутъ замужъ. Выйдя ночью на дворъ, дѣвушка прислушивается, какое животное отзовется раньше, и если первая хрюкнетъ свинья, то ее ожидаетъ невзгода. Изъ мѣстныхъ гаданій извѣстны слѣдующія: дѣвушка беретъ пучокъ васильковъ и крѣпкую нитку, выходитъ ночью на дворъ и, зажмуривъ глаза, отыскиваетъ палку, втыкаетъ ее въ землю и привязываетъ къ ней ниткою траву. Если на разсвѣтѣ дѣвушка замѣтитъ на травѣ росу, то значитъ, что она скоро выйдетъ замужъ. Наканунѣ дня св. Андрея, или передъ новымъ годомъ, раздѣвшись, дѣвушка-молдаванка выбѣгаетъ на дворъ, и если ей на глаза попадется свѣжесрубленный сукъ дерева, то она скоро выйдетъ замужъ за богатаго, красиваго, молодаго; или, насыпавши конопли около забора, дѣвушка проводитъ рубахою три раза по коноплѣ, и если ей потомъ приснится хорошо принявшаяся конопля, то ее ждетъ счастье; если же приснится конопля сухая или дурно принявшаяся, то несчастіе и проч.

Молдаване большіе охотники до музыки и пляски. Ни одна свадьба, ни одинъ праздникъ не обходится безъ вина, музыки и пляски. Любимый народный танецъ молдаванъ — джогъ. Джогъ — нѣчто въ родѣ хоровода; его танцуютъ становясь въ кругъ, мужчины и женщины вмѣстѣ, взявшись за руки, подъ звуки унылой и тоскливой музыки ходячаго артиста, кобзаря-цыгана, вторащаго себѣ свистомъ, а иногда, подъ звуки скрипки, въ тактъ выдѣлываютъ конвульсивныя движенія не только ногами, дѣлая по два шага то вправо, то влѣво, но и руками, махая ими взадъ и впередъ, и даже животомъ, плечами и бедрами, сгорбивши часто спину, вытянувши шею и вытаращивши безъ выраженія глаза.

Молдаване имѣютъ очень много народныхъ пѣсенъ; слогъ нѣкоторыхъ изъ нихъ цвѣтистъ и роскошенъ, какъ природа Бессарабіи; за то многія пѣсни отличаются безсмыслицею припѣва, притомъ же большинство пѣсенъ начинается съ обращенія къ «фрунзы-верди» — къ зеленому листу.

Молдаванинъ поетъ свою пѣсню грустнымъ, тяжелымъ, протяжнымъ напѣвомъ, нескончаемымъ, какъ вѣка пережитаго этимъ народомъ горя. Это не грусть удалой, широкой и могучей натуры, выражаемой напѣвомъ русской пѣсни; не тоскливый, трогающій душу, вызывающій слезу, мотивъ украинской народной думы; нѣтъ! это напѣвъ безвыходнаго горя, убитаго самолюбія; это говоръ и клекотаніе ручейка, готоваго пересохнуть.

Въ народныхъ молдавскихъ пѣсняхъ воспѣвается преимущественно или пастушеская любовь, или любовь чувственная; но вообще пѣсни этого отдѣла большею частію чрезвычайно бѣдны по содержанію. Лучшія изъ пѣсенъ это хочкія или разбойничьи, а самый незначительный числомъ—отдѣлъ пѣсенъ героическихъ. И понятно: народная фантазія молдаванъ не могла извлечь ничего возвышеннаго изъ прежнихъ войнъ, которыя носили характеръ личной вражды господарей къ господарямъ или сосѣднимъ владѣльцамъ. Только поэтическая личность воеводы Стефана Великаго воспламенила народъ къ борьбѣ съ турками за независимость, но временной энтузіазмъ исчезъ, охлажденный долгими вѣками рабскаго существованія народа. Только память о Стефанѣ передается въ немногихъ пѣсняхъ.

Вотъ одна изъ нихъ:

Стефанъ Великій и его мать.

Стоитъ старинный замокъ на скалѣ;
Внизу катится рѣчка небольшая.
Въ томъ замкѣ старомъ плачетъ да груститъ
Румяная Домница молодая.
Ушелъ супругъ ея съ войсками на войну,
Ушелъ давно, и нѣтъ объ немъ извѣстій.....
Она все плачетъ, и ея глаза
Горятъ, блестятъ, какъ утромъ незабудка.

За ней другая Домна примѣчаетъ
И ласками ее, бѣдняжку, утѣшаетъ.

Вотъ полночь ужъ пробило на часахъ;
Въ ворота зámка кто-то постучался.
И слышится: «я, матушка, твой сынъ
«Стефанъ; я раненъ изъ битвы воротился,
«Намъ счастье измѣнило въ этотъ разъ,
«Разбитое разсѣялось войско.
«Ворота отворите поскорѣй,
«Чтобъ турки не застигли насъ.....»

Домница молодая бросилась къ окну.
«Зачѣмъ ты бросилась туда?» сказала Домна,
Старуха, ей. Къ окну она пошла сама.
И такъ заговорила съ путникомъ вѣнчаннымъ:
«Вдали находится отсюда мой Стефанъ!
«Онъ тысячи смертей врагамъ своимъ наносить,
«Я мать ему, и онъ — утѣха дней моихъ!
«Но, если ты мой сынъ, мой Стефанъ знаменитый,
«То въ этотъ памятникъ завѣтной стороны
«Мой Стефанъ не войдетъ безъ лавровъ, безъ почета,
«За родину ты бейся, за нее умри,
«Пусть будетъ хоть твой гробъ увѣнчанъ мной цвѣтами.»

И путникъ воротился; въ рогъ онъ затрубилъ,
Стекалось къ нему разсѣянное войско,
На турокъ яростно ударили они
И колятъ, рубятъ ихъ, какъ лѣтомъ серпъ колосья. (*)

(*) Для поясненія пѣсень о Стефанѣ Великомъ не лишнимъ будетъ передать народное преданіе, которое говоритъ, что мать Стефана, побуждавшая его къ борьбѣ съ турками, жила въ монастырѣ Нямцу и не приняла сына, когда онъ явился къ ней побѣжденнымъ. Послѣ знаменитой его побѣды надъ турками при Вале-Алба, Стефанъ отправился сообщать матери о счастливомъ событіи и засталъ ее мертвою.

22. НАШИ КЕНТУККИ И МАССАЧУЗЕТЬ. (*)

(Изъ повѣсти «Былые», Скавронскаго. 2 т. въ 8 д. л.)

«Что такое, однако, эти бѣгле въ Новороссіи?» спросить заѣзжій въ эти мѣста. — А, что такое бѣгле? отвѣтятъ ему туземцы: извѣстно что: бѣгле, да и все тутъ! Все тутъ бѣгле: Ростовъ, Мариуполь, Таганрогъ — все бѣгле. Эти портовые богачи, купцы и мѣщане, эти Шелбановы, Пустошневы, Кательманьевы, — поройтесь въ преданіяхъ ихъ, какова ихъ исторія? Недавніе предки ихъ, крѣпостные, — выходцы изъ Россіи, либо помѣщичьи, либо казенные бѣгле! Такъ вамъ отвѣтятъ туземцы. А сами присмотритесь на бѣглыхъ — люди, какъ люди. Что же ихъ сманиваетъ сюда? Приволье земель и работъ; только трудись, на всѣхъ труда станеть.....

Со всѣхъ концовъ Россіи, а съ сѣвера въ особенности, шли огромными артелями наемщики на югъ. Они шли по большимъ и малымъ дорогамъ, съ косой за плечами, парни и дѣвки, нанимаясь по пути въ косари и гребцы. Цѣлыя села, гуртомъ выходя изъ тѣсныхъ околотковъ, шли по дорогамъ, въ пыли и духотѣ, босикомъ и молча, въ ожиданіи тяжелаго труда. Отдѣльныя артели сливались въ отряды, отряды сдвигались въ цѣлыя арміи и на крайнемъ югѣ шествовали медленно, затопляя собою до того безлюдныя степи, слободы и города. Разбиваясь на новыя партіи, они становились къ дѣлу, и зеленныя степи, то тамъ, то тутъ, начинали бѣлѣть ихъ рубахами и сіять ихъ петертыми косами и серпами. Было тутъ не мало и вольныхъ крестьянъ съ билетами, и помѣщичьихъ съ паспортами; но въ каждой артели было еще болѣе и бѣглыхъ. Трудъ нуженъ, трудъ дорогъ; рукъ мало, дѣло кипитъ, трава сохнетъ, пшеница зрѣетъ, горитъ, наливается, осыпается; сотни и тысячи рублей готовы погибнуть: какъ тутъ не принять бѣглыхъ,

---

(*) Кентукки и Массачузетъ—два штата Сѣверной Америки, населившіеся выходцами изъ разныхъ странъ Европы. Съ ними сравниваетъ авторъ я нашъ Новороссійскій край, населившіися выходцами и бѣглыми изъ окрестныхъ странъ.

господа юристы? Милости просимъ! хоть и опасно, да кто ихъ усчитаетъ въ этой не оглядной степи? Есть гдѣ поработать, есть гдѣ и спрятаться. Чуть зазвенѣлъ, однако, полицейскій колокольчикъ, бурлаки прячутся въ бурьяны, байраки, стоги или въ камыши, или бѣгутъ чрезъ границу ея уѣзда. А помѣщику и колонисту безъ бѣглаго нѣтъ житья. Бѣглые—народъ смирный, трезвый, усердный, чистые ливерпульскіе пуритане въ душѣ. Беретъ бѣглый за работу меньше вольнаго; ну, да и обсчитать его легче: не пожалуется!.... Поплачетъ развѣ только, либо выругаетъ за околицей хутора не по-человѣчески — и только. Потому-то здѣсь все шито и крыто. Бѣглые идутъ на линію, за Кубань, въ Крымъ и въ приморскія степи на югъ, какъ домой, изъ всякихъ суровыхъ и тѣсныхъ уѣздовъ сѣвера. Пуританизмъ ихъ удивительный. Извѣстно слѣдствіе въ окрестностяхъ Нахичевани, открывшее, что партія бѣглыхъ ночевала въ степномъ байракѣ, у какой-то лѣсничихи, какъ при этомъ одинъ бѣглый укралъ у хозяйки ведро и какъ за это товарищи его сперва высѣкли, и потомъ, не долго думая, повѣсили на дубу: «не срами, дескать, хорошихъ людей!» Такъ-таки и повѣсили.

Точки соединенія всего этого лѣтняго захожаго люда въ степяхъ, притонъ ихъ отдыха и наймовъ, ихъ увеселительныя клубы—это шинки зажиточныхъ слободъ и одинокіе постоялыя дворы съ громадными степными колодцами. Эти шинки вещь любопытная. Кто ихъ здѣсь не знаетъ, за рѣкою Богатыремъ, Джемрекомъ, въ селахъ Большой-Янысель и Старый-Керменчикъ и вдоль по рѣкамъ Кобыльной и Волчьей, (*) а равно въ черниговскихъ хуторахъ, въ малаканской слободѣ Астраханкѣ и въ нѣмецкой колоніи Красный-Трактиръ? Во-первыхъ, такіе шинки приносятъ огромный доходъ. Въ обширной слободѣ они непременно устроены на главной улицѣ или на площади близъ церкви. Это по праздникамъ своего рода Лон-

---

(*) Всѣ эти мѣста находятся въ Екатеринославской губерніи, Александровскаго уѣзда, прилипающаго къ Азовскому морю. Рѣка Волчья впадаетъ въ Самару, сѣверный притокъ Днѣпра, близъ Екатеринославля.

донская биржа или Сенатская площадь въ былыя времена торговъ на откупъ. А хотите знать, какъ нанимаются бѣглые лѣтомъ и какъ ажіотируютъ этими *бѣлыми неграми* наши южные плантаторы? Извольте. Подѣзжая въ праздникъ къ мѣсту ихъ сходки, вы еще издали усматриваете небывалую толкотню и услышите громкій говоръ народа. Толпа стоитъ передъ шинкомъ вплоть до церкви, какъ на торгу. Отдѣльныя кучки стоятъ по сосѣднимъ переулкамъ, сидятъ подъ плетнями или идутъ рѣшать дѣло еще далѣе, на выгонъ, за село, чтобы не было свидѣтелей. Въ общей толпѣ и передъ этими отдѣльными кучками прохаживаются помѣщики, кавалеры средней руки и прикащики богатыхъ, нанимая артели, выслушивая торги и послѣднія цѣны, сбивая упорныхъ разными штуками и другъ у друга, у своего же брата, сманивая небольшою надбавкой уже нанятыхъ рабочихъ. Иной прикащикъ, въ синемъ кафтанѣ и въ синихъ шароварахъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, ходитъ-ходитъ, торгуется, надсѣдается, сошелся, нанялъ, выставилъ ведро водки на магарычъ, сосчиталъ свою артель и спѣшитъ домой; а по пути, иногда у самыхъ воротъ его, встрѣчаетъ артель прикащикъ другого помѣщика, надбавляетъ рабочимъ ничтожную плату и уводитъ ихъ съ собой. Бываютъ при этомъ и свалки паемщиковъ и нанятыхъ. Случается, что ловкій соглядатай отъ одного помѣщика лвится въ степь, прямо на работу къ нанятымъ другого, съ цѣлью сманить ихъ разными льготами; а другой-то хозяинъ еще ловче: поглядитъ его штуки, да тутъ же въ степи и высѣчетъ его на обѣ корки. А старички новичкамъ говорятъ: «вы тому не удивляйтесь, что этотъ панъ высѣкъ ключника того пана: такъ было и встарину, какъ наши степи селились и еще люди тутъ ходили незакрѣпленные, какъ запорожцы. Придетъ юрьевъ день — являются верховоды, кричатъ: «на Кильчень!» либо «на Самару!» Одно село выселяется, а другое идетъ ему навстрѣчу въ иное мѣсто. По мостамъ и по плотинамъ идутъ обозы съ дѣтьми, добромъ и стариками; идутъ батраки и бабы, прощаются съ родичами; волы ревуть, возы скрипятъ, а паны заѣзжаютъ другъ передъ другомъ, спорятъ, сманиваютъ къ себѣ

нашего брата и рубятся саблями, а иногда и пищали бывало хлопаятъ. Оно такъ всегда тутъ бывало!... Тотъ панъ, бывало, при проѣздѣ обоза, хвалить свое, а этотъ—свое; говорить: «идите ко мнѣ, люди добрые! дамъ вамъ и степи вдоволь, и хорошей воды, и лѣсу, и хатъ, и скота!» А ужъ что совретъ, то совретъ, лишь бы ему сманить ихъ, вотъ какъ и теперь».... Войдемте, читатель, въ праздникъ, до начала торго, въ церковь такой слободы, гдѣ панимаются косари и гребцы, когда идетъ еще обѣдня и всѣ чинно стоять и молятся, слушая отца Прѣокопъ или отца Дѣроша. Дымъ густо стелется, а изъ дыма глядятъ все черноволосыя, чубатыя головы, будто сейчасъ вышли съ картинъ Шевченка, Трутовскаго и Соколова. Обѣдня кончилась; наполняется площадь и шинокъ. Въ одномъ изъ такихъ шинковъ, долгое время, въ наймахъ подъ Керменчикомъ, былъ бѣглый поваръ какого-то генера, изъ Калуги, который держалъ отличную простую кухню, и, постукивая ножемъ навстрѣчу входившаго загорѣлаго люда, вскрикивалъ: «А кому угодно котлетокъ à la метрдотель, бланманже, сюперфлю и все, что угодно!» Никакихъ утонченныхъ диковинокъ жидъ-содержатель шинка не могъ, разумѣется, по его вызову, предложить гостямъ; но прибавтки повара приманивали толпу, и шинокъ былъ не въ накладъ, справляя иногда, впрочемъ, свадебныя пирушки для сосѣднихъ поселянъ и бѣглыхъ съ такими угощеніями, что хоть бы и въ городѣ. Но пора работъ кончилась. Бѣглые съ полей переходятъ къ неводамъ. Здѣсь осенью вся бѣглая Русь..... Уходя изъ шинковъ, косарскія артели поютъ особыя мѣстныя пѣсни, съ сочиненными тутъ же намеками на сосѣднихъ помѣщиковъ, отдавая имъ похвалы за милосердіе или остря надъ ихъ скаредностью и стѣсненіями, въ родѣ этого:

«А въ недѣлю рана

Наймемусь до пана;

Рано поранѣнъку,

Хочъ и къ Макаренъку»....

Или такую пѣсню:

«Чужи паны, яко пугачи,

Держуть людей до півночи,

А нашъ соловейко
Пускае ранёнько;
Дае водки й грошей—
Спаси его Боже!
Дае борщу й каши—
Оттого паны наши!...
Дае не жаліе—
Всякъ ёго радіе!...

Понедѣльные и помѣсячныя артели давно стали вездѣ, и тамъ ходили, косили, мелькали своими бѣлыми рубахами, и въ зной и въ духоту поливали своимъ потомъ горячее лицо степей. А если вы спросите, отчего бѣгаютъ иные сюда, такъ вамъ даже скажутъ, что изъ иныхъ уже такихъ богоспасаемыхъ мѣстностей прямо «по омерзительной привычкѣ.»

Хатка сплетена изъ камыша, примазана глиной; въ хаткѣ ни стола, ни лавки порядочной, а во дворѣ плетень камышевый. Придетъ свинья необрядная, толкнетъ, чесавшись, и повалить все это. Толкнетъ, съ досады, и самъ хозяинъ хату ногою, повалить ее и пойдетъ въ бродяги. Ему и жены не жалко, и дѣтей. Такъ по десяти и по двадцати лѣтъ шляются. Видно дома солоно. А иной проворовался, ограбилъ, убилъ. Есть и бѣжавшіе отъ страха наказанія за покражу лоскута холста. И ходять въ бродягахъ годы. Думали переводить бѣглыхъ, оцѣпляли города, села. Прибылъ въ эти мѣста, лѣтъ двадцать назадъ, между прочимъ, человѣкъ, который вызвался искоренить тутъ всѣхъ бѣглыхъ. А помощникомъ былъ у него человѣкъ обстрѣленный, и зналъ, какъ это легко говорится и какъ трудно дѣлается. Захотѣлъ этотъ первачъ край объѣздить. Ъздить и ѣздить, совсѣмъ замучилъ помощника. Ужасъ навелъ на бѣглыхъ своими выходками и жестокостью. А помощника совсѣмъ выбилъ изъ силъ. Вотъ и подвелъ штуку помощникъ. Проморилъ его какъ-то въ степи, а все ведетъ его далѣе, все далѣе. Ужъ тотъ и животикъ сталъ потирать и поглядывать изъ коляски; что за бѣсовъ край! хоть бы корчма или деревушка какая,—а до города еще верстъ двадцать. Остановился первачъ. «Ну—говорить—какъ бы чего закусить?» Кинулись

къ провожатымъ—ничего нѣтъ. А это ужъ помощникъ такъ подвель. «Нѣтъ ли хоть корочки чернаго хлѣба? Нѣтъ ли тутъ постоялаго двора гдѣ-нибудь?» спрашиваетъ первачъ. — «Куда вамъ! у насъ ли этому быть, въ этой голой и пустой сторонѣ! А вотъ постойте: тутъ въ сторонѣ, на берегу моря, неводокъ, кажется, есть; бѣднячекъ одинъ держитъ артель. Угодно-съ? можетъ разживемъ чѣмъ-нибудь?» — «Вези, братецъ, вези! просто умираю съ голоду!» Его привезли. «Здравствуйте, ребята!» гаркнулъ первачъ на рабочихъ, выходя изъ коляски. «Здравствуйте, пане!» — «Давайте ѣсть; что у васъ имѣется?» — «Что же у насъ будетъ, пане; мы люди бѣдные; хлѣбъ-соль, да развѣ рыбки вамъ поймать?» — «Давай!» И закинули неводъ. Ужъ тогда ли поймали, или было приготовлено заранѣе, только неводчики и устроили ему закуску: уху изъ самой первѣйшей рыбы, съ бездною молокъ и потроховъ; въ поздри душистый паръ такъ и ударилъ; икры свѣжей вывалили ему цѣлый бо-ченокъ, да горячій хлѣбъ, да голодный зубъ, главное, помните. Наѣлся первачъ до-отвалу, едва поворотится. Кинулъ неводчикамъ червонецъ, благодарить помощника: «Ну, братъ; такого обѣда и цари не ѣдятъ!» Отъѣхалъ поѣздъ въ степь, скрылось море и коса съ неводчиками. Помощникъ и говорить: «А знаете у кого мы обѣдали?» — «Нѣтъ, не знаю....» — «У бѣглыхъ!» — «Быть не можетъ!» — «То-то-съ; переведете ихъ, такъ и рыбы такой некому будетъ поймать....» Первачъ задумался и больше не козырился, сталъ какъ и всѣ мы грѣшные....

А плантаторы, между тѣмъ, не дремали. Громадныя ватаги косарей и гребцовъ, человѣкъ въ триста и въ четыреста, расхаживали по быстро косимымъ степямъ. Сами велемочные господа кавалеры изъ-подъ Ростова, Бердянска, Мариуполя и Мелитополя, кто верхомъ, въ широкой бердянской или одесской, а иногда и прямо панамской шляпѣ, или пѣшкомъ, съ плеткой, усердно расхаживали среди артелей, пеклись съ утра до ночи на страшномъ солнцепекѣ и обращали свои лица въ подобіе желтаго землянаго угля. Двигаясь медленными точками и бѣлѣя своими шляпами, они, какъ коршуны, стоявшіе въ небѣ надъ ними, зорко поглядывали по сторонамъ, подмѣчая

либо залѣнившагося косаря, либо гребчиху. «Эй, хлопцы! эй, дивчѣта!» покрикивали степные поморскіе плантаторы, съ бойкостью яростныхъ, настоящихъ янки, помахивая на куцыхъ клячь плеткой, и верхомъ, ведя по пылающимъ въ зноѣ равнинамъ свои ватаги: «А нуте постарайтесь! а нуте, разомъ, разомъ, разомъ! дружнѣ! Котель каши съ саломъ, два ведра водки лишнихъ на магарычи! А нуте, нуте, нуте!» И сотни обѣленныхъ бурьянами косъ дружно и мѣрно сверкають; сотни грабель взбивають и складываютъ въ копны душистый чай нашихъ степей, мягкое и нѣжное зеленое сѣно. Среди полянъ стоятъ косарскіе и гребовицкіе таборы. Косовица во всемъ ходу, въ полномъ разгарѣ. У привала дымится изъ навознаго кирпича костерокъ. Громадная арба, съ полотняною крышею, въ видѣ гроба, безъ устали открывается и закрывается, подвозя на волахъ или верблюдахъ крупы, соль и рыбу отъ хозяевъ. Нѣсколько бочекъ едва успѣвають подвозить къ таборамъ изъ дальнихъ колодцевъ. Выпекають въ хозяйскихъ хуторахъ, въ особенныхъ печахъ, и въ сутки сѣдаютъ по триста и по четыреста хлѣбовъ, на одномъ полѣ, у одного хозяина. Изъ Мариуполя и Таганрога подвозятся мѣшки и мѣшочки на тысячи и болѣе рублей серебромъ мелочи. Нанимаются артели въ десятки и сотни человекъ понежѣльно. Расплата производится по субботамъ. Наморившіяся, загорѣлыя и запыленные дѣвки и бабы сидятъ въ тѣни, гдѣ-нибудь подъ амбаромъ или подъ конюшнею, не распѣвая пѣсенъ и не шумя въ ожиданіи расчета. Косари безъ шапокъ стоятъ кучами по двору или у крыльца. А сами гостепріимные господа плантаторы сидятъ у крылечка «и расчетъ ведутъ.» Этой партіи триста цѣлковыхъ, этой сто тридцать пять, той двѣсти. Кости на счетахъ звонко выщелкивають красные куши. Перо тутъ же записываетъ сказочные лѣтніе новороссійскіе расходы. Хозяева въ эти минуты не видятъ передъ собою ни живописныхъ типовъ украинскихъ косарей, ни хорошенкихъ гребчихъ. Они видятъ одно сѣно, копны, стоги, свои стада и барыши.

23. Колонія Кичкась на Днѣпрѣ.

(Аванасьева-Чужбинскаго. Поездка въ Южную Россію.)

Колонія Кичкась или Эйшлаге поселена у древняго Крарійскаго лѣса, о которомъ упоминають греческіе историки. Бопланъ тоже говоритъ о немъ, показывая, впрочемъ, здѣсь невѣрно ширину Днѣпра въ 150 шаговъ, которая не могла же измѣниться, потому что рѣка течетъ здѣсь въ гранитныхъ берегахъ и имѣетъ ширины 150 сажень.

Колонія эта, состоящая изъ менонитовъ, поселена послѣ паденія Запорожья. Служа главною пристанью и стоя на важномъ чумацкомъ трактѣ и на большой дорогѣ изъ Екатеринослава въ Керчь и Феодосію, красивая деревня эта лѣтомъ набита всякаго рода проѣзжими и прохожими. Она расположена на правомъ берегу Днѣпра и тянется далеко по гранитнымъ скаламъ до того мѣста, гдѣ, какъ сказалъ я выше, Днѣпръ круто поворачиваетъ, и гдѣ нѣмцы насыпали высокую и крѣпкую плотину, во избѣжаніе наводненія, разорившаго ихъ въ 1845 г. Чистенькіе и опрятные домики стоятъ на порядочномъ разстояніи одинъ отъ другаго, и это пространство между домами непременно засажено деревьями, преимущественно бѣлою акаціею, такъ что въ маѣ мѣсяцѣ, когда деревья въ цвѣту, колонія словно принарядилась въ бѣлую одежду. Постройки менонитовъ всѣ однообразны и расположеніе домовъ одинаково; нѣкоторые разнятся только внутреннимъ убранствомъ, да и то качествомъ и количествомъ вещей, а самыя вещи расположены въ домахъ однимъ и тѣмъ же порядкомъ. Подъ одной связью помѣщается: конюшня, коровникъ, рига, сѣноваль и домъ колониста. Изъ сѣней, гдѣ отгорожена кухня и расположена разная необходимая утварь въ порядкѣ и возможной опрятности, вы войдете въ чистую, свѣтлую горницу, въ углу которой кровать съ горой тюфяковъ и подушекъ, сложенныхъ другъ на друга очень тщательно. Возлѣ двери въ стѣнѣ вдѣланъ шкафъ, въ которомъ разставлена посуда съ невозмутимой симметрией.

У стѣнъ диванчикъ, стулья, одинъ или два стола и необходимая принадлежность—красивый и прочный сундукъ. На стѣнѣ висятъ часы, нерѣдко вывезенные изъ Пруссіи въ концѣ прошлаго столѣтія. Чисто вымытый полъ посыпанъ пескомъ. Далѣе слѣдуетъ спальня, а тамъ, смотря по величинѣ дома, иногда идетъ еще комната. Черезъ стѣни еще горница, гдѣ хозяинъ занимается какимъ-нибудь ремесломъ, потому что менонитъ любить чѣмъ-нибудь заниматься. Во всѣхъ комнатахъ опрятность и чистота поразительная, а мѣдъ, гдѣ только она есть, заполирована до возможной степени совершенства. Глядя на жилище менонита, можно подумать, что тамъ больше ничего и не дѣлаютъ, какъ только моютъ, скоблятъ, чистятъ и полируютъ. Образъ жизни колонистовъ патріархальный, и они какъ-то рѣдко предаются веселости: сколько я замѣтилъ, въ воскресенье даже не слышно, чтобы молодежь собиралась для развлеченій своего возраста; даже школьники смирно идутъ въ училище и обратно, не шалятъ, не дерутся, и чинно разговариваютъ, словно взрослые. Проживая разъ цѣлую недѣлю въ Кичкасѣ, я такъ утомился этимъ невозмутимымъ однообразіемъ, что какъ ни пріятно мнѣ было сидѣть въ свѣтлой, опрятной комнатѣ, однако я поспѣшилъ въ малорусскую деревню, гдѣ жизнь хоть и грубѣе, гдѣ встрѣтили меня лишенія, но въ которой люди и плачутъ и смѣются, и поютъ и пляшутъ и, пожалуй, подерутся для разнообразія. А между тѣмъ, я по берегамъ Днѣпра нигдѣ не видѣлъ такого довольства и трудолюбія, какъ у колонистовъ Хортицкаго округа. Я посѣщалъ не одинъ Кичкасъ и не разъ живалъ у менонитовъ, но мнѣ никогда не удавалось замѣтить, когда хозяйка успѣвала доводить домъ свой до этой, почти голландской чистоты. Я слѣдилъ за дневными занятіями колонистовъ. Утромъ очень рано, послѣ завтрака, состоящаго изъ кофе съ молокомъ, нѣмецъ выѣзжаетъ въ поле на работу, и, смотря по надобности, беретъ работника и работницу. Дышловые ихъ фургоны, можно сказать, изящной работы, устроены такимъ образомъ, что слухать и обыкновенной телѣгой, и могутъ превратиться въ повозку, на которой помѣщается три копны хлѣба. Земледѣльче-

скія орудія, болѣе или менѣе усовершенствованныя, содержатся въ необыкновенной исправности; а лошади (менониты работаютъ лошадьми) обладаютъ завидною полнотою и пользуются любовью хозяина. Отправляясь въ поле, нѣмецъ не позабудетъ взять на телѣгу кадушку съ водою, необходимою какъ для него, такъ и для животныхъ. Хозяйка въ это время не только сама занимается какимъ-нибудь дѣломъ, но задаетъ работу и всѣмъ домашнимъ отъ мала до велика, обмывъ и причесавъ малыхъ дѣтей и отправивъ нѣкоторыхъ въ школу.

Нѣмки преимущественно занимаются сборомъ молока, которое собираютъ не въ кувшинахъ, а въ мискахъ, пахтаньемъ отличнаго масла, выдѣлкою сыра, роются въ огородѣ и потомъ принимаются варить обѣдъ, акуратно посматривая на часы, обладающіе иногда такимъ громозвучнымъ колоколомъ, что вытерпѣть ихъ звонъ нѣтъ никакой возможности. Молоко всегда въ изобиліи; кромѣ того, что изъ него выдѣлываются сыръ и масло, хозяйка поитъ имъ даже свиней, не говоря, что наливаетъ полную миску копкамъ, которыхъ въ иномъ домѣ собирается нѣсколько штукъ. У нѣмцевъ мнѣ нравится обыкновеніе, что они не забрасываютъ бѣдныхъ котятъ, а кормятъ ихъ постоянно. Это противоположность съ евреями, которые также не забрасываютъ котятъ, изъ скупости потерять что бы то ни было имъ принадлежащее, но и не кормятъ ихъ, въ силу той же добродѣтели.

Колонисты съ любовью и успѣхомъ занимаются шелководствомъ, а потому разводятъ много тутовыхъ деревъ. Между колонистами есть разнаго рода ремесленники, и произведенія ихъ рукъ, не смотря иногда на свою грубость, не могутъ быть заподозрѣны въ недобросовѣстности. Менонитъ говорить, *что даже, если бы я и не хотѣлъ быть честнымъ, то надобно быть честнымъ*; и вслѣдствіе этого правила рѣдко встрѣчаются примѣры мошенничества и плутовства — качества, такъ тѣсно связанныя съ нашими ремесленниками, конечно, не безъ исключеній.

Въ Кичкасѣ есть лѣсная пристань, принадлежащая колонисту Генрихсону, извѣстному въ окрестности подъ именемъ Корнѣя

Корнѣича, который снабжаетъ лѣсомъ не только менонитовъ своего округа и сосѣднія селенія, но и колонистовъ Таврической губерніи, поселенныхъ по рѣкѣ Молочной. Пристань Генрихсона находится въ большомъ порядкѣ и отличается доброкачественнымъ лѣсомъ: купецъ этотъ ѣздитъ самъ въ Екатеринославъ и дальше вверхъ для закупки барокъ и плотовъ, и честностью своею беретъ перевѣсъ надъ многими лѣсными торговцами, которые гораздо богаче его, но пускаютъ въ ходъ различныя продѣлки, недостойныя порядочнаго человѣка. Корнѣй Корнѣичъ большой оригиналъ и необыкновенно хорошо рассказываетъ о лѣсной торговлѣ и о лицахъ, ведущихъ ее по извѣстной ему мѣстности. Онъ порядочно разбогатѣлъ и купилъ много земли, на которой успѣшно занимается скотоводствомъ, овцеводствомъ и хлѣбопашествомъ.

Въ Кичкасѣ есть также двѣ лавочки, въ которыхъ мѣстные покупатели находятъ все для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, начиная отъ кофе и сахара до ситца и коленкора, отъ ножа и замка до дѣтской игрушки. Разницы въ цѣнахъ я не замѣтилъ съ цѣною этихъ же товаровъ въ окрестныхъ городахъ.

Зажиточные нѣмцы получаютъ Рижскую газету (Rigasche Zeitung,) и кромѣ того, что непременно толкуютъ между собою о политикѣ за кружкою пива, считаютъ обязанностью поговорить съ каждымъ пріѣзжимъ о современныхъ событіяхъ. При совершенномъ невѣдѣніи статистики и при самыхъ темныхъ познаніяхъ изъ географіи, иной толстый колонистъ рассказываетъ преуморительныя вещи, и въ жару бесѣды, за неимѣніемъ болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, чертитъ по столу пивомъ положеніе мѣстности, о которой идетъ рѣчь. Смотря на эти мокрыя дорожки, неимѣющія никакого смысла, другой нѣмецъ торжественно опровергаетъ своего сосѣда и старается перечертить по-своему. Изъ этого выходятъ презанимательные споры о томъ, гдѣ какая страна свѣта. Однажды я присутствовалъ при такой бесѣдѣ, возникшей по поводу минувшей кампаніи. Колонисты рассказывали мнѣ, какъ они доставляли, кажется, провіантъ въ дѣйствующую армію, сообщая при этомъ

интересныя подробности о провіантскихъ чиновникахъ. Одинъ колонистъ начертилъ на столѣ часть крымскаго полуострова такимъ образомъ, что Керчь приходилась на одномъ меридіанѣ съ Севастополемъ, только гораздо южнѣе, а Симферополь стоялъ между этими городами, подаваясь на западъ. Но гораздо интереснѣе былъ разсказъ о томъ, какъ прусскій король, (*) встрѣтивъ однажды императора французовъ на гуляньѣ въ Берлинѣ, остановился и въ присутствіи всѣхъ гуляющихъ произнесъ ему энергическую рѣчь, порицая нападеніе на Россію. Колонистъ вдохновился, и если нелѣпость эта дѣйствительно занесена была въ колоніи, то я увѣренъ, что собесѣдникъ мой присочинилъ большую половину въ жару своего краснорѣчія. Никогда не забуду я послѣдней фразы: «ты думаешь, что не допустишь кофе въ Россію, говорилъ будто бы прусскій король, ошибаешься,—я пропущу его чрезъ свои границы.» Послѣ такой рѣчи Наполеонъ началъ оправдываться, обвинялъ Англію и увѣрялъ, что больше никогда не будетъ.

Впрочемъ, политикъ этотъ былъ какой-то пріѣзжій молочанецъ и говорилъ болѣе чистымъ нѣмецкимъ языкомъ, нежели прочіе (нѣмцы) колонисты, употребляющіе обыкновенно *платъ дейчъ*. Всѣ они, однако же, за исключеніемъ женщинъ, хорошо говорятъ по-малорусски.

Но я никогда не могъ помириться съ ними относительно пищи, потому что заплатилъ за нее страшной лихорадкой. Поселясь въ Кичкасѣ лѣтомъ прошлаго года, для изученія окрестностей, я просилъ свою хозяйку приготовить мнѣ обѣдъ за условленную плату. Она изъявила свое согласіе и спросила, въ какомъ часу я обѣдаю. Отправляясь изъ дому съ утра и позавтракавъ гдѣ-нибудь въ окрестности однимъ хлѣбомъ безъ всякой примѣси, я возвращался домой часамъ къ пяти съ запасомъ большаго аппетита. Въ первый день, въ назначенный часъ и минуту не успѣлъ я снять дорожной сумки, какъ уже на столѣ у меня стояла миска и былъ приготовленъ довольно

(*) Всѣ менониты отзываются о прусскомъ королѣ съ особеннымъ уваженіемъ, потому что предки ихъ вышли изъ Пруссіи. Есть еще старики, которые помнятъ свою родину.

приличный приборъ. Меня изумило, однако же, что вмѣсто обыкновеннаго супа въ мискѣ было молоко. Голодному, впрочемъ, разсуждать нечего. Пробую — не противно, но со дна миски вытаскиваю ложку вишенъ.

— Что это? спрашиваю.

— Киршенъ-зуппе, отвѣчаетъ хозяйка.

Сочетаніе вишенъ съ молокомъ показалось мнѣ довольно страннымъ, но я, утоливъ первоначальный голодъ, спросилъ себѣ пить. Мнѣ подали стаканъ густыхъ сливокъ. Я подумалъ, что, можетъ быть, дѣйствительно послѣ киршенъ-зуппе не слѣдуетъ употреблять другаго питья, и опорожнилъ стаканъ. Второе блюдо было жирнѣйшая и превкусная ветчина, въ родѣ вестфальской, которую колонисты приготавливаютъ съ большимъ искусствомъ. Послѣ ветчины слѣдовало жаркое съ какимъ-то сладкимъ соусомъ.

— Герръ доволенъ обѣдомъ? спросила хозяйка.

— Очень, только нельзя ли приготовить другой супъ, и вмѣсто сливокъ подавать для питья воду.

На другой день снова былъ поданъ молочный супъ, но уже не съ вишнями, а съ какимъ-то другимъ плодомъ, изрѣзаннымъ въ мелкіе кусочки.

— Что это? спрашиваю.

— Бирнъ-зуппе.

Это значитъ — молоко, сваренное съ недозрѣлыми грушами, упавшими съ дерева, но похлебка показалась мнѣ, съ голоду по крайней мѣрѣ, не противна. Потомъ, по обычаю, слѣдовали ветчина и жаркое. Я снова просилъ переменить супъ и попросилъ, что желалъ бы съ картофелемъ; на слѣдующій день былъ точно супъ съ картофелемъ, но свареннымъ на молокѣ, и который, прежде чѣмъ попасть въ супъ, былъ предварительно изжаренъ въ маслѣ. Однимъ словомъ, за эту пищу я заплатился жестокой крымской лихорадкой, и уже послѣ того, бывая въ колоніяхъ, самъ тщательно опредѣляю матеріалы для своего обѣда, и даже купилъ себѣ въ Одессѣ поваренную книгу, хотя она оказывается для меня совершенно бесполезною. Въ Кичкасѣ существуетъ родъ обжорнаго ряда возлѣ кабака, гдѣ можно,

конечно, утолить голодъ, но пища, продаваемая на этомъ базарѣ, состоящая изъ жареной рыбы или мяса, не привлекаетъ своей наружностью. Вечеромъ это мѣсто интересно, по случаю большаго стеченія народа, и тамъ можно видѣть иногда разгулявшихся чумаковъ, которые съ необыкновеннымъ искусствомъ исполняютъ малорусскіе танцы.

Колонисты курятъ табакъ и страстные до него охотники. Какъ мужчины, такъ и женщины одѣваются весьма некрасиво. Мужская одежда состоитъ изъ куртки, жилета и штановъ неуклюжаго покроя: лѣтомъ мужчины ходятъ въ туфляхъ съ деревянными подошвами, но во время грязи и зимою обуваютъ сапоги. Женщины носятъ общипанныя платья ситцевыя или изъ крапшенины, а выходя на улицу надѣваютъ соломенные шляпы допотопнаго покроя. Я посѣщалъ пять колоній и въ томъ числѣ самую знаменитую—Нижнюю Хортицу, въ которой находится оберъ-шульцъ, гдѣ живетъ отличный часовой мастеръ, поставляющій часы во всѣ колоніи, и гдѣ можно найти превосходнаго каретника, но не встрѣчалъ не только ни одной хорошенькой, а даже сносной женщины, между тѣмъ, какъ мужчины попадаются очень красивые.

Въ этихъ колоніяхъ удивительный порядокъ. Шульцъ (нашъ старшина,) избираемый изъ числа порядочныхъ хозяевъ, пользуется уваженіемъ, и распоряженія его исполняются безпрекословно. Лошади доставляются чрезвычайно скоро, даже и при нѣмецкой неповоротливости, лишь бы только случился писарь прочесть открытый листъ; но путешествующему въ своемъ тарантасѣ можетъ встрѣтиться важное неудобство. Во-первыхъ, нѣмцы не умѣютъ запрягать въ оглобли, а во-вторыхъ, у нихъ во всей колоніи не отыщется дуги, такъ что за этой штукой приходится посылать въ сосѣднюю малорусскую деревню.

Жители Кичкаса не занимаются судоходствомъ, да и рыболовство у нихъ въ совершенномъ пренебреженіи: во всей колоніи одинъ порядочный рыбакъ, онъ же и лопманъ, Якубенко. Этотъ колонистъ, усвоившій нѣмецко-малорусскую фамилію, умный и интересный человѣкъ, который превосходно знаетъ

мѣстность и обладаетъ обширными свѣдѣніями касательно первоначальной колонизаціи. Его отецъ былъ первымъ поселенцемъ на островѣ Хортицѣ.

24. У К Р А И Н С К І Я Я Р М А Р К И.

Характеръ малороссійскихъ ярмарокъ. — Наплывъ великорусскихъ промышленниковъ. — Отличительныя черты малороссійскаго купчества въ сравненіи съ великорусскимъ. — Движеніе ярмарокъ. — Торговля. — Великорусскіе купцы. — Прасолы. — Евреи. — Ходебщики.

(Аксаковъ. *Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ.*)

Нигдѣ нѣтъ такъ много ярмарокъ, какъ въ Малороссіи. По офиціальнымъ даннымъ, первыя два мѣста, по числу ярмарокъ во всей Россіи, принадлежатъ Харьковской и Полтавской губерніямъ. Въ первой въ теченіе года бываетъ 425, а во второй 372 городскихъ и сельскихъ ярмарокъ, тогда какъ въ одной изъ самыхъ многолюдныхъ губерній, Владимірской, ихъ только 9. Но не только числомъ, и самымъ характеромъ малороссійскія ярмарки отличаются отъ великороссійскихъ: малороссійская ярмарка стоитъ на мѣстѣ цѣлую недѣлю или двѣ, а иногда больше, и возобновляется въ одномъ и томъ же пунктѣ до шести разъ въ годъ, переходя въ промежуточное время въ другія мѣста, такъ что ярмарки образуютъ тысячи маленькихъ ярмарочныхъ округовъ. Такъ, напр., въ Харьковѣ четыре ярмарки, и каждая изъ нихъ продолжается около мѣсяца; въ Ромнахъ ихъ было три и т. д. Ярмарка, которая беретъ 3 или 4 мѣсяца въ году съ одними и тѣми же купцами и товарами, въ одномъ и томъ же пунктѣ, не можетъ назваться ярмаркою въ общепринятомъ смыслѣ: и сельскія и городскія ярмарки на Украинѣ посятъ характеръ *подвижнаго ходячаго, рынка*, вращающагося цѣлый годъ по своему округу. Разумѣется, подобное явленіе, которымъ воспользовались и великорусскіе торговцы и евреи, въ сильной степени способствовало развитію въ малороссахъ привычекъ лѣни и медленности, въ свою очередь, поддѣрживающихъ это явленіе донинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть удобнѣе такого порядка: сидѣть дома, зная, что не

замедлить появиться ярмарка, съ купцами, которые и привезутъ товары и покупать товары!

Малороссіяне всегда нуждались въ лѣсѣ, стеклѣ, желѣзныхъ орудіяхъ и въ другихъ предметахъ, которыхъ Малороссія не производила, и, при отсутствіи фабрикъ и заводовъ, могла получать ихъ только изъ Россіи и Польши. Съ другой стороны, она сама богата сырыми произведеніями, въ которыхъ постоянно нуждаются ея сосѣди. Но не приготовленный къ торговой суетливой дѣятельности, чуждый гражданскаго устройства сѣвера, малороссіянинъ не только прежде, но и теперь не ѣздитъ самъ съ товарами и за товарами въ Великую Русь, никогда не ходитъ на заработки въ сѣверныя губерніи, а если необходимость и заставляетъ его иногда двинуться съ мѣста, такъ онъ идетъ на югъ, на Донъ, въ Бессарабію. Поэтому великорусскіе промышленники не стали дожидатся требованія со стороны малоросса, а сами явились къ нему, такъ сказать на домъ, соблазняя его товаромъ, избавляя его отъ хлопотъ перевозки и навязывая ему товаръ въ безсрочный кредитъ. Сначала таможенныя заставы, отдѣлявшія нѣкогда Малороссію отъ Россіи, еще останавливали это движеніе; но, съ уничтоженіемъ заставъ и съ прекращеніемъ пошлиннаго сбора, тысячи русскихъ ходебщиковъ Орловской, Владимірской губ. и великорусскихъ старообрядческихъ слободъ Черниговской губерніи спустились тучей на Украйну и оживили ея ярмарки. Этотъ мирный, промышленный набѣгъ, это постоянное вторженіе дѣятельной, живой великорусской стихіи — не только продолжается и понынѣ, но еще усиливается, съ тою разницею, что бродячее торговое великорусское племя наконецъ осѣдаетъ въ Малороссіи. По свидѣтельству купцовъ, городскіе центры, лѣтъ уже сорокъ тому назадъ, стали возрастать; число капиталовъ въ городахъ увеличивается. Но кто же оживляетъ эти городскіе центры въ Малороссіи? Великорусскіе торговцы. Если прослѣдить происхожденіе всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ торговцевъ украинскихъ городовъ, то окажется, что всѣ они родомъ изъ Калуги, Ельца, Тулы и другихъ чисто великорусскихъ мѣстъ. Ходебщики Ковровскаго, Вязниковскаго уѣздовъ Владимірской губер-

ніи, извѣстные подъ названіемъ офеней, исходявъ страну вдоль и поперекъ и достаточно ознакомься съ нею, приписались къ городамъ Новороссійскаго края. Не говоримъ про Сумы и Харьковъ,—города, созданные русскими торговцами, но и въ Полтавѣ, въ Лохвицѣ, въ Лубнахъ — вездѣ ворочаютъ торговлю «*фундаментальною*,» по купеческому выраженію, русскіе, а *мелкою, розничною*—евреи.

Такимъ образомъ малороссіянинъ самъ почти не двигается съ мѣста, а удовлетвореніе его нуждъ и всѣ торговнѣ хлопоты приняли на себя евреи и великороссіяне. И жидъ, и великороссіянинъ тормозятъ его безпрестанно, но туго поддается ихъ вліянію упорный быть малоросса. Чѣмъ кончится эта внутренняя борьба? оживится ли духъ малороссійскаго народа, проявится ли онъ въ промышленности, или на иномъ поприщѣ дѣятельности, уступивъ поле торговли болѣе способному къ ней племени,—мы не беремъ на себя рѣшенія этого вопроса. Но укажемъ только на одно весьма важное обстоятельство: малороссійскія свободныя сельскія и городскія сословія переходятъ въ значительномъ размѣрѣ въ сословіе чиновническое, и только весьма малая часть записывается въ гильдіи, но и изъ этихъ послѣднихъ весьма многіе не производятъ никакой торговли. Не смотря на это, купцовъ мѣстнаго происхожденія довольно, а потому мы и считаемъ не лишнимъ прослѣдить главныя характеристическія черты, отличающія малороссійское купечество отъ великорусскаго. Во-первыхъ, въ Малороссіи нѣтъ такого рѣзкаго раздѣленія сословій по занятіямъ, какъ въ Россіи, такого разъединенія, какое существуетъ въ Россіи между образованнымъ классомъ и простымъ народомъ. У насъ быть купеческій, соприкасаясь съ высшими классами общества и, въ то же время, близкій народу, отлился въ ту особую, странную форму, которая породила типы комедій г. Островскаго. Подобные типы совершенно непонятны въ Малороссіи! ничего подобнаго не найти въ малороссійскомъ купечествѣ. Небогатый панъ, казакъ хуторянинъ, гильдейскій купецъ, мѣщанинъ, всѣ живутъ на одинъ ладъ, однимъ образомъ жизни, говорятъ однимъ языкомъ, подходятъ подъ одинъ общій уровень образованія. Вы

ихъ никакъ не отличите между собою. Женщины еще менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ своего званія: природная грація, вкусъ къ изящному, художественный складъ мысли, утонченность, доведенная до-нѣльзя въ области чувства (чему лучшимъ доказательствомъ служатъ простонародныя пѣсни,) равно при-сущи всѣмъ малороссіянкамъ и заслоняютъ недостатокъ образованія, — тогда какъ въ Россіи, купчиха есть явленіе типическое и рѣзко выдѣляется изъ ряда женщинъ прочихъ сословій. Въ Россіи существенную примѣту купечества составляютъ уже бороды; въ Малороссіи всѣ сословія брѣются.

Во вторыхъ, великорусскій купецъ соединяетъ въ себѣ страннымъ образомъ любовь къ подвижности съ любовью къ осѣдлости. Онъ не запираетъ своихъ доходовъ въ дѣдовскій сундукъ, но или пускаетъ ихъ въ оборотъ для увеличенія своего капитала и торговли, или же употребляетъ ихъ на доставленіе себѣ разныхъ удобствъ и пріятностей жизни. Такъ, напримѣръ, онъ охотникъ строить дома и преимущественно каменные, прочные, правда не очень изящной архитектуры, но все же придающіе красу городу, что великорусскому купцу всегда пріятно. Велико-русскіе купцы, круглый годъ перекочевывающіе на Украинѣ съ ярмарки на ярмарку, нерѣдко покупаютъ дома въ разныхъ ярмарочныхъ пунктахъ, отстраиваютъ ихъ и отдѣлываютъ, тогда какъ малороссы, даже получающіе хорошіе доходы, довольствуются своими свѣтленькими, чистенькими хатками, домиками деревянными или слѣпленными изъ хвороста и глины. Русскіе купцы, если только позволяютъ средства, стараются въ мѣстахъ своей торговли обзавестись постоянными, каменными лавками или покрыть желѣзомъ деревянные. Вы найдете каменные гостинные дворы и въ Харьковѣ, и въ Сумахъ, и въ Коренной пустыни..... Въ Кролевцѣ же нѣтъ вовсе ни деревянныхъ, ни каменныхъ лавокъ; въ Ромнахъ старыя, ветхія деревянные ряды. Въ г. Лохвицѣ (Полтавской губ.) стоитъ небольшой деревянный гостинный дворъ, который поражаетъ пріѣзжаго своею крышею: въ одномъ и томъ же ряду нѣсколько лавокъ, принадлежащихъ русскимъ торговцамъ, крыты желѣзомъ; рядомъ съ ними лавки, собственность малороссійскихъ купцовъ — крыты деревомъ, такъ

что желѣзо кажется какою-то заплатою на деревянной крышѣ. Нѣтъ ничего оригинальнѣе вида настоящихъ малороссійскихъ городовъ. Кролевецъ, въ которомъ 200 лѣтъ сряду производится ежегодно богатый ярмарочный торгъ, доставляющій жителямъ немалыя выгоды отъ найма квартиръ и лавочныхъ мѣстъ, — жалкая деревня въ сравненіи съ какимъ-нибудь Нѣжиномъ или Путивлемъ, отстоящимъ не далѣе 50 верстъ. Но Путивль городъ великорусскій, а Нѣжинъ обстроенъ греками.

Третье существенное различіе между великорусскимъ и малороссійскимъ купцомъ заключается въ самомъ способѣ торговли. Во-первыхъ, малороссіянинъ никогда почти не торгуется, а держится при продажѣ одной опредѣленной цѣны, которая, разумѣется, условливается, но большею частью назначается имъ съ честною умѣренностью. Мы нарочно наблюдали простыхъ малороссовъ и русскихъ, владимірскихъ и ярославскихъ торговцевъ, на ярмарочныхъ рынкахъ. «Что стоитъ, напимѣръ, гусь?» спрашиваете вы. «Двадцать шагівъ» (грошей,) отвѣчаетъ вамъ, сидя, малороссіянинъ. «Вотъ тебѣ гривенникъ», говорите вы, по русской привычкѣ торговаться..... «И то гроши» (т. е. деньги,) отвѣчаетъ флегматически малороссіянинъ и отворачивается въ сторону. Напротивъ того, русскій торговецъ тотчасъ распознаетъ своего покупателя по платью, по рѣчи, по приему, мигомъ смекнетъ: должно-ли сдѣлать ему «уваженіе» т. е. уступить, или стянуть съ него вдвое болѣе настоящей цѣны. Онъ продаетъ иногда такъ дешево, что приводитъ въ совершенное недоумѣніе и негодованіе малоросса, торгующаго съ нимъ однородными товарами, потому что отбиваетъ покупателей. Малороссіянинъ не понимаетъ, какая можетъ быть выгода въ такой торговлѣ, и иногда лукаво посмѣивается. Великороссъ посмѣивается въ свою очередь и ждетъ только своего «случая,» а при случаѣ съ лихвой вознаграждаетъ себя за всѣ потери. Мы вовсе не защищаемъ этого способа, но должны сознаться, что онъ привлекаетъ покупателей. Къ тому же, русскій торговецъ не понимаетъ, отчего для бѣднаго не сбавить цѣны, и отчего не заставить богатаго заплатить втрое дороже. Въ-вторыхъ, малороссійскій купецъ *никогда не кредитуетъ*, кромѣ

рѣдкихъ исключеній, тогда какъ вся русская торговля основана на самомъ дерзкомъ, безумномъ кредитѣ, на самомъ отчаянномъ рискѣ. Понятно, не кредитующій долженъ ограничиваться самою умѣренною, хотя и вѣрною прибылью, а что безъ предприимчивости, безъ отважнаго риска нельзя ожидать большаго успѣха въ торговлѣ. Русскіе купцы привлекаютъ къ себѣ покупателей, соперничая между собою не большимъ или меньшимъ достоинствомъ товаровъ, не дешевизною, ибо цѣны у всѣхъ почти одинаковы, а болѣе или менѣе отважнымъ кредитомъ. Кто больше кредитуетъ, тотъ и товаровъ сбываетъ большую массу, а малороссъ, не рискующій и не кредитующій, совершенно затертъ, такъ сказать, русскими торговцами. И въ самомъ дѣлѣ, безъ кредита не было бы никакой возможности сбывать такое огромное количество товаровъ. Фабриканты на ярмаркахъ сами признаются, что если покупатель два раза сряду забираетъ товары (разумѣется въ одинаковомъ количествѣ,) и за одинъ разъ заплатить сполна, а за другой — и вовсе не заплатить, то они, конечно, не въ выгодѣ, но и не въ существенномъ убыткѣ, потому что, отпуская товаръ въ кредитъ, фабрикантъ или купецъ назначаетъ высокія цѣны, засчитывая и проценты на капиталъ. Такимъ образомъ, если является новый покупатель и беретъ на 3,000 р. товаровъ за наличныя деньги, то можетъ смѣло забрать товаровъ сейчасъ же на 30 т. р. въ кредитъ; въ слѣдующій разъ онъ опять платитъ 3, 4 т. и опять пользуется такимъ же неограниченнымъ кредитомъ.

Всѣхъ оптовыхъ ярмарокъ въ Малороссіи одиннадцать: въ Харьковѣ 4 — Крещенская, Троицкая, Успенская и Покровская; въ Полтавѣ — Ильинская; въ Ромнахъ (*) двѣ — Маслянская и Воскресенская; въ Курскѣ — Коренная; въ Кролевецѣ (**) — Крестовоздвиженская; въ Елисаветградѣ (***) — Георгіевская и въ Сумахъ (****) — Введенская.

(*) Ромны, уѣздный городъ Полтавской губерніи.

(**) Кролевецъ, уѣздный городъ Черниговской губерніи.

(***) Елисаветградъ, городъ въ Херсонской губерніи.

(****) Сумы, уѣздный городъ Харьковской губерніи.

Обратимся теперь къ ближайшему разсмотрѣнію украинскихъ ярмарокъ, и начнемъ со Введенской.

Официальные сроки ярмарки отъ 21-го ноября до 6-го декабря. Товары, идущіе изъ Москвы на Крещенскую, заѣзжаютъ сюда по дорогѣ, пользуясь удобнымъ зимнимъ путемъ. Съ Введенской товары идутъ въ Харьковъ на Крещенскую. Крещенская, съ 6-го января по 1-е февраля, самая сильная изъ всѣхъ украинскихъ ярмарокъ: до 100 т. подводъ, фуръ, воевъ и саней привозятъ разнообразныя товары изъ разныхъ концовъ Россіи. Сюда стекается полный комплектъ ярмарочныхъ торговцевъ, продавцевъ и покупателей; здѣсь главный складъ товаровъ, назначенныхъ для кочеванья по украинскимъ ярмаркамъ. Крещенская кончилась. Опять укладываются товары, нагружаются подводы и длинная вереница обозовъ выступаетъ по направленію къ Ромнамъ. Маслянская ярмарка въ Ромнахъ особенно важна для мягкой рухляди, т. е. для сыраго, шкуроваго товара, привозимаго сюда слобожанами, евреями и разными прасолами. (*) Эта ярмарка, какъ и Крещенская, начинается коннымъ торгомъ. Вообще надо замѣтить, что конный торгъ, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, предшествуетъ каждой ярмаркѣ.

Маслянская ярмарка въ Ромнахъ начинается съ 17-го февраля и стоитъ не менѣе двухъ недѣль. Въ это время года, въ Малороссіи нерѣдко уже начинается весна; земля распушается, дороги становятся непроѣздными, лошади тонутъ въ грязи, обозы вязнуть и останавливаются; по всей дорогѣ отъ Харькова къ Ромнамъ встрѣчаете вы растерянные товары..... Но такова, видно, нужда торговая, что она заставляетъ купцовъ переносить всѣ невзгоды, хлопоты и даже убытки, для того, чтобы не лишиться покупателей. «Нельзя, говорятъ купцы: покупатель, что заведенная пружина: вотъ онъ явится на ярмарку, да не найдетъ *своего* купца, такъ обратится, пожалуй, къ тому, кто пріѣхалъ раньше, да такъ за нимъ и останется.» Отторговавъ на Маслянской, купцы разъѣзжаются по домамъ,

---

(*) Прасолы—мелкіе торговцы, скупающіе у крестьянъ товаръ по мелочамъ.

оставляя часть товаровъ въ Ромнахъ до Вознесенской ярмарки, а часть обращая назадъ въ Харьковъ. Нѣкоторые же посылаютъ товары заранѣе въ г. Елисаветградъ для Георгіевской ярмарки 21-го апрѣля. Рогатый скотъ и черные крестьянскіе товары—главные предметы торговли послѣдней ярмарки. Остатки съ Елисаветградской вновь везутся частію въ Харьковъ на Троицкую, частію опять въ Ромны на Вознесенскую. Вознесенская важна для сбыта сахарнаго песку, садовыхъ ножей и тому подобныхъ предметовъ, необходимыхъ для лѣта, но она мельче Маслянской и продолжается не болѣе десяти дней.

Троицкая ярмарка, не смотря на свое названіе, имѣетъ опредѣленный срокъ 1-го іюня. Это — исключительно шерстяная ярмарка: ея спеціальность — торгъ испанскою шерстью, перегонной и мытой, простирающійся на 1½ м. рублей, и въ этомъ отношеніи она занимаетъ первое мѣсто въ ряду шерстяныхъ ярмарокъ Россіи. Торговцы называютъ ее также «панскою», потому что производители и продавцы товара *паны*, помѣщики, для которыхъ шерсть составляетъ главную статью дохода. Выручивъ за шерсть наличныя деньги, они закупаютъ у тамошнихъ розничныхъ торговцевъ все нужное для своего домашняго обихода, и потому Троицкая ярмарка есть самое лучшее время для харьковской розничной торговли. Для покупки шерсти являются сюда, болѣею частію, сами суконные фабриканты, австрійскіе и прусскіе купцы, бердичевскіе евреи, а также и нѣкоторые русскіе торговцы. Торгъ шерстью происходитъ вдали отъ города, за заставой, на обширной площади, часть которой, ближайшая къ городу, занимается конной ярмаркой. Въ сторонѣ отъ площади стоитъ зданіе акціонерной компаніи, съ развѣвающимся флагомъ, и красуются ея огромныя пакгаузы. Площадь немощенная и въ дождливую погоду очень грязна. Суда-то въ первыхъ дняхъ іюня со всѣхъ сторонъ тянутся фуры, т. е. подводы, медленно влекомыя волами, нагруженныя большими мѣшками съ шерстью и сопровождаемыя лѣнливо выступающими малороссійскими мужиками съ пыльными и загорѣлыми лицами. Партія cadaго помѣщика становится отдѣльно, мѣшки съ шерстью или остаются тутъ же на фурахъ, или же

складываются на землю, при чемъ постилаются доски или бычачьи кожи. Площадь представляет очень оригинальную картину: съ горами бѣлыхъ большихъ мѣшковъ, покрывающихъ едва обозримое пространство площади, съ безчисленнымъ множествомъ фуръ, скученныхъ вмѣстѣ, съ цѣлымъ лѣсомъ поднятыхъ кверху оглобель, съ огромнымъ стадомъ воловъ, пасущихся поодаль отъ площади и, наконецъ, съ типическими группами малороссійскихъ возчиковъ въ разнообразнѣйшихъ положеніяхъ.

Всѣ они живутъ тутъ же на лугу, подлѣ своихъ воловъ, тутъ же разводятъ огоньки, готовятъ себѣ пищу, курятъ свои коротенькія люльки, спятъ и кочуютъ, какъ чумаки въ полѣ. Нерѣдко среди фуръ встрѣчаются старомодныя кареты, коляски и всякаго рода рыдваны: небогатые помѣщики, вмѣсто найма квартиръ, проводятъ ярмарочные дни на площади, благодаря лѣтней теплой погодѣ.

Коренная ярмарка въ Курскѣ начинается обыкновенно въ 9-ю пятницу послѣ Пасхи и продолжается около двухъ недѣль. Особенность ея заключается въ томъ, что она стоитъ, такъ сказать, на краю украинскаго ярмарочнаго колеса, на границѣ двухъ системъ: черезъ нее украинскія ярмарки соприкасаются съ системою ярмарокъ сѣверо-восточныхъ, т. е. Ростовской, въ Ярославской губ., Нижегородской и Ирбитской. Сюда стекаются многіе купцы и фабриканты, которые далѣе Коренной на югъ не ѣздятъ, и отсюда отправляются въ Нижегородскую.

Покупатель на Коренной, большею частію, великоруссъ. Поэтому и товары здѣсь отличаются нѣсколько отъ товаровъ, посылаемыхъ на Украину. Такъ, изъ мануфактурныхъ произведеній здѣсь идетъ преимущественно товаръ кубовый, т. е. окрашиваемый синею краскою, тогда какъ на Украинѣ больше въ ходу пестрые яркіе ситцы.

Вновь укладываются товары, вновь тянутся обозы. Предстоитъ обширный торгъ, на который снова является полный комплектъ ярмарочныхъ дѣятелей: въ половинѣ іюля открывается въ Полтавѣ Ильинская, самая крупная, лѣтняя ярмарка. Въ оптовой

торговлѣ, для красныхъ товаровъ необходимы двѣ главныя ярмарки въ году, одна зимняя для лѣтнихъ, а другая лѣтняя для зимнихъ платьевъ и нарядовъ. Поэтому и Ильинская сильна торговлею суконъ и шерстяныхъ тканей, также и пушною торговлею, и въ этомъ отношеніи имѣетъ значительный перевѣсъ надъ Крещенской. Одинъ изъ фундаментальныхъ товаровъ Ильинской ярмарки — испанская шерсть (на 1 мил. р. с.) дающая ей право на второе мѣсто въ числѣ шерстяныхъ ярмарокъ послѣ Троицкой. Донскія табунныя лошади составляютъ также особенность Ильинской ярмарки. Но особенно важна эта ярмарка для торговцевъ участіемъ евреевъ, (*) которые, налетая со всѣхъ сторонъ, какъ саранча, торгуютъ и оптомъ и въ розницу, пускаютъ въ оборотъ большія суммы наличныхъ денегъ, и привозятъ огромное количество иностранныхъ, галантерейныхъ и мануфактурныхъ произведеній; но еще несравненно больше забираютъ у русскихъ торговцевъ издѣлія русскихъ фабрикъ и мануфактуръ.

Едва успѣли купцы свести счета, какъ снова укладка, снова въ дорогу — въ Харьковъ. Успенская ярмарка (съ 12-го августа по 1-е сентября) имѣетъ нѣкоторыя особенности, которыя служатъ ей сильною поддержкою и даютъ ей почетное мѣсто въ ряду вспомогательныхъ украинскихъ ярмарокъ. Срокъ Успенской ярмарки совпадаетъ съ послѣднимъ осеннимъ походомъ чумаковъ въ Крымъ за солью.

Отправляясь порожнякомъ на волахъ, они охотно берутъ здѣсь товаръ за весьма дешевую цѣну и развозятъ его по пути. Дешевизна провоза составляетъ важное условіе для товаровъ малоцѣнныхъ, которыхъ стоимость не выносить дорогой провозной платы. Напр. желѣзо, рыба называются у купцовъ товаромъ тяжелымъ, не по вѣсу ихъ, а по отношенію цѣны товара къ цѣнѣ провоза. Цѣна отъ 1 р. до 1 р. 50 к. за пудъ, а за дальнюю доставку на лошадяхъ приходится платить 36 к. съ пуда и болѣе. Напротивъ того, пудъ серебра, тотъ же пудъ вѣсомъ — товаръ легкій, ибо расходъ провоза для него нечув-

---

(*) На Харьковской и на Сумской ярмаркахъ евреи не имѣютъ права торговать.

ствителенъ. Такихъ-то тяжелыхъ товаровъ доставляется особенно много на Успенскую ярмарку къ урочному времени дешеваго чумацкаго извоза.

Отторговали на Успенской; но еще не совершенъ годовой ярмарочный кругъ, и купцы вновь нагружаютъ возы и воловь фуры, вновь спѣшатъ и суетятся: надобно торопиться на Крестовоздвиженскую, въ Кролевецъ. Здѣсь ярмарка начинается тотчасъ послѣ Воздвиженія, 14-го сентября. Но молодые прикащики высылаются заранѣе, чтобы приготовить мѣста для торговли. Такъ какъ въ Кролевецѣ нѣтъ ни каменныхъ, ни деревянныхъ рядовъ, то владѣльцы лавочныхъ мѣстъ на площади обязываются выстроить нанимательную лавку съ деревяннымъ помостомъ, полками и прилавкомъ съ циновочною крышею и съ рогожаными стѣнами. И вотъ въ нѣсколько дней создается цѣлый городокъ изъ холста, циновокъ и рогожъ, съ длинными рядами лавокъ, съ улицами и переулками. Крестовоздвиженская ярмарка привлекаетъ купцовъ въ особенности потому, что это послѣдній въ году торгъ, въ которомъ принимаютъ свободное участіе евреи. Послѣ Кролевецкой, товары свозятся снова въ Харьковъ на Покровскую, съ 1-го по 26-е октября. Покровская особенно шибко торгуетъ тѣми товарами, которыми необходимо запастись до наступленія зимнихъ морозовъ, напр.: овощнымъ, съѣстнымъ товаромъ, винами и т. п. Для краснорядцевъ она важна тѣмъ, что владимірскіе ходебщики или разнощики обыкновенно съ Покровской начинаютъ свое торговое бродяжничество по Украинѣ.

Вотъ—11 или, вѣрнѣе, 10 оптовыхъ ярмарокъ, потому, что Троицкая есть исключительно шерстяная, — 10 оптовыхъ ярмарокъ, составляющихъ одинъ кругъ, одинъ поясъ, обхватывающій Украину. Ярмарочные пункты, стоящіе на краю этого пояса, слѣдующіе: Кролевецъ — самый крайній с. з. пунктъ; Курскъ или Коренная — с. в., Харьковъ — ю. в., Полтава — ю. Такимъ образомъ Сумы и Ромны находятся внутри предѣловъ ярмарочнаго круга. Сколько труда, сколько траты времени, сколько ломки, порчи товаровъ, сколько издержекъ и напрасныхъ убытковъ: на каждой ярмаркѣ надо разложить и потомъ вновь уложить товары, и такимъ образомъ повторять эту опе-

рацію 20 разъ; одинъ объѣздъ ярмарокъ въ теченіе года составляетъ 2,405 верстъ. Самыя главныя и многолюдныя ярмарки—Крещенская и Ильинская; всѣ остальные должны назваться вспомогательными.

Главнѣйшіе предметы ярмарочной торговли слѣдующіе: изъ великорусскихъ губерній привозятъ шелковыя, шерстяныя и бумажныя издѣлія, а также разный черный крестьянскій товаръ—простыя сукна, войлоки, цыновки, рогожи, заечьи мѣха, деревянную посуду, конопляное масло и проч.; стекло и хрусталь съ владимірскихъ фабрикъ; золотыя и серебряныя вещи — московской работы; дорогіе мѣха, чай, книги, писчую бумагу, свѣчи, мыло, — также изъ Москвы, или черезъ посредство Москвы; желѣзныя и чугуныя издѣлія, стальные и мѣдныя издѣлія—изъ Нижняго-Новгорода и Тулы. Касимовскіе татары продаютъ: калмыцкія овчины, бухарскія мерлушки, бухарскую пряденую бумагу и казанскіе сафьяны.

Западныя губерніи и Царство Польское доставляютъ: нейзильберъ, т. е. варшавское серебро и разный галантерейный товаръ несравненно высшаго качества, чѣмъ московскій, свекловичный сахаръ и иностранный еврейскій товаръ, т. е. доставляемый евреями черезъ сухопутную границу — мѣха, шелковыя и шерстяныя издѣлія, голландскія полотна и, сверхъ того, австрійскія сѣнокосныя косы и нѣкоторыя аптекарскія снадобья.

Съ юга привозятъ: рыбу, рыбій клей, вязигу, икру и бакалейные товары, получаемые изъ Персіи; иностранныя вина и водку—изъ Одессы; чихирь—съ Кавказа.

Лошади приводятся изъ южныхъ губерній, а также изъ Воронежской и Тамбовской. Сама же тѣсная площадь, на которой кружится ярмарочный рынокъ, поставляетъ: испанскую шерсть, сырыя кожи, свекловичный сахаръ, табакъ, воскъ, медъ, мелочной прасольскій товаръ—щетину, пухъ, перо, конскій волосъ, холстъ и разный черный товаръ для малороссійскаго просто-народа.

Торговля другими малороссійскими товарами, какъ-то: ско-

томъ, саломъ, пенькой, даже табакомъ, производится, болѣею частью, совершенно независимо отъ украинскихъ ярмарокъ.

Относительно численной величины торговыхъ оборотовъ на малороссійскихъ ярмаркахъ Аксаковъ приводитъ двоякаго рода свѣдѣнія. Одни изъ этихъ свѣдѣній основаны на официальныхъ данныхъ, а другія собраны по личнымъ изысканіямъ и разспросамъ. По официальнымъ источникамъ 1857 г. на Ильинскую ярмарку привезено болѣе чѣмъ на 14 м. р. с., на Крещенскую около того же количества, на Кролевецкую, Коренную и Успенскую болѣе 5 м., Маслянскую и Покровскую на 4 м., Вознесенскую на 2¹/₂ м., на прочія три — Троицкую, Сумскую и Елисаветградскую — по 1 м. на каждую.

Если же основываться на личныхъ изысканіяхъ Аксакова, то цѣнность оборотовъ и самый порядокъ ярмарокъ значительно измѣнятся. Такъ, по Аксакову, первое мѣсто занимаетъ — Крещенская ярмарка, на которую привезено товаровъ на 40 м.; потомъ слѣдуютъ: Ильинская (30 м.), Успенская (12 м.), Коренная (10 м.), Покровская (9 м.), Кролевецкая (7¹/₂ м.), Маслянская (7 м.), Вознесенская (6 м.), Сумская (3 м.), Елисаветградская (2 м.), Троицкая (б. 1 м.). Продано товаровъ на каждой ярмаркѣ или двѣ трети, или половину всего количества.

Для сравненія весьма интересны среднія официальные цифры оборотовъ четырехъ извѣстнѣйшихъ ярмарокъ въ Россіи:

Нижегородской до	60 м. (теперь на 100 м.)
Ирбитской	35 »
Ростовской (Яросл. губ.)	6 »
Урюпинской (въ З. Дон. В.)	6 »

Главнѣйшіе участники въ торговлѣ на малороссійскихъ ярмаркахъ: великорусскіе купцы, городовые покупатели, фабриканты и заводчики, включая сюда и помѣщиковъ, слобожане, офени, евреи и прасолы.

Почти всѣ великорусскіе купцы, краснорядцы, могутъ быть названы только продавцами, въ томъ смыслѣ, что сами они на ярмаркахъ ничего не покупаютъ.

Городовой покупатель—слово, принятое въ торговлѣ, означаетъ розничнаго, осѣдлаго, городского купца. Городовой покупатель — покупатель фундаментальный, выражаются купцы, прочный, настоящій купецъ, обыкновенно владѣющій недвижимою собственностію и, большею частію, великорусскаго происхождения.

Фабриканты, черезъ посредство своихъ прикащиковъ, продаютъ на ярмаркахъ произведенія своихъ фабрикъ и тутъ же приобрѣтаютъ сырые матеріалы для фабричной производительности, безъ всякаго посредства купцовъ, какъ было прежде. Это произошло лѣтъ 30 тому назадъ, когда въ Великороссіи умножились фабрики до того, что некуда было сбывать произведеній, и они страшно удешевились. Поэтому, чтобы поддержать свои фабрики и имѣть возможность разомъ сбывать большое количество товаровъ, фабриканты рѣшились сами возить на ярмарки свои произведенія, чтобы самимъ получать всю выгоду, а не дѣлиться ею съ купцами.

Офени, слобожане и евреи играютъ на ярмаркахъ весьма важную роль. Безъ ихъ содѣйствія нельзя было бы ожидать такого быстрого сбыта товара посредствомъ однихъ мѣстныхъ розничныхъ городскихъ купцовъ. Эти мелкіе торговцы забираютъ товары обыкновенно въ кредитъ. Собираясь къ урочному времени ярмарки, они мигомъ растаскиваютъ товары и разбѣгаются съ ними во всѣ стороны, разнося и развозя ихъ по деревнямъ, хуторамъ и селамъ, по лѣнновымъ панамъ, по казакамъ-домосѣдамъ, по крестьянамъ щеголямъ, по крестьянкамъ-щеголихамъ, жинкамъ и дивчатамъ отъ границъ Австріи и до Кавказа, отъ Дона и до Дуная, расовываютъ товаръ всюду, по мелочи, соблазняютъ покупателей удобствомъ кредита. Познакомимся поближе съ этими живыми, торговыми дѣятелями.

Офени. Офенями называются ходебщики или, иначе, разнощики-крестьяне Ковровскаго и Вязниковскаго уѣздовъ Владимирской губ. Ковровцы смѣнили орловскихъ ходебщиковъ, которые въ прежнія времена ворочали всюю розничною торговлею на Украинѣ. Рассказываютъ, что лѣтъ 40 тому назадъ

былъ нѣкто торговый крестьянинъ Кособоковъ, глава всѣхъ орловскихъ ходябщиковъ, пользовавшійся неограниченнымъ кредитомъ и почетомъ у купечества. Воспоминанія о немъ приняли даже нѣсколько сказочные размѣры. «Нѣтъ торговли на ярмаркѣ, стоитъ ярмарка день, стоитъ другой, ѣдетъ Кособоковъ— всѣ ожили; пріѣдетъ полъ-ярмарки разомъ заберетъ.» Такъ отзываются о немъ старожилы. Какъ бы то ни было, но, по ихъ же разсказу, этотъ Кособоковъ, забравъ товару свыше силъ, не успѣлъ сбыть его съ выгодною и видя, что дѣло плохо, призвалъ своихъ прикащиковъ и работниковъ, роздалъ имъ остальной товаръ, а самъ воротился домой въ деревню. Отсутствіе Кособокова на ярмаркахъ удивило купцовъ, потомъ встретило; наконецъ ярмарки четыре спустя, поѣхали къ нему въ деревню и нашли его въ полѣ, въ крестьянской грубой одеждѣ, за сохою,—будто вѣкъ и купцомъ не бывалъ. Объяснились купцы, получили по 30 к. за рубль, но многіе обанкрутились. Эта катастрофа повлекла за собою паденіе орловскихъ ходябщиковъ и усиленіе городовыхъ мѣстныхъ центровъ. На мѣсто орловцевъ явились ковровцы; эти послѣдніе сначала торговали очень хорошо, но въ настоящее время торговля ихъ на Украинѣ падаетъ, вытѣсняемая торговлею слобожанъ и мѣстныхъ купцовъ; теперь владимірцы, по словамъ торговцевъ, ударились въ Сибирь. Офени состоятъ при хозяевахъ. У инаго хозяина купца или крестьянина капиталиста бываетъ до 8 счетовъ (прикащиковъ.) Обыкновенно хозяинъ даетъ прикащику товару тысячъ на 5, да право кредита на такую же сумму; къ этому прикащикъ присоединяетъ свой капиталъ: барыши пополамъ, расходы общіе, но все, что онъ отпустилъ въ долгъ, остается на его отвѣтственности. Если товаръ не распроданъ, то хозяинъ обязанъ взять его обратно, за вычетомъ 10⁰/₁₀₀ стоимости товара. Прикащикъ не ходитъ, а разъѣзжаетъ обыкновенно на 5 или 6 возахъ, нагруженныхъ товарами. У него есть помощникъ, называемый подвощикомъ, и ребята или молодцы. Офени полагаются довѣріемъ и хорошею славою.

Слобожане. Такъ называются жители великорусскихъ старобрядческихъ слободъ Черниговской губ. Нѣкогда знаменитые

своимъ упорствомъ въ расколѣ, эти слободы нынѣ не менѣе знамениты своею промышленностію и торговлею, такъ напр. въ посадѣ Клинцахъ работаетъ ежедневно до 22 суконныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ фабрикъ. Они же ведутъ торгъ пенною и другими прасольскими товарами, отпускаютъ ихъ за границу черезъ рижскихъ портовыхъ купцовъ. Способъ ихъ торговли мало отличается отъ владимірскаго. Слобожанъ по преимуществу называютъ коробочниками, потому что они носятъ свой товаръ въ коробкахъ. Слобожане, какъ и офени, на лѣто уходятъ домой. У московскихъ купцовъ слобожане слывятся народомъ грубымъ, сѣрымъ, менѣе образованнымъ, чѣмъ владимірскіе офени, и не пользуются такимъ довѣріемъ, какъ послѣдніе.

Евреи. Евреи самые дѣятельные торговцы мануфактурными русскими издѣліями. Кромѣ того, почти вся торговля иностранными товарами, привозимыми черезъ сухопутную границу, производится евреями. Броды, Бердичевъ и Дубно—главные двигатели этой торговли; черезъ нихъ украинскія ярмарки поддерживаютъ связь съ Лейпцигскими ярмарками, особенно по мягкой рухляди. На тѣхъ ярмаркахъ, гдѣ евреи пользуются свободнымъ правомъ купли и продажи, они придаютъ торговлѣ какое-то особенное лихорадочное оживленіе: бѣгають, суетятся, спуютъ, сопровождая каждое слово быстрыми тѣлодвиженіями; вездѣ раздается ихъ торопливый гортанный говоръ; вездѣ, на каждомъ шагу, останавливаютъ они посѣтителя съ предложениемъ товаровъ.

Евреевъ особенно много бываетъ на Ильинской ярмаркѣ: какъ саранча спускаются они на городъ, продавая товары изъ лавокъ и изъ лавочекъ, изъ шалашей, изъ-подъ навѣсовъ, изъ палатокъ, и оптомъ и въ роздробъ, и на столикахъ, и въ разноску, и на дому у жителей. Но наступаетъ шабашъ: евреи исчезаютъ, и въ городѣ мертвая тишина; хотя торговля въ русскихъ рядахъ, правда, не прекращается, но производится однако медленнѣе, спокойнѣе и безъ шума. Торговля евреевъ замѣчательна еще тѣмъ, что около каждаго еврейскаго оптоваго купца толпится сотня мелкихъ, бѣдныхъ евреевъ, которые

берутъ товаръ изъ оптовой лавки и продаютъ его въ раздробъ. Это оживленіе розничной торговли увеличиваетъ массу наличныхъ денегъ на ярмаркѣ: поэтому тѣ ярмарки, на которыхъ торгуютъ евреи, считаются денежными. Еврей нерѣдко продаетъ товаръ гораздо дешевле, чѣмъ купилъ: ему всегда нужны наличныя деньги, оборотомъ которыхъ онъ и надѣется пополнить понесенный убытокъ. Пока у русскаго обернется рубль два раза, у еврея обернется онъ пять разъ. Евреи всегда поддерживаютъ другъ друга, имѣютъ своихъ банкировъ, своихъ подрядчиковъ, своихъ извозчиковъ. Съ великорусскими купцами они въ большихъ ладахъ и пользуются отъ нихъ ласковымъ названіемъ «жидковъ.»

Прасола. Прасольствомъ называется сборъ такихъ однородныхъ предметовъ сельской производительности, которые, будучи разбѣяны по рукамъ первыхъ производителей, не имѣютъ никакого значенія и цѣнности, но собранные вмѣстѣ, соединенные въ одну массу, они годятся въ дѣло, получаютъ и цѣнность и значеніе въ торговлѣ. Прасольскій товаръ: пухъ, перо, щетина, конскій волосъ, шкурки, анисъ, подсолнечное и конопляное масло, пенька, сало, медъ и воскъ—товаръ сборный. Возьмемъ, напр., прасольскій товаръ щетину; крестьянка собираетъ пучекъ щетины около своихъ свиней: самъ по себѣ, отдѣльно взятый, этотъ пучекъ не имѣетъ никакой цѣнности, но является ходящимъ-прасоль съ товарами, беретъ у крестьянки этотъ пучекъ щетины, платитъ ей бездѣлицу или мѣняетъ на какое-нибудь оловянное колечко, и такимъ образомъ набираетъ огромное количество пучковъ, которые, переходя отъ мелкихъ торговцевъ къ крупнымъ, поступаютъ на фабрики и заводы или отправляются за границу. Прасолы рѣдко покупаютъ что-нибудь за наличныя деньги, а почти всегда вымѣниваютъ свой дешевый игольный товаръ на предметы прасольской торговли. Эта мѣна гораздо выгоднѣе продажи. Русскій игольный или, иначе, простой галантерейный товаръ дешевизны необыкновенной. Есть кольца (оловянныя,) которыхъ сотня стоитъ 20 коп. асс. Это самыя дешевыя; но есть и такія кольца и серьги, которыя стоятъ по 4 коп. сер. за

штуку и даже до 10 к. Очевидно, что продавать за деньги подобную мелочь не было бы никакой выгоды; но при промѣнѣ каждая подобная вещь даетъ огромные проценты. Есть такой товаръ, противъ котораго не устоитъ никакая украинская *гарная дивка* (*) или жинка, есть кольца *эмилки* и серьги *полки*, издѣлія мужиковъ села Сидоровскаго, Нерехтскаго уѣзда, Костромской губерніи, за которыя малороссійская крестьянка отдастъ свою собранную ею въ теченіе года хозяйственную мелочь. Такимъ образомъ, ходебщикъ-прасоль служитъ посредникомъ между крестьяниномъ и купцомъ; избавляетъ крестьянъ отъ издержекъ, сопряженныхъ съ провозомъ товара до мѣста сбыта, и доставляетъ крестьянскому хозяйству немалыя выгоды. Съ одной стороны, разсѣянное народонаселеніе, огромныя пространства, недостатокъ удобныхъ сообщеній, были бы неодолимымъ препятствіемъ для сбыта торговцами своихъ товаровъ, еслибы не разпосило ихъ по потребителямъ кочевое племя торговцевъ-пѣшеходовъ и самовозовъ. Съ другой стороны, безъ ихъ дѣятельнаго посредничества, несмѣтные богатства Россіи, раздробленные въ простонародномъ быту на миллионныя частицы, оставались бы еще надолго мертвымъ капиталомъ. Прасольская дѣятельность обхватываетъ всю Россію, разумѣется, видоизмѣняясь по мѣстности и товару. Въ Малороссіи, какъ промыселъ, такъ и самый прасольскій товаръ называется *шибайнымъ*, а въ низовой Россіи, на Волгѣ—*тапханомъ*.

Теперь посмотримъ, какимъ способомъ передвигается вся эта масса товаровъ съ одной ярмарки на другую.

Способъ перевозки двоякій: извозичій или конный, и фурный или воловій.

У каждого купца есть свои знакомые, вѣрные извозчики, кормящіеся отъ него работою лѣтъ по 10 и болѣе; они сами являются къ хозяину, сами награждаютъ, увязываютъ и доставляютъ товаръ въ назначенный пунктъ, гдѣ также имѣютъ какого-нибудь знакомаго купца, у котораго всегда готова имъ работа въ обратный путь. Извозчики ѣздятъ и договариваются

(*) Гарная—пригожая.

цѣлыми артелями, разумѣется, выбирая изъ самихъ себя какого-нибудь старосту. Названіе извозчика присвоено собственно русскому конному извозчику. Малороссійскій извозчикъ называется всегда *фурщикомъ*, а телѣга его, влекомая парой воловъ—*фурою*. Оба извоза, конный и воловій, рѣзко отличаются одинъ отъ другаго. Извозчикъ ходитъ и зимой и лѣтомъ, фурщикъ только лѣтомъ: зимою нѣтъ подножнаго корма, воловъ не подковываютъ, слѣдовательно имъ трудно и часто, при скользкомъ пути, даже невозможно свободно ходить. Извозчикъ везетъ товары на срокъ; фурщикъ не можетъ обязаться срокомъ, ибо, въ случаѣ пенастья, волы везти не могутъ; шея у нихъ отъ дождя, подъ деревяннымъ ярмомъ, прѣтегъ; приходится останавливаться и выжидать хорошей погоды. Фурщикъ рѣдко беретъ товаръ «въ Россію,» предпочитая ей «свои мѣста» южныя; извозчикъ отправляется хоть на край свѣта, если только увѣренъ, что и для обратнаго пути найдетъ себѣ работу. За то фурный извозъ несравненно дешевле копнаго, потому что малороссъ всегда останавливается и кочуетъ въ полѣ, въ полѣ обѣдаетъ и ужинаетъ: разведетъ огонекъ, сваритъ себѣ кашницу изъ крупъ, взятыхъ изъ дома, да поѣстъ вяленой рыбы,—вотъ и все; а волы его пасутся на дешевомъ подножномъ юрму. Напротивъ, русскій извозчикъ долженъ два раза въ сутки давать кормъ лошади, останавливается на постоянныхъ дворахъ, гдѣ платитъ наличныя деньги за обѣдъ и за ужинъ для себя, за овесъ и сѣно для лошади, за постой, за ночлегъ.

Малороссійскихъ извозчиковъ называютъ также *чумаками*, но это имя принадлежитъ собственно тѣмъ, которые ходятъ на Донъ и въ Крымъ за солью и рыбой.

25. Чумагъ.

Сословіе чумаковъ возникло, вѣроятно, вѣка два съ половиною тому назадъ, когда уже Запорожье было правильно организовано, и его зимовки служили для чумаковъ прибіжищемъ въ этихъ безводныхъ селеніяхъ. Обозы съ гетманщины тяну-

лись по землям войска запорожскаго, по направленію къ Дону и Крыму. Тогдашніе чумаки ходили въ степь вооруженные и большими партіями. Теперь эти переѣзды не представляютъ никакой опасности. Купивъ двѣ пары добрыхъ воловъ, снарядивъ два хорошіе воза, пріобрѣтя отличную упряжь и запасшись нѣсколькими десятками рублей, крестьянинъ идетъ чумаковать въ сотовариществѣ людей бывалыхъ и опытныхъ. Отправляясь въ походъ, чумаки образуютъ изъ себя артели, избираютъ атамана, и на время похода обязуются имѣть все общее.

Чумакъ бываетъ ранній и поздній. Ранній чумакъ отправляется въ Крымъ въ апрѣлѣ, а въ маѣ возвращается; потомъ въ концѣ августа снова идетъ въ путь—тогда онъ называется позднимъ. Выходя съ пустыми возами, чумаки направляются въ какой-нибудь ярмарочный или торговый городъ, берутъ кладъ, и валка (обозъ) тянется медленнымъ шагомъ въ Крымъ, Херсонъ, Одессу, Бессарабію. Доставивъ товаръ на мѣсто, чумакъ получаетъ чистыя деньги, покупаетъ въ Перекопѣ соль, или, если случится какой товаръ, вновь нагружается имъ въ обратный путь. Какая бы цѣна ни была въ Перекопѣ, чумакъ продаетъ соль дома на ярмаркахъ почти вдвое, а если пустить ее въ раздробъ въ деревнѣ—непремѣнно получить еще болѣшую выгоду. Чумакъ почти не занимается хлѣбопашествомъ, считая его дѣломъ второстепеннымъ, потому что его промыселъ гораздо прибыльнѣе и даетъ ему возможность жить не только безбѣдно, но даже съ нѣкоторою роскошью. Почти въ каждомъ малороссійскомъ селеніи попадаются чумаки, но есть деревни, въ которыхъ жители преимущественно чумакуютъ. Все это народъ видный, въ особенности приднѣпровцы. Въ своихъ вышитыхъ на груди рубашкахъ, неизмѣнныхъ шароварахъ, всегда запачканныхъ смолою и съ длинными чупринами, они чрезвычайно оригинальны..... Это особый типъ.

Народная поэзія посвятила чумакованью цѣлый богатый отдѣлъ пѣсенъ, отражающихъ въ своей унылой, однообразной мелодіи—пустынность и однообразіе степи, и тихое, мѣрное движеніе воловъ. Не только пѣснямъ, но и для картинъ жи-

вописцевъ не разъ служила содержаніемъ безбрежная степь, съ безоблачнымъ небомъ и палящимъ солнцемъ, съ сѣдымъ ковылемъ, лѣниво влекущіеся воли и медленно выступающій загорѣлый чумакъ съ коротенькой люлькой, безъ шапки, не смотря на жгучій полдень. Чумацкій промыселъ такъ сроднился съ Малороссіей, съ ея бытомъ, ея преданіями, ея природою и облегающею ее съ юга степью, что предстоящая близкая кончина этого промысла, проложѣніемъ желѣзныхъ путей, отниметъ много поэтической прелести у Малороссіи вообще, а у черноморской степи въ особенности. Вступая въ новую чреду жизни, нельзя не оглянуться назадъ съ нѣкоторою грустью, нельзя не проститься дружески съ исчезающимъ отъ насъ древнимъ, вѣковымъ, народнымъ обычаемъ!

26. К І Е В Ъ.

Панорама Кіева. — Историческій очеркъ. — Кіевскія древности и памятники. — Современное значеніе Кіева. — Кіевскіе контракты.

(Ст. М. Д. Хмырова.)

Мало городовъ въ Россіи, которые имѣли бы такое картинное мѣстоположеніе, какъ Кіевъ. Въ самомъ дѣлѣ, Кіевъ, раскинутый по нагорьямъ праваго берега Днѣпра, способенъ восхитить наблюдателя, особенно если онъ смотритъ на Кіевъ изъ-за Днѣпра отъ броварской дороги. (*) Еще за пять верстъ до *Броваровъ*, т. е. за 25 до Кіева, путешественникъ уже можетъ различить на синевѣ неба силуэты лаврской колокольни и другихъ кіевскихъ церквей, между тѣмъ, какъ все броварское шоссе покрыто тысячами богомольцевъ, ѣдущихъ, идущихъ, даже буквально ползущихъ со всѣхъ концовъ Россіи и на всемъ пути прокармливаемыхъ верѣдко однимъ Христовымъ именемъ. Отъ Броваровъ неясные силуэты, съ каждой верстой къ Кіеву,

---

(*) Бровары — послѣдняя станція передъ Кіевомъ, гдѣ сходятся тракты: Черниговскій — изъ Бѣлоруссіи, Петербурга и Москвы, и Полтавскій — съ Украйны, Дона и Кавказа.

начинають принимать образы болѣе и болѣе отчетливые. Такъ, сначала мелькають въ отдаленіи какъ будто нѣсколько городовъ, соединенныхъ вмѣстѣ, потомъ яснѣе очерчиваются: съ одной стороны—голые склоны горъ стараго Кіева, блистающаго наверху золотыми и серебряными куполами, а съ другой — грозныя верки (*) Кіево-Печерской крѣпости съ висящею надъ ними лаврскою колокольнею; наконецъ, какъ будто выходя изъ воды, открывается *Подоль*, съ его зелеными крышами, куполами, садами,* площадями, базарами, пабережною и лѣсомъ мачтъ у пристани, — Подоль, такъ живо напоминающій то Неаполь, то Константинополь. Очарованный чудною панорамою матери русскихъ городовъ, путникъ проѣзжаетъ двухверстный Николаевскій мостъ, съ котораго, крутыми зигзагами величественнаго Никольскаго спуска, поднимается въ печерскую гору и, оставивъ за собою у крутѣйшаго изъ зигзаговъ кладбище съ могилою Аскольда, достигаетъ Николаевской улицы, т. е. вершины горы. Интересно взглянуть теперь на Кіевъ á vol d'oiseau (съ высоты птичьяго полета.) Тогда печерская гора представитъ обозрѣвателю оригинальное сочтаніе дачъ, садовъ, рощей и вообще сельскихъ видовъ на склонахъ горы, съ крѣпостными зданіями на вершинѣ, изъ-за стѣнъ которыхъ выглядываютъ византійскіе куполы и возпосится высоко къ небу величавая колокольня знаменитой, многовѣковой Лавры. Направляясь отсюда къ сѣверу, т. е. вверхъ по Днѣпру, обозрѣватель встрѣтитъ глубокую лощину, раздѣляющую *Печерскъ* отъ *Стараго Кіева* Лощина, дно которой живописно устѣяно домами, дачами, садами, кофейнями, кондитерскими, магазинами и проч., составляетъ *Крещатицкую улицу* — Невскій проспектъ Кіева. *Старый Кіевъ*, еще съ броварскаго шоссе блиставшій куполами, явится трехъ-холмною горою, застроенною сплошь, и бѣлыми церквами византійскаго стиля, и огромными зданіями новой архитектуры, и маленькими свѣтлыми домиками, и жалкими хижинами, и новыми садами. *Подоль*, казавшійся издали, и то съ угла, какъ бы всплывающимъ изъ воды, разстилается

(*) Отдѣльныя части укрѣпленій.

одною необозримою площадью, которая съ одной стороны примыкаетъ къ сѣвернымъ склонамъ Старога Кіева, а съ другой уходитъ косою въ Днѣпръ.

Самыя древнѣйшія извѣстія о началѣ города Кіева мы находимъ у Нестора, перваго русскаго лѣтописца. Такъ сначала онъ передаетъ намъ извѣстіе, заимствованное имъ у греческаго хрониста Зонара, который говоритъ, что еще апостоль Андрей посѣтилъ нынѣшнія кіевскія горы, водрузилъ на нихъ крестъ и произнесъ слѣдующія слова: «Видите ли горы сія? Яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ воздвигнути имать.»

Далѣе Несторъ рассказываетъ, что три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ съ сестрою Лыбедью, предводительствуя славянскимъ племенемъ полянъ, пришли съ Дуная къ Днѣпру, гдѣ заняли своими селитьбами горы и равнины нынѣшней мѣстности Кіева, получившему это названіе отъ старшаго брата. По свидѣтельству того же Нестора, родъ Кія продолжалъ властвовать надъ полянами, которые, благодаря кротости и тихости своихъ нравовъ, много терпѣли, какъ отъ своихъ соплеменниковъ древлянъ, такъ и отъ чужеродныхъ аваровъ или обровъ. Въ исходѣ VII или началѣ VIII вѣка поляне подчинились новымъ пришельцамъ хозарамъ, бравшимъ съ нихъ дань *то по мечу съ дыма* (съ избы,) *то по бѣлѣ съ ооми*.

Въ такомъ положеніи поляне находились до исхода IX вѣка, когда приплыли къ нимъ Днѣпромъ Аскольдъ и Диръ, такъ полагаетъ Несторъ — друженники Рюрика. Явившись къ Кіеву около 864 г., Аскольдъ и Диръ пашли заселеннымъ только одинъ склонъ нынѣшней старо-кіевской горы надъ Михайловскимъ оврагомъ, за которымъ тянулось загородное поле, а далѣе «баше около града лѣсъ и боръ великъ и бяху ловяще звѣрь.» Изъ такого Кіева Аскольдъ и Диръ спускались на ладьяхъ прямо въ Черное море и заставляли трепетать Царь-градъ. Слава успѣховъ Аскольда и Дира дошла и до Олега, новгородскаго князя — преемника Рюрика. Олегъ, собравъ войско, покинулъ въ 881 г. столицу Рюрика, Новгородъ, пустился ладьями внизъ

по Днѣпру, занявъ по пути Смоленскъ и Любичъ и высадились у горъ кіевскихъ. Здѣсь Олегъ, по разсказу Нестора, «похоронивъ вои своя, и присла къ Аскольду и Дирови, глаголя: яко гость есмь, идемъ въ греки отъ Олега и отъ Игоря княжича; да приидите къ намъ съ родомъ своимъ. Аскольдъ же и Диръ придоста; vyskokaвъ же вси прочіе изъ ладья, и рече Олегъ Аскольду и Дирови: «вы нѣста князя, ни рода княжа, по азъ есмь рода княжа; внесоша Игоря, и се есть сынъ Рюриковъ.» И убиша Аскольда и Дира, «а самъ сѣде княжа въ Кіевѣ, и рече: се буди мати всѣмъ градамъ русскимъ.» Такъ хитро овладѣлъ Олегъ Кіевомъ и сдѣлалъ его столицею своихъ владѣній.

Но до Владиміра св. Кіевъ не представлялъ ничего замѣчательнаго, хотя въ немъ уже были двѣ христіанскія церкви — Ильинская на Подолѣ и св. Николая, построенная Ольгою на могилѣ Аскольда. Владиміръ первый началъ распространять и украшать матеръ городовъ русскихъ. Онъ выстроилъ село Берестовое за Печорской горой, память котораго осталась въ названіи теперешней церкви Спаса на Берестовѣ, а съ принятіемъ христіанства въ 988 году, соорудилъ подлѣ княжаго терема, на холмѣ Перуновомъ, церковь св. Василія, нынѣшнюю Трехсвятительскую, а вскорѣ, неподалеку отъ того же терема, возникъ великолѣпный каменный храмъ, извѣстный подъ названіемъ Десятиннаго. При сынѣ Владиміра Ярославѣ I, Кіевъ украсился Софійскимъ соборомъ и златыми вратами, заблистала мраморными изваяніями, живописью и имѣлъ уже, по свидѣтельству современниковъ, до 400 церквей (?) съ 8 торговыми площадями; вся гора Сковика (въ то время Щековица) и часть Подола были заселены такъ, что Кіевъ увеличился втрое противъ прежняго, хотя значительнѣйшая часть нынѣшняго Кіева, простиравшаяся къ юго-западу отъ стараго города, все-таки не была заселена до самаго конца XVII вѣка. Блестящее положеніе Кіева, какъ великокняжеской столицы и каедральнаго города русскихъ митрополитовъ, богатѣвшаго притомъ отъ торговли съ Византіею, были причиною, что Кіевъ не только сталъ во всѣхъ отношеніяхъ первымъ городомъ тогдашней Руси, но

сдѣлался извѣстенъ и въ Европѣ, и въ Азіи. Это могущество и извѣстность Кіева продолжались до нашествія татаръ. Ни частые пожары, столь обыкновенные въ русскихъ городахъ, ни два землетрясенія, бывшія въ Кіевѣ въ началѣ XII ст., ни нашествія половцевъ, ни междуусобія князей, ни даже перенесеніе столицы изъ Кіева во Владиміръ Андреемъ Боголюбскимъ не могли помѣшать процвѣтанію Кіева: послѣ истребленія или разрушенія онъ опять скоро обстроивался и заселялся. Но нашествіе татаръ навсегда сокрушило прежнее величіе Кіева. Разоривъ сѣверо-восточную Россію въ 1238 г., Батый, давно уже наслышанный о красотѣ и богатствѣ Кіева, поручилъ внуку Чингисову, Мангу, лично обозрѣть Кіевъ и удостовѣриться въ истинѣ молвы о немъ. Мангу, пораженный, въ свою очередь, исполинскою бѣлою стѣною и блестящими главами многочисленныхъ храмовъ, прислалъ въ Кіевъ знатнаго татарина съ предложеніемъ—выбрать одно изъ двухъ: или безусловное подданство Батыю, или безпощадное разореніе города. Кіевляне съ гордостью отвергли это предложеніе, умертвили татарскаго посла и поклялись отстаивать Кіевъ до послѣдней капли крови, не смотря на то, что тогдашній князь Михаилъ Всеволодовичъ бросилъ Кіевъ, поручивъ защиту его доблестному боярину Дмитрію. Очевидцы рассказываютъ, что Кіевъ до того былъ стѣсненъ необозримыми полчищами Батыя, что въ городѣ, за крикомъ татаръ, ревомъ верблюдовъ, ржаніемъ коней и скрипомъ арбъ, жители, разговаривая, едва могли слышать другъ друга. Подкативъ къ Лядскимъ воротамъ стѣнобитныя орудія, татары начали бить по оградѣ день и ночь. Разрушивъ и овладѣвъ ею, татары заставили израненнаго Дмитрія отступить къ Десятинной церкви и тутъ обострожитья высокимъ тыномъ. Татары сдѣлали новый приступъ и къ этому послѣднему убѣжищу, которое, наконецъ, взяли 6-го декабря 1240 г., не безъ потери множества своихъ. Батый, изумленный отчаяннымъ мужествомъ Дмитрія, даровалъ ему жизнь, но не пощадилъ ни города, ни горожанъ. Все было сокрушено. И Кіевъ, нѣкогда величественный, превратился въ груду развалинъ, а жители разбѣжались въ лѣса. Только черезъ девять лѣтъ Кіевъ

началь застроиваться утлыми хижинами возвратившихся киевлянъ, которые огородили Старый Кіевъ деревянной стѣной, а Подоль — полисадомъ. вмѣстѣ съ жителями возвратились и князья. Но митрополиты стали жить сперва во Владимірѣ, а потомъ въ Москвѣ. Перенесеніемъ митрополитской кathedры въ Москву былъ нанесенъ послѣдній ударъ былому значенію Кіева. Наконецъ, Кіевъ, управляемый татарскими баскаками, оставленный сильнѣйшими галицкими князьями, митрополитами и знатнѣйшими вельможами, изъ которыхъ многіе переѣхали въ Москву, опустошаемый безпрестанно то татарскими, то литовскими наѣздниками, былъ присоединенъ сначала къ литовскому княжеству, а потомъ, когда Литва соединилась съ Польшею, — къ польскому королевству.

Подъ властію Литвы и Польши, Кіевъ мало-по-малу освободился отъ татаръ, снова обстроился и заселился. Литовско-польское правительство, вполне сознавая важность Кіева, какъ торговаго и пограничнаго пункта, предоставило ему многія льготы: уволило всѣхъ жителей отъ воинскихъ тягостей и торговыхъ пошлинъ, даровало Кіеву права вольнаго города и право судиться всѣмъ, безъ различія вѣроисповѣданій, по литовскому статуту. вмѣстѣ съ этимъ, въ Кіевѣ была основана особая митрополія, независимо отъ московской, и рядомъ съ ней учреждена католическая епископія; но строить вновь и починять старыя православныя церкви было вовсе запрещено. Всѣ эти учрежденія, съ одной стороны, должны были возвысить благосостояніе Кіева, а съ другой были направлены къ тому, чтобы мало-по-малу уничтожить въ Кіевѣ русскую народность и православную вѣру. Особенно много терпѣли православные киевляне, когда возникла *Унія*. (*) Такъ, сначала были переданы уніатамъ почти всѣ киевскіе монастыри; католическій бискупъ (*biscup*, епископъ) вступилъ въ управленіе всѣми митрополичьими угодьями; многіе монастыри и церкви киевскіе,

---

(*) *Унія* — латинск. слово, соединеніе католичества съ православіемъ, ученіе вѣры, по которому приставшіе къ уніи сохраняли нѣкоторые православныя обряды, но признавали папу главою церкви. Распространеніемъ уніи занимались въ особенности іезуиты, прибѣгая для этой цѣли въ самымъ жестокимъ средствамъ.

не исключая и братскаго училища (впослѣдствіи академіи,) были разграблены и опустошены поляками въ отмщеніе за успѣхи возставшихъ тогда казаковъ. Но Кіевъ, поддерживаемый въ православіи митрополитомъ Петромъ Могилою, все-таки не принималъ уніи и втайнѣ сочувствовалъ казакамъ, храбро отстаивавшимъ отцовскую вѣру.

Что касается самой внѣшности Кіева, то она, по свидѣтельству французскаго инженера Боплана, бывшаго въ польской службѣ и проживавшаго въ XVI вѣкѣ на Украинѣ, уже далеко не напоминала былаго великолѣпія временъ до-татарскихъ. Насчитывая во всемъ Кіевѣ только десять православныхъ храмовъ, съ четырьмя католическими, въ томъ числѣ однимъ іезуитскимъ, Бопланъ говоритъ: «изъ старинныхъ храмовъ донинѣ уцѣлѣли только два: Софійскій и Михайловскій; отъ прочихъ же остались одни развалины..... Всѣ улицы кіевскія, исключая трехъ, довольно красивыхъ, суть не что иное, какъ неправильные, кривые переулки, образующіе родъ лабиринта. Дома выстроены по московскому образцу, рядомъ, довольно низко и обыкновенно въ одинъ ярусъ, покрыты соломой, изрѣдка тесомъ и ограждены плетнемъ. Вмѣсто свѣтъ кіевляне жгутъ лучину.»

Наконецъ, когда по ходатайству гетмана казаковъ, Хмельницкаго, Малороссія присягнула на подданство Россіи, за обладаніе Кіевомъ между Россією и Польшею возникли кровопролитныя войны, прекратившіяся окончательнымъ присоединеніемъ Кіева къ Россіи, по договору Яворовскому, въ 1668 году. Въ томъ же году, константинопольскій патріархъ, по ходатайству малороссійскаго гетмана Самойловича, согласился на подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху.

Такимъ образомъ, Кіевъ, послѣ 414-ти-лѣтняго невольнаго отчужденія отъ Россіи, то подъ татарское иго (80 л.), то во власть Литвы (236 л.) и Польши (98 л.), снова, на 803 году своего историческаго существованія, вошелъ въ административное и духовное единеніе съ прежнимъ отечествомъ, столицей котораго онъ былъ нѣкогда въ теченіи 280 лѣтъ.

По возвращеніи подъ скипетръ русскихъ царей, Кіевъ никогда не переставалъ быть однимъ изъ главныхъ пунктовъ того

или другаго административнаго дѣленія Россіи (губерніи, намѣстничества,) сообразно чему управлялся сначала воеводами, потомъ намѣстниками, а съ 1797 года — губернаторами. Но до самаго начала XIX вѣка, т. е. въ теченіе первыхъ 150 лѣтъ, по возсоединеніи своемъ съ Россіею, Кіевъ мало улучшался.

Въ это время онъ пострадалъ отъ моровой язвы и чумы, отъ двухъ землетрясеній и сохранялъ бѣдную внѣшность; улицы въ немъ были тѣсныя, грязныя, насланныя *фашишникомъ*, (*) а дома, или *крамницы*, низкіе, жалкіе, безпорядочно выстроенные; причемъ, старый Кіевъ ограждался, по прежнему, земляными валами, а Подоль — деревянною стѣною съ башнями и рвомъ. Зато, послѣ страшнаго, какъ бы очистительнаго пожара въ 1811 г. и жертвъ, принесенныхъ отечеству въ 1812 г., внѣшность Кіева быстро начала измѣняться къ лучшему. Такъ тѣсныя и кривые переулки замѣнились прямыми, широкими, большею частію, вымощенными улицами, и возобновлены многія сгорѣвшія церкви; въ 1831 г. исправлена печерская крѣпость; въ 1834 году открыты: университетъ св. Владиміра, на мѣсто закрытаго въ Вильнѣ, вторая гимназія, дворянскій пансіонъ, дѣвичій институтъ, учреждено заведеніе минеральныхъ водъ и начато исполинское укрѣпленіе города; въ 1848 году заложенъ, и черезъ два года оконченъ, Николаевскій мостъ черезъ Днѣпръ. Этотъ мостъ, одинъ изъ величайшихъ, великолѣпнѣйшихъ въ свѣтѣ, построенъ англійскимъ инженеромъ Де-виньодемъ, имѣетъ около двухъ верстъ въ длину и $7\frac{1}{2}$ сажень въ ширину и стоить 2.350,000 руб. сер. Въ 1860 году оконченъ Николаевскій спускъ отъ Печерской горы прямо къ мосту, на протяженіи $2\frac{1}{2}$ верстъ, замѣчательный тѣмъ, что мѣстность, по которой онъ проведенъ, была пересѣчена семью оврагами.

Перейдемъ теперь къ описанію отдѣльныхъ святынь и древностей кіевскихъ. Начнемъ съ Печерской горы.

Главную примѣчательность не только одной Печерской горы, но и всего Кіева, составляетъ, разумѣется, кіево-печерская

(*) Фашина, франц. сл. — связка хворосту.

лавра — старѣйшій монастырь въ Россіи. Мы не будемъ излагать подробную исторію знаменитой лавры, ибо она подвергалась тѣмъ же несчастіямъ, какимъ подвергался и самый городъ Кіевъ. Мы укажемъ только на важнѣйшія эпохи, имѣвшія вліяніе на судьбу перваго русскаго монастыря.

Кіево-печерская лавра первое начало получила при Ярославѣ, а устроена при сынѣ его, Изяславѣ. Въ селѣ Берестовомъ былъ священникъ Иларіонъ, «мужъ благъ, книженъ и постникъ.» Онъ ходилъ изъ Берестоваго на Днѣпръ, на холмъ, гдѣ потомъ былъ старый монастырь Печерскій, и тутъ, въ густомъ лѣсу, молился. По обычаю этого вѣка, онъ для молитвы выкопалъ себѣ маленькую пещерку, въ двѣ сажени. Этимъ онъ обратилъ на себя вниманіе набожнаго князя Ярослава, и тотъ сдѣлалъ его митрополитомъ въ Кіевѣ, а пещерка такъ и осталась. Нѣсколько времени спустя, одинъ человекъ, изъ города Любеча, пошелъ странствовать по святымъ мѣстамъ и постригся въ монахи въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей, (*) причемъ дано ему имя Антоній. Игуменъ, который постригалъ его, сказалъ ему: «Иди въ Русь и пусть будетъ на тебѣ благословеніе Св. Горы, пусть отъ тебя размножатся монахи.» Антоній, прибывъ въ Кіевъ, пришелъ на холмъ, гдѣ Иларіонъ ископалъ пещеру, полюбилъ это мѣсто и поселился на немъ. Тутъ онъ сталъ жить въ молитвѣ и постѣ: ѣлъ сухой хлѣбъ, и то черезъ день, и самую воду пилъ умѣренно; онъ все копалъ пещеру, не давая себѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Узнали о немъ добрые люди и стали приходить къ нему за благословеніемъ, принося все нужное. Онъ сдѣлался такъ извѣстенъ, что, по смерти Ярослава, самъ князь Изяславъ посѣтилъ его съ дружиною, прося благословенія и молитвы. Тогда собралась къ нему и братья, числомъ двѣнадцать. Они ископали большую пещеру, устроили въ ней церковь и кельи. Когда все было устроено, Антоній поставилъ игуменомъ Варлама, а самъ ископалъ для себя въ горѣ новую пещеру и прожилъ въ ней сорокъ лѣтъ, никуда не выходя до самой смерти. Онъ, однако, продолжалъ

(*) *Аѳонская гора* — въ турецкой провинціи Румелии.

править монастыремъ: братья обращалась къ нему во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Такъ, когда число ихъ умножилось, они, съ его разрѣшенія, поставили церковь внѣ пещеры; потомъ Антоній послалъ одного изъ нихъ съ просьбою къ князю Изяславу: «Князь! Богъ умножаетъ братью, а мѣста мало; далъ бы ты намъ гору, что надъ пищерою.» Изяславъ съ радостію отдалъ имъ гору. Игумень и братья заложили тогда другую, большую церковь, огородили монастырь столпемъ и поставили много келій. Монастырь оттого и прозвался Печерскій, что монахи сначала жили въ пещерахъ. Изяславъ скоро взялъ игумена Варлама въ другой монастырь, а въ Печерскомъ избранъ былъ Антоніемъ Ѳеодосій. При Ѳеодосіѣ число монаховъ увеличилось отъ 20 до 100. Въ то время одинъ монахъ привезъ изъ Греціи уставъ Студійскаго монастыря. Ѳеодосій списалъ его и ввелъ въ своемъ монастырѣ, установивъ, какъ исполнять монастырское пѣніе, какъ держать поклоны, чтеніе и стояніе въ церкви, весь порядокъ церковный, сидѣнье на трапезѣ и что ѣсть въ какіе дни—все это было опредѣлено съ точностію. Студійскій уставъ переняли и другіе монастыри отъ Печерскаго. Когда Ѳеодосій правилъ Печерскою лаврою и принималъ каждаго, кто приходилъ къ нему, постригся и Несторъ. Онъ самъ говоритъ объ этомъ: «Пришелъ къ нему и я, худой и недостойный рабъ, и принялъ онъ меня, когда мнѣ было семнадцать лѣтъ отъ роду.»

Съ этихъ поръ лавра постоянно увеличивалась церквами и монахами, но въ эпоху нашествія Батия раздѣлила несчастную судьбу Кіева. По сказанію Синописиса, (*) «нечистивіи варвары овнами или таранами (**) стѣны каменные монастырскія столкши и до основанія сокрушивши, въ святую обитель войдоша, людей всякаго чина посѣкоша, иныхъ плѣниша и самую небеси по-

---

(*) *Синописисъ*, греч. сл.—обзоръ, очеркъ. Это было первое печатное руководство по русской исторіи, написанное Иннокентіемъ Гизелемъ, однимъ изъ первыхъ ректоровъ кіевской коллегіи (послѣ академіи,) жившимъ въ половинѣ XVI столѣтія.

(**) *Тиранъ*, греч. сл.—стѣнобитная машина у древнихъ, состоящая изъ длиннаго бревна, съ металлическою бараньей головою на концѣ, оттого другое названіе тарановъ — овны.

добную церковь Пресвятыя Богородицы оскверниша, отъ всего украшенія обнажиша и крестъ со главы церковныя златокованный сняша, а верхъ до полуцеркви, по окна, повелѣніемъ проклятаго Батыя, испровергоша; такожде и верхъ алтаря великаго по перси иконы Пресвятыя Богородицы избиша и весь монастырь, со всѣми украшеніями и каменными стѣнами, до основанія искорениша и разметаша. Послѣ этого монахи лѣтъ тридцать скрывались въ окрестныхъ лѣсахъ, тайкомъ сходясь на богослуженіе въ уцѣлѣвшій придѣлъ. Съ поступленіемъ Кіева подъ власть Литвы и Польши, положеніе лавры стало понемногу улучшаться; но только послѣ присоединенія Кіева къ Россіи, лавра опять начала цвѣсти вѣшнимъ благолѣпіемъ.

Въ настоящее время Кіево-Печерская лавра состоитъ изъ трехъ частей: въ первой, возвышенной и ближайшей къ городу, находится собственно лавра, съ особымъ больничнымъ монастыремъ внутри ограды, у св. вратъ; во второй, къ востоку отъ первой, расположенъ на долу монастырь Ближнихъ Пещеръ; къ юго-востоку высится на холмѣ монастырь Дальнихъ Пещеръ, отдѣляемый отъ предыдущихъ глубокимъ оврагомъ. Всѣхъ церквей въ лаврѣ 16, изъ нихъ 6 подземныхъ: 3 въ дальнихъ и 3 въ ближнихъ пещерахъ. Изъ этихъ шестнадцати церквей самая замѣчательная Успенія Богородицы, о семи куполахъ съ золочеными главами и девяти придѣлахъ. Въ этой церкви находятся богатѣйшія ризницы, богатѣйшіе образа, сосуды и облаченія, усыпанныя драгоцѣнными камнями, принесенными въ даръ нашими государями и вельможами. Престолъ и жертвенникъ главнаго алтаря обложены серебряными, вызолоченными досками. Надъ царскими вратами находится, украшенная богатѣйшимъ окладомъ, храмовая икона Успенія, первая въ Россіи по древности, и, какъ думаютъ, перенесенная изъ Греціи зодчими, въ 1073 г. Въ этой церкви, между прочими, погребены: Петръ Могила, кіевскій митрополитъ, извѣстный ревнитель православія, во время гоненій за унію и преобразователь кіево-братскаго училища въ collegію; печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, извѣстный составитель синописа; Кочубей, безвинно пострадавшій отъ Мазепы; фельд-

маршалъ Румянцевъ-Задупайскій и Прозоровскій, нѣкоторыя древнія русскія княжны и др. Тутъ же покоятся мощи св. Θεодосія и глава св. равноапостольнаго князя Владиміра, которая хранится въ ковчегѣ, по правой сторонѣ алтаря. Всѣхъ же мощей въ обѣихъ кіевскихъ пещерахъ находится 126. Между ними мы укажемъ на мощи св. Антонія — первоначальника лавры; Нестора, перваго русскаго лѣтописца; Ильи Муромца — знаменитаго богатыря временъ Владиміра Святаго; одиннадцать грековъ-зодчихъ, строившихъ лаврскую Успенскую церковь, и многихъ другихъ.

При лаврѣ обширная гостинница съ флигелями, сараями, навѣсами и страннопріимною трапезою, постоянно наполненною богомольцами. Бѣдныхъ странниковъ не только принимаютъ въ гостинницу бесплатно, но еще и кормятъ ихъ; для останавливающихся въ *номерахъ*, также не положено никакой таксы въ сутки; каждый пріѣзжающій живетъ сколько хочетъ, требуетъ чего хочетъ, и при выѣздѣ изъ гостинницы *жертвуетъ*, что хочетъ, по своему собственному усмотрѣнію. Въ два часа ночи начинаютъ на лаврской колокольнѣ звонить къ заутрени. Вслѣдъ за тѣмъ, по всѣмъ корридорамъ гостинницы проходитъ послушникъ съ маленькимъ звонкомъ, тихо возвѣщая для желающихъ о времени утренней молитвы. Ворота гостепріимнаго двора уже настѣжъ, и странники, еще въ сумракѣ ночи, стремятся, кто къ ближнимъ пещерамъ, кто къ дальнимъ, а другіе въ большію церковь или большую соборную. Всѣ лаврскія церкви всегда полны молящимися, и во всѣхъ ежедневно богослуженіе совершается съ такою торжественностью, какой не встрѣтишь въ другомъ мѣстѣ въ самые великіе праздники.

Сѣверо-восточный уголъ Печерской горы занятъ Кіево-печерскою крѣпостью, которая построена на томъ мѣстѣ, гдѣ было любимое село Владиміра — Берестово. Земляные валы этой крѣпости насыпаны украинскими казаками въ 1679 г., а первые верки заложены собственноручно Петромъ I-мъ, въ 1706 г. Въ настоящее время въ крѣпости четыре церкви, комендантскій домъ и огромный арсеналь.

Съ горъ печерскихъ сойдемъ на треххолмную гору Стараго

Кіева. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе знаменитый храмъ св. Софіи, десятинная церковь, памятникъ Владиміру Св. и Михайловскій монастырь.

Храмъ св. Софіи построенъ Ярославомъ I-мъ въ знакъ благодарности Богу за побѣду надъ печенѣгами, которую онъ одержалъ надъ ними на этомъ мѣстѣ. Выстроенный по образцу св. Софіи въ Царьградѣ, но только въ уменьшенныхъ размѣрахъ, Кіевскій храмъ св. Софіи былъ тогда же расписанъ альфреско (*) греческими художниками, великолѣпно украшенъ золотомъ, серебромъ, мраморомъ, мусією (**) (мозаикой,) наконецъ снабженъ богатымъ книгохранилищемъ. Въ годину нашествія Батыева Кіево-Софійскій соборъ пострадалъ менѣе другихъ кіевскихъ храмовъ, потому что стѣны его уцѣлѣли почти до купола. Впослѣдствіи этотъ храмъ нѣсколько разъ обновлялся, обстроивался, былъ переданъ въ руки униатовъ и опять возвращенъ православнымъ по ходатайству Петра Могилы. Въ настоящее время двухъ-этажное зданіе Кіево-Софійскаго собора измѣнено снаружи, противъ древняго фасада, позднѣйшею придѣлкою боковыхъ галерей, фронтоновъ (***) и контрфорсовъ, (****) а внутри, напротивъ, на стѣнахъ и сводахъ, сохранились значительные остатки древней византійской мусіи и древняго греко-итальянскаго альфреско. Мусією украшено все горное мѣсто, слывающее у кіевлянъ *нерушимую стѣною*. Здѣсь въ особенности выдѣляются три священные картины: Божіей Матери, Тайной Вечери и святителей III и IV вѣка. Вся эта мусія сдѣлана изъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ кусочковъ. Альфреско съ греческими надписями расписаны всѣ стѣны,

(*) Альфреско (ит. сл. — Al-fresco), — живопись водяными красками на сырой стѣнѣ.

(**) Мусія—старинная мозаика. Мозаика, гр. сл. — живопись при помощи разноцвѣтныхъ кусочковъ камня, дерева или стекла, которые соединяются особенной мастикой такъ искусно, что картина, сдѣланная такимъ образомъ, кажется, на извѣстномъ разстояніи, написанною кистью.

(***) Фронтъ—лицевая сторона зданія—фасадъ; фронтонъ — кровля съ щитомъ, дѣлаемая надъ входомъ.

(****) Контрфорсы, фр. сл. — подпорки для поддержанія зданія или другаго сооруженія.

хоры и галереи собора. Эта живопись только съ 1843 года начала освобождаться изъ подъ нѣсколькихъ слоевъ закраски и побѣлки, наложенныхъ на стѣны уніатами.—Къ археологическимъ древностямъ собора, кромѣ упомянутыхъ выше мусіи и мозаики, относится также мраморное бѣло-голубоватое надгробіе, подъ которымъ, какъ полагають, покоится прахъ самого храмосоздателя, Ярослава Мудраго.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ за соборной оградой находятся остатки *златыхъ вратъ* Ярославовыхъ, на которыхъ были нѣкогда створы и сіялъ золотой куполь церкви Благовѣщенія. Теперь златія врата представляютъ разломанные верхніе своды главнаго проѣзда и двѣ стѣны, обѣ въ 5 саж. вышины. Въ 1836 году вершины развалинъ, для охраненія отъ дѣйствія непогодъ, залиты известью и покрыты дерномъ, а стѣны подперты каменными устоями съ желѣзными сваями.

Самое древнѣйшее заселеніе Кіева было на такъ называемомъ теперь Андреевскомъ отдѣленіи, которое занимаетъ сѣверо-восточный уголь Старо-Кіевской горы. Тутъ видѣлся нѣкогда надъ Днѣпромъ лѣтописный городокъ загадочнаго Кія; тутъ при первыхъ кіевскихъ князьяхъ выстроился *каменный теремъ* съ большимъ теремнымъ дворомъ, гдѣ у *солнышка* краснаго, у ласкова князя Владиміра бывали богатырскіе *почетные* пиры и сказочныя *столованья*; тутъ внѣ княжаго терема, стоялъ главнѣйшій въ Кіевѣ идолъ Перуна; тутъ же къ ю. в. отъ княжнаго терема былъ дворъ варяга-христіанина Оедора, замученнаго въ 983 году вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ язычниками кіевлянами, когда Оедоръ не хотѣлъ выдать сына, для принесенія его въ жертву Перуну. На мѣстѣ этого-то двора Владиміръ, уже пріярившій въ Корсунѣ св. крещеніе, построилъ церковь въ честь Успенія Богородицы, которая прослыла *Десятинною*, отъ назначенной ей Владиміромъ десятой доли княжескаго дохода. Въ 1240 году Десятинная церковь обращена Батиемъ въ развалины. На этомъ же мѣстѣ впослѣдствіи построена новая Десятинная церковь. Нѣсколько сѣвернѣе Десятинной церкви красуется великолѣпный храмъ Андрея Первозваннаго—памятникъ генія и вкуса знаменитаго Раст-

релли. Этотъ храмъ возвышается теперь на 42 саж. надъ поверхностью Днѣпра, (*) представляя едва ли не самый лучший видъ на Кіевъ.

Михайловскимъ оврагомъ Андреевское отдѣленіе отдѣляется отъ Михайловскаго. Это отдѣленіе — предмѣстіе древнѣйшаго Кіева и такъ называвшееся *перевѣсище* — мѣсто, гдѣ разставливались перевѣсы, т. е. птицеловныя сѣти. При входѣ сюда со стороны Михайловскаго оврага, первое, что представится глазамъ, это—колоссальный бронзовый памятникъ, исполненный барономъ Клодѣмъ. Онъ красуется съ 1853 года на высшей крутизнѣ Михайловской горы, надъ самымъ Днѣпромъ, къ которому лицомъ обращено и самое изваяніе. Изваяніе изображаетъ Владиміра въ ту минуту, когда онъ, увидѣвъ, что таинство крещенія Кіевлянъ совершилось, произноситъ слова молитвы, переданной намъ лѣтописцемъ: «Боже, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти Тобѣ истиннаго Бога, якоже увѣдѣше straps хрестыанскыя; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на Тя и на твою державу, побѣжду козни его.» Въ правой рукѣ великаго князя крестъ, далеко превышающій ростъ самого Владиміра, въ лѣвой великокняжеская шапка; на плечахъ великокняжеская мантия, изъ подъ которой видно древнее полукафтанье. Высота всего памятника съ чугуннымъ пьедесталомъ 9 саженей.

Неподалеку отъ памятника, изъ-за бѣлой каменной ограды, обставленной цѣлымъ кварталомъ ветхихъ домовъ, блещетъ своими 15-ю золотыми куполами монастырь Михайловскій, потому и прозванный златоверхимъ. Главную святыню этой церкви составляютъ мощи св. Варвары, положенные въ богатую серебряную раку. Послѣ кіевскихъ пещеръ, большое стеченіе иногородныхъ поклонниковъ принадлежитъ монастырю Злато-верхо-Михайловскому—въ народѣ монастырь Варваринъ. Здѣсь, у мощей св. Варвары, при тысячахъ пылающихъ свѣчей, воз-

---

(*) Высота одного храма 27 саж.

женныхъ усердіемъ вѣрующихъ, съ утра до ночи тѣснятся толпы богомольцевъ, обмѣнивающихъ тутъ колечки и перстеньки, а также приобрѣтающихъ крестики, иконки, ладонки, которыя, вмѣстѣ съ водою и масломъ отъ тѣхъ же мощей, постоянно разносятся отсюда по всей Россіи.

Во рву, гдѣ теперь великолѣпная Крещатицкая улица, указывается *Крещатикъ*, или источникъ, который прежде находился при самомъ впаденіи рѣки Почайны въ Днѣпръ, а теперь въ 100 саж. отъ него, гдѣ, по народному преданію, Владиміръ крестилъ 12 своихъ сыновей.

Отъ Крещатика можно спуститься Александровскою улицею на Подоль. Тутъ, въ тѣни липовыхъ аллей, скрывается еще одна замѣчательность Кіева — братскій, Богоявленскій монастырь съ знаменитою нѣкогда духовною академіею, которая въ теченіе 200 лѣтъ съ начала VI до начала XIX ст. была единственнымъ, высшимъ училищемъ для всей Россіи. За братскимъ монастыремъ, на самомъ берегу Днѣпра, расположено зданіе бурсы или семинаріи, а рядомъ съ нимъ приходская церковь пророка Іліи, построенная, какъ говорятъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ была первая христіанская церковь при Игорѣ.

Отсюда, если стать лицомъ къ Днѣпру, открывается, какъ на ладони, весь Подоль, замыкаемый слѣва (съ ю. з.) *Удольемъ Крещатицкимъ* и горою Старо-Кіевскою, прямо предъ наблюдателемъ съ з. — горою Замковою, нѣсколько правѣе — горою Скавикою, гдѣ насыпанъ холмъ надъ могилою Олега. Видъ этотъ, восхищая зрѣніе, невольно будитъ воспоминанія о судьбахъ самой мѣстности, и встаютъ въ душѣ и проносятся въ воображеніи завѣтные образы минувшаго.....

Было время, когда Кіевъ имѣлъ огромное историческое торгово-промышленное значеніе для цѣлой Россіи. Было время, когда высаживались изъ ладей на этотъ самый берегъ и *садились* на эти самыя горы — то невѣдомый, быть можетъ, мифическій Кій съ братіею, предводитель полянъ, то варяжскіе князья Аскольдъ и Дирь, то новгородскій князь Олегъ. И всѣмъ имъ одинаково хотѣлось посидѣть на этихъ горахъ, хотѣлось, потому что лѣтописно-знаменитый водный путь «изъ Варягъ

въ Греки пролегалъ у самой подошвы этихъ горъ, и ладьи непосредственно отсюда доносились въ Понтъ Эвксинскій, гдѣ уже было рукой подать въ богатую Византію, столицу и главный рынокъ Восточной имперіи. Такое счастливое географическое положеніе Кіева, вѣроятно, было главною причиною и самого заселенія горъ кіевскихъ, и сообщило характеръ дѣятельности первыхъ поселенцевъ Кіева, славянъ и варяговъ. И тѣмъ и другимъ этотъ путь въ Грецію былъ знакомъ съ древнѣйшихъ временъ. Куда же въ самомъ дѣлѣ было сбывать кіевлянамъ избытокъ своихъ произведеній: челяти (мѣховъ,) воску и скоры (медъ,) какъ не сосѣдямъ своимъ грекамъ, у которыхъ въ такомъ же избыткѣ водились червлянные и всякія матеріи, драгоценныя паволоки (ткани,) ароматы, сафьяны и проч. Желаніе возможно выгоднѣе сбыть излишнее свое и приобрести недостающее чужое характеризуютъ всю политическую дѣятельность первыхъ князей, войны которыхъ съ греками не что иное, какъ предпріятія коммерческія, а договоры съ тѣми же греками—вымогательства и уловки того же свойства. Греки то и дѣло оплачивались и мѣшками золотыхъ и серебряныхъ солидовъ, и кипами паволокъ, и заключали выгодные для русскихъ торговые договоры, чѣмъ способствовали къ обогащенію Кіева, а черезъ него и всей тогдашней южной Руси. И не его вина, если размножившіеся потомки первыхъ кіевскихъ князей, увлекшись личными родовыми распрями, болѣе нежели коммерческими видами предшественниковъ своихъ, не сумѣли развить процвѣтаніе кіевской торговли. Не его вина, если татарское нашествіе, облегченное тѣми же роковыми распрями, убило на всей Руси всякое движеніе—и промышленное и умственное; наконецъ, не его вина, если завоеваніе Византіи турками и весь дальнѣйшій ходъ историческихъ событій, лишивъ южную Русь того значенія, какое она имѣла вначалѣ, обратили видъ русскихъ властителей въ другую сторону — на востокъ и западъ.

Было и другое время, когда Кіевъ имѣлъ религіозное и умственное значеніе для цѣлой Россіи. Въ Кіевѣ началась христіанская вѣра; изъ него она распространилась по всей

Россіи; въ стѣнахъ Кіево-Печерской лавры началась первая русская лѣтопись; изъ него же вышли основатели первыхъ русскихъ монастырей; кіевская академія въ теченіе 200 лѣтъ снабжала Россію знаменитыми пастырями, проповѣдниками, учеными и даже государственными дѣателями. Для доказательства стоитъ только перечислить имена нѣкоторыхъ воспитанниковъ кіевской академіи, каковы: св. Дмитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Георгій Конисскій, канцлеръ князь Безбородко, министры графъ Заводовскій и Трошинскій, писатель Эминъ и др. И хотя кіевская академія тоже отжила свое, сравнявшись съ другими подобными же заведеніями, Россія, конечно, не забудетъ религіозныхъ и ученыхъ заслугъ древняго Кіева.

Благодаря университету и многимъ другимъ учебнымъ заведеніямъ, Кіевъ и теперь можетъ считаться центромъ образованія всей Малороссіи.

Что же касается до торговли и промышленности, то современный Кіевъ, населеніе котораго превышаетъ цифру 60 т., не имѣетъ большаго значенія. Онъ даетъ о себѣ знать Россіи только своими вареньями, да конфектами, а еще болѣе—производствомъ рѣзныхъ изъ дерева, съ фольгою и безъ фольги, крестиковъ и иконокъ, расходящихся ежегодно по Россіи до 240 т. штукъ. Къ особенностямъ Кіева надо отнести также и *контракты*. *Контракты*—это ежегодные съѣзды помѣщиковъ юго-западной Россіи въ Кіевъ для покупки, продажи и сдачи въ аренду имѣній, а также для заключенія сдѣлокъ всякаго рода; причѣмъ обыкновенно бываетъ ярмарка, даются театральныя представленія, концерты, балы, маскарады и проч. Прежде контракты происходили въ городѣ Дубно, а съ 1797 г. они переведены въ Кіевъ, по выгодѣ и удобству внутренней торговли. Кіевскіе контракты бывають во второй половинѣ января, а самое засѣданіе такъ называемой контрактной коммисіи, состоящей изъ помѣщиковъ, происходитъ въ контрактномъ домѣ, на Подолѣ, у самаго Братскаго монастыря. Самымъ цвѣтущимъ періодомъ кіевскихъ контрактовъ можно считать двадцатые годы нынѣшняго столѣтія, когда, по свидѣтельству

кіевскихъ старожиловъ, бывали примѣры, что въ двѣ контрактовыя недѣли выручалось однихъ пошлинныхъ денегъ за акты 200 т. рублей, а владѣльцами домовъ и лавокъ до 7,000 р.; причемъ нѣкоторыя бакалейныя лавки продавали въ день на 10 т. руб. сер. Многіе знатные польскіе паны привозили тогда въ Кіевъ по нѣскольку боченковъ золота и серебра и возвращались домой безъ денегъ, которыми буквально сорили, потому что, гордые магнатствомъ своимъ, они считали унижительнымъ для себя торговаться и, гуляя по магазинамъ, платили за все по первому спросу, а на пирахъ роскошествовали другъ передъ другомъ. Съ 30-хъ годовъ кіевскіе контракты, подорванные быстрымъ возвышеніемъ Одессы и учрежденіемъ ярмарки въ Харьковѣ, начали замѣтно упадать въ своемъ прежнемъ значеніи, и если въ 20-хъ годахъ было продаваемо 50 имѣній и сдаваемо въ аренду 40, то къ исходу 40-хъ годовъ число продаваемыхъ имѣній уменьшилось впятеро, а арендуемыхъ почти вдесятеро. Теперь кіевскіе контракты обозначаются собственно ярмаркою, которою заправляютъ преимущественно евреи. Самое большое стеченіе пріѣзжающихъ, отъ 4 до 7 тысячъ человѣкъ, бываетъ около 27-го января. Стало быть, Кіеву не повезли и контракты.

Но «Кіівъ — Іерусалимъ земли русской,» и это значеніе Кіева дѣйствительно остается самымъ современнымъ и важнѣйшимъ значеніемъ древней матери городовъ русскихъ.

27. О Д Е С С А.

Вѣшняя фізіономія. — Пересыпь. — Городъ. — Гавань. — Бульваръ. — Уличная жизнь. — Торговый характеръ города. — Пыль и грязь. — Вода. — Улицы. — Общественныя учрежденія. — Населеніе и общественная жизнь. — Исторія городъ. — Торговля. — Управление.

(Письма объ Одессѣ Сикара. Мат. Геогр., Стат. и др. источн.)

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ берегъ Чернаго моря, идя отъ Очакова почти прямо на западъ, круто поворачиваетъ къ юго-западу, образовался заливъ въ видѣ правильного полукруга. Заливъ этотъ

вдается въ берегъ на три съ половиною версты и имѣть въ длину болѣе 8 верстъ. На берегу этого залива стоитъ городъ Одесса.

Приближаясь къ Одессѣ по почтовой дорогѣ изъ Вознесенска (съ с. в.) еще въ то время, когда не бываетъ видно ни города, ни моря, шумъ послѣдняго пріятно поражаетъ слухъ. Близъ моря, дорога спускается на Пересыпь (*). Отсюда видна Одесса за 7 в., взгромоздившаяся на противоположномъ берегу описаннаго залива. Среди массы высокихъ домовъ, окрашенныхъ, отъ дикаго камня, изъ котораго они построены, желтоватосѣрымъ фономъ, рельефно отдѣляются кверху: шпиль соборной колокольни, пятиглавая Срѣтенская церковь и костельная башня. Пыль лежитъ туманомъ надъ городомъ и окончательно ступшевываетъ всѣ его особенности. Такого же цвѣта и обрывы береговъ обоихъ лимановъ. Одно море и лиманы блещутъ здѣсь яркою синевою, а солнце золотитъ и рельефно оттѣняетъ ихъ берега. Подъ городомъ на морѣ виднѣется цѣлый лѣсъ корабельныхъ мачтъ, а вдали бѣлѣютъ паруса плывущихъ изъ Константинополя судовъ и извиваются черной лентой отъ дыма бѣгущихъ пароходовъ. Дорога въ Одессу идетъ все пересыпью. На ней встрѣчается мало построекъ, только близъ Жеваховой горы (**) начинаются плантаціи, для удержанія налета песка на городъ. Самый видъ этихъ плантацій совершенно особенный: искривленные, небольшого роста, приболѣвшія деревца покрыты до того густымъ слоѣмъ бѣловатой пыли, что стволы, сучья, самыя листья окрашены ею въ одинъ цвѣтъ съ шоссе. Только весною и послѣ сильныхъ дождей возвращается этимъ деревьямъ ихъ естественный цвѣтъ, а лѣтомъ и осенью они стоятъ полуобнаженные отъ жары и пыли. Плантаціи эти, съ малыми перерывами, тянутся почти на 4 в. и извѣстны подѣ

(*) Пересыпью называется низменная полоса, состоящая изъ песку и раковинъ. По одну сторону пересыпи идетъ море, отъ котораго она отдѣляется искусственною насыпью, а по другую виднѣются лиманы Куляникскій и Гаджибейскій.

(**) Оба лимана, Куляникскій и Гаджибейскій, раздѣляются другъ отъ друга высокою стѣнною возвышенностію, которая оканчивается на пересыпи довольно высокимъ мысомъ. Этотъ-то высокій мысъ и извѣстенъ подѣ названіемъ Жеваховой горы.

именемъ Левшинскихъ, такъ какъ градоначальникъ Левшинъ первый изыскалъ способъ удерживать ими, хотя отчасти, ту массу пыли и песку, которыя, когда наносились вѣтрами на Одессу, заставляли пѣшеходовъ прятаться въ магазины и убѣгать во дворы. Въѣхавши въ эти плантаціи, экипажи принуждены двигаться шагомъ и со скрипомъ изгибаться во всѣ стороны, измѣряя непомѣрную глубину ухабовъ, и поминутно останавливаясь, встрѣчаясь съ цѣлыми вереницами чумаковъ, конныхъ обозовъ и подгулявшихъ нѣмцевъ-колонистовъ, возвращающихся порожнякомъ въ своихъ желѣзныхъ фургонахъ, съ которыхъ пшеница только что продана.

Еще до въѣзда въ заставу, встрѣчаются, направо и налево, небольшіе полуразвалившіеся каменные домики, крытые черепицею, съ еврейскими вывѣсками, харчевни, погреба, небольшіе склады для хлѣба, соли и рыбы. Это отдѣльное предмѣстье города съ своею особою промышленностью, вслѣдствіе различія тѣхъ условій, въ которыя были поставлены жители внутри и внѣ черты порто-франко. (*) По общему убѣжденію, здѣсь, до 1858, былъ притонъ всѣхъ контрабандистовъ и всѣхъ удалцовъ. Безчисленные каменоломни, въ обрывахъ высокихъ, степныхъ береговъ обоихъ лимановъ, даютъ имъ здѣсь всегда вѣрное и безопасное убѣжище. Въ этихъ-то каменоломняхъ жили, да и теперь вѣроятно живутъ, контрабандисты и другіе мошенники. Они имѣютъ подъ землею не только свои притоны, но даже мѣста для помѣщенія скота, фуража и склада награбленнаго товара. Они извѣстны здѣсь подъ именемъ *шарлатановъ*, что совершенно равносильно петербургскимъ мазурикамъ или московскимъ жуликамъ.

Наконецъ, черезъ небольшія узкія ворота со шлагбаумомъ, по сторонамъ котораго идетъ ровъ, съ рогатками по валу, открывается въѣздъ въ городъ, въ черту бывшаго порто-франко.

(*) Надо замѣтить, что до 1858 года Одесса была вольною гаванью (порто-франко,) т. е. товары, привозимые въ нее изъ-за границы и пропускаемые изъ нея за границу, свободны были отъ пошлины. Небольшой ровъ отдѣлялъ предмѣстья отъ собственно города, и этотъ ровъ служилъ предѣломъ, за который не могъ переходить ни одинъ предметъ, неоплаченный пошлиной.

Возлѣ заставы, за чертою порто-франко, находится каменное ярмарочное помѣщеніе, оставленное съ тѣхъ поръ, какъ съ прекращеніемъ порто-франко жители нашли болѣе удобнымъ назначить мѣсто для ярмарки на ближайшей изъ внѣшнихъ площадей города. Все пройденное нами пространство до шлагбаума составляетъ предмѣстье Одессы — «Пересыпь.»

За Пересыпью начинается гора, на которой расположена Одесса. Подъ горою улица раздѣляется на три вѣтви: налѣво ведетъ низомъ къ порту, прямо на гору, Нарышкинскимъ спускомъ, въ городъ; направо также на гору и въ городъ, херсонскимъ спускомъ. По вѣздѣ въ Одессу улицы значительно улучшаются; но все-таки, по своему внѣшнему виду, имѣютъ часто торговый характеръ. Дома здѣсь двухъ, трехъ и четырехъ-этажные, то изящные, то мрачные и некрасивые, то громадные и маленькіе, то неопрятные — притонъ нечистоты и порока, то неоштукатуренные; дома безпрестанно смѣняются длинными, высокими магазинами съ ставнями, запертыми на тяжелые желѣзные засовы или съ рѣшетками въ окнахъ наподобіе тюремъ. Все это придаетъ городу какой-то странный и мрачный видъ.

Самая лучшая часть города расположена на приморскомъ бульварѣ. Бульваръ украшенъ бронзовой статуей герцога Ришелье, съ ядромъ въ пьедесталѣ, которое попало въ него во время бомбардированія Одессы англо-французскою эскадрою. Дюкъ изображенъ въ римской мантии съ вѣнкомъ на головѣ; статуя принадлежитъ рѣзцу извѣстнаго Мартоса. Съ бульвара открывается террасированный обрывъ къ морю, поддерживаемый каменными стѣнами; посреди бульвара спускается внизъ прекрасная лѣстница въ 8 саж. шириною. Лѣстница построена изъ бѣлаго песчаника, въ 204 ступени. У моря она оканчивается, весьма изящной архитектуры, часовнею, для помѣщенія иконъ, присланныхъ въ благословеніе Одессѣ отъ другихъ городовъ. Внизу лѣстницы устроены купальни. Влѣво, отъ бульвара — такъ называемая практическая гавань съ двумя молами, назначенная для каботажныхъ судовъ; на одномъ изъ моловъ щеголевская батарея. Вправо отъ бульвара — купеческая гавань,

для иностранныхъ судовъ, также съ двумя молами и высокимъ маякомъ, освѣщаемымъ по ночамъ. Надъ этою гаванью, еще правѣе, видны валы упраздненной крѣпости и башня оптического маяка, а внизу, подъ горю, таможенное зданіе. Эта гавань несравненно больше оживлена, чѣмъ практическая, гдѣ и судовъ, и шума гораздо менѣе; воловые и конные обозы тянутся къ купеческой гавани обыкновенно въ нѣсколько линій, по низменности, прилегающей къ морю, и поднимаютъ такую пыль, что во время безвѣтрія она застилаетъ море на нѣсколько верстъ; а близъ таможни, въ харчевняхъ и трактирахъ происходятъ пиры матросовъ различныхъ національностей, которые нерѣдко оканчиваются кровавыми драками. Но поднимаемся наверхъ и оставимъ этотъ особый міръ, имѣющій свою отдѣльную жизнь, понятія и интересы.

Бульваръ имѣетъ около 250 саж. длины и состоитъ изъ трехъ аллей, усыпанныхъ щебнемъ. Только въ маѣ и іюнѣ деревья одѣты густою зеленью, и, не смотря на то, что улица, отдѣляющая бульваръ отъ зданій, нѣсколько разъ въ день поливается пожарными трубами, деревья принимаютъ и здѣсь тотъ же жалкій видъ, съ которымъ мы познакомили читателя при описаніи плантацій на Пересыпи. Бульваръ почти во всякое время дня наполненъ гуляющими; но самое лучшее время для прогулокъ по немъ утро. Солнечный зной не успѣлъ еще разжечь атмосферу и только согрѣваетъ ее; сводъ неба подымается высоко и сіяетъ свѣтлою и яркою лазурью; воздухъ еще чистъ и вселяетъ бодрость, вдали все свѣтло и ясно. Море покрыто свѣтлою голубизною, и видно, какъ волнистая зыбь его плещется и съ каждымъ плескомъ золотится солнечными лучами; у ногъ вашихъ въ гавани, кипучая дѣятельность; корабли сушатъ паруса, убираютъ снасти, втягиваются въ гавань. Прогулки по бульвару въ лунную ночь не менѣе очаровательны и очень часты. Сухость воздуха сообщаетъ лунѣ особый золотистый блескъ, который слегка разливается по лазури небеснаго свода и разстилаетъ по морю широкую, золотистогривую въ своихъ переливахъ полосу свѣта. Эти прогулки прелестны до поэтического очарованія. Только зимою, когда

грязь замерзаетъ на улицахъ, уравниваются ухабы, и когда не бываетъ пыли, катанье и гулянье переносятся въ Решельевскую улицу — здѣшній Невскій-Проспектъ. Улица обсажена акаціями, тополями и каштанами. На ней находятся лучшіе магазины города.

Къ бульвару примыкаетъ самая лучшая часть города, извѣстная прежде подъ именемъ греческаго форштадта. Здѣсь находятся лучшія зданія, каковы: Лондонская и Петербургская гостиницы, городская публичная библіотека, съ прекрасною свѣтлою залою, выходящею на море, биржа, театръ, лицей и др. Въ этой же части города находятся всевозможныя коммерческія конторы. Коммерческую контору сейчасъ узнаете вы и отличите отъ другихъ домовъ: она, по большей части, въ нижнемъ этажѣ и если входить на улицу, то окна ея задѣланы желѣзными рѣшетками. Къ довершенію осторожности, у наружнаго входа будка, въ которой по ночамъ стоитъ караульщикъ.

Вечеромъ толпа простаго народа собирается у воротъ конторы: это пересѣвальщики, извозчики, носильщики, съ которыми производится дневная расплата. Складочные магазины находятся, большею частію, или возлѣ самыхъ конторъ, или по близости отъ нихъ. Передъ ними на тротуарахъ разостланы большія рогожи, и на нихъ грудами насыпана пшеница или, какъ здѣсь выражаются, *продуктъ*; ее выносятъ изъ магазиновъ на открытый воздухъ, чтобы она не залежалась. Тутъ нѣсколько человѣкъ, обнаженныхъ по поясъ, подбрасываютъ ее лопатами вверхъ и такимъ образомъ пересѣваютъ; тутъ же другіе рабочіе, спѣша, чтобы какъ можно болѣе заработать, торопливо выносятъ пшеницу изъ магазиновъ; другіе ссыпаютъ ее, уже пересѣянную, въ мѣшки и также торопливо несутъ обратно въ магазины. Тамъ, далѣе, тянутся большіе ряды повозокъ, запряженныхъ волами. Это «продуктъ» идущій въ городъ. Тутъ же возлѣ складываютъ мѣшки съ пшеницею на повозки, и цѣлые ряды этихъ повозокъ тянутся въ гавань. Всѣ эти операціи сопровождаются маклерами, нотаріусами, факторами, повѣренными и комиссіонерами, которые не сидятъ дома,

а съ утра до ночи бѣгають по дѣламъ. Евреи играютъ въ этихъ случаяхъ не только главную, но можно сказать, исключительную роль. На тротуарахъ безпрестанно также попадаются зеленые столики, за которыми съ утра до вечера сидятъ жида и жидовки и мѣняють монету и билеты. Все показываетъ, что деньги переходять здѣсь изъ рукъ въ руки, какъ живое серебро. Вся эта уличная жизнь вполне придастъ торговый характеръ городу. Если мы зайдемъ на биржу, въ контору, въ кофейню — вездѣ услышимъ толки о цѣнахъ на пшеницу, шерсть и проч. На базарахъ то же самое. Въ центрѣ города ихъ два: старый и новый. Оба загромождены возами пшеницы, которую привозятъ сюда небольшими партіями крестьяне сосѣднихъ деревень, колонисты и мелкопомѣстные владѣльцы. Богатые помѣщики присылають пшеницу и шерсть въ Одессу на руки своимъ комиссіонерамъ. Пшеницу закупають съ воевъ особые промышленники, которые складываютъ и сортируютъ ее въ нанятыхъ магазинахъ и, выждавъ повыгоднѣе цѣны, продають въ большіе торговые дома. Это мелочная вѣтвь одесской заграничной торговли. Въ осеннее время, на одномъ изъ этихъ базаровъ отъ здѣшняго общества сельскаго хозяйства раздаются крестьянамъ - производителямъ денежныя выдачи и серебряныя кубки въ награду за лучшіе сорта пшеницы.

Въ окрестности Одесса имѣетъ около $9\frac{1}{2}$ верстъ; наибольшая длина ея $2\frac{3}{4}$ в., а ширина $2\frac{1}{4}$ версты. Материкъ степи, на которомъ расположена Одесса, состоитъ изъ камня, образовавшагося изъ мелкихъ морскихъ раковинъ и песку. По вынутіи изъ земли, камень бываетъ мягокъ, такъ что его можно пилить, но потомъ отъ дѣйствія воздуха твердѣетъ. Несмѣтное количество этого камня, добываемаго въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ, даетъ Одессѣ возможность строить огромныя зданія легко и скоро. Камень этотъ отправляется моремъ и въ другіе города: Херсонъ, Николаевъ и Севастополь. Добываніемъ его постоянно заняты до 500 рабочихъ, которые выламываютъ его ежегодно на сумму до 40,000 р. Въ этомъ отношеніи, Одесса представляетъ много любопытнаго. Можно сказать, что

почти въ каждомъ домѣ или, по крайней мѣрѣ, въ каждомъ дворѣ есть свои подземныя галереи, которыя роются жителями, подъ домами, дворами и улицами, въ самомъ грунтѣ, безъ всякой кладки стѣнъ и сводовъ. Во время продолжительной грязи, когда земля глубоко размокаетъ, бываетъ, что экипажи неожиданно проваливаются въ эти галереи, гдѣ они и погибаютъ, а люди едва успѣваютъ спастись. Точно также бывали случаи, что въ то время, когда пыль стоитъ столбомъ въ безводной Одессѣ, насосы откачиваютъ изъ погребовъ воду, куда она пробилась чрезъ норы, сдѣланныя крысами изъ со-сѣднихъ, водосточныхъ трубъ.

Съ 1823 г. началось мощеніе Одессы посредствомъ шоссе, но чрезвычайная ѣзда въ городѣ, и въ особенности обозовъ съ тяжелою кладью, при мягкости мѣстнаго камня, такъ быстро портила мостовыя, что требовались большія издержки для постоянного ремонтированія ихъ; къ тому же, пыль нисколько не устранялась при этомъ способѣ мощенія. Пробовали дѣлать мостовыя изъ плитъ, изъ тесанаго и даже заграничнаго камня; одно время, была даже устроена и торцовая улица, но все это оказалось по какимъ-либо причинамъ непримѣнимымъ для всего города: шоссе должно было вытѣснить всѣ остальные способы мощенія; почему, въ настоящее время, большая часть улицъ Одессы шоссированы, за исключеніемъ спусковъ къ морю и Дерибасовской улицы, вымощенной булыжникомъ. По сторонамъ улицъ, для стока воды, вдоль тротуаровъ устроены неопрятныя канавы и возлѣ нихъ кучи приготовленныхъ камней для засыпки ухабовъ, черезъ что многія, и безъ того не широкія, улицы еще болѣе дѣлаются тѣсными. Когда шоссе бываетъ сухо, бѣловатая пыль лежитъ на немъ слоемъ въ нѣсколько вершковъ, и каждый экипажъ, каждый прохожій поднимаютъ густыя ея массы на воздухъ. Но самое ужасное время бываетъ при безвѣтріи: тогда Одессѣ дѣлается понятною непроницаемость лондонскихъ тумановъ, съ тою только разницею, что здѣсь это бываетъ отъ пыли. Въ это время въ Одессѣ можно залохнуться: часто бываютъ не видны противоположныя дома улицъ; мало того, пыль проникаетъ во внутренность домовъ,

за двойныя рамы, невынимаемая по нѣсколько лѣтъ сряду, наполняя собою всю внутренность комнатъ отъ потолка до полу. Напрасно многіе изъ медиковъ увѣряють, и даже печатно, что пыль одесская не вредна. Она не бьетъ глазъ, это правда, но стоило бы только опредѣлить вѣсъ одесской атмосферы, насыщенной пылью, чтобы узнать, какая часть одесскаго шоссе переходить въ легкіе городскихъ жителей въ теченіе одного часа. Въ дождливое время эта пыль быстро распускается въ водѣ, и жидкая грязь заволакиваетъ всѣ ухабы улицъ, а по ночамъ въ нихъ отражаются окна освѣщенныхъ домовъ, какъ въ венеціанскихъ каналахъ; случается и то, что вся эта грязная жидкость устремляется въ нижележащія улицы и дворы, заливая въ два, три часа подвалы, погреба и даже нижніе этажи домовъ. А если вслѣдъ за распутицей наступаютъ легкіе морозы, то грязь до того густѣетъ, что перевозка груза въ портъ дѣлается почти невозможною. Зимой здѣсь нерѣдко можно видѣть среди улицъ замерзшіе экипажи и телѣги, оставленные до оттепели, а во время продолжительной грязи—воловъ въ ярмахъ, съ задранными кверху головами, почти утопающими, которыхъ гонять длинными бичами два арестанта, чтобы освидѣтельствовать ими глубину грязи.

Въ Одессѣ устроено 875 цистернъ, 230 колодцевъ и 4 фонтана, — при всемъ томъ Одесса страдаетъ недостаткомъ воды. Изъ фонтановъ бьетъ родниковая вода, въ цистерны проводится дождевая вода; но въ колодцахъ вода почти вездѣ соленая или солоноватая, и только одна необходимость заставляетъ бѣдныхъ жителей пить ее вмѣстѣ съ рабочимъ скотомъ. Она негодна даже для мытья бѣлья. Во время засухи, когда цистерны опорожняются, недостатокъ въ водѣ бываетъ до того ощутителенъ, что жители, просто-на-просто останавливаютъ на улицахъ водовозовъ и вымаливаютъ ведро воды хоть за 10 к. сер. Для водопоя, въ городѣ устроены общественные колодцы, гдѣ платится отъ скотины по $\frac{1}{2}$ к. сер. за одинъ разъ.

Другое важное неудобство для жизни въ Одессѣ заключается въ дороговизнѣ топлива. Дрова привозятъ сюда не только изъ всѣхъ окрестныхъ губерній, не только изъ отдален-

ныхъ мѣстъ Россіи, но даже изъ Турціи и Анатоліи. Въ обыкновенное время, сажень трехполѣнныхъ дровъ обходится не дешевле 25 р. сер.; но случается, что цѣна доходить и до 50 рублей.

Но, не смотря на всѣ эти неудобства, общественная жизнь въ Одессѣ очень развита, и въ этомъ отношеніи Одесса городъ чисто европейскій. Въ немъ есть театръ съ италіанской оперой и постоянной труппой русскихъ актеровъ, клубъ, устроенный по образцу англійскихъ, казино для торговаго сословія съ своимъ типическимъ характеромъ, филармоническое общество, собранія, балы и маскарады, представленія любителей въ пользу бѣдныхъ, концерты заѣзжихъ артистовъ, публичныя гулянья на приморскомъ бульварѣ и въ казенномъ саду, гдѣ довольно часто играетъ военная музыка, загородное гулянье на хуторѣ гр. Ланжерона, въ ботаническомъ саду и другихъ мѣстахъ, гдѣ устроены буфетъ и танцевальная зала. Хотя квартиры въ Одессѣ, особенно гостиницы, очень дороги, но за то, въ отношеніи богатства и разнообразія продовольственныхъ припасовъ и ихъ дешевизны, Одесса, безспорно, первый городъ въ Россіи. Большая часть ресторановъ устроена на заграничный манеръ. Они отличаются чистотою приготовленія и большимъ выборомъ блюдъ. Обыкновенно, порція стоитъ 15 коп. Тутъ вы имѣете круглый годъ: совершенно свѣжую осетрину, стерлядь, камболу, кефоль, дичь, цыплятъ, цвѣтную капусту, спаржу, артишоки, креветовъ, крабовъ и фрукты, какихъ не бываетъ въ Петербургѣ, по чрезвычайной свѣжести и невозможности дальней перевозки.

Для охраненія общественнаго здоровья, не только города, но и всей имперіи, въ упраздненной крѣпости учреждены большія карантинныя помѣщенія, которыя, по своему хорошему устройству, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Какъ только въ какомъ-либо изъ портовъ Средиземнаго или Чернаго морей обнаружатся признаки чумы или холеры, тотчасъ налагается карантинъ для прибывающихъ пассажировъ отъ четырехъ до сорока-двухъ дней, смотря по мѣрѣ опасности. Въ это время корабли стоятъ на рейдѣ, подвергаясь тому же очищенію. Для

очищенія чумныхъ товаровъ и даже писемъ при карантинѣ устроены магазины и особая почтовая контора. Товары въ магазинахъ развѣшиваются и прокуриваются, а письма прокалываются желѣзными прутьями и кладутся щипцами въ ящикъ, гдѣ они окуриваются; по истеченіи извѣстнаго времени, устроенные при немъ часы открываютъ ящикъ, когда письма бываютъ уже очищены. Въ крѣпостномъ рву находится особое чумное кладбище.

Для умственного образованія, въ Одессѣ существуетъ болѣе 50 различныхъ учебныхъ заведеній и 10 ученыхъ обществъ и публичныхъ учреждений. Между ними, первое мѣсто, конечно, занимаетъ бывшій Ришельевскій лицей, который преобразованъ теперь въ Новороссійскій университетъ, Одесское общество любителей исторіи и древностей, Общество сельскаго хозяйства южной Россіи, публичная библіотека и проч. Кромѣ того, въ Одессѣ есть 10 благотворительныхъ заведеній.

Всѣхъ жителей въ Одессѣ считается теперь около 115 т. Вычислено, что ежегодную прибыль Одессы можно считать въ 4 т. человѣкъ. Одесса имѣетъ самое разноплеменное населеніе. Но русскіе, за исключеніемъ чиновничества, занимаютъ здѣсь очень невидныя мѣста: они — или рабочіе поденщики, или мелкіе купцы; чисто русское населеніе живетъ въ отдаленныхъ и худшихъ частяхъ города, какъ, напр., возлѣ стараго базара, гдѣ сосредоточивается и торговля русскими товарами. Евреи, греки, армяне, караимы, итальянцы, французы, цѣмцы, англичане, испанцы, поляки, молдаване, сербы, болгары — гораздо рельефнѣе русскихъ выдвигаются изъ общей массы одесскаго населенія, и если бы Одессѣ пришлось выставить флагъ, соотвѣтственно преобладающей въ ней національности, то, вѣроятно, онъ оказался бы *еврейскимъ* или *греко-еврейскимъ*.

Взгляните на надписи у воротъ лучшихъ домовъ въ Одессѣ, почти вездѣ вы встрѣтите фамиліи, кончающіяся на фи, аки, пудо, пуло, нѣсколько нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ, очень пемного русскихъ, гораздо болѣе польскихъ, а

еще, и безъ всякаго сравненія, болѣе мнимо-нѣмецкихъ и мнимо-польскихъ, въ которыхъ каждый опытный глазъ одесскаго жителя можетъ открыть еврейскія прозвища. Обратитесь ко въѣзду въ городъ, къ магазинамъ, возлѣ которыхъ стоятъ возы пришедшихъ чумаковъ, къ базарамъ, къ порту—вездѣ вы увидите, что русскіе играютъ послѣднюю роль—работниковъ-тружениковъ; вездѣ съ ними говорятъ эти двигатели одесской жизни на своемъ ломаномъ нарѣчій, оглашая улицы и площади южно-гортанными звуками, съ мимикою и жестами поразительно восточными. Въ магазинахъ, по поясъ обнаженные люди, перекидываютъ лопатами пшеницу, выносятъ ее въ мѣшкахъ на возы, бабы собираютъ упавшія зерна и воловій пометъ; въ портѣ цѣлыя артели гнутся подъ бременемъ тяжестей, — это все русскіе; по водѣ плывутъ тоже русскіе, перекатывая бочки съ виномъ и масломъ; а возлѣ нихъ, какъ въ магазинахъ, такъ и въ портѣ, люди въ иностранныхъ костюмахъ, съ бумагою, перомъ или карандашемъ въ рукѣ, слѣдятъ съ напряженнымъ вниманіемъ, чтобы ни одна лишняя минута не тратилась на отдыхъ кѣмъ-либо изъ нанятыхъ работниковъ. И дѣйствительно, въ Одессѣ господствуетъ такое смѣшеніе нарѣчій, что ее можно назвать Вавилономъ. Городъ наиболѣе оживленъ лѣтомъ, когда къ чрезвычайно дѣятельной въ то время торговлѣ присоединяется пріѣздъ множества народа для морскихъ купаній. Толкотня на улицахъ увеличивается особенно потому, что греки и итальянцы, по южному обычаю, живутъ болѣе на биржѣ и набережной, нежели въ домахъ. Но какъ ни прекрасна Одесса, она скучна для всякаго, кто пріѣзжаетъ не съ меркантильною цѣлью: все вертится вокругъ торговли и спекуляцій. Людей занимаетъ здѣсь только пшеница. Въ обществѣ, даже дамы, послѣ первыхъ привѣтствій и летучихъ замѣчаній о погодѣ, принимаютъ живѣйшее участіе въ разговорѣ о пшеницѣ. Кромѣ Одессы трудно найти городъ, гдѣ бы такъ хорошо были извѣстны качества этого рода хлѣба.

Такъ какъ все значеніе Одессы заключается въ ея торговлѣ, то и слѣдуетъ теперь обратить особенное вниманіе на исторію города и торговли. Послѣ Кайнарджійскаго мира 1774 г.

русскія купеческія суда получили право свободнаго плаванія по Черному морю и черезъ проливы Константинопольскій и Дарданельскій. Россія не имѣла тогда еще ни одного порта на Черномъ морѣ. Съ этою цѣлью, по повелѣнію императрицы Екатерины II, былъ заложенъ г. Херсонъ, въ 1778 г., на правомъ берегу рѣки Днѣпра, въ 70 в. отъ устья. Екатерина II даровала этому порту разныя преимущества, которыя скоро привлекли туда разныхъ иностранцевъ, и торговля началась сначала съ Константинополемъ и Архипелагомъ, а потомъ съ Марселемъ, Ливорно и Триестомъ. Но вскорѣ новая пристань оказалась весьма неудобною. Не всѣ суда могли приходить вверхъ по рѣкѣ къ самому городу, а должны были останавливаться на глубокой пристани, не доходя 30 в. до Херсона. Днѣпровскіе пороги затрудняли доставку внутреннихъ произведеній; такъ какъ у пороговъ товары надо было выгружать, везти сухимъ путемъ около 70 в. и потомъ снова нагружать на суда для доставленія въ Херсонъ, отчего тратилось много времени и увеличивалась цѣнность товаровъ. Кромѣ того, отъ октября до марта мѣстная торговля не могла производиться, по случаю замерзанія и вскрытія Днѣпра. Эти важныя неудобства побудили правительство устроить другой портъ. Бухта, на берегу которой находилось татарское селеніе Гаджи-бей, найдена была самымъ удобнымъ мѣстомъ для новаго порта. 22-го августа 1794 г. митрополитъ Гавріилъ торжественно открылъ городъ, а Дерибасъ, подъ надзоромъ гр. Рымникскаго, занялся его постройкой. Императорская академія наукъ придумала новому городу названіе Одессы, отъ греческой колоніи Одессосъ, которая впрочемъ стояла дальше на с.—в. Одесса обязана своимъ процвѣтаніемъ герцогу де-Ришелье, который управлялъ Одессою съ 1803 по 1814 годъ. Онъ выхлопоталъ уменьшеніе пошлины на четверть противъ общаго тарифа, и пятую часть всего сбора на продолженіе разныхъ работъ по устройству гавани, построилъ множество зданій, необходимыхъ для торговли и общественныхъ удовольствій, заселивъ окрестности Одессы колоніями болгаръ, венгерцевъ, славянъ и нѣмцевъ. Подъ его благотворнымъ правленіемъ, одесская торговля начала съ каж-

дымъ годомъ расти, а населеніе быстро увеличиваться. Такъ, въ началѣ управленія Ришелье, въ 1803 г. прибыло въ Одессу 536 судовъ, отпускъ товаровъ простирался на 4 м. асс., жителей считалось 8,000; а въ 1815 г. въ одесскомъ портѣ перебыло 2,400 судовъ, отпущено русскихъ товаровъ на 37 м. р. асс., жителей считалось около 25 т. Преемникъ Ришелье, Ланжеронъ хлопоталъ порту право свободной торговли (порто-франко) на тридцать лѣтъ. Это право, впрочемъ, продолжилось до 1858 г. Благодаря этому обстоятельству, одесская торговля развилась до громаднхъ размѣровъ, и Одесса стала вторымъ портомъ въ имперіи. Въ 1858 г. отпущено товаровъ на сумму около 28 мил. руб. сер., а привезено на 13 мил. руб. сер. Первое мѣсто между отпускными товарами занимаетъ пшеница (на 9 мил.), второе мѣсто шерсть (на 4 мил.), потомъ льняное сѣмя (на 1½ мил.) и сало (1 мил.). Надо замѣтить, что теперь вывозъ хлѣба изъ Россіи уменьшился. Это кажется произошло оттого, что иностранцы покупаютъ теперь дешевле пшеницу въ Дунайскихъ княжествахъ, а одесская пшеница не можетъ понизиться въ цѣнѣ вслѣдствіе неудобныхъ путей сообщенія въ южной Россіи. Когда будутъ предполагаемыя желѣзныя дороги въ Одессу изъ Кіева на Днѣпръ и изъ Парканъ на Днѣстръ, тогда можно надѣяться, что цѣна на пшеницу понизится и вслѣдствіе этого вывозъ ея опять увеличится. Между предметами привоза первое мѣсто занимаютъ французскія, испанскія и итальянскія вина, прованское масло, сухіе плоды, мануфактурныя и колоніальныя произведенія.

Одесса, вмѣстѣ съ четырьмя предмѣстьями (Пересыпь, Новая слободка, Молдованка и Бугаѣвка) и окрестными дачами, хуторами и деревнями, составляетъ особое одесское градоначальство. Оно изъято отъ общаго управленія Херсонской губерніи и поручено военному губернатору, подъ непосредственнымъ начальствомъ новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Одесса есть центръ управленія и образованія всего новороссійскаго края. Здѣсь живутъ новороссійскій и бессарабскій генераль-губернаторъ, архіепископъ и попечитель одесскаго учебнаго округа.

28. БАХЧИСАРАЙ.

(*Kohl. Reisen in Russland. II.*)

Бахчисарай — татарское слово и означаетъ городъ садовъ. Нѣсколько столѣтій тому назадъ, онъ былъ главнымъ городомъ знаменитаго монгольскаго княжества, которое простирало свою гибельную власть на днѣпровскія, днѣстровскія и даже приволжскія земли, пока Екатерина II-я не положила предѣла господству татаръ на югѣ Россіи. Здѣсь, на границѣ горъ и степей, въ узкомъ ущельѣ, была резиденція великаго хана, дружбы котораго помогались, въ одно время, русскіе, поляки и турки.

До сихъ поръ татары питаютъ замѣчательную привязанность къ своему древнему городу и заботятся о сохраненіи его въ прежнемъ видѣ. Онъ имѣетъ густое народонаселеніе и такъ полонъ татарской жизни, музыки, пѣнія, цимбалъ, литавръ, однимъ словомъ, такъ сохранилъ свою національность, какъ будто ханъ никогда не оставлялъ его. Бахчисарай на столько составляетъ разительную противоположность съ вновь перестроенными городами — Севастополемъ и Симферополемъ, что его можно смѣло назвать замѣчательнѣйшимъ городомъ Европы. Татаринъ-патріотъ, или историкъ-ислѣдователь, попавъ въ Бахчисарай, непремѣнно перенесетъ мыслию въ средніе вѣка.

Городъ этотъ вовсе не широкъ, и, какъ въ Гейдельбергѣ, вся жизнь въ немъ сосредоточена на длинной, главной улицѣ. Она тянется на протяженіи двухъ верстъ и очень узка. По сторонамъ ея находится множество лавокъ, богатыхъ татарскими и даже турецкими издѣліями. Тамъ, гдѣ улица поднимается въ гору, находится торговая площадь.

Дома въ Бахчисараѣ маленькіе, стоятъ близко одинъ къ другому, и, конечно, безъ окошекъ. Въмѣсто нихъ, на лицевой сторонѣ дома находятся ставни, которые при наступленіи утра отворяются такимъ образомъ, что съ успѣхомъ замѣняютъ столы и лавки. Вслѣдствіе этого вся (такъ называемая у насъ) заку-

лисная жизнь совершается тамъ передъ глазами всей публики: въ одномъ домѣ видишь, какъ булочникъ сажаетъ хлѣбы въ печь, тепло отъ которой проникаетъ и на улицу. Въ другомъ— сидитъ портной съ своимъ подмастерьемъ и торопится шить, не обращая вниманія на праздныхъ зѣвакъ. Въ третьемъ открывается внутренность кухни съ дымящимися кастрюлями и хлопотливой хозяйкой. Здѣсь сапожникъ погруженъ въ свое ремесло, а тамъ можно наблюдать занятія цѣлаго семейства: отецъ, цыганъ, работаетъ молотомъ, мать раздуваетъ огонь мѣхами, а дѣти таскаютъ воду, уголья, клещи.....

Весь запасъ лавокъ выставленъ на глаза покупателя, и онъ сразу можетъ замѣтить качество и количество товаровъ. Больше всего здѣсь лавокъ съ сѣдлами и уздечками, великолѣпно украшенными серебромъ и краснымъ сафьяномъ; потомъ табачныя лавки, гдѣ отличный турецкій табакъ лежитъ на полу цѣлыми горами. Фруктовыя лавки предлагаютъ покупателямъ безподобные арбузы, до ста видовъ дынь, тыквъ и множество разныхъ плодовъ крымской горной долины. Подъ навѣсами кофейныхъ домовъ вы всегда найдете большое общество, пришедшее пить кофе и потолковать о разныхъ разностяхъ.

Все это доставляетъ гуляющему по Бахчисараю не мало интереса, чего нельзя ожидать отъ нашихъ улицъ, по которымъ люди быстро снуютъ, какъ будто всѣ спѣшатъ куда-то, а дома, какъ тюрьмы, наглухо заперты.

При такой открытой городской жизни, татары не имѣютъ нужды въ ежедневномъ листкѣ: всякая новость немедленно вылетаетъ изъ мѣста своего зарожденія и быстро распространяется повсюду.

Проѣзжая по улицамъ Бахчисарая, мы замѣтили, что народонаселеніе его очень разнообразно: татары были заняты разнаго рода работами, а русскіе, встрѣтивъ праздникъ (было воскресенье) въ ближайшемъ монастырѣ, пировали около трактировъ. Смуглые, неуклюжіе татары равнины рѣзко отличались отъ ловкихъ и образованныхъ горцевъ. То здѣсь, то тамъ видѣлась бѣлая чалма хаджи, посѣтившаго Мекку и поклонившагося св. мѣстамъ. Даже турокъ можно было встрѣтить, въ неболь-

помъ впрочемъ числѣ. Изрѣдка, среди желтыхъ, красныхъ и синихъ платьевъ и платковъ русскихъ женщинъ, замѣтишь торопливо пробирающуюся, закутанную въ бѣлую чадру татарку. Нѣтъ также недостатка и въ красивыхъ гречанкахъ.

Бывшій дворецъ хана сохранился въ совершенствѣ. Въ одномъ изъ флигелей, примыкающихъ къ нему, находятся великолѣпныя комнаты, убранныя въ восточномъ вкусѣ, драгоценными камнями и константинопольскими матеріями. Эти комнаты назначены для пріема высокихъ гостей; но и простому смертному не трудно достать тамъ себѣ квартиру, особенно если онъ посланъ отъ правительства, или по какой-нибудь другой протекціи. О положеніи и планѣ дворца можно замѣтить, что онъ стоитъ поперекъ главной улицы и своими садами и пристройками дѣлитъ Бахчисарай на двѣ, не совсѣмъ равныя, части. Окруженный высокою каменною стѣною, дворецъ снаружи не особенно живописенъ. Войдя въ единственные ворота на дворъ, который имѣетъ видъ большаго параллелограмма, замѣтишь части дворца въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде всего возвышается флигель съ комнатами для гостей и квартирами дворцовыхъ служителей, откуда во всѣ остальные части зданія ведутъ свѣтлыя, обширныя галереи. Налѣво — дворцовая мечеть, самая большая въ Бахчисараѣ; далѣе нѣсколько мавзолеевъ, поставленныхъ въ честь умершихъ хановъ, и, наконецъ, ханскія гробницы. Направо отъ воротъ расположенъ главный корпусъ дворца съ комнатами самаго хана, съ залами совѣта, съ конференцъ и аудіенцъ-залами. Передъ комнатами хана находится великолѣпнѣйшая терраса, украшенная виноградниками, цвѣтниками и фонтанами. На террасу выходятъ оранжереи, до сихъ поръ очень богатыя разными рѣдкими растеніями. Множество дверей ведетъ изъ комнатъ хана во всѣ сады, дворы и разукрашенныя тюрьмы его женъ.

Тѣснота отъ жителей въ тотъ разъ была ужаснѣйшая: каждую четверть часа у воротъ собиралась новая толпа и требовала пропуска. Русскіе чиновники съ семействами, купцы съ своими дородными сожительницами, офицеры и дамы беззаботно и весело расхаживали по заламъ, гдѣ, за нѣсколько

сотъ лѣтъ передъ тѣмъ, изобрѣтались всевозможныя пытки для ихъ предковъ.

Достопримѣчательность бахчисарайскаго дворца — фонтаны; они бьютъ изъ великолѣпныхъ мраморныхъ бассейновъ, и всѣ съ арабскими надписями, означающими имя основателя или названіе фонтана. Между фонтанами прибрѣлъ мировую извѣстность «Фонтанъ слезъ», обязанный своею славою Пушкину. Онъ бьетъ очень высоко, и, проходя черезъ множество изящныхъ мраморныхъ бассейновъ, расположенныхъ одинъ подъ другимъ, возвращается къ своему началу въ видѣ капель или слезъ. По поводу этого фонтана, нашъ чичероне разсказалъ легенду о печальной судьбѣ Маріи Потоцкой, уже давно извѣстную намъ изъ «Бахчисарайскаго фонтана» Пушкина.

Выйдя изъ дворца, мы были поражены возгласами муллъ, сзывающихъ «правовѣрныхъ» на молитву: голоса, раздававшіеся съ разныхъ сторонъ, со множества минаретовъ, были безъ сомнѣнія, различны, но всѣ одинаково протяжны и меланхоличны, что производило странное явленіе, — какъ будто эхо перекатывалось въ горахъ.

Мы отправились въ ближайшую мечеть, гдѣ застали муллу, окруженнаго своими правовѣрными, уже погруженнаго въ молитву.

Приготовленіе къ молитвѣ (которое читаетъ мулла, а за нимъ повторяетъ все собраніе) сопровождается нѣкоторыми комичными обрядами; въ особенности странно видѣть, какъ они прикладываютъ указательныя пальцы обѣихъ рукъ къ ушамъ и затѣмъ быстро ихъ отдергиваютъ. Этимъ они хотятъ показать, что уши ихъ, и особенно чувства, закрыты для всего мірскаго. Послѣ такого приготовленія всѣ ложатся ницъ и остаются въ такомъ положеніи очень долго. Наконецъ, тихо, медленно, какъ будто боясь нарушить благоговѣйное впечатлѣніе молитвы, поднимаются, обуваются и расходятся по домамъ.

29. Чуфуть-Калé.

(*Kohl. Reisen in Russland. II*)

Изъ Бахчисарая мы поѣхали въ *Чуфуть-Калé* — мѣсто-пребываніе караимовъ, замѣчательной еврейской секты. Дорога туда ведетъ по верхней части города, мимо цыганскаго предмѣстья, куда мы, конечно, не замедлили завернуть.

Грязь, нищета, безобразіе невольно поражаютъ всякаго, кто сюда вѣзжаетъ въ первый разъ. Смуглые, грязные, съ всклокоченными волосами, едва прикрытые кое-какими лохмотьями, цыгане внушаютъ къ себѣ рѣшительное отвращеніе. Живутъ они въ лачугахъ, кое-какъ слѣпленныхъ изъ глины и тростника, а у иныхъ и того нѣтъ; такіе бездомные укрываются отъ ненастья на днѣ высохшихъ колодцевъ, или въ норахъ, оставленныхъ шакалами.

Въ пищѣ цыгане тоже неразборчивы и съ удовольствіемъ ѣдятъ ужей, лягушекъ, мышей и воронъ. Какъ мужчины, такъ и женщины страшно курятъ простой листовой табакъ.

Многіе занимаются торговлею лошадьми, но большая часть изъ нихъ кузнецы. Кромѣ того (чего вы, конечно, никакъ не ожидаете) они музыканты Крыма. Уже издали, подѣзжая къ предмѣстью, мы были оглушены дикими звуками скрипокъ, флейтъ, шпажныхъ клинковъ и частымъ и оглушительнымъ боемъ барабановъ, что въ цѣломъ не составляло особенной гармоніи.

Чуфуть-Калé получило свое названіе отъ скалы, на которой расположено. Онъ существуетъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ, но цивилизація послѣдняго времени даже не коснулась его и городъ вполнѣ сохранилъ свое первоначальное устройство; нравы и обычаи жителей также представляютъ много оригинальнаго.

Дорога въ городъ, начиная отъ самыхъ воротъ, идетъ такъ круто, что лошадь, уже привычная къ ѣздѣ по горамъ, съ большимъ трудомъ можетъ взобраться на вершину скалы. Прежде всего, вѣзжающаго въ Чуфуть-калé поражаютъ огромныя

пещеры, расположенныя одна подъ другой по склону горы. Сюда караимы загоняють свои стада на ночь и во время ненастья.

Домы все маленькіе, низенькіе, безъ окошекъ, съ плоскими кровлями, построенные изъ огромныхъ камней. Ни одно деревцо, ни одинъ кустарникъ не порадуешь вашего взора, уже утомленнаго постояннымъ однообразіемъ. Улицы кривыя, узкія, развѣтвляются по разнымъ направленіямъ безъ всякаго плана. Замѣчательно, что въ Чуфуть-калѣ, на всемъ его протяженіи, нѣтъ ни капли воли, а источники находятся гораздо ниже, въ долинѣ; нѣкоторые изъ караимовъ занимаются перевозкою воды наверхъ. Ведро, въ которыхъ они развозятъ воду, наглухо заколочены, чтобы сохранить ее отъ быстрого нагрѣванія и отъ сора; добывается она посредствомъ насоса, который закрытъ клапаномъ.

Я забылъ сказать, что при самомъ входѣ въ Чуфуть-калѣ мы были встрѣчены цѣлымъ хоромъ цыганъ-музыкантовъ, которые сопровождали насъ по всему городу. Думая, что они хотять выпросить денегъ, мы заплатили имъ, но попытка наша не удалась: музыканты не отставали отъ насъ. Наконецъ мы догадались, что видно ужъ такой обычай у здѣшнихъ жителей оказывать особенное уваженіе своимъ гостямъ.

Прежде всего мы посѣтили синагоги, которыя содержатся караимами съ большою заботливостію. Въ нихъ много серебряныхъ лампадъ, очень массивныхъ и оригинальныхъ по формѣ. Экземпляры Ветхаго Заветъа, пожертвованные набожными іудеями, отлично переписаны и великолѣпно переплетены.

Одинъ изъ толпы, собравшейся вокругъ насъ, богатый караимъ Авраамъ, пригласилъ насъ къ себѣ. Его домъ далеко былъ видѣнъ между всѣми остальными—по своей величинѣ и деревянной галереѣ. Онъ стоялъ на площадкѣ одного горнаго уступа, съ котораго представлялся великолѣпный видъ на окрестныя дикія скалы, пропасти и на долину Іосафата, служащую у караимовъ кладбищемъ.

Мы не могли отказать гостепріимному хозяину въ предложеніи выкурить по трубкѣ отличнаго табаку и отвѣдать любимыхъ

татарскихъ конфетъ—альвы и рагатъ-ал-кума. Скоро у нашихъ ногъ появился низенькій столикъ, уставленный множествомъ разныхъ блюдъ, и мы съ удовольствіемъ принялись за опустошеніе ихъ. Потомъ мы отправились, для контраста, къ бѣднѣйшему изъ караимовъ. Его домъ, какъ орлиное гнѣздо, прилѣпился на самой вершинѣ скалы. Здѣсь, какъ и у богатаго, нашли мы все на татарскую ногу: хозяйство въ отличномъ порядкѣ и внутренность дома гораздо чище, уютнѣе и пріятнѣе, чѣмъ можно было ожидать по его наружному виду.

Теперь я хочу изложить въ порядкѣ все, что узналъ о караимахъ.

Самитійское слово «*Kara*» въ переводѣ значить «читать въ св. писаніи;» производное отъ него «Кагаи»—вѣрный св. писанію, а Кагаимъ — множественное число того же слова. Такъ называютъ себя іудеи, которые отвергаютъ всѣ постановленія Талмуда и каноническихъ книгъ и основываютъ догматы религіи и нравственности исключительно на законѣ Моисея.

«Мы,» — говорилъ мнѣ раввинъ Улуфъ въ синагогѣ, показавъ всѣ особенности своего богослуженія, — «тѣ же протестанты, которые не признаютъ постановленій римскаго католическаго права; тѣ же шіиты, которые возстаютъ противъ Сунны. И наша исторія представляетъ то же явленіе, которое замѣчается въ каждой религіи по мѣрѣ ея развитія. Первые чистыя, прекрасныя ученія основателя ея были извращены разными добавленіями и объясненіями, основанными на своекорыстіи и властолюбіи. Многіе были увлечены прогрессивнымъ, религіознымъ потокомъ времени; но нѣкоторые вѣрные, твердые въ своихъ убѣжденіяхъ, рѣшились крѣпко стоять за чистоту своихъ вѣрованій и идти противъ нововведеній. Обѣ партіи протестантовъ и канониковъ въ постоянной враждѣ между собою и, конечно, первая, какъ слабѣйшая, терпитъ много притѣсненій отъ послѣдней, сильнѣйшей. Такъ проста и естественна наша исторія; но никто не въ состояніи опредѣлить, даже приблизительно, времени нашего отдѣленія и самостоятельнаго развитія.»

Въ Европѣ очень мало знаютъ о караимахъ, да и у нихъ самихъ нѣтъ никакой систематической исторіи. Источники, изъ которыхъ можно было бы ее извлечь, разсѣяны по Востоку. Много интересныхъ, древнихъ книгъ ходятъ по рукамъ караимовъ въ Одессѣ, Крыму и Константинополѣ; но главное собрание ихъ въ Іерусалимѣ, гдѣ считаютъ до семнадцати историческихъ фоліантовъ рукописей и древностей на арабскомъ языкѣ.

Многіе полагаютъ начало отреченія караимовъ отъ остальныхъ іудеевъ въ первый вѣкъ до Р. Х., когда также начинаются и талмудійскія толкованія. (*) Но едва ли это вѣрно, потому что караимы явно протестуютъ постановленіямъ Талмуда. Скорѣе можно отнести ихъ исторію къ Магомету, въ основныхъ началахъ религіи котораго они находятъ себѣ полное удовлетвореніе. Вслѣдствіе этого они совершенно слились съ магометанами и приняли отъ нихъ не только языкъ, типъ и образованіе, но также одежду, пищу и образъ жизни.

Древнѣйшая рукопись караимовъ—привилегія, данная Магометомъ на свободу исповѣданія ихъ вѣры. Если прослѣдить хронологію караимовъ, и древнія рукописи, и позднѣйшія произведенія, то будетъ ясно, что распространеніе ихъ и магометанъ слѣдовало постоянно одному направленію. Съ ними были они въ Африкѣ и Малой Азіи, сопровождали ихъ въ Испанію, были вмѣстѣ въ Антиохіи, Одессѣ и Никее, перешли, наконецъ, въ Европу и нашли свои главныя колоніи сначала въ Адриано-полѣ, а потомъ въ Константинополѣ. Такимъ образомъ пришли караимы и въ Крымъ, подъ предводительствомъ Богдыхана.

Въ настоящее время ихъ совсѣмъ нѣтъ въ Малой Азіи и Сиріи, также очень мало на сѣверномъ берегу Африки, исключая Каира и южныхъ провинцій Марокко, на которыя указываютъ всѣ позднѣйшіе крымскіе манускрипты, какъ на главное мѣстопробываніе караимовъ.

Исчезновеніе африканскихъ и азійскихъ караимскихъ коло-

(*) Въ подлинникѣ Талмуда встрѣчается слово «Karaïm» въ смыслѣ строго придерживающихся св. писанію.

ній объясняется слѣдующимъ образомъ: магометане, приведя съ собою честныхъ и трудолюбивыхъ своихъ друзей, караймовъ, поселяли ихъ на завоеванной землѣ, гдѣ уже прежде того были колоніи талмудійскихъ евреевъ, которые, всей душой ненавидя своихъ братьевъ отступниковъ, старались, конечно, какъ можно дальше оттѣснить ихъ отъ своихъ предѣловъ. Завязалась борьба на жизнь и смерть, въ которой перевѣсъ былъ, безъ сомнѣнія, на сторонѣ хитрыхъ, умныхъ и предприимчивыхъ талмудистовъ. Такимъ образомъ, караимскія колоніи, не успѣвшія еще хорошенько утвердиться, падали.

Только въ южной части Россіи пришлось имъ легче, и они утвердились здѣсь, вѣроятно потому, что не встрѣтили ни одного талмудиста.

Четырнадцать караимскихъ семействъ, пришедшихъ съ Богдыханомъ, были поселены имъ на скалѣ, вблизи его резиденціи. Это селеніе назвали «Kurtivli» (четырнадцать гостипицъ;) но позднее названіе это исчезло, а поселеніе все увеличивалось и, наконецъ, развилось въ цѣлый городъ. Татары стали называть его «Djuffut-Kalé» (городъ евреевъ;) это имя осталось за нимъ и теперь, принятое повсемѣстно. Отсюда караимы, подъ защитою русскаго правительства, распространились и по другимъ южно-рускимъ городамъ.

По календарнымъ свѣдѣніямъ за 1865 годъ число всѣхъ караймовъ, живущихъ въ Россіи, простирается до 5,000 человекъ. Изъ нихъ 3,200 приходится на одну Таврическую губ. (въ Чуфутъ-Кале 1,000,) а на Херсонскую 950. Сверхъ того караимы въ весьма незначительномъ числѣ живутъ въ Екатеринославской, Волынской, Виленской, Ковенской и Минской губерніяхъ.

Внѣ Россіи—два семейства (австрійскіе подданные) пахотятся въ южной Галиціи, въ Константинополѣ 30 семействъ, въ Іерусалимѣ—4 и въ Каирѣ—до 250 человекъ.

Вотъ все, что можно сказать объ исторіи и статистикѣ этого народца, характеръ и нравы котораго такъ своеобразны и достойны общаго уваженія. Онъ образовался изъ помѣси татаръ съ евреями, что, противъ общаго обывковенія, представляетъ очень отрадное явленіе: съ турецкимъ спокойствіемъ и поло-

жительностью соединился еврейскій духъ торговли, что образовало честныхъ купцовъ, между тѣмъ, какъ талмудисты всецѣло преданы разнаго рода спекуляціямъ, для которыхъ іезуитское правило: «цѣль оправдываетъ средства» служить главнымъ руководствомъ.

Одѣваются караимы совершенно по-татарски, за исключеніемъ чапмы, которую многіе промѣняли на европейскія шляпы.

Еще можно замѣтить о бородѣ караимовъ. Она у нихъ идетъ въ видѣ чрезвычайно узенькой полоски, начиная съ нижней губы, по щекамъ и за уши. У татаръ этого нѣтъ.

Ничто не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ наряда караимскихъ женщинъ, когда онѣ появляются на улицахъ Одессы. Ихъ чаще всего можно видѣть въ синагогахъ, куда онѣ торопливо пробираются по субботамъ, закутавшись въ огромныя шали. Когда же привратникъ закроетъ за ними церковныя двери, онѣ сбрасываютъ свои покрывала и вмѣстѣ съ парюю прекрасныхъ черныхъ глазъ, заблеститъ золото и жемчугъ ихъ нарядовъ. У всѣхъ на головахъ красныя фески, вышитыя золотомъ и съ изреченіями изъ корана, выложенными жемчугомъ. Замужнія женщины заплетаютъ волосы въ одну косу и обвиваютъ ее кругомъ головы, а у дѣвушекъ они висятъ въ безчисленномъ множествѣ косичекъ, что скорѣе странно, чѣмъ хорошо. Я, обыкновенно, насчитывалъ этихъ косичекъ, среднимъ числомъ, отъ 40 до 50 у каждой.

Туалеты молодыхъ женщинъ могутъ назваться простыми въ сравненіи съ нарядами замужнихъ, которые рѣшительно поражаютъ своимъ великолѣпіемъ: верхнее, длинное платье, падающее на полъ длиннымъ шлейфомъ, у нихъ, обыкновенно, изъ бархата, большею частію фіолетоваго цвѣта; спереди оно открыто и позволяетъ видѣть нижнее, нѣсколько короткое, изъ бѣлаго или пунцоваго атласа, все вышитое золотомъ. На груди у нихъ настоящій панцырь изъ разныхъ золотыхъ монетъ, а на шеѣ жемчужное ожерелье.

Магометане имѣли вліяніе не только на догматы религіи караимовъ, но и на внѣшнюю сторону ихъ богослуженія. Синагоги, по устройству и почти совершенному отсутствію церков-

ной утвари, представляют совершенное подобіе мечети, съ тою только разницею, что небольшая часть ея, у самыхъ дверей, огорожена и снабжена скамейками, чего нѣтъ въ мечетяхъ. Надъ этими отдѣленіями находятся галереи, гдѣ, за рѣшеткою, красуются расфранченныя женщины. Остальная часть строенія, совершенно какъ въ мечети, пуста и устлана коврами, на которые караимы, какъ и магометане, ступаютъ не иначе, какъ босыми ногами. У внутренней стѣны, на небольшомъ возвышеніи, стоятъ поставцы съ св. книгами. Таковъ внутренній видъ синагогъ.

Мнѣ пришлось разъ быть при богослуженіи караимовъ въ праздникъ «Покаянія и Примиренія,» совершаемый у нихъ 20-го сентября, въ одно время съ талмудистами; во многихъ другихъ праздникахъ они расходятся, особенно въ тѣхъ, которые не утверждены непосредственно самимъ Моисеемъ.

Туфли, башмаки, сапоги снимались у дверей синагоги и ставились на полки шкафа, отчего онъ походилъ на богатую башмачную лавку. Синагога была полна. Всѣ стояли съ книгами въ рукахъ и очень усердно слѣдили за чтеніемъ библіи, которое совершалось однимъ изъ молящихся, поочередно. Время отъ времени, раввинъ, съ головы до ногъ одѣтый въ бѣлое, обращался съ молитвами и колѣнопреклоненіями по направленію къ поставцу съ св. книгами.

По случаю такого большаго праздника богослуженіе должно было продолжаться цѣлый день, отъ восхода до заката солнца.

Замѣчательно, что всякій, входя въ синагогу, старается помѣститься возлѣ равнаго себѣ, отчего образуются различныя группы: въ одномъ мѣстѣ, напр., вы видите одну только молодежь, въ другомъ, напротивъ, все пожилыя и вліятельныя лица. Но чаще всего встрѣчаются группы изъ отца, окруженнаго своими, въ бархатъ и шелкъ наряженными, сыновьями. Караимы, точно такъ же, какъ татары и турки, безпредѣльно любятъ своихъ сыновей; даже въ синагогахъ безпрестанно разговариваютъ, шутятъ съ ними..... И хорошенькія малютки беззаботно валяются по мягкимъ коврамъ, или, положиа головку на колѣни отца, ласкаются къ нему. И отецъ, зачастую, отло-

живъ въ сторону библию, нѣжно цѣлуетъ сына и уговариваетъ его успокоиться, если онъ ужъ слишкомъ расшалился.

Многія дѣти, проведя около восемнадцати часовъ въ синагогѣ, засыпали на рукахъ у своихъ отцевъ, которые въ такомъ случаѣ продолжали читать слово Божіе надъ головкой спящаго ребенка.

Когда солнце стало опускаться, всѣ бросились къ окну съ протянутыми впередъ книгами, чтобы освятить ихъ послѣднимъ лучемъ заходящаго свѣтила, а затѣмъ, подобравъ заснувшихъ малютокъ, стали расходиться по домамъ.

30. ЕКАТЕРИНОДАРЪ.

(Филипповъ. Поездка по берегамъ Азовскаго моря. 1856 года.)

Городъ Екатеринодаръ до того оригиналенъ по своей наружности, что, по всей вѣроятности, есть единственный въ своемъ родѣ. Представьте себѣ плоскую мѣстность, спланированную очень правильно на прямыя и широкія улицы, пересекающіяся подъ прямыми углами. Но кварталы между улицами наполнены густымъ лѣсомъ — не садами, а именно лѣсомъ, который составляютъ могучіе густолиственные дубы, съ черными шероховатыми стволами и выходящими изъ нихъ свѣтлозелеными нѣжными побѣгами; большія деревья бѣлыхъ акацій, сводомъ раскинувшія свою листву, и чаща фруктовыхъ деревьевъ, между которыми нѣтъ ни дорожекъ, ни другихъ признаковъ сада, но все пространство между ними, какъ въ дремучемъ лѣсу, поросло высокой травой и бурьяномъ. Подъ сѣнію деревьевъ мѣстами выступаютъ своими фасадами красивые сельскіе домики въ одинъ этажъ. Крыши ихъ состоятъ изъ правильно расположеннаго, толстымъ слоемъ, камыша, ровный обрѣзъ котораго, какъ широкой лентой, окоймляетъ крышу. Стѣны домовъ выбѣленныя, турлучной постройки. Окна маленькія, иногда скрываются за свѣсившимися вѣтвями большаго дерева, растущаго подлѣ самой стѣны, въ палисадникѣ. Около дома всегда большою дворъ съ разными службами, пристройками скирдой сѣна

и проч., а за дворомъ густой фруктовый лѣсъ. Мѣстами такой лѣсъ занимаетъ весь кварталъ, и только на одномъ углу его домъ хозяина этого лѣса. Когда идешь по улицѣ Екатеринодара, то впечатлѣніе совершенно то же какъ будто находишься на просѣкѣ въ густомъ лѣсу, по окраинамъ которой мѣстами построены дачи или сельскіе домики. Улица отдѣляется отъ лѣса заборомъ или плетнемъ, а поверхность ея поросла высокой травой, между которой извилинами пролегаютъ проѣзжія колеи. Мѣстами около самой улицы и домовъ большое пространство занято толстыми пнями срубленного лѣса и зеленымъ болотомъ, въ которомъ квакаютъ лягушки. Акаціи, дубы, грабины, ясени и фруктовыя деревья — персиковыя, абрикосовыя и другія наполняютъ весь городъ, въ которомъ растительность вообще чрезвычайно сильная. Главная улица, называемая Красной, вѣроятно по виду гостиннаго двора, построеннаго изъ кирпича, занята болѣе тѣснымъ строемъ небольшихъ домовъ; на ней ряды лавокъ, нѣсколько каменныхъ домовъ и, между прочимъ, домъ наказнаго атамана. — Улицы въ Екатеринодарѣ вообще очень длинны, версты по двѣ, и городъ огроменъ по занимаемому имъ пространству, не смотря на малое населеніе: въ немъ всего 7,700 обоюго пола жителей, а могло бы помѣститься болѣе ста тысячъ. Въ концѣ Красной улицы обширная и грязная площадь, за которой возвышается огромное деревянное зданіе собора, темнаго цвѣта, окруженное также площадью и войсковыми каменными строеніями, гдѣ помѣщаются присутственныя мѣста и разныя войсковыя заведенія. Строенія обнесены общимъ валомъ, на которомъ, по ту сторону собора, стоятъ пушки, обращенныя на Кубань. Между высокимъ обрывомъ, находящимся тотчасъ за валомъ, и Кубанью, разстилается покрытая камышемъ низменность, окоймленная голубой лентой Кубани, за которой видны кустарники и лѣски, изъ-за которыхъ выглядываютъ наблюдательныя вышки. Дальше простирается сплошной, но не высокій лѣсъ, покрывающій покатость холмовъ. Наконецъ, на самомъ заднемъ планѣ, какъ декорація, возвышаются сизія кавказскія горы. Цѣпь ихъ тянется въ направленіи къ юговостоку, постепенно углубляясь въ даль. Бли-

жайшія изъ нихъ видны ясно со всѣми рельефами и густыми тѣнями; но, по мѣрѣ удаленія цѣпи, онѣ обозначаются все болѣе легкими очертаніями и становятся все выше и выше; наконецъ въ самой дальней части цѣпи рисуются смѣлые очерки горныхъ громадъ, снѣжныя вершины которыхъ, покрытыя голубыми тѣнями, какъ будто бы висятъ въ синемъ воздухѣ. За ними уже совсѣмъ теряются слабые очерки еще болѣе отдаленныхъ горъ.

Екатеринодаръ расположенъ на лукѣ, образуемой извилистымъ теченіемъ Кубани, которая огибаетъ его дугообразно съ трехъ сторонъ. Съ восточной стороны излучина Кубани подходитъ подъ самый городъ, образуя высокій обрывистый берегъ. На противоположной сторонѣ рѣки—холмы, покрытые лѣсомъ, съ вышками.

Присутствіе этихъ вышекъ у самаго Екатеринодара служить признакомъ, что городъ стоитъ не совсѣмъ въ безопасномъ мѣстѣ, что необходимо быть постоянно насторожѣ для предупрежденія набѣга горцевъ.

Говоря о Екатеринодарѣ, нельзя не упомянуть объ одной его особенности—необыкновенной грязи на улицахъ. Въ большую часть года грязь тамъ какъ велика, что невозможно ѣздить ни въ какомъ экипажѣ. Бывали случаи, что экипажъ, рискнувшій проѣхать по улицѣ, завязалась въ грязи такъ, что никакими усиліями, ни лошадьми, ни волами, не могли его вытащить и оставляли зимовать на томъ же мѣстѣ. Во время грязи можно только пѣшкомъ пробираться по улицамъ, да и то не по всѣмъ, и не иначе, какъ въ сапогахъ выше колѣнъ, а женщины не выходятъ изъ дома по нѣскольку недѣль: имъ случается не видать своихъ родственниковъ, живущихъ по сосѣдству, мѣсяца по два, только за невозможностью пробраться къ нимъ черезъ улицу. Даже почту со станціи не привозятъ въ почтовую контору, а доставляютъ на рукахъ. Часто, для того, чтобы затворить ставни въ окнахъ, высылаютъ человека верхомъ на лошади. Пѣшеходы, идучи на службу или по дѣламъ, пробираются по городу только мѣстами по улицамъ, а то, болѣею частію, по чужимъ дворамъ и даже иногда черезъ сѣни

домовъ, и хозяева не претендуютъ на это, потому что знаютъ невозможность пройти по улицѣ; они нарочно не задѣлываютъ тѣхъ лазеекъ въ заборахъ, чрезъ которыя проникаютъ прохожіе во дворъ для обхода улицы. Но тѣ же самые хозяева, въ другое время года, когда грязь просыхаетъ и улицы дѣлаются проходимыми, прекращаютъ проходъ чрезъ свои дворы. Рассказы о екатеринодарской грязи считаешь баснословными до тѣхъ поръ, пока не убѣдишься въ справедливости ихъ собственными глазами и собственнымъ опытомъ. Только три улицы въ городѣ снабжены деревянными мостками для пѣшеходовъ, построенными года за три назадъ, да и тѣ считались необыкновеннымъ нововведеніемъ.

Мѣстныя условія Екатеринодара какъ будто нарочно соединились для того, чтобы сдѣлать его резервуаромъ грязи. Почва, на которой построенъ городъ, состоитъ изъ цѣпкой глины, задерживающей всю дождевую воду на поверхности. Мѣстность подъ городомъ образуетъ котловину, въ которую стекаетъ вода со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, густая масса деревьевъ и травъ, наполняющихъ городъ, какъ огромная губка впитываетъ и задерживаетъ въ себѣ сырость, а окрестности города изобильны болотами. Слѣдовательно, нельзя не убѣдиться, что все это въ высшей степени способствуетъ зароженію эпидемической лихорадки, которая дѣйствительно свирѣпствуетъ въ Екатеринодарѣ страшнымъ образомъ. Лѣтомъ чрезвычайный жаръ съ вредными испареніями, наполняющими воздухъ, дѣйствуетъ неотразимо, и никто изъ жителей не избѣгаетъ лихорадки. Оттого все населеніе Екатеринодара болѣзненно; новопріѣзжаго даже поражаетъ отсутствіе въ городѣ свѣжихъ и здоровыхъ личностей: ему повсюду встрѣчаются желтые, худые, болѣзненные лица. На улицахъ часто встрѣчаешь исхудалыхъ казаковъ съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица, идущихъ медленно и съ оханьемъ. Дамы екатеринодарскія тоже не отличаются здоровымъ видомъ: желтизна лица и синева подъ глазами очень распространены между ними. Но привычка до того сильна у городскихъ жителей, что лихорадочные приступы считаютъ чѣмъ-то неизбѣжнымъ, весьма обыкновеннымъ, и потому

нестоящимъ вниманію. Заурядъ случается, что иная дама, выдержавъ сильный пароксизмъ, тотчасъ по прекращеніи его, наряжается, и, какъ ни въ чемъ не бывало, отправляется дѣлать визиты или въ ряды за покупками.

Екатеринодаръ ни въ чемъ не похожъ на города Новороссіи; во всемъ проглядываетъ у него особенность, даже исключительность, начиная отъ положенія его на самой границѣ съ землей враждебныхъ народовъ, и отъ болотистой лѣсистой мѣстности, до характера его жителей — казаковъ и частной ихъ жизни. Но общественной жизни почти вовсе нѣтъ въ Екатеринодарѣ, и это находится въ связи съ характеромъ и образомъ жизни черноморцевъ. Аристократическую часть населенія Екатеринодара составляютъ офицеры или, какъ ихъ здѣсь называютъ, войсковые чиновники; они съ своими семействами все лѣто живутъ на хуторахъ и пріѣзжаютъ въ городъ только на зиму. Лѣтомъ же остаются въ городѣ только обязанные къ тому службою. Поэтому, Екатеринодаръ лѣтомъ пустъ и скученъ, а зимой, хотя и населенъ, но также скученъ, потому что оживленію его препятствуютъ: крайняя трудность сообщеній, недостатокъ расположенія въ самихъ жителяхъ къ обществу и склонность ихъ заключаться въ семействахъ. Въ каждое офицерское семейство все продовольствіе доставляется круглый годъ изъ собственныхъ его хуторовъ, потому значительная часть жителей не имѣетъ даже надобности закупать что-нибудь на базарѣ, на которомъ, вслѣдствіе того, недостаетъ часто самыхъ необходимыхъ предметовъ для жизни. Такъ, напримеръ, говядины въ Екатеринодарѣ никогда нельзя достать: единственное употребляемое тамъ мясо — баранина, да иногда есть фазаны, привозимые съ линіи или изъ прикубанскихъ станицъ и хуторовъ. Недостатокъ говяжьего мяса въ Екатеринодарѣ просто несообразность, потому что скотъ черноморскій, почитаемый лучшимъ въ Россіи, гонится во внутреннія губерніи во множествѣ, и жители черноморскіе преимущественно занимаются разведеніемъ рогатаго скота.

Пріѣзжій не находитъ въ Екатеринодарѣ никакихъ удобствъ; ему даже негдѣ пріютиться, если у него нѣтъ знакомыхъ, по-

тому что жители екатеринодарскіе не имѣютъ обыкновенія отдавать свои дома въ наемъ, и нанять квартиру можно только по случаю; единственная же существующая въ городѣ, весьма грязная, гостиница всего менѣе годна для помѣщенія. И вообще коренные жители Екатеринодара, пользуясь удобствами сельской жизни и не замѣчая ея недостатковъ, почти совсѣмъ не пользуются удобствами городской жизни, правда, за неимѣніемъ ихъ въ городѣ, который, между прочимъ, не столько похожъ на городъ, какъ на собраніе множества хуторовъ на планированной мѣстности; иначе говоря, Екатеринодаръ есть очень большая станица.

Жители Екатеринодара и всего Черноморья еще очень не развиты въ гражданскомъ отношеніи: ремесла, всѣ отрасли промышленности и торговли у нихъ въ младенческомъ состояніи. Ремесла не могутъ имѣть большаго успѣха между казаками по недостатку капиталовъ и по невозможности казакамъ посвящать себя ремесламъ вслѣдствіе служебныхъ обязанностей, отнимающихъ у нихъ время. Недостатокъ въ капиталахъ общій всему казачьему сословію Черноморья. Вслѣдствіе этого недостатка и занятій службою, никакая отрасль промышленности не подвигается впередъ; впрочемъ, къ этимъ двумъ главнымъ причинамъ застоя промышленности присоединяются и нравственные свойства черноморцевъ: нерадѣніе къ улучшенію своего быта, нерасположеніе къ нововведеніямъ и пристрастіе къ тому, къ чему они привыкли съ давняго времени.

Казалось бы очень естественно было жителямъ Екатеринодара разводить порядочные фруктовые сады при такой сильной растительности. Здѣсь съ успѣхомъ могутъ разводиться: группы, черешни, сливы, персики, абрикосы, каштаны, грецкіе орѣхи, фиги и проч. А между тѣмъ, фруктовые деревья въ *чащахъ* (а не садахъ) Екатеринодара растутъ безъ всякаго присмотра и ухода и даютъ плоды почти дикіе, лѣсные.

Впрочемъ, въ послѣднее время, въ Екатеринодарѣ устроенъ прежнимъ наказнымъ атаманомъ, генераль-маіоромъ Рашпилемъ, довольно большой общественный садъ, хорошо содержимый, въ которомъ, между прочимъ, посажено нѣсколько тысячъ

виноградныхъ лозъ и устроень маленькій питомникъ тутовыхъ деревь. Уже не въ первый разъ пробуютъ разводить виноградъ въ Екатеринодарѣ, но, кажется, онъ тамъ не можетъ хорошо родиться.

Подобно ремесленной промышленности, и торговля не дается черноморцамъ. По «Положенію» существуетъ особое торговое казачье сословіе, члены котораго, для занятій торговлею, освобождаются отъ службы и въ замѣнъ того платятъ въ войско ежегодно 57½ руб. сер. Число казаковъ торговаго сословія, по «Положенію» не должно превышать 200 человекъ, но оно никогда не достигаетъ этого числа. Притомъ казаки торговаго сословія владѣютъ весьма ничтожными капиталами, на примѣръ, непревышающими одной или двухъ тысячъ рублей ассигнаціями. Вся торговля въ Екатеринодарѣ въ рукахъ армянъ. Ряды помѣщаются въ довольно большомъ кирпичномъ зданіи и заключаютъ въ себѣ все армянскія лавки, въ которыхъ продаются издѣлія и товары русскіе и азіатскіе и частію заграничныя. Развитію торговли въ Черноморіи препятствуютъ, кромѣ недостатка въ капиталахъ, чрезвычайно дурные пути сообщенія и существующее положеніе, по которому лица, не принадлежащія къ казачьему сословію, не могутъ пріобрѣтать недвижимой собственности въ войсковой землѣ, и поэтому не можетъ быть и осѣдлаго купечества въ Черноморіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Общій характеръ Малороссіи	3
2. Черноземъ	13
3. Каменный уголь	20
4. Дѣтировскіе пороги	41
5. Жизнь въ степи	50
6. Донскія степи	56
7. Буранъ	63
8. Чабанъ	69
9. Среда саранчи	78
10. Южный берегъ Крыма	87
11. Виноградъ	94
12. Сельскій бытъ малоросса	107
13. Характеръ малоросса	111
14. Богата Кутя	119
15. Донскіе казаки	128
16. Пластуны	145
17. Казакъ-хуторанинъ	157
18. Тюменевка	165
19. Крымскіе татары въ XVI ст.	180
20. Крымскіе татары въ настоящее время	186
21. Молдаване	206
22. Наши Кентуки и Массачузетъ	226
23. Колонія Кичкасъ	233
24. Украинскія ярмарки	240
25. Чумаки	258
26. Кіевъ	260
27. Одесса	278
28. Бахчисарай	292
29. Чуфутъ-Кале	296
30. Екатеринодаръ	303

Цѣна полному сочиненію изъ пяти томовъ, 5 р.
Отдѣльно: первому тому 75 к., второму 1 р., третьему 75 к.,
четвертому 1 р., пятому и послѣднему 1 р. 50 к.
Каждый томъ продается отдѣльно.

Цѣна 1 р.

916
8-31